АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

Я 103
Т164

Действительные члены А.П.Н.
проф. Н.А. Константинов, проф. Е.Н. Медынский

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ РСФСР ЗА 30 ЛЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА-1948

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Очерки по истории советской школы в РСФСР за 30 лет» ставят своей задачей показать громадные достижения советской общеобразовательной (начальной, семилетней и средней) школы РСФСР к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции и проследить развитие этой школы с начала революции до октября 1947 г.

В изложении и анализе развития советской школы авторы стремились доказать основную мысль своего труда: история советской школы есть история грандиозных достижений советской школы, введения всеобщего обязательного обучения такими темпами, каких не знала и не могла знать ни одна страна в мире, осуществления ленинско-сталинской национальной политики, обеспечившей расцвет культуры нерусских народов Советского Союза. Это история принципиально иных, по сравнению с дореволюционной школой и школой капиталистических стран, организации, содержания и методов учебно-воспитательной работы школы.

Советская школа в своём развитии прошла путь победоносной борьбы. На этом пути были большие затруднения. Советская школа, следуя указаниям В. И. Ленина и И. В. Сталина и под их руководством, руководством партии большевиков, преодолела и успешно продолжает преодолевать все затруднения.

На этом пути были те или иные временные извращения, ошибки, которые были разоблачены Центральным Комитетом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и, по его указанию, изжиты советской школой. Авторы считали необходимым отметить извращения и ошибки, которые, препятствуя развитию школы на отдельных этапах, всё же не могли, конечно, остановить её огромного количественного и качественного роста.

При разработке истории советской школы в РСФСР авторы положили в основу труды Ленина и Сталина, постановления съездов и ЦК ВКП(б) и Советского правительства, использовали материалы съездов по народному образованию, архивные материалы, литературные источники и воспоминания учителей и деятелей по народному образованию. (В Институте теории и истории педагогики был организован в 1946—1947 гг. ряд вечеров воспоминаний. Выступления на этих вечерах стенографировались. Стенограммы хранятся в Научном архиве Академии педагогических наук РСФСР.)

Статистические сведения в основном взяты по статистическому сборнику «Культурное строительство в СССР» изд. 1940 г. и другим официальным статистическим изданиям.

В работе принимали участие сотрудники Института теории и истории педагогики: И. М. Богданов (статистические данные и диаграммы), М. С. Новиков (выписки из газет 1917—1925 гг.), Н. И. Попова (выписки из педагогических журналов), А. О. Тропилло (архивные материалы), А. Е. Бибик (подбор материалов о школе с 1930 по 1941 г. и некоторые более поздние данные), проф. К. Е. Бендриков (подбор архивных материалов Научного архива Академии педагогических наук РСФСР), А. Ф. Эфиров (материалы по истории нерусской школы), А. И. Казанский (материалы по истории школы в годы Великой Отечественной войны).

Предлагаемые вниманию читателей «Очерки» являются лишь началом работы по изучению истории советской школы, не претендуя на полное её освещение. Институт теории и истории педагогики Академии педагогических наук РСФСР уже приступил к созданию двухтомной истории педагогики и школы СССР, в разработке которой под руководством авторов этой книги принимает участие большой коллектив научных сотрудников Академии педагогичесих наук РСФСР.

Н. А. Константинов.
Е. Н. Медынский.

Москва, 1947 г.

Очерк I.

Первый год советской школы (1917-1918 г.).

1. Состояние школьного дела в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Первый год развития советской школы был годом революционной перестройки всей системы народного образования, острой борьбы с недостатками старой школы, большого творческого подъёма и революционных стремлений в строительстве новой школы. Для того чтобы оценить те огромные сдвиги, которые были сделаны в области школы в течение первого же года существования советской власти, и педагогические искания лучших советских педагогов того времени, надо дать краткий обзор того состояния, в котором находилась школа России накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Характеризуя убогое состояние народного образования в России незадолго до Октябрьской революции, а именно в 1913 году, В. И. Ленин в проекте речи, написанной для выступления в IV Государственной думе депутата-большевика по вопросу о смете министерства народного просвещения, писал: «...детей в школьном возрасте 22%, а учащихся 4,7%, то-есть *почти впятеро меньше!!* Это значит, что около *четырёх пятых* детей и подростков в России *лишено* народного образования!!»[1] Приведя эти расчёты, основанные на официальных статистических данных, Ленин делает вывод: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России... Четыре пятых молодого поколения осуждены на безграмотность крепостническим государственным устройством России»[2].

Возражая против обычного довода реакционеров — бедности России и невозможности будто бы поэтому тратить большие суммы на просвещение, Ленин говорил: «О да, Россия не только бедна, она — нищая, когда идёт речь о народном образовании, зато Россия очень «богата» расходами на крепостническое государство, помещиками управляемое, расходами на полицию, на

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 410.
[2] Там же.

войско, на аренды и десятитысячные жалования помещикам, дослужившимся до «высоких» чинов, на политику авантюр и грабежа... Россия *всегда* останется бедной и нищей в отношении расходов на просвещение народа, *пока* народ не просветится настолько, чтобы свергнуть с себя гнёт крепостников-помещиков» [1].

Ленин указывал на нищенскую оплату народных учителей, на тот сыск, которым окружило царское правительство народных учителей, на то, что народные учителя «загнаны как зайцы». Владимир Ильич заключает революционную критику политики царского самодержавия в области образования словами: «Не заслуживает ли это правительство того, чтобы народ его *выгнал*?», и указывает, что рабочие уже сумели доказать и докажут ещё больше «свою способность к революционной борьбе за настоящую свободу и за *настоящее,* не-кассовское и не-дворянское *народное* просвещение!» [2].

Действительно, на огромную территорию России с 180-миллионным населением к началу империалистической войны в 1914/15 учебном году приходилось всего 101 917 начальных и 1 654 неполных средних (имеются в виду высшие начальные училища и прогимназии) и 1 953 средних школы с общим числом учащихся, равным лишь 7 896 249 [3].

Сеть школ и число учащихся росли чрезвычайно медленно. Даже в годы наиболее интенсивного в царское время роста начальных школ (1911—1913 гг.) число учащихся в начальных школах всей России за 3 года выросло всего на 606 010 человек, а именно:

В 1911 г. было 6 629 978 учащихся в начальных школах[4]
В 1914 г. » 7 235 983 » » » » [5]

Огромные области, населённые народами Севера и Востока, отчасти, другие почти целиком были лишены школ. Процент грамотных среди этих народов (башкир, якутов, узбеков, таджиков, ненцев и др.) едва доходил до одного-двух процентов, спускаясь в отношении некоторых народов до десятых долей процента.

Школьная система была построена на принципах сословности, угнетения населявших Россию многочисленных народов, неравноправности полов. Каждое сословие имело специально для него предназначенные типы школ: дворянство — училище правоведения, пажеский корпус, кадетские корпуса, институты благородных девиц и гимназии (формально последние считались доступными для разных сословий, но фактически большинство учащихся в гимназиях были дворяне); духовенство — духовные семинарии, духовные училища, епархиальные училища; для купечества и вообще городской буржуазии предназначались реальные и коммерческие училища и торговые школы. Крестьяне, рабочие, ремесленники должны были довольствоваться начальными школами с 3—4-годичным курсом и, в лучшем случае, двухклассными начальными школами (с 5-годичным сроком обучения) или высшими начальными училищами.

Сложная, запутанная система школ делилась на 2 части: *система элементарного образования,* не дававшая выхода к среднему и высшему образованию для «низших» слоёв населения, и не связанная с ней, стоявшая обособленно, система *среднего и высшего образования* для привилегированных (дворянства, духовенства, буржуазии).

Великодержавная шовинистическая политика царского правительства, превратившая Россию в тюрьму народов, угнетала многочисленные, населявшие Россию народы в экономическом, политическом и культурном отношении. «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнёт для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве», — говорит товарищ Сталин [1].

По всей Средней Азии и на всём протяжении Кавказа вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции не было ни одного высшего учебного заведения. В очень немногочисленных средних школах этих краёв учились, за единичными исключениями, только дети русских чиновников, офицерства, духовенства и буржуазии. Так, например, в гимназии в г. Батуми — центре Аджарии — за 25 лет её существования училось всего 3 аджарца. В Башкирии в 1914 г. на 4 778 учащихся в средних школах башкир было всего 12, или 0,25%.

До последних дней царизма в отношении просвещения нерусских народов оставалась в силе установка, данная в 70-х годах XIX в. реакционным министром народного просвещения Д. А. Толстым: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом».

Грамотность народов Востока и Севера была крайне низка в результате политики самодержавия по отношению к нерусским народам. Так, по данным всероссийской переписи 1897 г. процент грамотности равнялся:

Таджики	3,9	Казахи	2,1
Узбеки	1,9	Якуты	0,7
Туркмены	0,6	Осетины	2,1
Киргизы	0,7		

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 412.
[2] Там же, стр. 416.
[3] «Культурное строительство СССР», стат. сборник Центр. управл. народнохозяйственного учёта Госплана СССР, 1940, стр. 37 (статистические данные за 1914 г., как и за следующие годы, кончая 1939 г., приведены по территории СССР в границах 1939 года).
[4] «Однодневная перепись начальных школ Российской империи», вып. XVI, стр. 2.
[5] «Народное образование в СССР по данным текущих обследований на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг.», стр. 13.

[1] Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей, 1937, стр. 61.

Ко времени падения царизма этот процент грамотности народов Востока и Севера России изменился очень мало. Для народов Востока существовало небольшое количество убогих миссионерских или русско-туземных школ. До какой степени безграмотности довело царское правительство нерусские народы, показывают следующие данные по Средней Азии за 1912 г.[1].

Области	Процент учащихся коренных национальностей к числу детей школьного возраста этих национальностей
Сыр-Дарьинская	2,0
Самаркандская	0,9
Ферганская	0,5

Для евреев существовала так называемая процентная норма, ограничивавшая число евреев, учащихся в средних и высших учебных заведениях: в столицах — тремя процентами по отношению ко всему числу учащихся в данном учебном заведении, в местностях вне черты еврейской оседлости (т. е. на всём протяжении России, кроме Западного и Юго-Западного края — Польши и Белоруссии) — пятью процентами и в черте еврейской оседлости — десятью процентами.

Женское образование искусственно задерживалось царским правительством. В университеты женщины не принимались, в высшие технические учебные заведения также. Средние женские учебные заведения (гимназии) по уровню знаний, объёму преподаваемых сведений стояли значительно ниже мужских. В результате искусственной задержки женского образования процент грамотности женщин сильно отставал от процента грамотности мужчин. По всероссийской переписи населения 1897 г. процент грамотных мужчин (в возрасте от 8 лет и выше) равнялся 33,7, а процент грамотных женщин того же возраста составлял лишь 11,7, т. е. грамотность женщин почти втрое была ниже грамотности мужчин. Среди народов Востока грамотных женщин почти не было (за ничтожными исключениями).

Характеризуя учебно-воспитательную работу старой школы, В. И. Ленин в речи на III съезде Комсомола говорил: «В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для неё пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы её покоя и безделья...

[1] Граменицкий, Народное образование в Сыр-Дарьинской обл., 1915.

Старая школа была школой учёбы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мёртвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников»[1].

Религия, монархизм, великорусский шовинизм, формальные знания, оторванные от жизни, и в самом лучшем случае описательно-эмпирические знания составляли содержание образования в школах царской России.

Сухой формализм, полусхоластическое преподавание без связи с жизнью, ставка преимущественно на механическую память, муштровка учеников, мелочной надзор за учащимися господствовали в методике обучения и в воспитательной работе.

Мы указали главнейшие недостатки школы дореволюционной России. Однако было бы неправильно видеть лишь эти недостатки и не отметить положительных сторон старой школы. Ленин указывал: «Говорят, что старая школа была школой учёбы, школой муштры, школой зубрёжки. Это верно, но всё-таки надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, надо уметь выбрать из неё то, что необходимо для коммунизма»[2]. Этими словами Ленин указал на диалектический подход к старой школе, учил правильно относиться к опыту старой школы, предостерегая от огульного её отрицания, характерного для распространённой в то время полуанархической мелкобуржуазной «теории свободного воспитания».

В школьной политике дореволюционной России боролись два направления, две тенденции: с одной стороны, отражавшее реакционную политику царизма и, с другой стороны, отражавшее политику прогрессивных течений; царское правительство и, в частности, министерство народного просвещения всячески тормозило развитие просвещения, подвергало репрессиям прогрессивных педагогов, сознательно культивировало неграмотность нерусских народов России, и, наоборот, прогрессивная педагогическая общественность русского народа и нерусских народов России (Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Пирогов, Ушинский, Л. Н. Толстой, Стоюнин, Водовозов, Острогорский, Лесгафт, Гогебашвили, Агаян, Насыри и др.) выдвинула много педагогических идей, нередко превосходивших западноевропейские педагогические теории; многие прогрессивные учителя стремились проводить эти идеи на практике, часто подвергаясь за это репрессиям со стороны царского правительства.

Положительными сторонами хороших школ дореволюционной России были чёткость, налаженность школьной жизни, приучение учеников к порядку и аккуратности, организация школьного года (твёрдые сроки начала и конца учебного года, его деление на четверти и пр.), классно-урочная система, предметное

[1] Ленин, Соч., т. XXX, стр. 405.
[2] Там же.

построение учебных программ, прочное запоминание учащимися грамматических правил и математических формул, приобретение навыков орфографически правильного письма, достаточная выработка стиля устной и письменной речи, удовлетворительное знание хронологии и географической карты.

Общеобразовательные школы дореволюционной России были очень разнотипными и находились в ведении различных ведомств. Так, в ведении только министерства народного просвещения было 13 типов начальных школ; имелось много начальных школ (38,3%) в ведении ведомства православного исповедания, часть школ в ведении ведомства учреждений имп. Марии, часть — в ведении министерства внутренних дел и т. д. Ещё более пёстрой была картина подведомственности средних школ: не было почти ни одного министерства, в ведении которого не находились бы средние школы.

2. *Задачи советской школы. Трудные условия, в которых происходила перестройка школы. Первые декреты советской власти в области школьного строительства.*

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила в области народного образования грандиозную, небывалую в истории человечества задачу: превратить школу из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества, пролетарского влияния на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся.

Советской школе была поставлена великая и почётная задача «воспитать поколение, способное окончательно установить коммунизм». Советская школа должна была стать органической частью нового общественного строя. В речи на III съезде Коммунистического союза молодёжи Ленин указывал, что «только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодёжи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества» [1].

Такая грандиозная задача, требовавшая полной перестройки школьной системы, содержания, организации и методики школьной работы, вполне естественно не могла быть разрешена полностью в течение нескольких лет, а тем более одного первого года революции. Она требовала длительного времени. Нужно было сломать старую школу, создать новую систему школы, наметить новое содержание образования, разработать новые учебные планы, программы, составить и издать новые учебники, перевоспитать старые кадры учительства и подготовить новые.

[1] Ленин, Соч., т. XXX, стр. 404.

Нужно было сильно увеличить сеть школ, охватить ими широкие массы трудящихся, построить и приспособить школьные помещения и перестроить методы учебно-воспитательной работы. Раньше всего, в первую очередь, надо было, следуя учению основоположников марксизма-ленинизма, разработать принципы учебно-воспитательной работы школы и устранить наиболее отрицательные черты старой школы.

В условиях напряжённой классовой борьбы, сложной политической обстановки и тяжёлого хозяйственного положения страны, когда приходилось решать много жгучих вопросов укрепления партии и молодого советского строя, В. И. Ленин находил время и энергию, чтобы уделять вопросам воспитания и школы много заботы и внимания.

По инициативе Ленина и под его руководством были выработаны первые декреты советской власти о школе, выяснены основные задачи коммунистического воспитания. Ленин выступал на всех всероссийских съездах по народному образованию в первые годы Октябрьской революции и, в частности, в первый же год революции на двух съездах: в июне 1918 г. на первом съезде учителей-интернационалистов и в августе того же года на первом съезде по просвещению.

Разоблачая сильно распространённое в то время, настойчиво навязываемое учительству буржуазными и мелкобуржуазными педагогами мнение об аполитичности школы, Ленин говорил на съезде по просвещению в августе 1918 г.: «...чем более культурно было буржуазное государство, тем более утончённо оно лгало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом.

На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, ...она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих» [1]. Во всех своих выступлениях Ленин указывал на тесную связь школы с политикой.

На том же съезде Ленин подчеркнул огромное значение науки, знаний для строительства коммунистического общества: «Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем» [2]. Владимир Ильич хорошо знал различные мнения педагогов, в том числе довольно распространённый среди сторонников новой школы неправильный взгляд, будто школа должна давать не столько определённую сумму систематических знаний, сколько «уменье приобретать знания». Ленин определил задачи

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 199.
[2] Там же.

новой педагогики — воспитать новое поколение всесторонне развитых людей с коммунистическим мировоззрением, владеющих основами наук, умеющих сочетать теорию с практикой социалистического строительства, людей коммунистической нравственности.

Ленин подчёркивал огромную роль учительства в строительстве советской школы. В речи на первом съезде учителей-интернационалистов он указывал: «Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительные задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения» [1].

Строительство советской школы началось с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции. На пути этого строительства стоял целый ряд препятствий и трудностей.

Вследствие трёхлетней империалистической войны хозяйство страны было разрушено. Создание нового государственного аппарата и перестройку школы пришлось вести в условиях бешеного сопротивления контрреволюции, саботажа буржуазной интеллигенции, непонимания значительной частью учителей задач коммунистической партии и советской власти, травли со стороны контрреволюционеров тех учителей, которые стремились помочь советской власти.

Верхушка всероссийского учительского союза заняла по отношению к коммунистической партии и Великой Октябрьской социалистической революции враждебную, контрреволюционную позицию и вела неистовую агитацию среди учительства, призывая учителей не подчиняться Советскому правительству и даже организовать учительскую забастовку.

Весь аппарат министерства народного просвещения отказался работать. Когда назначенный наркомом народного просвещения А. В. Луначарский прибыл в здание министерства для приёма дел, предупредив об этом аппарат, он нашёл там только группу низших служащих.

Образовавшийся в начале Февральской революции для разработки законопроектов по народному образованию Государственный комитет по народному образованию, в ответ на призыв Народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского сотрудничать с советской властью, встретил это обращение враждебно. Бюро этого комитета 10 ноября «признало необходимым приостановить свою деятельность и принять меры к получению руководящих указаний от комитета».

19 ноября состоялось экстренное собрание членов комитета, проживавших в Петрограде. За 9 дней бюро комитета вполне могло вызвать телеграммами членов комитета, проживавших вне Петрограда. Оно, однако, сознательно не сделало этого, не надеясь на поддержку своей контрреволюционной позиции со стороны проживавших в провинции членов комитета. Этот подобранный состав экстренного собрания вынес резолюцию, клеветавшую на большевиков и призывавшую комитет отказаться от всяких сношений с советской властью. Ввиду такого саботажа со стороны верхушки Государственного комитета по народному образованию, Совет Народных Комиссаров объявил 20 ноября о роспуске комитета, вследствие сопротивления его членов новой власти [1].

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 66.

Первые шаги строительства новой школы крайне затруднялись недостатком работающих на фронте народного образования партийных сил. Значительная часть этих сил была занята большой работой на других участках строительства политической жизни, организации вооружённых сил, хозяйства и культуры страны.

Часть педагогов, искренно желавших работать под руководством коммунистической партии, невольно переносила в новые условия буржуазные и мелкобуржуазные принципы, в частности довольно распространённую в 1911—1917 гг. мелкобуржуазную «теорию свободного воспитания».

В условиях царской России эта теория была протестом против муштры, зубрёжки, угнетения личности ребёнка, против формализма в обучении и бюрократизма в управлении школой. Однако, наряду с этим, она идеализировала «природу» ребёнка, отрицала использование положительных элементов опыта старой школы, проводила анархические установки в школьном деле: отрицание деления школы на классы, отрицание урока, отрицание программ и т. п. Сторонники этой теории не учли изменившихся условий общественной жизни и продолжали придерживаться характерных для «теории свободного воспитания» анархических установок и по отношению к только что возникшей советской школе.

Влияние этой анархической теории сильно сказалось на деятельности многих видных педагогов того времени и сотрудников Наркомпроса, вырабатывавших принципы строительства советской школы и занимавших ответственные посты в Отделе реформы школы в Наркомпросе.

Так, Шапиро в статье, прямо проповедовавшей разрушение школы («Через разрушение школы к строительству детской жизни»), писал: «Если бы все элементы школы: класс, парты, уроки, расписание, учитель, который задаёт, объясняет и спрашивает, и ученик, который усваивает предметы, если бы всё это было нарушено вконец и исчезло без остатка». На такой же точке зрения стояли также и другие видные сотрудники Наркомпроса того времени и руководители союза учителей-интернационалистов (Н. А. Полянский, В. М. Познер, В. Н. Шульгин и др.).

Неправильные установки объяснялись остротой борьбы, неразработанностью многих вопросов, недостаточным пониманием

[1] «Журнал Министерства народного просвещения», 1917, № 11—12.

и умением применить марксизм в практике строительства советской школы со стороны этих работников. Так, П. Н. Лепешинский, старый большевик, стоявший с января 1918 г. во главе отдела низшей школы, а позже отдела реформы школы, вспоминая свою деятельность в первые годы Великой Октябрьской революции, писал позже: «Откровенно признаюсь, что по новости дела совершенно не был ещё знаком с принципами трудовой школы, нашедшими себе место в мировой педагогической литературе за последние десятилетия. Такую же, пожалуй, terra incognita представляла из себя и педагогическая мысль остальных моих коллег» [1].

При этих условиях деятелям народного образования того времени ещё труднее было критически разобраться в буржуазных и мелкобуржуазных педагогических теориях и установить большую принципиальную разницу между трудовой школой советской и «трудовой» школой в трактовке «мировой педагогической литературы за последние десятилетия», т. е. в трактовке буржуазных и мелкобуржуазных педагогов эпохи империализма, тем более, что последние выступали с критикой старой школы и выступали якобы в роли школьных реформаторов.

На третий день после завоевания власти рабочим классом была организована Государственная комиссия по просвещению и Народным комиссаром назначен А. В. Луначарский. Декрет об учреждении комиссии был опубликован 12 ноября (по ст. стилю) [2].

В состав комиссии входили 29 членов: председатель — Народный комиссар, секретарь, 12 представителей от различных учреждений и организаций и 15 заведующих отделами Народного комиссариата по просвещению. Согласно декрету Государственная комиссия по просвещению создавалась как временный орган.

7 ноября Народный комиссар по просвещению, осуществляя указания партии, обратился к населению республики с воззванием, в котором выдвинул следующие основные положения перестройки народного образования:

1) борьба за осуществление в кратчайший срок всеобщей грамотности путём введения всеобщего обязательного бесплатного обучения;

2) подготовка педагогов для этого;

3) организация единой, безусловно светской школы;

4) высокий бюджет по народному образованию;

5) широкая организация культурно-просветительных мероприятий для взрослых;

6) децентрализация народного образования.

[1] П. Н. Лепешинский, На заре советского просвещения; реформа школы; по личным воспоминаниям. Журн. «На путях к новой школе», № 10, 1937.

[2] «Известия ЦИК», 1917, № 223.

«Самостоятельная работа самочинных классовых рабочих, солдатских, крестьянских культурно-просветительных организаций должна обладать полной автономией как по отношению к государственному центру, так и по отношению к центрам муниципальным. Дело Государственной комиссии — служить связью и помощницей, организовать источники материальной, идейной и моральной помощи» — говорилось в воззвании в разъяснение этого пункта;

7) привлечение педагогов к обсуждению всех мероприятий по народному просвещению.

«Государственная комиссия приветствует педагогов на арене светлого и почётного труда — хозяина страны», — говорилось в воззвании Народного комиссара. —«Ни одна мера в области народного просвещения не должна приниматься какой бы то ни было властью без внимательного взвешивания голоса представителей педагогического мира».

Относясь с таким вниманием к мнению педагогов, народный комиссар, однако, тут же твёрдо отвёл претензии некоторых кругов учительства на их исключительное право заведывания народным образованием. Такие тенденции некоторой части учительства являлись глубоко ошибочными в политическом отношении: прикрываясь якобы принципами демократизма, автономии школы и т. п., они представляли собой по существу мелкобуржуазную, анархо-синдикалистскую точку зрения. Воззвание поэтому подчёркивало, что решения отнюдь не могут приниматься исключительно корпорацией специалистов.

В связи с сильным вздорожанием жизни вследствие империалистической войны материальное положение учителей было в 1917 г. тяжёлым. Народные учителя тщетно требовали от Временного правительства повышения их заработной платы до 100 рублей в месяц. Буржуазные министры народного просвещения Временного правительства (Мануйлов, Ольденбург, Салазкин) в ответ на эти требования заявляли лишь, что они понимают материальные затруднения народных учителей, но ввиду войны приглашали их «запастись терпением».

Советское правительство с первых же дней Великой Октябрьской революции поставило вопрос об улучшении материального положения народных учителей. Эти заботы нашли своё выражение в воззвании Народного комиссара по просвещению к населению: «Первейшей задачей своей комиссия считает улучшение положения учителей и прежде всего самых обездоленных и едва ли не самых важных работников культурного дела — народных учителей начальных школ. Их справедливые требования должны быть удовлетворены немедленно и во что бы то ни стало. Пролетариат школ тщетно требовал повышения заработка до 100 рублей в месяц. Было бы позором держать дальше в нищете учителей огромного большинства российских детей».

Эти слова не остались только декларацией. Постановлением

Совнаркома от 3 января 1918 г. было отпущено 12 520 000 рублей для выдачи народным учителям за ноябрь и декабрь месяцы разницы между получаемым окладом и 100-рублёвой ставкой в месяц. Дальнейшее повышение зарплаты (с 1 января 1918 г.) шло уже в сметном порядке. Декретом Совнаркома от 26 июня 1918 г. с 1 марта этого года была установлена для учителей начальных школ месячная ставка в 300—500 рублей (в зависимости от района), а для учителей средних школ — в 400—600 рублей [1].

В воззвании 15 ноября 1917 г. «Ко всем учащим» [2] Народный комиссар по просвещению обращался к учителям с горячим призывом сотрудничать с рабочими и крестьянами. Одновременно было выпущено воззвание Народного комиссара по просвещению «К учащимся» с призывом сблизиться с рабочей массой.

Одним из первых мероприятий Советского правительства в области школы было полное отделение школы от церкви.

Постановлением Наркомпроса от 15 декабря 1917 г. церковно-приходские школы и другие учебные заведения духовного ведомства (духовные семинарии, духовные училища, епархиальные училища) были изъяты из ведения церкви, переданы в ведение Наркомпроса и преобразованы в общеобразовательные учебные заведения. Эта мера была проведена в жизнь при большом сопротивлении церковников.

21 января 1918 г. (по ст. ст.) был издан подписанный Лениным декрет Совнаркома *об отделении церкви от государства и школы от церкви*. Этот декрет со всей категоричностью и последовательностью указал необходимые мероприятия. Так, было запрещено преподавание религии и выполнение религиозных обрядов в школах. Вместе с тем декрет (в п. 3) указывал, что «каждый гражданин может исповедовать любую религию и не исповедовать никакой» и что «свободное выполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан советской республики» (п. 4).

17 февраля 1918 г. постановлением Совета Народных Комиссаров должности законоучителей в школах были упразднены.

Одновременно в январе 1918 г. была проведена реорганизация заведывания школьным делом на местах. Были упразднены учебные округа, во главе которых стояли царские сановники — попечители учебных округов, бюрократически управлявшие всеми учебными заведениями ведомства министерства народного просвещения (начиная с начальных школ и кончая университетами) на обширных территориях каждого учебного округа, включавшего в себя по нескольку губерний. 20 января 1918 г.

[1] Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию, вып. I, стр. 85—87.

[2] «Известия ЦИК», 1917, № 226.

было издано постановление об упразднении должностей директоров и инспекторов народных училищ, осуществлявших главным образом политический надзор над народной школой в духе царизма.

Всё управление начальными и средними школами на местах было передано Советам рабочих и крестьянских депутатов. 26 июня 1918 г. *издан декрет Совнаркома «Об организации дела народного образования»,* согласно которому общее руководство народным образованием в республике принадлежало Государственной комиссии по просвещению, а на местах организовывались губернские, уездные и волостные отделы народного образования при соответствующих Советах рабочих и крестьянских депутатов.

С целью привлечения к организации народного образования широких масс трудящихся были организованы советы по народному образованию как контрольно-совещательный орган при каждом отделе народного образования (п. 11 декрета от 26 июня 1918 г.), состоящие из представителей различных организаций трудящихся, из представителей учащих и учащихся и из сведущих лиц.

Так как на местах директорами средних учебных заведений и заведующими школами нередко ещё оставались ставленники царского правительства, а учителями иногда были люди, враждебно относившиеся к пролетарской революции, Государственная комиссия по просвещению, осуществлявшая принцип демократизма, опираясь на трудящиеся массы, приступила к *обновлению педагогического и административно-педагогического персонала.*

Постановлением от 27 февраля 1918 г. [1] было предложено произвести выборы учителей и административно-педагогического персонала. Выборы эти организовывались отделами народного образования, причём правом голоса при выборах пользовались члены советов по народному образованию.

Выше было указано, что школа в царской России строилась на принципе неравноправия женщин. Великая Октябрьская социалистическая революция выдвинула и последовательно проводила во всех областях жизни *полное равноправие мужчин и женщин.* Естественно поэтому, что этот принцип должен был найти своё выражение и в области школы, тем более, что женские учебные заведения в царской России по объёму образования стояли ниже соответствующих мужских.

Таким образом, по политическим соображениям (чёткое проведение принципа равноправия полов) на том этапе, в начале Октябрьской революции, необходимо было проведение *принципа совместного обучения,* хотя бы временно пришлось поступиться другими соображениями, например учётом особенностей возраст-

[1] Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию, вып. I, стр. 83.

ного развития мальчиков и девочек, различиями в физкультурной работе и в подготовке учащихся к практической жизни.

Совместное обучение на всех ступенях школы фактически стало осуществляться с первых же месяцев Октябрьской революции. Полностью же оно было реализовано, естественно, лишь с осени 1918 г., в новом 1918/19 учебном году, так как среди учебного года могли иметь место лишь единичные случаи приёма или перевода учащихся из школы в школу или слияния мужских и женских школ. В конце учебного года, 31 мая 1918 г., было издано постановление Наркомпроса о проведении совместного обучения во всех школах.

С большим удовлетворением был встречен учительством и учащимися декрет Совнаркома от 23 декабря 1917 года *«О введении нового правописания»*. Декрет устанавливал новое, действующее и в настоящее время правописание, которое было научно разработано Академией наук. Все попытки учёных и педагогов-практиков добиться введения нового правописания ещё в царской России и в период Февральской революции разбивались о косность царского и временного буржуазного правительств. Сложное, запутанное, крайне трудное старое правописание очень тормозило работу школы, особенно начальной, где до трёх четвертей времени, уделяемого на русский язык, тратилось на усвоение орфографии, в частности буквы «ять», вследствие чего уделялось мало внимания выразительному чтению, знакомству детей с произведениями художественной литературы и т. д. Несмотря на затрату большого количества времени на усвоение сложной, устаревшей орфографии, знания и навыки по правописанию у окончивших начальную земскую школу через 3—5 лет по окончании школы понижались, как показали специальные обследования 1911 г., на 86,7% [1]. Учительские массы оценили этот декрет Советского правительства как проявление большой заботы советской власти по отношению к работе школы.

Такая же большая забота была проявлена различными наркоматами (Наркомпросом, Наркомздравом, Наркомпродом) *по организации питания детей-школьников*.

В постановлении школьно-санитарного отдела Наркомпроса от 6 августа 1918 г. говорится [2]: «Ввиду того, что ребёнок не может пробыть в школе без горячей пищи более 3 часов, необходимо ввести во всех школах горячие завтраки. Практика тех школ, где уже был введён завтрак, показала, что эти меры способствуют не только поднятию физического благосостояния учащихся, но и улучшают результаты всего педагогического дела. Поэтому школьно-санитарный отдел Наркомпроса считает необходимым ввести во всех школах с начала текущего учебного года горячие завтраки».

[1] Материалы к 1-му Общеземскому съезду по народному образованию 1911 года. Анкета учащих земских школ.

[2] «Известия ВЦИК», 6 августа 1918 г., № 166.

Продовольственные органы выделяли школам для организации горячих завтраков необходимые продукты, исполкомы Советов рабочих и крестьянских депутатов отводили участки для организации школьных огородов и снабжали школы необходимыми семенами и инвентарём. Детям сверх того был назначен усиленный продовольственный паёк.

Эти заботы коммунистической партии и Советского правительства о питании детей в условиях, создавшихся в результате трёхлетней империалистической войны, продовольственных затруднений и хозяйственной разрухи имели огромное значение.

3. Съезды по народному образованию 1918 года. Положение и декларация о единой трудовой школе от 16 октября 1918 года.

Летом 1918 г. состоялись три съезда по народному образованию, сыгравших большую роль в объединении педагогических сил для революционной перестройки школы.

2—6 июня 1918 г. собрался первый съезд учителей-интернационалистов (т. е. революционно настроенных передовых учителей, стремившихся под руководством коммунистической партии и Советского правительства к созданию новой школы), мобилизовавший передовые слои учительства вокруг коммунистической партии. 5 июня на этом съезде выступил В. И. Ленин, указавший, что учительская армия должна стать армией социалистического просвещения, учительство должно слиться со всей борющейся массой трудящихся.

С докладом о принципах преобразования школы выступил на этом съезде заведующий отделом реформы школы П. Н. Лепешинский. По вопросу о школьной системе он выдвинул проект школы-девятилетки, состоящей из двух звеньев: 5-летняя школа I ступени и 4-летняя школа II ступени. Советская школа, по мнению докладчика, с которым согласился съезд, должна иметь характер производительной коммуны. Школу нужно «обратить в трудовую коммуну, основанную на самодеятельности, на производительном труде на общую пользу и приспособленную к местным условиям» [1].

Через месяц, 3—8 июля 1918 г., состоялся I всероссийский съезд учителей, сыгравший большую роль в объединении прогрессивных учителей вокруг коммунистической партии и советской власти и в разоблачении контрреволюционной роли Всероссийского учительского союза. Особенно яркой речью по этому вопросу было выступление председателя съезда В. П. Потёмкина.

В. П. Потёмкин в этой речи обвинял главарей контрреволюционного Всероссийского учительского союза в том, что они ор-

[1] «Сборник всероссийского союза учителей-интернационалистов», 1918, № 1.

ганизовали учительскую забастовку в Москве. Закрыв детям народной бедноты на несколько месяцев двери школы, говорил В. П. Потёмкин, они толкнули этих детей на улицу. «Они оплачивали бастующих учителей деньгами господ Рябушинских, и после этого, изображая из себя «демократов» и «защитников меньшей братии», они смеют говорить об аполитичности школы и называть большевиков и тех, кто идёт вместе с ними, «сеятелями смуты». «Они «против политики в школе...», но разве не выбрасывают они из своей среды товарищей, пожелавших работать в комиссариате? Об этом они благоразумно молчат. Но здесь присутствуют жертвы этой «аполитичности», которые могли бы много порассказать вам о «терпимости» ВУС'а. Профессионализм его — только личина. Ею обманывает он доверчивую учительскую массу. Но всему приходит конец, и учительство уже прозревает. Скоро оно целиком откажется от ВУС'а. Иначе и быть не может. В учительстве говорит голос крови, роднящей его с трудовыми массами, голос, зовущий к чёрной земле-матери, в старых морщинах которой — пот и слёзы народа... Нет возврата к прошлому, товарищи! И к ним, — указывает В. П. Потёмкин на представителей Всероссийского учительского союза, — вы уже не вернётесь» [1].

25—28 августа состоялся первый съезд по просвещению, подчеркнувший, что советская школа строится на принципах бесплатности, всеобщности, обязательности и на принципе единой школы. Школьная система на этом съезде была принята в том же виде, в каком она докладывалась на предыдущем съезде (I ступень — 5 лет, II ступень — 4 года). Этот съезд сыграл большую роль в деле укрепления связи Наркомпроса с местами, что в тот период значительного развития децентралистических тенденций было особенно важно.

Вопрос о принципах школьного строительства, о типе советской школы и школьной системы оживлённо обсуждался на многочисленных заседаниях Государственной комиссии по просвещению и особенно подробно в заседании 20 июля 1918 г.

По всем указанным выше вопросам в комиссии оживлённо дискуссировали две группы педагогов: петроградская во главе с А. В. Луначарским и московская, лидером которой был П. Н. Лепешинский. Проект советской школы, представленный петроградской группой, стремился сохранить школу, урок, учебные предметы, классы, домашние задания. Московский проект, доложенный П. Н. Лепешинским, был справедливо охарактеризован А. В. Луначарским как проект анархический. Критикуя этот проект, А. В. Луначарский в заседании комиссии 17 августа 1918 г. говорил: «Мы взаимно упрекаем друг друга: Москва нас в том, что мы слишком остаёмся верными духу школы как такой, а мы склонны их упрекать в том, что они забыли школу ради коммуны» [1].

[1] Протоколы I Всероссийского съезда учителей, созванного Народным комиссариатом просвещения 3 июля 1918 г., стр. 85.

Действительно, доклад П. Н. Лепешинского «О принципах трудовой единой школы», доложенный на заседании комиссии 20 июля 1918 г., предлагал организовать школы-коммуны, представляющие собой производительно-потребительские коллективы. Эти школы-коммуны, по мысли П. Н. Лепешинского, должны были работать круглый год, без свободных дней в течение недели, с неограниченным числом рабочих часов в день; деление на классы предлагалось уничтожить, программы признавались излишними.

Основные тезисы мелкобуржуазной «теории свободного воспитания», заимствованные позже «теорией отмирания школы» (труд как центр школьной работы, уничтожение классов, отрицание программ и предметной системы обучения, отрицание учебников, снижение роли учителя — в первом варианте московского проекта был даже пункт о том, что ученики выбирают учителей), — всё это высказывалось некоторыми ответственными работниками Наркомпроса в самом начале Октябрьской революции.

А. В. Луначарский сильно критиковал «загибы» московского проекта; Н. К. Крупская заняла промежуточную позицию: в общем склоняясь к московскому проекту, она отвергала ряд его положений, как крайних. В результате длительных страстных прений московский проект, как анархический, был отвергнут, и за основу принят петроградский, однако целый ряд положений московского проекта получил в комиссии большинство голосов.

На заседании комиссии 19 августа 1918 г. для выработки положения о единой трудовой школе была избрана комиссия в составе Луначарского, Крупской, Потёмкина, В. Менжинской, Л. Менжинской, Лепешинского, Лешенко, Познера. Представители московской группы (Лепешинский, Познер) остались в меньшинстве, но при голосовании отдельных статей положения о единой трудовой школе они сумели всё же провести ряд своих формулировок. Так, была значительным большинством голосов принята статья о запрещении домашних заданий, несмотря на протесты Л. Р. Менжинской и др. Большой натиск пришлось выдержать членам комиссии по вопросу о летних каникулах, но благодаря энергичному отпору со стороны А. В. Луначарского каникулы (летом с 1 июля по 1 сентября, зимой с 23 декабря по 7 января и весной с 1 по 14 апреля) были сохранены.

В результате длительной работы комиссии 16 октября 1918 г. были опубликованы два документа большого исторического значения (хотя и не свободные от значительных ошибок): *«Положение о единой трудовой школе РСФСР»* и *«Декларация о единой трудовой школе»*.

[1] Архивные материалы бывш. Государственного музея по народному образованию. Протоколы Государственной комиссии по просвещению.

Этими документами закреплялись уже проведённые в жизнь новые принципы строительства школы, определялись задачи, система и организация школы, устанавливались основы учебной и воспитательной работы советской школы.

Особенное внимание декларация заостряла на *демократизации* школы и перестройке её «в духе школы подлинно народной». С этой целью вводилась *бесплатность* школы на всех ступенях, указывалось на необходимость скорейшего *введения обязательного всеобщего обучения*. Школьная система предусматривала *девятилетнее обучение:* I ступень — 5 лет для детей от 8 до 13 лет и II ступень — 4 года для детей от 13 до 17 лет (ст. 2-я положения). Вводилось *совместное обучение* (ст. 5). *Преподавание вероучений* и *исполнение в школах обрядов культа запрещалось* (ст. 6).

Положение и декларация провозглашали далее принцип *соединения производительного труда с обучением и принцип политехнизации школы*. Указывалось на необходимость изучения промышленного и земледельческого труда *«в его современных машинных формах»*. Декларация подчёркивала, что «цель трудовой школы отнюдь не дрессировка для того или другого ремесла, а политехническое образование, дающее детям на практике знакомство с методами всех важнейших форм труда». Таким образом впервые делалась попытка осуществить на практике политехнизацию школы.

Однако в понимании трудового воспитания положение и декларация допустили ряд ошибок. Статья 12 положения неправильно ставила вопрос, говоря, что «основой школьной жизни является производительный труд». Декларация также указывала, что доминирующее место в школе должен занимать труд, которому рекомендовалось отводить до 10 часов в неделю (или 33% учебного времени). Неправильно было также увлечение многообразными видами ручного труда: столярным, плотничьим, слесарным и токарным делом, формовкой, ковкой, отливкой, плавлением и спаиванием металлов, работами по коже и т. д., а в деревне — всем разнообразием сельскохозяйственных работ.

В области содержания и методов школьной работы положение и декларация *выступали против формализма и схоластического обучения, требовали учёта и развития интересов учащихся, развития детского творчества,* инициативы и наблюдательности, *связи школы с жизнью*. По контрасту с мертвенностью и сухим формализмом дореволюционной школы эти ценные принципы звучали особенно сильно. Декларация рекомендовала школьные экскурсии, работу на школьном участке, организацию ученических кружков (общеобразовательных, драматических, хоровых и т. п.).

Однако, наряду с этими ценными чертами, в декларации и в положении имеется и ряд ошибочных. Статья 17-я положения отменяла задавание уроков на дом. В декларации ясно чувствуются большое увлечение рисованием, лепкой, драматизацией, экскурсиями, опытами и недооценка работы с книгами и учебником, письменных работ учащихся и т. п.

Неправильно также декларация пропагандировала слияние всех школьных предметов в начальной школе в какую-то «детскую энциклопедию», открывая путь к комплексному преподаванию.

Большое значение декларация придавала *физическому и эстетическому* воспитанию: гимнастике, играм, спорту, рисованию, пению, музыке, ритмике, лепке.

Совершенно по-новому звучали для школы те строки декларации и положения, которые говорили об учащихся и учителе. В противовес бюрократизму старой школы, мелочному надзору за каждым шагом учащихся, отсутствию уважения к ребёнку и унизительным наказаниям декларация устанавливала «прежде всего братское, любвеобильное, ровное отношение учащих и учащихся». Впервые в России вводилось школьное самоуправление. Однако и в этих вопросах под влиянием «теории свободного воспитания» были допущены некоторые ошибки. Так, например, в декларации говорилось, что «учителя должны быть старшими детьми, старшими братьями разновозрастной семьи».

Несмотря на отмеченные недостатки положение и декларация о единой трудовой школе, изданные 16 октября 1918 г., были замечательными для своего времени документами. Глубокая любовь к детям, уважение к личности ребёнка, гуманизм, демократизм, полная светскость школы, принцип единой школы, идея соединения производительного труда с обучением, активные методы школьной работы, требование хорошей постановки физического эстетического воспитания характерны для этих документов.

4. Советский учитель.

Вопрос об учителе был одним из важнейших вопросов строительства советской школы. Нужно было перевоспитать существующие учительские кадры, разъяснить им задачи и значение Октябрьской революции и советской школы, дать политическое просвещение и новую методическую подготовку, сорганизовать учительство в новый профессиональный союз вместо Всероссийского учительского союза (ВУС'а), который в лице своей руководящей верхушки встал с самого начала Великой Октябрьской социалистической революции на контрреволюционные позиции. Нужно было подготовить новую армию учителей для большого количества открываемых школ.

Верхушка Всероссийского учительского союза с первых же дней Октябрьской революции стала вести среди учительской массы бешеную агитацию против коммунистической партии и советской власти. К декабрю эта враждебная позиция Всероссий-

ского учительского союза настолько усилилась, что вызвала ряд писем в газеты со стороны революционно настроенных учителей о выходе их из союза. В качестве примера одного из таких писем приведём следующее [1]:

«Гражданин редактор, не откажите поместить в газете нижеследующее заявление: Мы, нижеподписавшиеся, протестуем против позиции, которую занял Всероссийский учительский союз, в такую решительную минуту определённо ставший на сторону врагов народа, в кадры саботажников и исключающий из своей среды за политические убеждения наиболее ценных работников — учителей. Мы протестуем, считаем для себя недопустимым оставаться в таком союзе и заявляем о своём выходе из него.

1) М. Попова, 2) Певзнер,
3) Работюшкова, 4) Ватагина».

Малый совет ВУС'а докладывал сессии Большого совета 28 декабря 1917 г., что он «счёл для себя вынужденным примкнуть к группам, вставшим против большевиков, и вошёл в комитет спасения родины и революции» (контрреволюционная организация, устраивавшая заговоры против советской власти). Собравшийся на сессию 28 декабря — 3 января Большой совет ВУС'а разослал местным учительским организациям инструкцию по борьбе с советской властью («проект тактических мер»). Среди мер борьбы указывались открытое неповиновение и непризнание советской власти, устная и письменная агитация против неё и учительская забастовка.

В Москве по указке Московского областного отдела ВУС'а забастовка началась 2 декабря 1917 г. и длилась до 11 марта 1918 года. В ответ на попытку прогрессивных учителей начать занятия руководители союза запугивали их, объявляли под бойкотом и т. п.

Однако с каждым месяцем всё бóльшие и бóльшие массы учителей убеждались в контрреволюционной роли верхушки ВУС'а и порывали связь с ВУС'ом. Так, даже находившиеся под большим давлением контрреволюционного руководства ВУС'а уездные организации этого союза Московской губернии целиком протестовали против позиции ВУС'а (например Бронницкая уездная организация, заявившая протест на I Всероссийском съезде учителей)[2]. По требованию московских учителей в конце февраля 1918 г. был организован референдум по вопросу о забастовке. Несмотря на запугивания со стороны руководства ВУС'а результаты референдума ясно показали, что забастовка была навязана массовому учительству главарями ВУС'а: из 1 305 голосовавших высказалось за ликвидацию забастовки 1 289 учителей.

[1] «Известия ЦИК», 14 декабря 1917 г., № 251.
[2] Протоколы I Всероссийского съезда учителей, 1918, стр. 92.

О травле, со стороны верхушки ВУС'а ставших на сторону Октябрьской революции учителей говорит извещение Народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского:

«До моего сведения дошло, что некоторые преподаватели средних учебных заведений позволяют себе совершенно недопустимую травлю по отношению к тем своим коллегам, которые стояли на стороне восставшего и победившего народа. В некоторых случаях они притягивают в эти недопустимые действия даже учащихся детей, создавая для учителей, стоящих на стороне народа, невыносимую атмосферу. Я предупреждаю, что такие действия не будут терпимы революционным правительством. Лица, которые окажутся впредь виновными в подобных поступках, будут указаны местным революционным властям, которые по расследовании дела и установлении их виновности, будут подвергать их аресту» [1].

Когда в Москве была объявлена учительская забастовка, Народный комиссар по просвещению обратился к учителям [2], убеждая их не становиться на пагубный путь забастовки: «Господ учителей, которые, несмотря на наш призыв, предпочтут продолжать роль политических матадоров, вместо роли воспитателей, мы вынуждены будем устранить от школьной деятельности навсегда. Я не знаю, каким количеством слёз, раскаяния сможет отдельный учитель смыть в глазах народа ту чёрную печать, которую он собственноручно ставит на свой лоб в декабре 1917 г., в час страшной борьбы народа с эксплоататорами, отказываясь учить детей и получая за это плату от эксплоататоров».

Действительно, московская буржуазия организовала фонд для оплаты бастующих учителей. Некоторые московские капиталисты, банкирские конторы и состоятельные родители вносили в этот фонд взносы для поддержки «платной забастовки».

Однако расчёты буржуазии провалились. Несмотря на оплату бастующих, запугивания и травлю учителей, желавших работать под руководством советской власти, учительские массы настояли на прекращении забастовки.

Коммунистическая партия и Наркомпрос вели среди учительства большую работу, разъясняя смысл и значение Октябрьской революции, вскрывая классовый характер врагов революции, всячески поддерживая революционную часть учительства.

В противовес ВУС'у уже в конце 1917 г. наиболее передовые слои учительства организовались в союз учителей-интернационалистов. Летом 1918 г. (2—6 июня) состоялся, как уже сказано выше, первый всероссийский съезд учителей-интернационалистов, на котором участвовало 150 делегатов от революционного учительства Москвы, Ленинграда и 19 губерний. К концу 1918 года

[1] «Известия ЦИК» от 9 ноября 1917 г., № 220.
[2] «Известия ЦИК» от 20 декабря 1917 г.

союз учителей-интернационалистов насчитывал уже 12 000 членов [1].

Теряя своих членов и своё влияние среди тех учителей, которые формально ещё не вышли из Всероссийского учительского союза, руководители последнего под напором учительских масс вынуждены были 21 марта 1918 года вынести постановление о прекращении борьбы с советской властью и её бойкота. Такое же постановление вынес 31 марта 1918 г. и союз деятелей средней школы. Однако в действительности верхушка ВУС'а не прекратила этой борьбы.

В. И. Ленин многократно выступал в этот период на съездах и давал директивы о мероприятиях по перевоспитанию учительства. Он указывал, что учительство было воспитано в условиях царской России в духе, враждебном пролетариату, поэтому его необходимо перевоспитать. На первом съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г. Ленин говорил: «Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительные задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения»[2].

Откликаясь на то доверие и те надежды, которые высказал В. И. Ленин, передовые учительские массы уже в июле 1918 г. устами своих 800 делегатов на учительском съезде-курсах в Москве 3—8 июля 1918 г. заклеймили контрреволюционную деятельность ВУС'а и призывали всех учителей «отшатнуться от этой организации и идти в ряды союза учителей-интернационалистов или же в новые профессиональные объединения, дабы рука об руку с органом народной воли и народной власти дружно и радостно строить светлое здание единой трудовой социалистической школы будущего» [3].

То перевоспитание учительства, о котором говорил В. И. Ленин, велось путём многочисленных курсов, съездов, конференций, учительских собраний и кружков. В Наркомпросе был создан с этой целью под руководством В. П. Потёмкина отдел съездов, развернувший огромную работу. По данным этого отдела только за 1918 г. было созвано по РСФСР 164 учительских съезда (в Москве и на местах) и 81 съезд работников отделов народного образования [4].

Отдел съездов имел 5 подотделов: 1) центральных съездов, 2) провинциальных съездов, 3) лекционный, 4) курсовой, 5) экскурсионный. 8 июня 1918 года был открыт Дом съездов, в котором имелось 13 аудиторий вместимостью от 50 до 300 человек каждая, общежитие для участников съездов и курсов на 350 человек, столовая с пропускной способностью на 1000 человек, кино, концертный зал.

[1] Сборник «Учитель и революция», стр. 175.

[2] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 66.

[3] Протоколы Всероссийского съезда учителей, созванного Народным комиссариатом по просвещению в Москве 3 июля 1918 г., стр. 93.

[4] «Народное просвещение», еженедельник Наркомпроса, 1919, № 30, стр. 1—23.

В Доме съездов, всегда переполненном учителями и другими работниками просвещения, приезжавшими со всей республики, работа кипела: происходили съезды, конференции, курсы, митинги, читались лекции, доклады, работали кружки и семинары учителей.

В результате усиленной агитационно-пропагандистской работы партии, Советского правительства и советской общественности, чуткого отношения их к учительству, забот партии и советской власти об учителе, школе и детях, учительство всё более и более переходило в ряды активных строителей социалистической школы.

При быстром росте числа школ и учащихся остро встал вопрос о подготовке новых учительских кадров. Вместо прежних учительских семинарий стали создаваться трёхгодичные педагогические курсы. Для окончивших среднюю школу созданы были одногодичные педагогические курсы. Стали создаваться высшие педагогические учебные заведения (институты народного образования).

Как уже упомянуто, декретом СНК от 3 января 1918 г. заработная плата народных учителей (получавших ранее лишь 50 р.) была повышена до 100 рублей в месяц с 1 ноября 1917 г. Второе повышение было сделано с 1 марта 1918 г. Зарплата учителей начальных школ была установлена в 300—500 р. в месяц, а учителей средней школы в 400—600 р., в зависимости от района. Кроме того, установлены четыре пятилетних прибавки по 50 рублей в месяц за каждое пятилетие работы. В связи с ростом дороговизны с 1 ноября 1918 г. учительский месячный оклад был повышен ещё раз до 600—850 рублей [1].

Кроме того, по декрету ВЦИК'а были установлены для учителей нормы жилых помещений, одинаковые с нормами для врачей и инженеров, предложено было выработать меры по улучшению положения престарелых педагогов и учителей, потерявших трудоспособность.

Всё бо́льшая часть учительства, оценив заботы коммунистической партии и правительства о школе, детях и учителе, всё теснее сплачивалась вокруг партии, стремилась осуществить указания В. И. Ленина о роли советского учителя. В каждой волости, во многих крупных школах создавался дружный, сплочённый кружок передовых учителей, который вёл упорную борьбу с учителями, враждебно настроенными к Октябрьской революции, стремился вести за собой «нейтральную», ещё не осознавшую задач Октябрьской революции массу учителей.

Своим энтузиазмом, своей самоотверженной работой эти учителя, воодушевлённые перспективами новой школы, которые от-

[1] Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию, вып. I, стр. 93.

крыла перед ними коммунистическая партия, передовые учителя, партийные и беспартийные большевики, выносили на своих плечах тяжесть перестройки школы. Они вносили новый дух в школу, новые методы преподавания (экскурсии, лабораторные работы), старались наладить работу ученических кружков и т. п. При отсутствии программ и новых учебников этим учителям приходилось вести огромную методическую работу. Кроме преподавательской работы в школе, эти учителя много сил и творчества отдавали политико-просветительной работе со взрослым населением, читая по вечерам лекции, выступая с докладами, с читкой газет и т. п.

Работе учительства сильно мешали мелкобуржуазные анархические выступления некоторых «левых» педагогов-теоретиков. Так, будущий автор антиленинской теории «отмирания школы» В. Н. Шульгин писал в 1918 г.: «Роль педагога, школьного работника в школьной коммуне сведётся к тому, чтобы организовать среду, в которой находится учащийся, чтобы он сам, без частых указаний школьного работника, мог найти для себя верный путь». В Государственной комиссии по просвещению представители московского течения провозглашали, что «все в школе, начиная с заведующего школой и кончая учеником младшего возраста, равнозначущи». Отзвуками этих неправильных установок явилась, как мы видели, неправильная трактовка роли учителя декларацией о единой трудовой школе 16 октября 1918 г. («учителя должны уметь быть старшими детьми»).

5. Учебно-воспитательная работа школы.

Великая социалистическая революция поставила перед школой огромную задачу — *дать принципиально иные по сравнению со старой школой содержание, организацию и методы школьного обучения и воспитательной работы.*

Первые шаги для осуществления этой задачи были сделаны уже в течение первого года существования советской школы. На основании декрета от 21 января 1918 г. об отделении школы от церкви преподавание религии в школах (которое в старой школе велось в обязательном порядке в течение всех лет обучения в начальной и средней школе и даже на первом курсе высших учебных заведений всех специальностей) было отменено.

Статья 8 этого декрета гласила: «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом».

Советская школа, таким образом, является первой в мире школой, где принцип отделения школы от церкви проведён полностью и последовательно. Этим советская школа принципиально отличается не только от дореволюционной школы России, где

осуществлялась тесная зависимость школы от церкви, но и от буржуазной школы стран, где декретировано отделение школы от церкви (США, Франция). В этих странах запрещение преподавания религии относится лишь к государственным и муниципальным школам, но наряду с этим 1) существует полное «законное» право преподавания религии в частных школах, к которым относятся также многочисленные школы, содержимые церковными организациями, 2) государство заботливо освобождает учащихся от школьных занятий один день в неделю (сверх воскресенья), чтобы дать учащимся возможность посещать уроки религии, организуемые религиозными обществами; 3) школьный день во многих штатах США начинается пением молитв, чтением отрывков из евангелия и т. п. и 4) элементы религии, хотя и не имеющие вероисповедного, конфессионального характера, проводятся в различных учебных предметах (во Франции, например, в курсе «гражданствоведения и морали», который передовые рабочие справедливо назвали «светским законом божиим»).

Собранные нами воспоминания учителей и архивные материалы отмечают: «отмена преподавания закона божия прошла безболезненно..., незаметно» и т. п. Таковы материалы по Москве и Московской, Новгородской [1], Тамбовской [2], Ярославской и др. губерниям [3].

В некоторых местностях под влиянием агитации священников и кулаков крестьянское население подавало ходатайства о продолжении преподавания закона божия в школе, но после разъяснения ходатайства эти брались обратно. Так, в одном из отчётов инспектора по Сердобскому уезду Саратовской губернии мы читаем: «Было несколько попыток со стороны сельских обществ возбуждать ходатайства перед уездным отделом народного образования об оставлении в школе икон и закона божия, но сами же уполномоченные обществ, когда им объясняли истинное значение религии в закрепощении народа, отказывались от своих ходатайств и заявляли, что такое ходатайство народ возбуждает по темноте» [4].

В некоторых местностях, где родители были настроены против отделения школы от церкви, эту меру проводили постепенно, с большим тактом. Так, в Костроме с «января 1918 г. обучение закону божию было объявлено необязательным для школы и законоучителям прекращена выдача жалованья за счёт города.

---

[1] Воспоминания бывш. учителя 109-й школы г. Москвы А. С. Боднарского и учительницы 562-й школы г. Москвы М. Г. Смирновой, бывш. учительницы начальной школы Валдайского уезда О. П. Фатькиной, записанные ими в беседе с автором настоящей работы в Московском доме учителя 19 мая 1937 г.

[2] Центр. гос. архив Октябрьской революции (ЦГАОР), фонд 1575, опись 4, дело 164, лист 128.

[3] ЦГАОР, фонд 1575, оп. 4, дело 266, лист 195.

[4] ЦГАОР, фонд 1575, оп. 4, дело 269.

В некоторых школах преподавание закона божия продолжалось за счёт родителей. С начала 1918/19 учебного года преподавание вероучения в стенах школы за чей бы то ни было счёт было объявлено недопустимым и принцип светской школы был осуществлён полностью» [1].

В конце 1917/18 учебного года Постановлением Наркомпроса (от 31 мая 1918 г.) отменено обязательное преподавание латинского языка.

Выработка новых учебных планов и программ требовала, естественно, некоторого времени. К тому же работа тормозилась неправильными мелкобуржуазными установками некоторых ответственных сотрудников Наркомпроса (Н. А. Полянского, Шапиро, Шульгина и др.), отрицавших необходимость разработанных в центре программ.

Неправильно ориентировала школу в отношении содержания учебной работы и декларация о единой трудовой школе 16 октября 1918 г., говоря о какой-то детской «энциклопедии» (этим делался первый шаг к комплексному преподаванию). Та же декларация неправильно указывала, что «основой школьной жизни должен служить производительный труд».

Учительство, однако, настойчиво требовало руководящих указаний по содержанию школьного обучения, настаивало на разработке Наркомпросом программ. Необходимо, однако, учесть, что разработка новых учебных планов, а тем более составление новых программ и учебников требовали значительного времени и были сопряжены с большими трудностями, в особенности в тот период, когда многие конкретные вопросы педагогики ещё не были разработаны. В Наркомпросе велась уже в 1918 г. программно-методическая работа. К концу этого года были разработаны программно-методические материалы почти по всем предметам. Материалы эти рассылались на места в литографированном виде по мере разработки того или иного документа.

На местах отделы народного образования, отдельные школы, наиболее передовые учителя разрабатывали учебные планы и программы (особенно по истории, родиноведению, эстетическому воспитанию). Работа шла с большим подъёмом. Это программно-методическое творчество будило мысль учителей, заставляло их лучше знакомиться с педагогической литературой, возбуждало страстные споры по педагогическим вопросам. Так, бывшая учительница школы II ступени в г. Богородске (Московской губ.) [2] М. Г. Смирнова вспоминает [3]: «Учебный план и программы вырабатывали сами. Работали с большим увлечением; при выработке учебных планов и программ приходилось изучать опыт школы разных стран, пользоваться справками по истории педагогики. Это было время большого творческого подъёма».

Школа переживала период исканий. При отсутствии учебных планов и программ, разработанных в Наркомпросе, указанная выше большая программно-методическая работа проводилась децентрализованно, что приводило в разных губерниях и уездах к разным учебным планам и программам. Однако, используя опыт друг друга, разные уезды проводили эту работу в одном направлении. Общая линия (при некоторых вариантах) всё же вырисовывалась.

Приведём в качестве примера одну из дальних школ — Михайловскую школу Осинского уезда Пермской губернии. До революции это была двухклассная школа с 5-годичным сроком обучения. Она была преобразована в школу I ступени с 5-годичным курсом. В школе было около 150 учащихся и 5 учителей.

Обучение в этой школе в 1917/18 учебном году сложилось так: в первых трёх классах преподавались: русский язык (чтение и письмо), арифметика, пение и рисование, причём каждый учитель вёл все предметы своего класса (у каждого учителя был свой класс). С третьего класса начались занятия гимнастикой. В четвёртом и пятом классах преподавались русский язык и литература, арифметика, родиноведение, природоведение, география, история, черчение с элементами геометрии, гимнастика, пение. В пятом классе, кроме того, — история революционного движения. Два учителя, преподававшие в четвёртом и пятом классах, специализировались по отдельным циклам учебных предметов (один вёл гуманитарные, другой математические и природоведческие предметы).

Прежняя программа была оставлена только по арифметике. По остальным предметам программы были или переработаны, или составлены новые. Дети обучались по старым учебникам, из которых по инструкции Осинского уездного отдела народного образования были вырезаны отдельные разделы или страницы (например религиозного содержания или исторического, изложенного в духе царизма).

Из дореволюционных учебников старались выбирать лучшие. Так, были в употреблении следующие учебники: по русскому языку пользовались книгами для классного чтения: «Вешние всходы» Тихомирова, «Мир в рассказах для детей» Вахтерова; по географии — учебниками Иванова и Чефранова; по истории, отбросив старые учебники, пользовались книгой Звягинцева и Бернашевского «Века и труд людей».

В рекомендательный список учебников для начальных школ г. Костромы в 1917/18 учебном году входили следующие учебники: буквари Вахтерова, Флёрова, Соловьёвой и Тихеевой, Фортунатовой и Шлегер; книги для чтения: Вахтерова — «Мир в рассказах для детей», Горбунова-Посадова — «Ясная звёздочка»,

[1] «Год советской работы по народному образованию в г. Костроме (1917—1919 гг.)», отчёт горОНО (рукопись), стр. 15.

[2] Ныне г. Ногинск.

[3] Запись беседы, проведённой автором этой работы в Московском доме учителя 19 мая 1937 г. с учительницей 562-й школы г. Москвы М. Г. Смирновой.

«Красное солнышко», «Золотые колосья», Флёрова—«Ясное утро» и др.; задачники по арифметике: Арженникова, Гатлиха, Волковского («Детский мир в числах»), Звягинцева и Бернашевского («Живой счёт»), Зенченко и Эменова («Жизнь и знание в числах») и др.; учебники по географии и естествознанию: Берёзин — «Начальная география», Меч — «Первые уроки географии», Нечаев — «Тетради для самостоятельных работ по географии», Вагнер — «Начальный курс природоведения», Капелькин — «Краткий учебник природоведения», Полянский — «О трёх царствах природы» и некоторые другие. По истории рекомендовались учебники Звягинцева и Бернашевского «Века и труд людей», «Века и люди», Сивкова «Краткий учебник русской истории», Тулупова и Шестакова «Очерки и рассказы для первоначального знакомства с историей» и др. [1].

Эти же учебники большей частью применялись также и в школах других местностей. При вполне понятном отсутствии новых, советских учебников в течение первого года работы советской школы использовались лучшие из учебников дореволюционного времени, менее других страдавшие формализмом, пытавшиеся связать школу с жизнью, и т. д. Наряду с этим для учителей (поскольку многое им приходилось делать не по учебнику, а путём рассказа) рекомендовались списки лучших книг. Так, по истории для учащих рекомендовались: Жариков и Никольский — «Былое вокруг нас» — книга, стимулирующая развитие исторических экскурсий и историко-краеведческую работу; Звягинцев — «История в народной школе»; Ключевский — «Курс лекций по русской истории»; Коваленский — «Хрестоматия по русской истории»; Уланов — «Опыт методики истории в начальной школе» и др. Как видим, рекомендовались книги прогрессивных авторов и представителей новых методических течений.

Государственная комиссия по просвещению уже летом 1918 г. поставила вопрос о создании новых учебников, для чего был объявлен конкурс [2].

Наиболее частыми методами учебной работы были: рассказ учителя, беседа, работа учащихся с книгой, письменные работы; новым было значительное количество экскурсий по природоведению и родиноведению. Были введены фенологические и метеорологические наблюдения. Широко применялся принцип наглядности. Большое место уделялось иллюстративности.

Характерной особенностью работы советской школы была широко поставленная культурно-просветительная работа со взрослым населением; не проходило ни одного вечера без собраний в школе или лекций, докладов, концертов, читок газет и т. п.

[1] «Год советской работы по народному образованию в г. Костроме 1917/18 г.». Отчёт горОНО (рукопись), стр. 241—244.

[2] Научный архив Академии педагогических наук РСФСР. Протоколы заседаний Государственной комиссии по просвещению.

С 1918 г. стал широко применяться сельскохозяйственный труд на школьных участках. Он применялся не только в целях трудового воспитания, но и для расширения знаний по природоведению и для укрепления продовольственного положения школы (продукция школьных огородов использовалась для питания учащихся). В Костроме уже летом 1918 г. значительная часть городских школьников работала на общешкольном огороде, размером в 4 десятины, под руководством агрономов. Продукция этого огорода была распределена между школами и обеспечила школьные столовые на несколько месяцев следующего учебного года [1].

Большое место в работе советских школ заняли производственные экскурсии на предприятия. Во многих школах трудовое воспитание было неправильно понято как самообслуживание. Эту неверную установку дали некоторые сотрудники Наркомпроса. Так, в докладе «О принципах единой трудовой школы» в Государственной комиссии по просвещению 20 июля 1918 г. был провозглашён принцип самообслуживания как один из важнейших принципов советской трудовой школы. Надо учесть также, что самообслуживание применялось и по материально-хозяйственным условиям того времени, и отчасти вследствие недопонимания многими учителями политехнизма и сравнительно более лёгкой осуществимости в любой школе детского труда в форме самообслуживания.

Против этого принципа самообслуживания как основы трудового воспитания выступила на заседании Государственной комиссии по просвещению 20 июля 1918 г. Н. К. Крупска , говоря: «То, что дети будут мести комнаты, не есть ещё трудовая школа. Нужно создать производительный труд, который не отрывал бы от жизни» [2]. С ярким протестом против самообслуживания выступила заведующая школьно-санитарным отделом Наркомпроса врач В. М. Бонч-Бруевич (Величкина), говоря: «Если дети будут обслуживать нужды своей школы, приводить её в санитарный вид да ещё заниматься производительным трудом, то им нехватит времени на исследование жизни. После работы дети не могут даже читать. Им нужен отдых» [3]. Отрицательно относился к самообслуживанию и Нарком просвещения А. В. Луначарский.

Многие школы уже в первый год своего существования стали оборудовать школьные мастерские. Постановка ручного труда в них, однако, была ремесленная. Права была поэтому Н. К. Крупская, заявившая при обсуждении доклада т. Лепешинского в комиссии по просвещению 20 июля 1918 г.: «Трудовая школа — не школа ремесленная старого типа, ...введение ремесла

[1] «Первый год советской работы по народному образованию в г. Костроме» стр. 370—380.

[2] Архив бывш. Гос. музея по народному образованию, стенограмма заседания Государственной комиссии по просвещению 20 июля 1918 г., стр. 23.

[3] Там же, стр. 21.

в школу является нежелательным»; при этом Н. К. Крупская указывала, что ручной труд в школе, имеющий характер ремесла, для развития ребёнка ничего не даёт.

Педагогический коллектив Вятской школы II ступени (впоследствии им. Красина), состоявший из очень квалифицированных, прогрессивных педагогов, видел сущность трудовой школы не столько в «трудовых процессах» (хотя применялись и они), сколько во всей направленности школьной жизни: «педагогический коллектив считал необходимым, чтобы учащиеся через всю жизнь школы, путём всей её образовательно-воспитательной работы восприняли, в корне впитали в себя это новое содержание жизни, это новое понимание человеческих трудовых отношений. Неправильно в данном случае говорили о труде как о методе, о трудовых процессах и пр. Нет, по нашему убеждению, трудовая школа должна была прежде всего воспитать сознание учащихся в правильной оценке роли труда в жизни человека. Трудовая деятельность должна была восприниматься как основной фактор развития жизни человека» [1].

В области организации и методов учебной работы уже в первый год существования советской школы было достигнуто многое: была уничтожена та мертвенность, тот формализм, который был характерной особенностью старой школы; учащимся была предоставлена свобода собраний, организовались кружки (литературный, природоведческий, драматический, хоровой и др.), спектакли, концерты, появились школьные журналы и газеты.

Урок был господствующей формой организации учебных занятий, но он сильно отличался от урока прежней школы разнообразием методов учебной работы, большей активностью учащихся, большим интересом учащихся к занятиям, стремлением учителей сочетать коллективную работу всех учащихся класса с групповой и индивидуальной работой. Учителя стремились связать учебный материал с жизнью.

Собранные нами воспоминания учителей того времени ярко говорят, как ожила школа. В старших классах школы II ступени стали применяться школьные лекции, в младших большое место занимали рассказ учителя, беседы с детьми. Бывший учитель истории и географии школы II ступени в г. Троицке (Челябинской обл.) Р. И. Филиппович, вспоминая первый год советской школы, говорит: «Методами преподавания в старших классах была лекция, в младших — живая беседа или простой краткий рассказ».

Очень широкое применение, наряду с экскурсиями, получили приёмы *иллюстративного обучения* (черчение, рисование, лепка, моделирование, коллекционирование, драматизация). Эти приёмы

[1] Е. Н. Манохина-Чунихина, Страницы из истории русской школы, стр. 228. Рукопись-монография о Вятской школе II ст. им. Красина (из материалов Научно-исслед. института теории и истории педагогики АПН РСФСР).

особенно рекомендовались декларацией о единой трудовой школе и были известны передовым учителям из педагогической литературы уже раньше. В декларации говорилось: «Ребёнок должен учиться всем предметам гуляя, коллекционируя, рисуя, фотографируя, моделируя, лепя, склеивая из картона, наблюдая растения и животных, растя их и ухаживая за ними. Язык, математика, история, география, физика и химия, ботаника и зоология — все предметы преподавания не только допускают творческий, активный метод преподавания, но и требуют его» [1].

Декларация не упоминает о работе с книгой, о письменных работах; это не значит, однако, что она отрицает эти методы, но эти методы широко применялись и в дореволюционной школе, декларация же отмечает то новое, что в тот период считали необходимым внести в методику школьных занятий с целью оживления последних, повышения интереса учащихся и развития их творчества.

Инспектор Наркомпроса, характеризуя обследованные им в 1918 г. школы Вологодской губернии, пишет, что школы эти «переживали эпоху повсеместного почти применения иллюстративного метода» [2]. В Моршанском уезде Тамбовской губ. около половины всех школ применяли в 1918 г. иллюстративные методы обучения [3]. Такая же картина наблюдалась и в школах других губерний.

Стремление развить наблюдательность учащихся и их уменье самостоятельно работать привело к значительному развитию *лабораторных занятий* по естествознанию, физике и химии. Среди некоторой части педагогов наблюдались, в погоне за новизной, извращения: недооценка книги, рассказа учителя, письменных упражнений и, наоборот, чрезмерное увлечение иллюстративным методом, экскурсиями, лабораторными занятиями, попытки провозгласить как единственно правильный какой-то «трудовой метод», при котором книге отводилась второстепенная роль, а главное место уделялось экскурсиям, работе в мастерских и т. п.

В первый год существования советской школы в области методики школьных занятий были достигнуты в общем большие успехи. Целый ряд новых методов, бывших ранее достоянием только единичных передовых школ, стал широко применяться в массовых школах. Учащиеся как бы ожили. Отчёты инспекторов и воспоминания учителей часто отмечают повышение интереса учащихся, усиление их активности. Так, бывшая учительница Богородской (Московской губ.) школы II ступени тов. Смирнова, характеризуя описываемый нами период, говорит: «Ребята ра-

[1] Сборник декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию, вып. I, стр. 176.

[2] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), фонд 1575, оп. 4, дело 273, лист 8.

[3] «Положение учебного дела в Моршанском уезде», «Вестник просвещения», Тамбов, 1919 г., № 4.

ботали с огромным увлечением»; об увлечении детей созданием школьных кабинетов говорит И. Челюскин, рисуя первый год 27-й школы Петроградского района г. Петрограда (бывш. Крестовская школа) [1]. Тот же творческий порыв молодёжи отмечает А. В. Луначарский, говоря о работе первой опытной трудовой школы-коммуны в г. Костроме: «Мальчики и девочки охвачены замечательным энтузиазмом; вместе с тем они отдают себе полный отчёт в трудностях взятой на себя задачи» [2].

Коллектив Вятской школы II ступени характеризует первый год советской школы такими словами: «Первый год был скорее порывом к решению поставленных вопросов, чем само их решение. Это было лихорадочное стремление начать новую работу, новую жизнь. Стремление, может быть, не имеющее твёрдых основ для своего существования, но захватывающее, искреннее. Казалось, что некогда останавливаться, теоретически работать, до конца продумывать, а нужно постоянно действовать. Бороться со старым, с тем, что тормозило, хватаясь за прошлое, и создавать новое. Это, может быть, не было ещё настоящее строительство, а скорее была реакция против тяжёлого, давившего прошлого» [3].

Вопрос об *учёте знаний учащихся* в первый год существования советской школы не нашёл ещё достаточно целесообразного разрешения ни в теории, ни в практике. Прежние способы учёта вследствие их формализма встречали отрицательное отношение, новые ещё не были найдены. На практике применялись устный спрос, проверка письменных работ, сохранились до лета 1918 г. переводные и выпускные экзамены, сохранилась (хотя далеко не везде) пятибалльная оценка знаний, но достаточной чёткости, необходимого строгого подхода к оценке знаний не было, часто допускался либерализм.

Этому в значительной степени способствовала неправильная позиция в вопросе об учёте некоторых ответственных работников Наркомпроса. В своей борьбе против отрицательных черт старой школы они перегнули палку, стали полностью отрицать экзамены, предлагали заменить балльную систему развёрнутой характеристикой работы учащихся в течение года. Каких бы то ни было инструкций и освещения вопроса в печати не было, и в сознании большинства учителей оставалось лишь негативное отношение к старым формам учёта.

31 мая 1918 г. Наркомпросом было издано постановление, отменявшее балльную систему оценки знаний и поведения учащихся, переводные и выпускные экзамены. Положение о единой

[1] «Опыт года школьной работы». Журн. «Народное просвещение», 1920, № 62—64.

[2] А. Луначарский, Народное образование в Костроме. Журн. «Народное просвещение», 1919, № 39—41, стр. 5.

[3] Е. Н. Манохина-Чунихина, Страницы из истории русской школы (рукопись).

трудовой школе 16 октября 1918 г. (ст. 19) также отменяло экзамены («Все экзамены — вступительные, переводные и выпускные — отменяются»). Отменив балльную оценку знаний учащихся, Наркомпрос в своём постановлении 31 мая 1918 г. (ст. 2) указал, что перевод из класса в класс и выпуск учащихся из школы производится «на основании успехов учащихся по отзывам педагогического совета об исполнении учебной работы».

Наиболее употребительными формами учёта были оценки учителями лабораторных работ по физике, химии, естествознанию, проверка решений задач по математике, оценка рефератов по литературе, истории, географии и письменных упражнений в младших классах. Но после издания положения о единой трудовой школе 16 октября 1918 г., статья 17 которого запрещала домашние задания, и эта форма учёта была ослаблена.

В области *воспитательной работы* в течение первого года существования советской школы было заострено внимание на развитии коллективизма, на воспитании интернационализма, на безрелигиозном, трудовом, эстетическом и физическом воспитании.

Большое место уделялось воспитанию коллективизма. О воспитании новых людей социалистического общества, сильных своей сплочённостью, преданных общему делу, говорил В. И. Ленин в ряде своих выступлений. Задача воспитания коллективизма подчёркивалась в многочисленных выступлениях А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, П. Н. Лепешинского и др., о нём много говорится в декларации о единой трудовой школе 16 октября 1918 г.: «Школа должна стараться устранить из детских душ, елико возможно, те черты эгоизма, которые унаследованы человеком от былого, и, приготовляя его к грядущему, стараться уже со школьной скамьи спаять прочные коллективы и развить в высшей мере способность к общим переживаниям и к солидарности», — говорит декларация, указывая на необходимость воспитывать детей для служения обществу.

Это воспитание коллективизма в практике советской школы того времени достигалось многообразными способами. Сюда, прежде всего, надо отнести общую направленность всего обучения (особенно истории и литературы). В школах уже в первые месяцы революции стало вводиться самоуправление учащихся, которому декларация о единой трудовой школе придавала очень большое значение. Воспитанию коллективизма служили также многочисленные кружки учащихся. Наибольшее распространение получили кружки: литературный, естествоведческий, драматический, музыки и пения, изобразительных искусств. Кое-где сорганизовались кружки: исторический, географический, математический. Сильно способствовали воспитанию коллективизма школьные огороды, совместная работа учащихся и учителей по оборудованию кабинетов и лабораторий.

Несмотря на ошибки ответственных работников Наркомпроса в вопросе о *трудовом воспитании* (принцип самообслуживания,

ремесленничество, переоценка ручного труда), советская школа уже в первый год своего существования сделала многое в области трудового воспитания. На школьных огородах коллективный труд развивал уменье работать и трудовую дисциплину, знакомил детей на практике с сельским хозяйством и обеспечивал в то же время школу продуктами питания. Даже такие формы труда, как заготовка дров для отопления школы, воспитывали у детей активность, уменье своими силами преодолеть те затруднения, которые ставит жизнь, чувство ответственности, дисциплины и уверенность в своих силах. На эту сторону трудового воспитания особенно обращали внимание декларация и положение о единой трудовой школе 16 октября 1918 г.: «Трудовое начало станет мощным педагогическим средством в том случае, если труд в школе будет творчески радостным, свободным от приёмов насилия над личностью учащегося и при всём этом планомерно и социально организованным» (ст. 12 «Положения о единой трудовой школе»).

Рассматривая выше вопрос о содержании обучения, мы уже говорили об устранении религии из школы. Хотя Великая Октябрьская социалистическая революция ярко вскрыла эксплоататорскую роль религии, однако значительная часть населения, особенно крестьянского, воспитанная с детства в религиозных предрассудках и традициях, лишь постепенно освобождались от них. При таких условиях всякая слишком острая постановка вопроса об отношении к религии могла затруднить основную задачу — укрепление союза рабочего класса с трудовыми массами крестьянства. Коммунистическая партия и советская власть твёрдо и последовательно провели отделение школы от церкви, устранили религиозное обучение и выполнение религиозных обрядов из школы, выкорчёвывали из школьных учебников те элементы религиозного воспитания, которыми были проникнуты многие разделы и страницы этих учебников, и противопоставили в школьном преподавании религиозному толкованию явлений жизни *научное освещение явлений природы и общественной жизни*. Это научное объяснение было на рассматриваемом этапе жизни советской школы главным средством безрелигиозного воспитания. Но уже в это время многие школы стали переходить к антирелигиозному воспитанию, разъясняя происхождение христианских праздников, вскрывая церковные обманы (например мощи, чудотворные иконы и пр.), выясняя на уроках и путём внеклассной и внешкольной работы, как религия служила эксплоататорам.

Советская школа уже с самого начала своего существования стала проводить *интернациональное воспитание*.

Этот интернационализм был ярко подчёркнут уже в названии того учительского союза, который создался в противовес Всероссийскому учительскому союзу в первые же месяцы Октябрьской революции, — союз учителей-интернационалистов. На первом съезде этого союза в июне 1918 г. говорилось: «Школа должна

быть проникнута интернационалистической культурой. В этом последнем смысле учителя нашего союза и называют себя интернационалистами» [1].

Выступая на заседании Государственной комиссии по просвещению 20 июля 1918 г., П. Н. Лепешинский в докладе «О принципах единой трудовой школы» говорил: «Идея братства народов, общечеловеческой солидарности в борьбе с природой, идея социально организованного человеческого труда — вот что должно лечь в основу нового воспитания, интернационального, а не национального» [2].

Интернациональным воспитанием были проникнуты уроки истории и литературы, доклады о текущем моменте, читки газет, беседы о революционном движении в других странах, об империалистической войне, о том угнетении, в котором находились нерусские народы в царской России. Эту идею интернационального воспитания приходилось осуществлять, преодолевая довольно сильные националистические тенденции значительной части учителей, воспитанных с детства в шовинистическом духе и агитируемых реакционной верхушкой Всероссийского учительского союза. На VII съезде этого союза в 1918 г., например, был сделан доклад «О национальном воспитании», выдержанный в шовинистическом духе.

По вопросу о *дисциплине* В. И. Ленин уже в начале Октябрьской революции указал на необходимость самых энергичных мер по улучшению дисциплины трудящихся (в резолюции на VII съезде партии «О войне и мире»). В статье «Очередные задачи советской власти» Владимир Ильич снова подчеркнул, что «успех социализма не мыслим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелко-буржуазной анархией» [3].

Эти указания Ленина не были, однако, достаточно учтены педагогами-теоретиками и некоторыми ответственными работниками Наркомпроса. Правильно отвергая слепую дисциплину, муштровку учащихся в прежней школе, они неправильно, анархически отвергали какие бы то ни было меры воздействия педагога на учащихся в школе советской. Идеализируя ребёнка, следуя мелкобуржуазной теории «свободного воспитания», эти педагоги считали, что дисциплина устанавливается сама собой, без вмешательства педагога, на основе радостного творческого труда.

В некоторых школах поэтому дисциплина не стояла на должной высоте. Этому способствовала неправильная отмена Наркомпросом достаточно чётких форм учёта знаний и отмена домашних заданий.

[1] «Народное просвещение», еженедельное приложение к «Известиям ВЦИК», 1918, № 3.

[2] Архив Гос. музея по народному образованию, стенограмма заседания Гос. комиссии по просвещению 20 июля 1918 г., стр. 6; см. также «Народное просвещение», прилож. к «Известиям ВЦИК», 1918, № 14.

[3] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 454.

Было бы, однако, глубоко неправильно рисовать дисциплину в большинстве советских школ в первый год их существования в отрицательных красках. Если в источниках о жизни школы того времени имеются отдельные указания на понижение дисциплины и даже на учащихся-дезорганизаторов, то имеется также много указаний и противоположного характера. В результате правильно поставленной воспитательной работы у многих учащихся вырабатывалось новое понимание дисциплины, сознание и чувство социалистического долга; организационные же формы этой дисциплины находились ещё в процессе исканий.

На *физическое воспитание* советская школа с самого начала своего существования обратила очень большое внимание.

Уже в первые дни Октябрьской революции, в ноябре 1917 г., в Наркомпросе был организован врачебно-санитарный отдел, во главе которого встала энтузиастка своего дела, врач-большевик В. М. Величкина (Бонч-Бруевич).

24 ноября 1917 г. этот отдел обратился через газету «Известия ЦИК» с воззванием, в котором указывал, что необходимо создать для детей школу, «которая не только не будет отнимать последние их силы, как это нередко бывало до сих пор, а, наоборот, будет содействовать полному и всестороннему развитию всех духовных и физических сил учащейся молодёжи». «В своей деятельности, — говорилось далее в воззвании, — врачебно-санитарный отдел Наркомпроса обратит особое внимание на то, чтобы:

1) школы удовлетворяли всем требованиям гигиены;

2) велись постоянные наблюдения за физическим развитием детей;

3) были организованы горячие завтраки для детей;

4) были обеспечены детям нормальные условия сна и отдыха и организованы гимнастика, игры, спорт, купанье, прогулки;

5) были организованы детские летние колонии и санатории;

6) было поставлено преподавание гигиены и физиологии в школе; курсы для учителей и воспитателей по гигиене и гимнастике [1].

Положение о единой трудовой школе 16 октября 1918 г. (ст. 22 и 23) предусматривало, что все школы I и II ступени должны состоять под регулярным наблюдением врачей и что при поступлении ребёнка в школу необходим тщательный медицинский осмотр.

Декларация о единой трудовой школе 1918 г. говорила: «Трудовое начало в высокой мере способствует физическому развитию детей, но само по себе оно для этой цели недостаточно. Массовая ритмическая гимнастика, индивидуальное развитие мускулатуры под наблюдением врача, игра, переходящая постепенно в серьёзный спорт, лишённый, однако, нездорового духа соревнования, — таков путь в этом отношении. Гимнастика и спорт должны развивать не только силу и ловкость, но и способность к отчётливым коллективным действиям, дух взаимопомощи и т. п. Гигиеническая обстановка школы, правильное распределение занятий, постоянное и пристальное участие врача-педагога в жизни школы — всё это необходимые условия правильного развития детей» [1].

[1] «Известия Центрального Исполнительного Комитета», 1917, 24 ноября, № 234.

Уже в течение 1917/18 учебного года советской школы в разработанные на местах учебные планы была введена физкультура. Бывшая учительница Богородской школы (Московской губ.) вспоминает, как школа организованно выходила на купанье к реке, как устраивались с детьми беседы о целесообразном режиме дня и на другие санитарно-гигиенические темы. Во многих школах уже в первый год их существования были введены горячие завтраки.

Широко с первого года революции была поставлена организация летних колоний для городских школьников. Только из Москвы было вывезено в летние колонии, в сельские местности и пригороды в летние каникулы 1918 года 10 000 детей.

Такое же большое внимание с первого же года существования советской школы уделялось *эстетическому воспитанию*. Большую заботу в этом отношении проявил Нарком просвещения А. В. Луначарский. В докладе «О принципах единой трудовой школы», прочитанном в заседании 20 июля 1918 г. Государственной комиссии по просвещению, П. Н. Лепешинский выдвинул хорошую постановку эстетического воспитания как необходимый признак советской школы.

Декларация о единой трудовой школе 16 октября 1918 г. давала подробные указания о значении и методике эстетического воспитания: «Предметы эстетические: лепка, рисование, пение и музыка отнюдь не являются чем-то второстепенным, какой-то роскошью жизни. Особенно рисование и лепка, как его вспомогательный предмет, должны занять выдающееся место. Ученик должен постепенно приобрести в своём карандаше новый орган особо точной и образной речи. Рисование преподаётся первоначально по методу свободного детского творчества, фантастического, по памяти и т. д. Затем оно переходит к зарисовыванию с натуры дидактически подобранной серии объектов и, наконец, разветвляется на точное математическое черчение, с одной стороны, и художественное рисование — с другой. Только на этой третьей стадии допустимо и систематическое преподавание теоретических данных. Ритмике и хоровому началу должно быть уделено самое важное место, как предметам, развивающим коллективные навыки, способность к общим объединённым пере-

[1] Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию, вып. I, стр. 179—180.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

живаниям и действиям». Рисование, пение заняли большое место в работе школ. В младших группах школы I ступени многие школы применяли лепку. В ряде школ было введено факультативное преподавание музыки, а кое-где уроки слушания музыки. При оформлении ученических работ — при том большом месте, которое занял иллюстративный метод — много внимания уделялось художественной стороне. Эстетическому воспитанию сильно способствовали также получившие распространение школьные кружки: драматический, музыкальный, рисования и живописи («изокружок»), а также другие виды внеклассной работы (организация праздников Октябрьской революции, 1 Мая).

ВЫВОДЫ:

Первый год советской школы был годом коренной перестройки школы. В. И. Ленин уделял школе и учителю большое внимание, давая в своих выступлениях на съездах и в декретах Советского правительства ценнейшие указания о перестройке школы.

Первый учебный год советской школы был годом острой борьбы со старой школой, освобождения учащихся от гнёта прежней полусхоластической школы, годом громадного творческого подъёма и педагогических исканий, годом борьбы за советского учителя и идейно-политического перевоспитания учительства.

В течение первого года были проведены такие важные мероприятия, как отделение школы от церкви, демократизация школы, введение совместного обучения, объединение руководства школами в ведении Наркомпроса и организация этого руководства на местах, обновление административно-педагогического персонала и учителей путём демократических выборов их трудящимися, установление новой школьной системы, большой рост сети школ, перестройка содержания, организации и методов учебно-воспитательной работы школы.

Передовая часть педагогов-теоретиков творила новую школу с большим энтузиазмом, с революционным пафосом, увлекаясь великими перспективами новой школы, но далеко не всегда считаясь в этом увлечении с реальными возможностями, часто переоценивая возрастные особенности и силы детей, не всегда учитывая то положительное, что было в старой школе.

Это был год бурного движения, когда главной задачей было разрушение того главного, что было так ненавистно в старой школе, — её служения интересам помещиков и капиталистов, её мертвенности, формализма, отрыва от жизни, педантизма и муштры детей. В этой борьбе с главнейшими недостатками старой школы некоторым педагогам-теоретикам казались непригодными и все организационные формы и методы обучения и воспитания в старой школе: урок, домашние занятия, оценка знаний, экзамены и т. д.

Передовые учителя-практики, работавшие в школе, также стремились создать новую школу, также были охвачены творческими исканиями, но они, стоя ближе к школе, проводя свои искания на опыте повседневной работы, имея дело с живыми детьми, больше считались с реальными возможностями и потому подходили к ломке установившихся организационных форм учебно-воспитательной работы несколько сдержаннее.

За короткий период — несколько месяцев существования советской школы — в 1917/18 учебном году было сделано очень многое в области ликвидации отрицательных сторон старой, дореволюционной школы, определения задач коммунистического воспитания, перестройки школы на социалистических началах, сплочения передовой части учительства вокруг коммунистической партии, внимания к детям и заботы о них.

ОЧЕРК II.

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ (1918-1920 гг.).

1. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ О ЗАДАЧАХ И ПЕРЕСТРОЙКЕ ШКОЛЫ.

В 1918 г. немцы заняли и ограбили Украину, белогвардейцы захватили часть Поволжья, Урал и Сибирь. Летом 1918 г. англичане заняли Архангельск и помогли белогвардейцам на Севере свергнуть советскую власть. Белогвардейские банды при помощи иностранных интервентов отрезали источник топлива — Донбасс. Грузинские меньшевики и армянские дашнаки при поддержке Антанты терзали Кавказ.

Три года длилась гражданская война, в течение которой революционные рабочие и крестьяне под руководством большевиков разгромили белогвардейские банды и их хозяев-интервентов.

Несмотря на крайне тяжёлые материальные и хозяйственные условия, которые были созданы белогвардейцами и интервентами, стремившимися голодом и холодом обессилить молодую Советскую республику, несмотря на то, что главные силы партии были обращены к фронту гражданской войны, культурная работа и, в частности, строительство новой школы шли полным ходом.

В этот период В. И. Ленин, как и в предыдущем 1917/18 учебном году, часто выступал на съездах по народному образованию, давал директивы Наркомпросу, уделяя просвещению, школе и учителю большое внимание.

Ленин в 1919—1921 гг. выступал на съезде по внешкольному образованию (1919 г.), втором съезде учителей-интернационалистов (1919 г.), первом съезде работников просвещения и социалистической культуры (1 августа 1919 г.), первом всероссийском съезде коммунистов-учащихся (в апреле 1919 г.), на III съезде РКСМ (2 октября 1920 г.), на всероссийском совещании политпросветов (3 ноября 1920 г.), на совещании по работе в деревне (1920 г.), на совещании заведующих подотделами внешкольного образования (25 февраля 1920 г.), на втором съезде политпросветов (1921 г.).

Вопросам народного образования за этот период посвящены статьи и заметки В. И. Ленина: «Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса», «О работе Наркомпроса», «Заметки на тезисы Н. К. Крупской о политехнизме» и др. Уж один этот

перечень съездов, на которых выступал Ленин, и статей показывает, какое большое значение придавал он школе.

В своих выступлениях Ленин глубоко определил значение и задачи советской школы, дал руководящие указания для перестройки школы, указав содержание и принципы её учебной и воспитательной работы, выяснил принцип политехнизма, поднял значение учителя советской школы.

В своих речах на целом ряде съездов В. И. Ленин дал *острую критику буржуазной и старой, царской школы и выдвинул принцип партийности воспитания.*

«Чем более культурно было буржуазное государство, тем более утончённо оно лгало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом.

На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих»[1], — говорил Ленин на съезде по просвещению в августе 1918 г.

Ту же мысль о сущности буржуазной и старой, царской школы Владимир Ильич формулировал на II съезде учителей-интернационалистов 18 января 1919 г.: «Одним из таких буржуазных лицемерий является убеждение в том, что школа может быть вне политики. Вы прекрасно знаете, насколько лживо это убеждение. И буржуазия, выдвигающая такое положение сама, во главу угла школьного дела ставила свою буржуазную политику и старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислужников, старалась снизу доверху даже всеобщее обучение свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных слуг, исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием человеческой личности вне класса. И теперь ясно для всех, что это может сделать только школа социалистическая, стоящая в неразрывной связи со всеми трудящимися и эксплуатируемыми и стоящая не за страх, а за совесть на Советской платформе»[2].

Ещё более подробно, исчерпывающе Ленин дал критику буржуазной школы в речи на III съезде Комсомола 2 октября 1920 г. Он указывал, что каждое слово буржуазной школы было подделано в интересах буржуазии, что в старой школе «молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии». «Старая школа была школой учёбы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мёртвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников»[3].

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 199.
[2] Там же, стр. 474—475.
[3] Там же, т. XXX, стр. 405.

Эта острая критика старой школы, это разоблачение буржуазной лжи об «аполитичности» было в тот период особенно необходимо потому, что теория «аполитичности» школы была тогда довольно сильно распространена среди учителей. Придерживались этой теории и некоторые педагоги-теоретики. Так, К. Н. Вентцель писал: «Не должно быть ни какой-то особой пролетарской школьной политики, ни какой-то особой пролетарской школы».

Среди революционно настроенной молодёжи, среди педагогов, с ненавистью относившихся к старой школе, наблюдался нередко неправильный подход к старой школе, а именно: голое отрицание и того положительного, что было в этой школе. Учитывая эти настроения, В. И. Ленин вслед за острой критикой старой школы в речи на III съезде Комсомола указал: «Говорят, что старая школа была школой учёбы, школой муштры, школой зубрёжки. Это верно, но всё-таки надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, надо уметь выбрать из неё то, что необходимо для коммунизма» [1]. Этими словами Ленин указал *диалектический подход к старой школе,* учил *правильно относиться к буржуазному опыту* в области школы, не перенимая, с одной стороны, этого опыта механически, но и не отбрасывая опыта старой школы огулом.

В статьях и книгах того времени, трактовавших вопросы воспитания и принадлежавших перу даже видных педагогов, можно встретить отрицательное отношение к систематическим знаниям, к уроку, твёрдому расписанию учебных занятий, учебникам и т. д.

Это сплошное мелкобуржуазное анархическое отрицание организационных форм, методов и приёмов школьной жизни имело в виду, конечно, прежнего учителя-чиновника, схоластическое преподавание, формализм и педантизм старой школы, её отрыв от жизни и т. д. Но в пылу борьбы со старой школой отрицание *старого* учебника возводилось в *принцип отрицания учебника вообще;* протест против организации школьной работы в *царской школе* неправильно принимал форму *отрицания урока вообще* и т. д.

В. И. Ленин в речи на III съезде Комсомола с особенной силой подчеркнул необходимость высокого уровня систематических общеобразовательных знаний: «...на место старой учёбы, старой зубрёжки, старой муштры мы должны поставить уменье взять себе всю сумму человеческих знаний и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования» [2].

О значении знания В. И. Ленин говорил во многих своих выступлениях. Так, в 1918 г. на съезде по просвещению он указывал: «Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатками образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем» [1].

Не переставая, зовёт В. И. Ленин в течение всего периода гражданской войны учиться, учиться и учиться; считает задачу подъёма культуры одной из самых очередных; указывает, что грамотность — «это есть условие, без которого о политике говорить нельзя» [2].

Ленин поставил также вопрос о коммунистической морали, показав, что коммунистическая нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата: «...нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов» [3]. Ленин выдвинул задачу коммунистического отношения к труду и сознательной дисциплины.

В «Заметках на тезисы Надежды Константиновны (Крупской) о политехническом образовании», подчёркивая снова значение общеобразовательных знаний, Ленин предостерегал против ранней специализации и требовал немедленного перехода к политехническому образованию, указав в качестве доступных в то время шагов к этому образованию экскурсии на электростанции, на заводы и в совхозы, устройство музеев по политехническому образованию, изучение основ наук с пониманием их применения в механической и химической промышленности, основ агрономии и основных понятий об электричестве.

Ленин уже в начале Октябрьской революции поставил перед молодёжью ту *задачу овладения большевизмом,* которую развил в дальнейшем товарищ Сталин (особенно в 1937 г.), — а именно, Ленин говорил: «Перед вами задача строительства, и вы её можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъёма всего молодого поколения» [4].

Указав, что самой отвратительной чертой прежней школы был отрыв теории от практики и школы от жизни, Владимир Ильич звал молодёжь соединить своё учение с борьбой рабочего

[1] Ленин, Соч., т. XXX, стр. 405.
[2] Там же, стр. 408.

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 199.
[2] Там же, т. XXVII, стр. 51.
[3] Там же, т. XXX, стр. 411.
[4] Там же, стр. 409.

класса против эксплоататоров и сочетать обучение с производительным трудом.

Говоря об учителе, Ленин указывал, что необходимо воспитать армию учителей, преданных партии, проводников коммунистических идей в народные массы. Ленин чутко и заботливо относился к учительству, указывал, что учительские массы были воспитаны в учебных заведениях царского времени в духе, враждебном пролетариату, и потому не сразу поняли значение и задачи социалистической революции. Необходимо поэтому терпеливо и настойчиво вести большую работу по перевоспитанию учительства.

В марте 1919 г. на VIII съезде Коммунистической партии была принята программа партии, пункты которой, относящиеся к народному образованию указывали, что Великая Октябрьская социалистическая революция поставила в области народного образования грандиозную, небывалую в истории человечества задачу превратить школу из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества.

В программе говорится:

«Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм».

«Ближайшей задачей на этом пути, — говорится далее в программе, — является в настоящее время дальнейшее развитие установленных уже Советской властью следующих основ школьного и просветительного дела:

1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет.

2) Создание сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов и т. п., в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины.

3) Полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т. е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества.

4) Снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счёт государства.

5) Подготовление новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма.

6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие «советов народного образования», мобилизация грамотных и т. д.).

7) Всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.).

8) Широкое развитие профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста, в связи с общими политехническими знаниями».

Эти задачи были выдвинуты с первых же дней Октябрьской революции, что отмечает и программа, говоря о дельнейшем развитии *установленных уже* советской властью основ.

Этими задачами советская школа принципиально отличалась от «передовой» буржуазно-демократической школы. Буржуазная школа открыто или в замаскированной форме ставит своей задачей укрепление господства буржуазии и подготовку рабочей силы для эксплоатации её буржуазией. Советская школа поставила своей задачей коммунистическое воспитание молодёжи.

2. Рост числа школ и учащихся. Материальная база школ.

Несмотря на тяжёлые материальные и хозяйственные условия в годы гражданской войны, число школ и учащихся в них к концу этого периода значительно возросло.

Освобождённые от векового гнёта царизма рабочие и крестьянские массы проявили громадное стремление к знанию, которого их лишали раньше стоявшие у власти помещики и капиталисты. Массы поняли ленинский завет: «Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы».

В самый разгар гражданской войны, 26 декабря 1919 г., был издан ленинский декрет о ликвидации неграмотности. Ликпункты наполнились взрослыми учащимися. Красноармейцы на фронтах гражданской войны в перерыве между боями и военными переходами занимались учёбой. Трудящееся население охотно при крайне ограниченных материальных ресурсах шло на помощь снабжению школ всем необходимым.

Эта тяга трудящихся к образованию привела к открытию новых школ и росту числа учащихся.

Рост числа школ сильно тормозился в течение первых лет периода гражданской войны борьбой белогвардейцев и интервентов против советской власти. На временно занятых ими территориях Советской республики сеть школ можно было развернуть только после освобождения их от белогвардейцев и интервентов, т. е. в самом конце периода. Тем не менее и при этих неблагоприятных условиях число учащихся за очень короткий срок выросло почти на 2 миллиона.

Год	Число начальных и средних школ	Учащихся в них
1914/15	105 524 [1]	7 896 249 [1]
1920/21	118 398 [2]	9 780 699 [2]

Таким образом, число общеобразовательных школ к концу периода гражданской войны и интервенции по всей Советской республике выросло против наибольшего количества их (по той же территории) в дореволюционное время на 12,2%, а число учащихся в них на 23,8%.

Так как мы в этой работе ставим своей задачей дать краткий исторический очерк развития советской школы только по РСФСР, необходимо дать сравнительные данные лишь по территории РСФСР, какой она была к концу периода гражданской войны и интервенции.

По территории РСФСР

Год	Число начальных и средних школ (I и II ступени)	Учащихся в них
1914/15	76 237 [3]	5 551 650 [3]
1920/21	86 501 [4]	7 302 100 [4]

Таким образом, число школ *по РСФСР* по сравнению с дореволюционным временем увеличилось на 14,1%, а число учащихся на 32%. Следовательно, рост числа школ и учащихся до 1921 г. в РСФСР шёл быстрее, чем в остальных республиках (Украинской, Белорусской и др.), что вполне понятно: остальные республики в течение периода гражданской войны и интервенции или значительной части этого периода были оккупированы интервентами и белогвардейцами.

За короткий период 1919 и 1920 гг. Советское правительство, естественно, не могло ликвидировать последствия интервенции и развернуть в этих частях Советской республики такую же

[1] Данные приводятся по официальному статистическому сборнику «Культурное строительство СССР», изд. Центрального управления народнохозяйственного учёта Госплана СССР, 1940, стр. 37.

[2] Ввиду отсутствия в указанном выше статистическом сборнике («Культурное строительство СССР») данных за 1920/21 г., они приводятся по другому официальному источнику — «Народное образование СССР по данным текущих обследований на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг. и краткий свод статистических данных за пятилетие 1921—1925 гг.», М. 1926, стр. 13.

[3] «Культурное строительство СССР», стр. 40.

[4] Данные вычислены ст. научным сотрудником Ин-та теории и истории педагогики И. М. Богдановым.

густую сеть, как в РСФСР, хотя темпы развёртывания школьной сети в 1920—1921 гг. в остальных республиках были даже бо́льшими, чем в РСФСР.

Число средних школ в РСФСР достигло 3771 (в 1914/15 г. их было на территории, соответствующей РСФСР, 1355), т. е. выросло по сравнению с дореволюционным временем на 178,3%. По всему же СССР число средних школ в 1920/21 г. достигло 4163 против 1953 в 1914/15 г., т. е. выросло на 113,2%.

Как видим, и в развитии числа средних школ РСФСР за период 1918—1920 гг. наблюдается та же закономерность: на территории РСФСР сеть средних школ росла быстрее, чем на тех территориях, которые некоторое время терзались оккупантами, и после изгнания их, несмотря на очень большие темпы открытия школ, не могла в течение одного-полутора лет сравняться с РСФСР.

Сеть средних школ, как видно из приведённых выше данных, росла в несколько раз быстрее, чем сеть начальных школ. Это обстоятельство показывает тягу рабочих и крестьянских масс к повышенному образованию, которое в царское время было недоступно этим массам.

Характерно при этом, что наиболее усиленно росли в рассматриваемый период средние школы в сельских местностях. На территории РСФСР имелось средних общеобразовательных школ:

Год	Город	Село
1914/15	1279	72
1920/21	1627	2144
Рост в %	27,2	1977,7

При таком громадном росте числа средних школ количество учащихся в них, однако, к концу периода гражданской войны и интервенции по сравнению с дореволюционным временем увеличилось по РСФСР сравнительно не намного: в то время как число средних школ выросло на 178,3% (т. е. почти втрое), число учащихся в них возросло к 1920/21 г. лишь до 504 тысяч, против 435,3 тысячи в 1914/15 г. (т. е. лишь на 15,7%).

Это обстоятельство также вполне понятно:

1) в средней школе дореволюционного времени учились за немногими исключениями дети помещиков, капиталистов, офицеров и т. п., значительное число которых вместе со своими родителями бежало за границу, сделавшись белоэмигрантами;

2) вновь открытые средние школы, особенно сельские, поскольку они возникли уже к концу этого периода, не успели ещё к 1920/21 г. развернуться полностью и имели лишь младшие

классы (т. е. 6-й, 7-й год обучения, считая предшествующую пятилетнюю начальную школу) и 3) как в существовавших ранее, так и в открытых за последние годы средних школах детьми рабочих и крестьян были, естественно, пока заполнены младшие классы средней школы. Для этого периода имеет, таким образом, в отношении средней школы значение не столько количество учащихся средней школы, сколько *коренное изменение социального состава учащихся средних школ;* этот состав сделался преимущественно рабоче-крестьянским.

Изменилось в благоприятную сторону и соотношение между числом начальных и средних школ: до революции одна средняя школа приходилась на 54 начальных школы, а в 1920/21 г. — на 28 начальных школ. До революции средняя школа не была преемственно связана с начальной школой, стояла обособленно от неё; после Октябрьской революции, когда был проведён принцип единой школы, средняя школа представляла естественное продолжение школы начальной.

Особенно возросла сеть школ в автономных республиках, т. е. в местностях, населённых нерусскими народами, просвещение которых царское правительство сознательно тормозило. Так, в Чувашии сеть школ в 1920 г. выросла против довоенного уровня на 92,9%, а число учащихся на 151,6%, т. е. в $2^1/_2$ раза, а именно [1]:

в 1913 г. было 463 школы и 29 646 учащихся;
в 1920 г. стало 893 школы и 74 517 учащихся.

Такой же быстрый рост числа учащихся имел место в Казахской АССР (в рассматриваемый период она входила в состав РСФСР). На её территории в 1915 г. было 13 000 казахов-учащихся в начальных школах, а в 1920 г. 37 886 учащихся. В средних школах в 1915 г. казахов не было ни одного, а в 1921/22 г. — 1363 [2]. В Татарской республике, по данным основного обследования 1920 г., из 236 197 учащихся начальных школ на родном языке обучалось 104 548 учащихся. В местностях, населенных нерусскими народами, развитие сети школ тормозилось недостатком национальных кадров учителей.

Этот бурный рост числа школ и учащихся тормозился к тому же целым рядом неблагоприятных обстоятельств: отсутствием соответствующего росту школ числа школьных зданий, недостатком топлива, школьного оборудования, недостатком педагогического персонала, продовольственными затруднениями.

Партия и Советское правительство напрягали все усилия для устранения этих неблагоприятных условий. Освобождались школьные помещения, занятые ещё в дореволюционное время военными лазаретами. Под школы отводились в деревне дома

[1] «Чувашия за 15 лет в цифрах», статистический справочник, стр. 185.
[2] «Социалистическое строительство Казахской АССР», экономическо-статистический справочник за 1920—1935 гг.

помещиков и кулаков, в городах — особняки, занимавшиеся раньше буржуазией. Но даже и при этих мерах рост школ и учащихся опережал обеспеченность их помещениями. Пришлось прибегнуть к организации двухсменных, а иногда даже трёхсменных занятий в школах.

Вследствие занятия белогвардейцами Донбасса пришлось переходить в больших школах на дровяное отопление. Заготовка дров и особенно доставка их при усиленном потреблении тормозилась вследствие отвлечения на фронт военных действий рабочей силы и транспортных средств. В деле заготовки топлива и ремонта школьных зданий большую помощь школе оказала советская общественность. В горячем стремлении к просвещению население многих местностей брало на себя расходы по оборудованию школ, подвозу топлива, ремонту школьных зданий и школьной мебели [1].

Советское правительство проявляло большую заботу о питании школьников. В городах, особенно в крупных промышленных центрах, горячие завтраки были организованы почти во всех школах; в значительной части сельских школ также. Даже в период наиболее острых продовольственных затруднений, в 1920 г., из 52 372 школ, обследованных Центральным статистическим управлением, бесплатное питание школьников было организовано в 6 546 школах (считая городские и сельские), или 12,5% школ [2].

Кроме снабжения школ продуктами, советская власть оказывала большую помощь беднейшим учащимся путём снабжения их одеждой, обувью, мануфактурой. В 1918/19 г., по тем же данным ЦСУ, из 50 838 школ, ответивших на соответствующий вопрос, 24 234, или 47,2%, школ получили для бесплатного распределения между учащимися одежду, мануфактуру и обувь.

Для усиления снабжения школ учебным оборудованием ВЦИК вынес постановление, обязывающее ВСНХ «увеличить, насколько возможно, производство учебных пособий, учебного инвентаря и предметов первой необходимости для школьников».

Кроме снабжения школ натурой, что в тот период составляло главную материальную базу школы, кроме большой материальной помощи школе со стороны советской общественности, значительно выросла в процентном отношении и доля государственного бюджета, уделяемая на нужды народного образования. Этот рост можно видеть в следующей табличке [3].

[1] «Народное просвещение», 1919, № 11—12, № 13—14.
[2] «Народное образование по основному обследованию 1920 г.», вып. II.
[3] Краткий отчёт Наркомпроса за 1917—1920 гг., стр. 103; см. также: Теремитин, Расходы на народное образование при советской власти и царском правительстве, вып. I, 1922 г., стр. 5—6. В брошюре Теремитина некоторые цифры немного отличаются от отчёта Наркомпроса.
А. Васильев, Бюджет народного образования в СССР (исторический очерк за десятилетие 1918—1926/27 гг.), «Народное просвещение», журн. Наркомпроса, 1928, № 4.

Год	% расхода на народное образование[1] к общему государственному бюджету
1914	6,7
1915	7,2
1916	8,2
1918	6,6
1919	8,0
1920	10,9

Таким образом, доля денежных расходов на народное образование в общегосударственном бюджете была значительно выше, чем в дореволюционное время, дойдя в 1920 г. до 10,9% против наивысшего процента дореволюционной России — 8,2%[1]. В 1920 г. Наркомпрос по своему бюджету занимал четвёртое место среди всех наркоматов, и прав был А. В. Луначарский, говоря, что «мы вправе гордиться таким распределением кредитов».

В 1918 г. расходы государства на народное образование составляли 3 074 343 000 рублей, в 1919 г. — 17 279 374 428 рублей и в 1920 г. — 114 366 070 000 рублей. Из этих сумм около двух третей расходовалось на социальное воспитание, т. е. на дошкольное воспитание и школу I и II ступени. Так, в 1920 г. из общей суммы расходов на народное образование на нужды социального воспитания уделялось 65 517 525 000 рублей, или 62,2% всего бюджета народного образования.

Указанными денежными расходами далеко не исчерпывались все затраты на народное образование: натуральное снабжение продуктами, мануфактурой, обувью, книгами и письменными принадлежностями, а также помощь школе со стороны советской общественности значительно увеличивали сумму денежных расходов. Так, в 1919 г. было отпущено школам натурой:

книг на сумму . . . . . 16 238 659 руб.;
писчебумажных принадлежностей на сумму 12 837 484 руб.;
наглядных пособий на сумму . . . . . 8 475 632 руб.

Хотя Советское правительство уделяло школе из своих тогда ограниченных материальных ресурсов значительную часть и на много больше, чем тратилось на начальные и средние школы в дореволюционное время, потребности многочисленных школ и учащихся сильно обгоняли реальную возможность их удовлетворения в то трудное для молодой Советской республики время.

В своём отчёте за 3 года существования советской школы Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский отмечал, что вследствие «империалистической бойни, острого периода

[1] «Народный комиссариат по просвещению, 1917 г. — октябрь 1920 г.» (краткий отчёт), стр. 104. В дореволюционной России учтены расходы на народное образование всех министерств, в Советской республике — всех наркоматов.

гражданской войны и беспощадной блокады, душащей мёртвой петлёй не только органы народного образования, но и жизнь наших детей», школа далеко не получала в годы гражданской войны того, что ей было необходимо для нормальной работы.

Лишения, которые переживала школа благодаря белогвардейцам и интервентам, сильно тормозили её работу, но не останавливали её. Стремление трудящихся масс к просвещению и самоотверженная работа лучших учителей были так велики, что занятия шли нередко в нетопленой школе; за отсутствием классных досок и мела писали углем на побелённой стене, употребляли самодельные чернила из сгущённого сока свёклы и т. п.

3. Советский учитель в 1918—1920 годах.

Большая работа по перевоспитанию и политическому просвещению учителей, которая, как мы видели, развернулась уже в течение первого года советской школы, интенсивно продолжалась в 1918—1920 гг.

Всероссийский учительский союз к осени 1918 г. потерял уже какое бы то ни было влияние среди учительской массы. Целые учительские группы письменно заявляли о своём разрыве с этим союзом. Ещё сильнее этот отход учительских масс от ВУСа сделался тогда, когда его верхушка приняла участие в контрреволюционных заговорах против Советского правительства, вступила в контрреволюционный «Союз спасения родины и революции» и установила связи с поднявшими против советской власти восстание чехословаками. Декретом ВЦИК в декабре 1918 г. Всероссийский учительский союз был поэтому закрыт, причём декрет особо оговаривал, что никто из членов союза за факт участия в союзе до его закрытия репрессиям не подлежит. В этом сказалось бережное отношение советской власти к учительству.

Организованный уже в первом году Октябрьской революции союз учителей-интернационалистов развивался и к концу 1918 г. насчитывал уже 12 000 членов[1]. В январе 1919 г. состоялся второй съезд учителей-интернационалистов.

Выступая на этом съезде, В. И. Ленин говорил: «Нельзя сомневаться в том, что громадное большинство учительского персонала, который стоит близко к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, что оно в громадном большинстве убедилось теперь, как глубоки корни социалистической революции, как неизбежно она распространяется на весь мир, и я думаю, что теперь громадное большинство учительства несомненно искренне встанет и будет становиться на сторону власти трудящихся и эксплуатируемых, в борьбе за социалистический переворот»...[2].

[1] Сборник «Учитель и революция», стр. 175.
[2] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 474.

На этом же съезде В. И. Ленин указал на целесообразность организации широкого, единого учительского профессионального союза: «Я думаю, что ваш союз интернационалистов может вполне превратиться в единый школьный профессиональный союз учителей, стоящий, как и все профессиональные союзы, — это особенно ярко показывает II Всероссийский Съезд профессиональных союзов, — на платформе Советской власти... Из вашего союза должен создаться теперь широкий, охватывающий огромные массы учителей, профессиональный союз учителей, союз, который встанет решительно на почву Советской платформы и борьбы за социализм путём диктатуры пролетариата» [1].

И действительно, летом 1919 г. возник Всероссийский профессиональный союз работников просвещения и социалистической культуры, который уже при своём зарождении имел 70 000 членов. В. И. Ленин советовал вести с учительством терпеливую, настойчивую воспитательную работу, указывал, что учительство в царских учительских семинариях воспитывалось в духе враждебном пролетариату и потому понятно, что требуется время и терпение, чтобы открыть учительству глаза, убедить его. В то же время В. И. Ленин выражал твёрдую уверенность, что учительские массы пойдут в ногу с пролетариатом, окажутся опорой коммунистической партии и советской власти в деревне.

Проявляя большое внимание, чуткость и заботу к учителю, В. И. Ленин, несмотря на свою перегружённость неотложными вопросами партийной жизни, строительства Советского государства, руководством Красной Армией в гражданской войне, выступал на всех всероссийских учительских съездах этого периода, уделял советским учителям много внимания и забот.

В своей речи на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 1 августа 1919 г. Ленин говорил: «Мы наблюдали всегда, что в первое время прошлое держит ещё в своей власти силу и влияние на массовые организации. Поэтому нас нисколько не удивляла и та продолжительная упорная борьба, которая шла среди учительства, с самого начала представлявшего из себя организацию, в громадном большинстве, если не целиком, стоящую на платформе, враждебной Советской власти. Мы наблюдали, как с постепенностью приходилось преодолевать старые буржуазные предрассудки, и как этому учительству, которое было тесно связано с рабочими и трудящимся крестьянством, как ему пришлось в борьбе против предыдущего буржуазного строя отвоёвывать себе права и пробивать себе дорогу к действительному сближению с трудящимися массами, к действительному пониманию характера происходящей социалистической революции» [2].

На втором съезде союза работников просвещения и социалистической культуры в 1921 г. этот союз был переименован в союз работников просвещения.

Съезды, конференции, курсы учителей, бывшие главным средством организации учительства и его перевоспитания, продолжались в течение всего периода гражданской войны. В отчёте о деятельности Наркомпроса за 1917—1920 гг. указывается, что за этот трёхлетний период было созвано 53 всероссийских съезда и конференции. На местах ежегодно устраивалось до 300 краткосрочных губернских и уездных курсов [1].

В результате усиленной пропагандистской и агитационной работы партии, Советского правительства и советской общественности, чуткого отношения их к учительству, улучшения его материального положения, побед Красной Армии над белогвардейцами и интервентами, роста школы и перестройки её работы учительские массы всё более и более переходили на позиции активных строителей социалистической школы. Правда, среди этой массы оставалось ещё немало антисоветских элементов, но они к концу этого периода большого влияния уже не имели. Советские учителя были людьми, горячо преданными коммунистической партии. Это сказалось в работе школы, в общественной работе учителей среди населения. Часть учителей приняла участие в гражданской войне в качестве добровольцев в рядах Красной Армии.

Многие учителя в районе военных действий самоотверженно занимались с учащимися под грохот артиллерийской канонады, уходя зачастую в ряды советских бойцов и в партизаны. Так было на Урале, в Сибири и других местах. Озверевшие с приближением белогвардейцев кулаки иногда устраивали покушения на преданных советской власти наиболее активных учителей. Так был убит в лесу возвращавшийся в свою школу учитель Аряжинской школы Осинского уезда. Труп его был найден с отрезанным носом и выколотыми глазами. Там же белогвардейцы убили сына учительницы Е. В. Мартьяновой. Через несколько часов после этого злодеяния белогвардейцы были выбиты с занятых ими позиций и отступили. У могилы сына тов. Мартьянова произнесла краткую речь, закончив её словами: «Враги расстреляли моего сына. Его я носила под своим сердцем. Велика, безмерна моя утрата, но не время сейчас плакать и предаваться отчаянию. К оружию, товарищи!» [2]. Учительница-коммунистка Е. В. Мартьянова продолжала после этого непрерывно работать в школе и нести большую общественную работу в Осинском уезде, позже в Екатеринбурге (Свердловске), затем в Москве; она отдала всю свою жизнь строительству советской школы, воспитанию детей, подлинных граждан советской родины;

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 475—476.
[2] Там же, т. XXIV, стр. 421—422.

[1] «Народный комиссариат по просвещению, 1917 — октябрь 1920 гг.» (краткий отчёт), стр. 6 и 16.
[2] Из беседы автора с осинскими учителями.

в настоящее время (1947 г.) Е. В. Мартьянова — заслуженный учитель, награждена орденом Ленина, директор одной из лучших школ Москвы — 29-й женской школы Фрунзенского района.

При быстром росте числа школ и учащихся остро встал вопрос о подготовке новых учительских кадров. Сеть педагогических учебных заведений до революции была мала, а именно имелось:

педагогических институтов	2
учительских институтов	19
учительских семинарий	150

В течение трёх первых лет Октябрьской революции была проделана колоссальная работа по созданию почти отсутствовавших раньше высших педагогических учебных заведений. Учительская семинария была преобразована в 3-годичные педагогические курсы. К концу периода (1920 г.) в результате этой большой работы в РСФСР имелось:

Название	Число учреждений	Число учащихся
Высших педагогических учебных заведений	57	10 305
3-годичных педагогических курсов	154	18 410
Одногодичных педагогических курсов	90	5 400

Среди педагогических высших учебных заведений, возникших в этот период, особенно следует отметить Академию социального воспитания (впоследствии Академию коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской), которая готовила кадры для органов народного образования и школы.

Это было педагогическое высшее учебное заведение совершенно нового типа и по своим установкам, и по контингенту слушателей. Большой удельный вес политических и экономических наук в учебном плане, яркая коммунистическая направленность содержания обучения и воспитательной работы (слушатели — коммунисты и члены Коммунистического союза молодёжи), широко поставленная производственная практика на заводах и в совхозах с целью политехнической подготовки резко выделяли Академию социального воспитания из ряда высших педагогических учебных заведений.

В 1920 г. возник по инициативе проф. К. Н. Корнилова педагогический факультет при 2-м Московском государственном университете, поставивший себе целью подготовку учителей школ II ступени. В отличие от историко-филологического и физико-математического факультетов прежних университетов на педагогическом факультете 2 МГУ были широко поставлены педагогические дисциплины: психология, педагогика, история педагогики и педагогическая практика в школах; кроме того, давалась подготовка по циклам наук физико-математических, биологических, языкознанию, литературе и пр. Этот факультет послужил образцом, по которому затем строились многочисленные педагогические институты нашей страны.

Учительские кадры начальной школы по своему образованию к 1 ноября 1920 г. представляли следующую картину [1]:

Образование учителей	Число учителей начальной школы	
	количество	% к общему числу
Высшее (законченное и незаконченное)	3 568	3,3
Педагогическое (среднее)	12 928	11,9
Среднее светское, законченное	46 104	42,3
Среднее светское, незаконченное	10 994	10,2
Среднее духовное, законченное	15 155	13,9
Среднее духовное, незаконченное	2 008	1,9
Низшее	15 202	14,1
Домашнее	2 498	2,4
	108 457	100%

Если мы возьмём три первые категории (высшее, среднее педагогическое и законченное среднее общее образование), то получим 57,5%. Кроме того, сюда же должна быть добавлена значительная часть учителей с незаконченным средним общим образованием (например 6 классов гимназии). Среди категории «среднее духовное образование» основная масса были учительницы, окончившие епархиальное училище, по своему общеобразовательному уровню приближающееся к женской гимназии. Таким образом, около $^2/_3$ народных учителей обладали достаточным общим образованием. Хуже дело обстояло с образовательным уровнем учителей средней школы: быстрый рост числа средних школ опережал подготовку учителей для этих школ; поэтому нередко приходилось назначать в качестве учителей средней школы лиц, не обладающих высшим образованием. В 1920 г. из обследованных 13 985 учителей школы II ступени лишь 42,4% имели законченное высшее образование [2].

В местностях, где особенно сильно ощущался недостаток учителей и где особенно остро стоял вопрос о подборе и подготовке учительских кадров, преданных советской власти и могущих влиять на молодёжь и на взрослое население в ленинском духе, большую роль играла ускоренная подготовка народных учителей на педагогических курсах.

По мере того как заканчивались на том или другом фронте военные действия, к концу периода гражданской войны целые

[1] «Народное образование по основному обследованию 1920 г.», вып. II, Основные сведения о школах, учащихся и учащих, стр. 41.

[2] «Народное образование по основному обследованию 1920 г.», вып. II, стр. 169.

группы бойцов и партизан изъявляли желание сменить роль советского воина на роль советского учителя, чтобы помочь коммунистической партии и Советскому правительству строить социалистическую культуру. Так, после разгрома Колчака и семёновских банд в далёкой Сибири в гор. Барнауле организовались учительские курсы красных партизан. С той же энергией, с какой ещё недавно эти партизаны громили врага, 700 красных партизан засели за учёбу на учительских курсах красных партизан первого набора, по окончании занятий которых стал обучаться второй состав этих же курсов, численностью в 500 человек [1].

Для многих из слушателей этих курсов расширение их общеобразовательных знаний и овладение методами обучения в школе давались труднее, чем борьба с врагом в сибирских лесах, но громадная целеустремлённость и большевистская воля помогали преодолевать большие непривычные затруднения.

Большую роль в деле политического просвещения учителей, их педагогической и методической подготовки сыграли опытно-показательные школы и станции. К осени 1920 г. в 25 губерниях имелось уже около 100 опытно-показательных школ [2]. Особенно следует отметить работу с учительством, организованную в марте 1919 г. под руководством С. Т. Шацкого на 1-й опытной станции по народному образованию в Малоярославецком уезде Калужской губ.

В Угодско-заводской и Боровской волостях, где помещалась колония С. Т. Шацкого «Бодрая жизнь», имелось в 1919 г. 10 сельских школ с 11 учителями. Впоследствии число учителей дошло до 30. С. Т. Шацкий стал ежегодно устраивать здесь летние учительские курсы (в течение одного-двух месяцев). В зимнее время с этими же учителями проводилась систематическая работа во время собраний учителей всей волости, регулярно каждую неделю. «Шацкий придавал значение прежде всего воздействию на учительство в целом, а не вооружению его отдельными методическими приёмами, не разработке вопросов методики, хотя и это занимало известное место в программе наших курсов, но основное — это повышение общего политического и культурного уровня учителя. На летних курсах значительное место и время отводилось вопросам политического просвещения и ознакомления учительства с искусством. Регулярно были организованы экскурсии в Москву, в Третьяковскую галлерею. Вопросы театра, литературы всегда занимали большое место на наших курсах. Много давали выступления С. Т. и В. Н. Шацких на вечерах слушания музыки, которые организовывались на учительских собраниях и курсах. Шацкий хорошо пел, а

[1] Стенограмма доклада организатора этих курсов Е. П. Литвиненко на вечере воспоминаний старых учителей, организованном Институтом теории и истории педагогики АПН РСФСР в декабре 1946 г.

[2] Центральный государственный архив Октябрьской революции, фонд 1575, опись 4, дело 76, лист 9.

В. Н. Шацкая ему аккомпанировала. Через искусство С. Т. Шацкий призывал к постоянному движению вперёд, к бодрости. Недаром любимой его песнью была песня «В движеньи мельник жизнь ведёт». «Через искусство, — говорил Шацкий, — будь это пение, музыка, танцы, рисование или другая область, дети скорее подойдут к культуре... Но надо помнить, что искусство — большая сила и не безразлично, в каком направлении оно использовано. Лишь в том случае, если оно будет вести вперёд, воодушевлять на борьбу за новый общественный строй и подлинный коммунизм, можно считать выполненной его педагогическую задачу»... [1]

Шацкий придавал очень большое значение организации жизни учительского коллектива. Курсанты на этих курсах должны были не только работать на огородном участке, но и заниматься приготовлением пищи для всего коллектива. Учителя под руководством С. Т. Шацкого собирали и изучали детские рисунки и сочинения, отзывы детей о прочитанных книгах и т. п. Учителя делали отчёты о своей педагогической работе, о выполнении в их школах тех или иных педагогических заданий, даваемых курсами. «Шацкий, сам постоянно работающий над собой, вовлекал учительский коллектив в интересную творческую работу по решению педагогических проблем строительства советской школы» [2]. Каждый год программа летних курсов была иной. По педагогике здесь ставились различные темы, освещались и вопросы истории педагогики; в некоторые годы уделялось больше внимания методическим вопросам.

Среди множества педагогических и учительских курсов того времени по подготовке и повышению квалификации учителей, школьных инструкторов и т. д. следует отметить инструкторские курсы, организованные Московским отделом народного образования осенью 1919 г., на дачах в Сокольниках. Курсы продолжались 8 месяцев и имели своей задачей подготовить инструкторов трудовой школы. Теоретические занятия по педагогике и истории педагогики и психологии ребёнка велись по специальной программе. Большое место на курсах занимали трудовые процессы. Деревообделочное производство преподавал инженер. Кроме того, курсанты работали на кухне и в картонажно-переплётной мастерской. В летнее время курсанты вели практику трудовой школы, также по особой программе, для чего курсы были размещены в парке; была организована из нескольких десятков детей летняя школа.

1 ноября 1918 г. Советское правительство, учитывая вздорожание жизни и продовольственные затруднения, почти вдвое увеличило заработную плату учителей, установив месячные оклады

[1] Стенограмма доклада Л. Н. Скаткина «С. Т. Шацкий — учитель советских учителей» на вечере воспоминаний в Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР, 28 декабря 1946 г., стр. 17—19.

[2] Там же.

им в 600—850 рублей, в зависимости от района [1]. Кроме того, ВЦИК особым декретом обязал Комитет по рабочему снабжению выработать конкретные меры для улучшения снабжения работников просвещения продовольствием. Были установлены для учителей нормы жилых помещений, одинаковые с нормами для инженеров и врачей; стали организовываться в губернских и уездных городах дома учителя, предложено было выработать меры по улучшению положения престарелых и инвалидов педагогов.

Партия и Советское правительство для улучшения положения учителей делали всё, что было возможно в условиях разоряемой белогвардейцами и интервентами нашей страны. Учителя понимали эти заботы и мужественно работали над созданием советской школы в то трудное в материальном и продовольственном отношении время.

Некоторые педагоги и ответственные работники Наркомпроса (Н. А. Полянский, П. П. Блонский и др.) трактовали роль учителя в духе «теории свободного воспитания», только как организатора среды, как «старшего из детей», некоторые (В. Н. Шульгин) писали об «отмирании учителя» в социалистическом обществе.

Все эти извращения отрицательно влияли на работу школы. А. В. Луначарский, отмечая в своём отчёте перегибы, назвал их «бурным течением, преисполненным революционного энтузиазма, верой в себя и несколько, скажем, юношеским легкомыслием работников» [2]; и правильно отмечал, что этими перегибами пользовались в своих враждебных советскому строю целях действительные реакционеры: «Оппозиционное, контрреволюционное учительство было даже радо остроте лозунгов и непримиримости пересоздателей. Это давало ему возможность либо своими руками помогать разрушению и потом говорить: «вот до чего довели большевики», либо отсиживаться на старых позициях: «Мы не знаем, как ступить шагу к вашим далёким звёздам» [3]. Надо, однако, отметить, что таких учителей было немного. Огромная, подавляющая часть учительства работала честно и энергично, старалась, как умела, строить новую школу, разрабатывала местные школьные программы и т. д.

4. Программно-методическая работа Наркомпроса.

Хотя ряд ответственных работников Наркомпроса в течение первого года существования советской школы и в начале периода гражданской войны неправильно отрицал необходи-

[1] Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию, вып. I, стр. 93.

[2] «Народный комиссариат по просвещению 1917 — октябрь 1920 гг.» (краткий отчёт), стр. 4.

[3] Там же, стр. 4—5.

мость разработки в центре школьных программ, однако конкретные потребности школы и настойчивые запросы учителей с мест заставили Наркомпрос приступить к выработке этих программ.

Отдел реформы школы приступил уже в 1918 г. к программно-методической работе и к концу этого года выработал программно-методические материалы почти по всем предметам. Материалы эти рассылались на места в литографированном виде, а затем были изданы под названием «Материалы для образовательной работы школы. Наркомпрос 1918—1919 гг. Вып. I—IV». Комиссариат просвещения коммуны Северной области (Петроград) также разработал в 1918—1919 гг. программные материалы.

Те и другие «материалы», однако, были только рекомендательными, примерными, ориентировочными, на основе которых рекомендовалось вырабатывать конкретные программы с учётом местных условий каждого уезда и даже каждой школы. Некоторыми из ответственных работников Наркомпроса и педагогов-теоретиков предлагалось построение программ по комплексной системе, что нашло отражение в виде идеи «детской энциклопедии» в декларации единой трудовой школы 16 октября 1918 г.

В 1919 г. вышла книга П. П. Блонского в двух частях «Трудовая школа», в которой была разработана порочная комплексная программа для школы I ступени. Обосновывая это комплексное построение программ, П. П. Блонский писал: «Можете во весь год не давать ни одного «всамделишного урока». Все знания должны рождаться из случаев и в работе. Единственная цель — сделать текущую работу более сознательной, умелой, понятной и интересной. Чем меньше ты будешь увлекаться погоней за знаниями, тем лучше» [1]. Критикуя программы старой школы, П. П. Блонский в той же книге говорил: «К чему такая схематизация знаний на первой ступени обучения? Не лучше ли целостное образование, изучение цельной конкретной действительности? Наш ученик должен изучить мир и жизнь, а не арифметику и физику» [2].

«Материалы по образовательной работе», изданные Наркомпросом в 1919 г., были построены по предметной системе. К концу 1919 г. Наркомпрос сделал ещё шаг вперёд в смысле признания необходимости разработанных в центре программ и учебных планов.

В 1920 г. были опубликованы первые учебные планы советской школы [3], составленные в двух вариантах: план-минимум и план-максимум. План-минимум предусматривал сокращённое число часов для школ, находившихся в особо тяжёлых условиях

[1] П. Блонский, Трудовая школа, ч. I, стр. 46.

[2] Там же.

[3] Примерные учебные планы для I и II ступени в единой трудовой школе, 1920 г.

(в экономическом отношении и в смысле недостатка педагогов и т. п.).

Учебный план-максимум выглядел следующим образом (число часов в неделю — из расчёта пяти учебных дней, так как согласно положению о единой трудовой школе два дня в неделю выделялись как свободный и полусвободный, посвящаемые экскурсиям и т. п.):

Предметы	Группы (классы)									всего
	школа I ступени					школа II ступени				
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	
Физика	—	—	—	—	—	3	4	4	4	15
Химия	—	—	—	—	—	—	3	3	—	6
Биология	—	2	3	5	6	3	2	2	4	27
География	—	—	—	—	—	3	2	2	4	11
Астрономия и метеорология	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Язык и литература	—	5	5	5	5	5	5	5	3	38
Математика	—	5	5	5	5	5	4	4	3	36
Общественно-исторические науки	—	2	3	2	4	4	4	6	6	31
Искусство	—	3	3	3	3	3	2	2	2	21
Физическое воспитание	—	2	2	2	2	2	2	2	2	16
Иностранные языки	—	—	—	—	—	2	2	2	2	8
	15	19	21	22	25	30	30	32	32	211 + 15

В первом классе (группе) часы не распределены по предметам, объяснительная записка к планам рассматривала первую группу школы I ст. как продолжение детского сада. Согласно декларации 16 октября 1918 г. здесь всё преподавание сводилось к «детской энциклопедии».

Ценным, ярко отличным от планов прежней гимназии элементом новых учебных планов было большое количество часов на естествознание и общественно-исторические предметы, а именно историю культуры, историю Запада и России, экономическую географию; с середины восьмого года обучения изучалась история социализма, которая заканчивалась изучением советской Конституции. Обращает на себя внимание большое число часов на искусство: художественному воспитанию декларация о единой трудовой школе, в противоположность старой школе, придавала большое, несколько даже преувеличенное значение. Труду, как мы видим, в учебном плане 1920 г. особых часов отведено не было. Объяснительная записка указывает, что время на работы в мастерских и на школьном участке включается в различные предметы, так как вообще основой школьной жизни считался труд.

В этом первом учебном плане советской школы уже можно

отметить основные черты, которые затем будут реализоваться во всех учебных планах последующего времени: первое место по числу учебных часов занимает русский язык и литература, второе — математика; далее, большое место занимают в учебном плане общественно-исторические учебные предметы и естествознание; уделено значительное место физике и химии. Однако мало часов отводится географии (вплоть до того, что в пятиклассной начальной школе географии нет вовсе); искусству уделено слишком много часов.

Положительной чертой учебного плана 1920 г. является также его построение по предметной системе (за исключением, однако, первого года обучения, где уже сделана попытка комплексного построения учебной работы). Эту положительную черту следует отметить в особенности потому, что со стороны ряда педагогов-прожектёров и опытно-показательных станций Наркомпроса уже имел место сильный нажим на Наркомпрос в смысле отказа от предметной системы. Недостатком разработанного Наркомпросом учебного плана 1920 г. был также необязательный его характер.

Положительной стороной является увеличение числа недельных часов в последующих классах; однако в последних двух классах (при 5 учебных днях в неделю) 32 часа являются чрезмерными.

Разработанный Наркомпросом план на местах подвергался значительным изменениям. Так, Московский отдел народного образования выпустил свои планы.

Для школы I ступени он предлагал [1] (дробью показано разное число часов в неделю в первом и втором полугодии):

Предметы	1 гр.	2 гр.	3 гр.	4 гр.	5 гр.
Занятия образовательной работой	12/15	15/18	—	—	—
Искусство, подвижные игры, трудовые процессы	6/9	9	—	—	—
Родной язык	—	—	9	8	8
Математика	—	—	5	5	5
Мироведение и обществоведение	—	—	6	6	6
Искусство	—	—	3/4	4	4
Трудовые процессы	—	—	4/5	4	4
Новые языки	—	—	—	3	3
Итого	18/24	24/27	27/29	30	30

Вместе с учебными планами 1920 г. были изданы «Примерные учебные программы» для 9-летней трудовой школы. Как видим,

[1] Примерный учебный план школы I ступени (1920/1921 гг.) Московского отдела народного образования, 1920.

сделан ещё шаг вперёд: это уже программы, а не «материалы по образовательной работе» школ; хотя, правда, это лишь «примерные», а не обязательные программы.

Программы 1920 г., как и предыдущие программные материалы 1918—1919 гг., были построены по предметам; в этом их положительная сторона. Они обладают известной последовательностью в изложении каждого предмета, очень конкретны. В этом их второе достоинство. Они снабжены методическими указаниями и списками литературы, что для учительства того времени было особенно важно. Представляя большой шаг вперёд по сравнению с дореволюционными программами и даже лучшими проектами этих программ, выработанными при Игнатьеве, эти программы пытались внести принцип историзма в преподавание ряда предметов (например, в программе по русскому языку давались сведения по истории языка, в программе по математике — много сведений по истории математики и т. д.).

Представляя огромный шаг вперёд по сравнению с прежними программами, программы 1920 г., однако, имели и значительные недостатки: эмпиризм в программах по естественным наукам, сильное влияние экономического материализма (богдановщины) в общественно-исторических науках, крайняя перегружённость учебным материалом и отсюда непосильность для детей соответствующего возраста. Так, по математике на третьем году введены сведения по истории математики в Вавилоне, Индии, древнем Египте и т. п.

Очень сильна несогласованность программ по отдельным предметам, отрыв предметов друг от друга. Слаба связь с современностью. Хотя программы и были построены по предметам, но внутри одного предмета, например математики, давались знания по различным математическим наукам, недифференцированно, что значительно подрывало систематичность.

5. *Учебно-воспитательная работа школ.*

Как мы видели из обзора программно-методической работы Наркомпроса, учебные планы для школы I и II ступени были разработаны и опубликованы лишь в 1920 г., т. е. в конце рассматриваемого периода. «Материалы для образовательной работы школы» также были закончены разработкой по всем предметам и разосланы на места лишь в 1919 г. и к тому же не имели обязательного программного характера. Лишь в 1920 г. Наркомпрос разработал и разослал на места «Примерные учебные программы» для 9-летней трудовой школы.

Таким образом, почти в течение всего периода гражданской войны и интервенции советская школа, как и в первый год своего существования, планировала свою учебную работу путём местного творчества — указаний уездных отделов народного образования, методических совещаний учителей, а нередко и творчества коллективов отдельных лучших школ. Это вносило, конечно неизбежную пестроту, разнобой в работу школ различных губерний и уездов, требовало большой затраты сил и времени учителей на программно-методическую работу, но вместе с тем имело большое значение в смысле педагогического роста учителей, требовало большого методического творчества от них, будило их мысль, вносило большое оживление в коллективную работу учительства. Очень часто составление программ поручалось коллективам опытно-показательных школ, которые в тот период являлись действительно методическими центрами.

В первых двух классах (группах) школы I ступени главное место занимали русский язык и арифметика. С третьего (а в некоторых уездах со второго) класса по 2—3 часа в неделю уделялось отдельным урокам по природоведению и обществоведению; в других уездах эти учебные предметы как отдельные выделялись лишь с четвёртого класса. Во всяком случае некоторые сведения по обществоведению, особенно по природоведению, — если даже до 3—4 класса они не преподавались в виде отдельных уроков, — давались на уроках русского языка по методу объяснительного чтения, на экскурсиях в природу и путём работы на пришкольных участках и на школьном огороде.

Почти во всех школах была введена с первого класса физкультура в виде гимнастики и игр, рисование и в очень многих школах пение. Значительное число школ ввело преподавание ручного труда — столярного, слесарного, корзиноплетения, сельскохозяйственного труда и т. д.

Преподавание в школах I ступени велось по предметной системе, однако некоторые опытно-показательные школы под влиянием указаний декларации о единой трудовой школе о слиянии в младших классах начальной школы всех учебных предметов в «детскую энциклопедию», что несомненно выражало уже первые попытки комплексирования. Вторая педагогическая станция Наркомпроса в 1921 г. уже вела систематическую работу по созданию комплексных программ для школы I ступени, близких к той схеме, какая была принята в 1922 г. научно-педагогической секцией Государственного учёного совета (ГУСа).

В учебной работе школы I ступени главное внимание обращалось на развитие творчества детей, расширение их представлений из окружающего мира, развитие наблюдательности и интересов детей, на связь сообщаемых знаний с жизнью. Громадным достижением советской школы рассматриваемого периода было преодоление былого формализма, мертвенности, сухости знаний. Учителя и ученики занимались с большим увлечением и интересом.

В стремлении удовлетворить и расширить детские интересы учителя как бы спешили дать детям возможно больше и перегружали свои беседы и рассказы материалом, упуская из виду возрастные особенности детей. Систематичность и прочность

знаний при этом отступали на второй план: требование, чтобы учащиеся запомнили правила, преодолевали трудности, нарушалось. Отмена выпускных экзаменов по окончании школы и оценок успеваемости учащихся в течение года, содействуя на том этапе жизни школы уничтожению формализма, усугубляли, однако, поверхностность знаний, понижали их прочность.

Избавившись от крупнейшего недостатка прежней школы — формализма и отрыва обучения от жизни, советская школа в своих исканиях того периода не нашла ещё правильного диалектического сочетания жизненности знаний и систематичности их, удовлетворения интересов детей и развития у них умения преодолевать трудности и усваивать неинтересные для того или другого ребёнка, но необходимые ему знания. В погоне за обилием знаний упускался из виду ограниченный объём памяти ребёнка и необходимая прочность знаний. Во избежание «скуки» и утомительности учения не уделялось должного места систематическим упражнениям и повторениям, и в то же время значительная бессистемность и разбросанность знаний приводила к ненужному и малопродуктивному концентризму. К одному и тому же вопросу из жизни природы и общества возвращались на протяжении четырёх-пяти лет обучения в начальной школе по нескольку раз. В результате на повторение материала уходило не меньше (а часто и больше) времени при таком неправильном концентризме, нежели при правильно, систематически организованных закреплении и повторении. Это было не столько *повторение* учебного материала, сколько *повторяемость* его.

Обучение в школе I ступени первых лет революции содействовало формированию активности ребёнка, живо и радостно откликающегося на впечатления окружающего мира, восприимчивого, всем интересующегося. Это было большим достижением советской школы. Но вместе с тем обучение большей частью не закладывало фундамента для глубины знаний, необходимой для последующих ступеней обучения. Явления жизни больше схватывались на лету в их образности и конкретности, нежели исследовались в их причинной зависимости и действительных связях. В обучении было больше эмоциональных элементов, чем познавательных.

Совершенно неслучайно поэтому эстетическое воспитание получило такое большое место в школе того времени. Тетради учеников, их письменные работы, по какому бы предмету и вопросу они ни были, полны выполненными цветными карандашами рисунками, виньетками, заставками, диаграммами, фотомонтажем и т. д., выполненными по-детски, но часто с большим художественным вкусом, с гам[illegible]й тонко подобранных красок.

В школе I ступени отмеченные характерные черты обучения проявлялись сильнее, нежели в школе II ступени, где без запоминания правил, формул, без анализа фактов нельзя двигаться дальше.

В школе II ступени ведущая роль также принадлежала русскому языку и литературе и математическим наукам. Большое место уделялось также общественно-историческим предметам (обществоведению, куда входили элементы политической экономии, истории социализма и революционного движения, гражданской истории и Конституция РСФСР). Цикл естествоведческих наук (биология, физика, химия) был по сравнению с дореволюционной средней школой сильно расширен.

При преподавании русского языка и литературы много внимания уделялось письменным работам учащихся творческого характера (сочинениям, рефератам), однако недостаточно были поставлены письменные работы — упражнения по орфографии (диктанты), почти исключалось промежуточное звено — упражнения, приучающие учащихся к письменному изложению мыслей, так называемые изложения (или, как они именовались в дореволюционной школе, «переложения»), когда от учащихся требуется изложить своими словами прочитанный или выслушанный рассказ или описание.

В противоположность прежней школе, где история литературы нередко проходилась только по учебнику Незеленова, Сиповского и др., без самостоятельного чтения художественных произведений лучших русских писателей или же с чтением отрывков из этих произведений, в советской школе рассматриваемого периода учащиеся читали изучаемые произведения, писали рефераты о них на указанные преподавателем темы, обсуждали их в классе.

По математике курс был расширен по сравнению с дореволюционной средней школой включением в него некоторых элементов высшей математики и сведений по истории математики. Вторым отличием было устранение формализма в преподавании математики и установление её связи с жизнью (применение математики в технике, строительстве, военном деле), тогда как старая школа ограничивалась почти исключительно абстрактным преподаванием математики с целью развития математического мышления. Эта последняя задача не отвергалась советской школой, но дополнялась практическим применением математических знаний.

Как видно из сказанного, курс математики в школе II ступени был значительно расширен, между тем (даже при увеличенном по сравнению с гимназией числе часов) времени на достаточное закрепление знаний было недостаточно, отсюда получились у значительной части учащихся недостаточная прочность математических знаний и недостаток навыков при решении задач.

По общественно-историческим наукам учащимся сообщались сведения из политической экономии, основ учения о государстве и Конституции РСФСР, давалось элементарное знакомство с основами марксизма; учащиеся знакомились с историей социализма и революционного движения; по гражданской истории про-

водилось изучение не только царствований и войн, но и истории народов, их классовой борьбы, политического, хозяйственного и культурного развития.

Недостатками преподавания этого цикла были:

1) влияние экономического материализма (в частности, с политической экономией учащиеся знакомились по Богданову); 2) влияние механистического материализма, идеализма и социологизаторства в трактовке истории (Покровский, Рожков, Виппер); 3) перегрузка программ малодоступным по возрасту учащихся материалом и обилие этого материала. Всё это приводило к недостаточному закреплению исторических знаний, к слабому знакомству учащихся с конкретными историческими событиями и деятелями и с хронологией. На преподавании общественно-исторического цикла особенно сильно сказывалось отсутствие доброкачественных учебников.

В преподавании физики, химии и биологических наук, благодаря большому вниманию, которое уделялось на лабораторные работы, были достигнуты значительные успехи. По сравнению с дореволюционной средней школой учащиеся получали много больше знаний и лучше их закрепляли. Преподавание этого цикла имело большое значение для развития материалистического мировоззрения. Ценным было также указание на практическое значение знаний по физике, химии, естествознанию.

Во многих школах II ступени было введено преподавание ручного труда.

В методике учебной работы продолжали развиваться качественно и охватывать новые школы те методы учебной работы, которые наметились уже в первом году существования советской школы.

Рассказ, объяснение и лекция учителя. Рассказ как метод использовался преимущественно в младших и средних классах, лекция — исключительно в старших. По сравнению с дореволюционной школой рассказ отличался большой образностью, эмоциональностью. При отсутствии новых учебников эти методы играли бо́льшую роль, нежели в дореволюционной школе и советской школе на следующих этапах.

Беседа так же, как рассказ и объяснение, была одним из самых распространённых методов. Роль беседы усугублялась установкой на развитие самостоятельного мышления и наблюдательности учащихся.

Работа учащихся с книгой и учебником. Этот метод в рассматриваемый период по некоторым предметам (общественно-исторический цикл, литература) применялся меньше, чем в дореволюционное время и на следующих этапах советской школы, вследствие неприемлемости большей части прежних учебников. В то же время значительно большее развитие получила работа с книгой как источником знаний (произведения художественной литературы, исторические документы и пр.). Довольно широко в старших классах использовались как учебный материал газета и журнал.

Письменные и графические работы учащихся применялись очень широко. Особенное развитие получили графические работы: рисунки, вычерчивание схем, диаграмм и карт, чертежи и т. д. Нередко в школах составлялись тематические альбомы. Все эти приёмы, взятые в совокупности, получили в этот период название «иллюстративного метода».

Инспектор Наркомпроса, характеризуя обследованные им в 1918 г. школы Вологодской губернии, пишет, что школы эти «переживали эпоху повсеместного почти применения иллюстративного метода»[1]. В Моршанском уезде Тамбовской губернии около половины школ применяли иллюстративные приёмы обучения[2]. Подобных примеров, подтверждающих наш вывод, можно указать ещё много.

Демонстрация таблиц, диаграмм, схем, картин, моделей, приборов, коллекций и пр. применялась в школах очень широко. Наглядное обучение было поставлено несравненно шире, чем в дореволюционной школе.

Лабораторные работы учащихся по биологическим дисциплинам, физике и химии применялись часто и делали занятия учащихся активными, интересными.

Экскурсии были в рассматриваемый период одним из самых распространённых методов. Они широко применялись при преподавании естествознания, географии; значительное место в учебном процессе заняли экскурсии исторического и литературоведческого характера в тех школах, которые были расположены вблизи местностей, замечательных в историческом отношении или связанных с творчеством известных писателей, а также в школах, расположенных в городах, где имелись музеи.

Так, бывшая учительница Богородской школы II ступени (Московской области) М. Г. Смирнова в своих воспоминаниях говорила: «При изучении литературы учащиеся читали произведения великих писателей, писали рефераты, которые затем обсуждались в классе. Проводились литературоведческие экскурсии. Так, при изучении Л. Н. Толстого учащиеся посетили Толстовский музей и дом Толстого в Хамовниках.

Были проведены и другие экскурсии в подмосковные усадьбы, где жили известные писатели. Результаты экскурсий оформлялись в виде зарисовок, рефератов и т. д.»[3].

По данным основного обследования 1920 года, произведённого Центральным статистическим управлением, из 49 687 школ

---

[1] Центр. Архив Октябрьской революции, фонд 1575, опись 4, дело 273, лист 8.

[2] Положение учебного дела в Моршанском уезде, «Вестник просвещения», Тамбов, 1919, № 4, стр. 19.

[3] Запись беседы, проведённой автором этой работы с учительницей М. Г. Смирновой в Московском доме учителя 19 мая 1937 г.

I ступени, давших сведения по вопросу об экскурсиях, последние применялись в 20 220 школах (40,7%). В школах второй ступени экскурсии нашли себе ещё более широкое применение, а именно: из 2 488 школ их применяли 1 634, т. е. 65,7% школ [1].

Некоторое сочетание указанных выше методов, в которых большую роль играла самостоятельная работа учащихся, их двигательная деятельность и ручной труд, получило у педагогов того времени неправильное название «трудового метода», «активно-трудового метода» и т. п.

Развитие лабораторных занятий учащихся требовало организации физических, химических и естествоведческих кабинетов. Отделы народного образования и наиболее передовые коллективы педагогов приложили много усилий, чтобы удовлетворить эту потребность школ.

Лучшие опытно-показательные школы, кроме этих прекрасно оборудованных кабинетов, имели класс (или студию) рисования, физкультурный зал. Так, в организованной в 1919 г. из бывшего реального училища опытно-показательной школе имени Тимирязева в г. Богородске Московской обл. (ныне г. Ногинск) «имелись прекрасные физическая и химическая лаборатории. Была прекрасная художественная студия. Затем был организован музыкальный класс и построен в общей системе классов-лабораторий. Оборудование мы получили уже по своей инициативе. При содействии отдела народного образования мы получили биологический музей, состоявший из двух отделений. В зоологическом отделении были чучела — семья медведей, семья волков, все водные и другие птицы, масса спиртовых аппаратов, сухие препараты. Была очень хорошая коллекция жуков и бабочек. Был и живой уголок — аквариум и террариум. Было богатое ботаническое отделение. Кроме того, школа имела питомник древесных и кустарниковых пород. Небольшой сад был заложен педагогическим персоналом. Физический кабинет был расширен хорошей астрономической вышкой. Была приобретена великолепная труба по рекомендации Пулковской обсерватории». Так описывает оборудование этой школы бывший её руководитель, врач П. М. Ивановский [2].

Кроме отделов народного образования, на помощь оборудованию школьных кабинетов охотно приходили высшие учебные заведения.

Конечно, такое богатое оборудование кабинетов, какое имелось в опытно-показательных школах, было далеко не во всех школах. Хорошо были оборудованы также школы, преобразованные из бывших реальных училищ и в особенности из бывших коммерческих училищ, расположенных даже в глубине РСФСР и далёкой Сибири, например, Вятская школа II ступени им. Красина, Черемховская школа II ступени Иркутской губ. В Черемховской школе (бывш. коммерческом училище в шахтёрском посёлке Черемхово, в 140 километрах от Иркутска) были «великолепные физический и химический кабинеты и мастерские в особом здании» [1].

Новые школы II ступени, — особенно, если учесть быстрый рост их сети и невозможность вследствие интервенции, блокады и хозяйственных затруднений периода гражданской войны ни выписать оборудования из-за границы, ни организовать производство его в широких размерах в РСФСР, — были оборудованы в рассматриваемое время хуже, но во всяком случае в большинстве из этих новых школ организовывались кабинеты. Многое (коллекции, гербарии, таблицы и пр.) делалось самими учителями при активном участии учащихся, чему сильно содействовали экскурсии, методические объединения и курсы-съезды учителей, на которых нередко ставились практические занятия по изготовлению наглядных пособий.

Большие затруднения испытывали школы из-за недостатка новых, идеологически выдержанных учебников. В 1918 г. были переизданы частными издательствами несколько учебников, например: «Новый русский букварь» Флёрова, учебник истории Виппера, «Русская история» Сивкова и др.

Как уже указано в очерке первом, некоторые ответственные сотрудники Наркомпроса неправильно отрицали необходимость учебников.

В этих выступлениях против учебника не учитывалось, о *каком* учебнике идёт речь. Отвергая учебник дореволюционной царской школы, насыщенный монархизмом, шовинизмом и религиозностью, указанные работники Наркомпроса неправильно переносили это отрицательное отношение к старому учебнику на учебник вообще, не учитывая изменившейся исторической обстановки.

Против этого голого отрицания учебника на одном из заседаний коллегии Наркомпроса выступила Н. К. Крупская, говоря: «Учебники не должны быть отменены. Учебник как печатный материал, данный в руки учеников, ничего дурного сам по себе не представляет. Другое дело, как он будет использоваться» [2].

Постановлением Наркомпроса от 19 сентября 1918 г. о торговле учебниками и учебными пособиями [3] был установлен учёт рыночных запасов учебников и учебных пособий.

---

[1] «Народное образование по основному обследованию 1920 г.», вып. II, стр. 18 и 36.

[2] Стенограмма доклада П. М. Ивановского на вечере воспоминаний в Институте теории и истории педагогики Академии педагогических наук 12 декабря 1946 г.

[1] Стенограмма доклада бывш. учительницы этой школы А. И. Воскресенской-Есиповой на вечере воспоминаний в Институте теории и истории педагогики АНП 12 декабря 1946 г.

[2] ЦГАОР, фонд Наркомпроса, 1918, д. 86, ч. I.

[3] «Народный комиссариат по просвещению 1917 г. — октябрь 1920 г.», краткий отчёт, стр. 11.

В 1919 г. было издано распоряжение об изъятии из школьных библиотек учебников, несовместимых с духом советской школы [1]. По истории были изъяты учебники Иловайского, Рождественского, Беллярминова, Елпатьевского, Пузицкого, Пуцыковича, Сахарова, Романовского; по литературе — хрестоматии Галахова, Филонова, Поливанова; по естествознанию—учебники Износкова, Персонального и др., по географии — Янчина. Однако даже большая часть учебников, допущенных и даже рекомендованных отделом реформы школ Наркомпроса, далеко не отвечала требованиям.

Школа ощущала огромную потребность в идеологически выдержанном, хорошем учебнике. Поэтому было предложено немедленно создать образцовые учебники по истории культуры с разделом о Великой Октябрьской революции, а также по советской Конституции.

В 1920 г. ВЦИК по докладу т. Луначарского о состоянии дела народного образования в числе других мероприятий выдвинул создание «необходимых учебных пособий, выделив с этой целью несколько товарищей, освободив их от других работ».

В статье «О работе Наркомпроса» В. И. Ленин выдвинул создание хорошего учебника как одну из задач для коммуниста-просвещенца, которая покажет уменье двигаться вперёд на деле.

Эти директивы двинули дело издания советского учебника; в 1921 г. был объявлен конкурс на составление букваря и книги для классного чтения и был разработан план издания 16 учебников.

Школы в своей учебной работе большей частью продолжали пользоваться допущенными учебниками дореволюционных изданий, иногда вырезая из них некоторые разделы и статьи и внося устные поправки путём объяснений учителя. По некоторым же предметам и разделам курса (особенно по циклу общественно-исторических дисциплин), которых не было в старой школе, преподавание шло без учебников, путём лекций и рассказа учителя, что заставляло учителей очень интенсивно готовиться к занятиям.

Формой обучения был урок, проходивший благодаря применению разнообразных методов обучения и установке на развитие самостоятельного мышления и наблюдательности ученика, у большинства учителей, получивших уже к этому времени значительный методический опыт, очень живо, с применением наглядности. В некоторых школах, с целью дать учителям возможность проводить частые экскурсии или не отрывать учащихся от лабораторных занятий, были введены сдвоенные уроки, продолжительностью в 90 минут. В подавляющем большинстве школ продолжительность урока оставалась обычная: 45—50 минут.

---

[1] «Народный комиссариат по просвещению 1917 г. — октябрь 1920 г.», краткий отчёт, стр. 11.

Надо отметить, что выступления в печати против урока (так, например, П. П. Блонский в своей книге «Трудовая школа» назвал урок «педагогическим предрассудком» и характеризовал учебный день школы с его расписанием сменяющих друг друга уроков по различным учебным предметам «педагогическим винегретом») успеха среди учителей-практиков не имели. Кое-где, как мы отметили, были введены лишь сдвоенные уроки.

Ряд губернских и уездных отделов народного образования не счёл возможным последовать запрещению Наркомпросом домашних заданий, что было формулировано статьёй 17 положения о трудовой школе («Задавание обязательных уроков и работ на дом не допускается»). К тому же учащиеся были большей частью настолько увлечены новыми методами и новой организацией обучения, настолько вместе с лучшими учителями охвачены пафосом перестройки школы, задания были настолько интересны и необременительны, а само запрещение сформулировано в несколько смягчённой редакции (запрещалось задавание *обязательных* уроков и работ), что домашние задания в подавляющем большинстве школ не отменялись.

Так, в Пензенском уезде учителя задавали уроки на дом [1]. В обзоре состояния школьного дела в Московской губернии за 1918—1919 гг. мы читаем: «Приняв во внимание целый ряд заявлений и нареканий учащих, отдел (нар. обр.) стал на ту точку зрения, *что домашние работы крайне желательны, а подчас и совершенно необходимы* для правильно организованной работы»[2]. В Курской губернии во многих школах родители требовали, чтобы их детям задавали уроки на дом, и школы принуждены были, учитывая пожелания родителей, идти на уступки [3].

Таково же было и отношение отделов народного образования ряда губерний и многих учительских коллективов к постановлению Наркомпроса от 31 мая 1918 г., запретившему оценку успеваемости балльной системой, и к дополнительному циркуляру отдела единой школы Наркомпроса от 2 июня 1919 г., гласившему: «Отдел единой школы предлагает всем губернским, уездным и городским ОНО разъяснить школьным советам, что в виду ст. 19 положения о единой трудовой школе, отменяющей все экзамены, вступительные, переводные и выпускные, никакие испытания, какое бы название они ни носили: собеседование, коллоквиум, зачёты и т. п., не должны быть допущены при переводе учащихся из одной группы и ступени в другую, а равным образом и при выпуске из школы, и что степень подготовленности учеников должна быть устанавливаема во время обычных заня-

---

[1] О реформе школы в Пензенской губернии («Народное просвещение», 1919, № 13—14, стр. 140).

[2] Несколько итогов («Народное просвещение», 1919, № 34, стр. 11).

[3] Центральный архив Октябрьской революции, фонд 1575, оп. 4, дело 155, лист 77.

тий в школе». Если учесть при этом, что статьёю 17 положения о единой трудовой школе задавание обязательных уроков и работ на дом не допускалось, то по существу отменялся и текущий учёт.

Вместо учёта знаний учащихся школы стали практиковать учёт школьной работы в целом в форме отчётных выставок за год, полугодие и по отдельным темам. (Так, после изучения творчества Пушкина устраивалась «пушкинская выставка».) Индивидуальный учёт почти отсутствовал.

Естественно поэтому, что к концу периода, в 1920 г., целый ряд губернских и уездных отделов народного образования вынужден был вопреки прожектёрским установкам отдела единой школы Наркомпроса ввести учёт в форме собеседований, репетиций, зачётов (Псковский, Рыбинский, Самарский и др. губОНО). Московский отдел народного образования в том же году пришёл к выводу, что «необходимо систематическое подведение итогов знаний учащихся». В Рязанской губернии было предписано школам производить проверку знаний учащихся «путём письменных работ, публичных репетиций и собеседований по прохождении известного отдела по каждому учебному предмету» [1].

В Троицкой школе II ступени (Челябинской губ.) в 1919/20 и 1920/21 учебных годах «учёт успеваемости учащихся производился в младших классах на основании текущего ежедневного спрашивания, а в старших — на основании зачётов в виде докладов, рефератов. Оценка знаний отмечалась таким образом: «очень хорошо», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно» [2].

Таким образом, практика советской школы по вопросу о домашних заданиях и оценке успеваемости в значительном числе школ была здоровой.

Классовая борьба, которая велась в стране, имела место и в повседневной жизни школы. При ликвидации прежних гимназий и реальных училищ, при организации школы II ступени, построенной на принципе общедоступности, при усилиях советской власти дать повышенное образование детям рабочих и крестьян, в новой школе встретились дети обеспеченных материально родителей, учившиеся раньше в привилегированной средней школе, и дети рабочих и крестьян, которым раньше почти не было доступа в среднюю школу. В воспитательной работе передовому учительству пришлось преодолевать во многих школах влияние настроенных враждебно к Октябрьской революции буржуазных семей на их детей, учившихся в новой, советской школе. Эта воспитательная работа преданных коммунистической партии и советской власти учителей осложнялась и затруднялась необходимостью борьбы с частью буржуазно настроенных учителей этих же школ.

[1] ЦГАОР, фонд 1575, оп. 4, дело 323, л. 35.

[2] Воспоминания учителя Г. И. Филипповича, сообщённые автору этой работы.

Идейно-политическое воспитание учащихся при этих условиях представляло особо трудную задачу. На это воспитание передовая часть учительства обращала очень большое внимание.

По сравнению с дореволюционным временем содержание обучения стало принципиально иным. Если в течение первого года существования советской школы, как мы видели в очерке I, ещё кое-где имело место необязательное обучение детей закону божию на средства родителей, то в период гражданской войны и интервенции принцип отделения школы от церкви проводился уж более строго: в школьных помещениях преподавание религии хотя бы в частном порядке не разрешалось.

Принятая на VIII съезде Коммунистической партии в 1919 г. программа давала дальнейшие по сравнению с декретами 1918 г. директивы:

«По отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т. е. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет в своих программах, но нигде в мире не довела до конца, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой... Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду».

Школа стремилась воспитать у детей материалистическое понимание явлений природы и жизни общества. Не ограничиваясь безрелигиозным воспитанием, многие школы проводили антирелигиозное воспитание, особенно путём внешкольной и внеклассной работы (организация антирелигиозных докладов, лекций и выставок, особенно в период крупных церковных праздников — рождества, пасхи и т. п.).

Воспитание *коллективизма,* которому, как мы видели в очерке «Первый год советской школы», декларация о единой трудовой школе уделяла очень большое место, сделалось одной из важнейших задач воспитательной работы. Н. К. Крупская в своих многочисленных статьях и выступлениях признавала эту сторону воспитательной работы одной из важнейших, подчёркивая значение общественного дошкольного воспитания, организации школьного самоуправления и внеклассной работы (кружков), организации физического, трудового и эстетического воспитания для воспитания коллективизма. Борьба с белогвардейцами и интервентами требовала сплочения всех сил молодой Советской республики в крепкий коллектив.

Хозяйственные затруднения того периода преодолевались только дружной работой. Дети на каждом шагу видели примеры, как

много значит коллектив в жизни, борьбе и работе. Получившая большое распространение среди учительства книга П. П. Блонского, была по существу прожектёрской, она не только не помогала, но явно препятствовала правильной постановке коммунистического воспитания.

Те большие усилия, которые затрачивали учителя на организацию учебно-воспитательной работы школы, на её оборудование и удовлетворение её хозяйственных нужд, помощь населения школе, тесное общение учителей с учащимися, кружковая твор-

Н. К. Крупская

ческая работа детей — всё это содействовало воспитанию коллективизма.

Вспоминая о своей работе в далёкой, заброшенной в тайге (140 километров от Иркутска) Черемховской школе II ступени после разгрома колчаковских банд, А. И. Воскресенская-Есипова говорит: «Всё мы создавали сами. Вместе с детьми выходили на каток, на горку, вместе ходили работать, вместе с ребятами спускались в шахты на воскресники. Такое общение с детьми, особенно со средними и старшими, давало большое удовлетворение. Мы знали детей, дети знали нас, и педагогический процесс шёл очень хорошо. У нас часто устраивали концерты силами педагогов и силами учащихся. Первомайский праздник я проводила с детским населением Черемхова, организовала учителей и всю

детскую массу с выходом в соседнюю рощу на праздник и старалась показать учителям, как можно организовать весёлый праздник общими силами»[1].

Школьное самоуправление, организации учащихся, ученические кружки служили мощным средством воспитания коллективизма. Каких-либо установленных, указанных Наркомпросом форм ученических организаций в рассматриваемый период ещё не было. Они вырабатывались на местах и отличались поэтому большим разнообразием. Большею частью это был коллектив классных (групповых) старост, избираемых на общих собраниях старших групп, начиная с IV—V группы, отдельно по каждой группе. В некоторых школах школьное самоуправление копировало государственное устройство Советской республики — совет депутатов учащихся как общешкольный орган, причём выборы проводились по группам (классам) школы. Этот «совет депутатов учащихся» выбирал для повседневной работы исполком, члены которого распределяли между собой функции: культурно-просветительную, санитарную и другие работы.

Кое-где в качестве внешкольной (или, лучше сказать, общешкольной) организации учащихся организовались профсоюзы учащихся. Так, в 1919 г. организовался «профсоюз учащихся советских трудовых школ г. Воронежа», задача и организация которого описаны следующим образом[2]:

«Профсоюз учащихся — междушкольное корпоративное объединение. Его задача — охрана профессиональных прав учащихся. Он посылает своих представителей в разные учреждения, заботится о помощи беднейшим учащимся, ведёт просветительную работу. Его лозунг — «Содействие советской власти в проведении в жизнь единой трудовой школы и активное участие в организации школьной жизни». Союз объединяет все школы II ступени г. Воронежа с 5 000 учащихся. Каждая школьная организация посылает своих делегатов в совет делегатов учащихся, а он выделяет исполком». Кроме этой организации, в Воронеже, как и в других городах, существовали в каждой школе ученические самоуправления (советы старост), представители которых участвовали в школьном (педагогическом) совете.

По политическому признаку учащиеся г. Воронежа, как и других городов, входили в Союз коммунистической молодёжи (в г. Воронеже он объединял около 150 учащихся).

Представители учащихся старших классов участвовали в педагогических советах, давали характеристики всех учащихся, которые принимались во внимание при решении вопроса о переводе в следующий класс.

---

[1] Стенограмма доклада А. И. Воскресенской-Есиповой на вечере воспоминаний в Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР 12 декабря 1946 г. (Воспоминания относятся к 1920—1921 гг.)

[2] Е. Бабицкий, Жизнь учащихся в г. Воронеже, журн. Воронежского губОНО «Революция и просвещение», 1919, № 1 и 2.

Большое место в воспитательной работе школы занимало трудовое воспитание.

Элементы политехнического обучения давались новым направлением самого обучения математике, физике, химии, естествознанию; учащимся сообщались сведения о применении соответствующих знаний в технике и сельском хозяйстве. При обучении географии обращалось большое внимание на сырьевые богатства Советской республики. Учащихся старались знакомить с крупными промышленными предприятиями и крупным сельским хозяйством путём экскурсий.

Всё больше и больше школы увлекались постановкой преподавания ручного труда. Наиболее распространёнными видами ручного труда в рассматриваемый период были столярное и слесарное ремёсла и сельское хозяйство. Кое-где ставилось преподавание корзиноплетения, переплётного дела, сапожного ремесла, шитья. Большая часть школ, имевших пришкольные участки, организовала работу учащихся на этих участках. Городские школы, не обладавшие этими участками, организовывали в некоторых городах коллективные школьные огороды, иногда довольно значительных размеров (Кострома, Саратов). В распоряжении Саратовского отдела народного образования было около 60 гектаров земельных участков и садов, на которых под руководством 12 агрономов работали учащиеся школ I и II ступени [1].

Декретом Совнаркома от 14 мая 1919 г. Наркомпросу было предоставлено право занимать земельные участки для осуществления программы трудовой школы [2].

На пришкольных участках, часто пустовавших до Октябрьской революции, учителя совместно с учащимися разводили сады, ягодники, огороды. Сельскохозяйственный труд в течение рассматриваемого периода был не только средством трудового воспитания и углубления знаний по естествоведению, но и значительным средством улучшения питания учащихся. Продукция школьных огородов использовалась для организации горячих завтраков в школах.

Самообслуживание как форма трудового воспитания в рассматриваемый период получило большое распространение, несмотря на предостережения против увлечения самообслуживанием со стороны Н. К. Крупской, А. В. Луначарского и заведующей школьно-санитарным отделом Наркомпроса В. М. Величкиной (Бонч-Бруевич).

Некоторая переоценка самообслуживания как средства трудового воспитания в тот период гражданской войны и интервенции была обусловлена не только соображениями идейного характера — стремлением сделать детей более активными, развить в них инициативу, уменье преодолевать трудности и удовлетворять

[1] Хроника школы, журн. «Народное просвещение», 1919, № 33.

[2] Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию, вып. II, стр. 25.

по возможности своими силами свои потребности. Дети стремились посильно участвовать в строительстве школы. Дружный труд педагогов и учащихся развивал дух коллективизма. Надо учесть, что школа испытывала большие хозяйственные затруднения: технического персонала, обслуживавшего школы, нехватало; многие школы в сельских местностях не имели сторожей, на обязанности которых раньше лежали поддержание чистоты, топка печей, уборка снега и т. д.; большие затруднения испытывала школа с заготовкой дров и т. д. При том пафосе строительства, который был характерен для педагогов и учащихся того времени, вопрос разрешался естественно: надо сделать самим. В самых далёких от общеобразовательных целей видах труда, вызванных нуждою того времени, педагоги стремились создать у детей сознательное отношение к труду.

Так, учителям и учащимся 27-й школы второй ступени в Петрограде пришлось взять на себя большую работу по приобретению и доставке 720 погонных саженей дров для отопления семиэтажного здания школы. «Если всё это было выполнено, то исключительно благодаря учащимся. Перед каждой такой работой устраивалось общее собрание, выяснялась необходимость такой работы, создавался некоторый энтузиазм у учащихся... Учителя стремились разъяснить учащимся принципы рычагов 1-го и 2-го рода, правила наклонной плоскости, законы инерции и т. п.» [1].

Так же, как и в первом году существования советской школы, большое внимание обращалось на интернациональное воспитание, средством которого служили беседы, чтение газет, празднование 1 Мая — интернационального праздника труда и т. д.

В период гражданской войны и интервенции понятие интернационального воспитания было уточнено, конкретизировано, обогащено и дополнено идеей советского патриотизма, ясно осознанной всеми, кому дорога была молодая Советская республика, необходимостью защищать социалистическую родину от врагов. Много преданных коммунистической партии учителей и ещё больше комсомольцев, в том числе учащихся старших классов школы II ступени и студентов, приняли участие в героической борьбе против белогвардейцев и интервентов.

В некоторых местах прифронтовой полосы школы вынуждены были временно эвакуироваться или спешно приготовляться к эвакуации.

Так было, например, в Вятской школе II ступени (впоследствии опытно-показательной школе имени Красина), где работал сплочённый прогрессивный коллектив учителей. «Началось наступление Колчака. Вятка стала прифронтовой полосой. Встал вопрос о прекращении работы и спешной подготовке к эвакуа-

[1] И. Челюскин, Опыт года работы школы («Народное просвещение», 1920, № 62—64).

ции. От губернского отдела народного образования мы получили распоряжение в течение двух суток подготовиться к эвакуации и упаковать всё школьное имущество. Началась спешная работа днём и ночью. По кабинетам шла упаковка приборов, лабораторного оборудования и вообщее учебных пособий. В библиотеке в тюки укладывали книги. В мастерской все старшие ребята срочно сколачивали ящики... В специально ведущемся протоколе из часа в час отмечались новые десятки приготовленных ящиков и тюков и новые данные о ходе работ по кабинетам. Работали спешно, настойчиво, но и с глубокой болью: самим приходилось разрушать всё то, что с такими трудностями, любовью и вниманием созидалось. Наше детище, наша школа становилась жертвой озверелой белогвардейщины. Мучительно тяжело, но иначе нельзя. Упаковка шла спешно. Протокольная запись гласила: «Упаковка имущества школы закончена; упакованы 31 ящик с учебными пособиями и 65 тюков с книгами». Сообщив губернскому отделу народного образования, стали ждать грузовиков для отправки на вокзал. Ждали 2, 3, 5 часов, весь день — грузовиков нет. Снова снеслись с губернским отделом. Получили ещё непонятный, но смутно волнующий ответ: «С отправкой пока подождать». Ещё день-два томительного ожидания, а далее проблески радостной надежды. Движение Колчака приостановлено; может быть, эвакуация не будет нужна. Так напряжённо прошло около недели. Постепенно положение выяснялось. Колчак, гонимый Красной гвардией, начал отступать»[1].

Дисциплина учащихся по сравнению с первым годом советской школы, когда не были ещё в большинстве школ найдены новые её формы и слишком чувствовался бурный переходный момент от старой школы к новой, значительно улучшилась: налаживалось самоуправление учащихся, сильно способствовавшее повышению дисциплины; влияла на учителей и учеников серьёзность переживаемого периода — нависшая над молодой республикой опасность интервенции; только при условии дисциплины можно было общими усилиями удовлетворять неотложные хозяйственные нужды школы. Учительство стало критически относиться к «теории свободного воспитания», влияние которой в течение первого года советской школы было, как мы видели, довольно сильным. Большую роль в борьбе за дисциплину учащихся стал играть комсомол.

Бывший учитель Троицкой (Челябинская губ.) школы II ступени Г. И. Филиппович пишет в своих воспоминаниях: «Дисциплина в школе была хорошая. В классе были дежурные. Каждый учащийся имел в классе своё место. Ученики уходили из класса не все вдруг, а в известном порядке, без шума и толкотни».

[1] Неопубликованная рукопись Е. Н. Манохиной-Чунихиной «Страницы из истории русской школы», стр. 232—233 (из материала Института теории и истории педагогики АПН РСФСР).

Бывшая учительница Богородской школы II ступени (Московская губ.) М. Г. Смирнова сообщает: «Дисциплина была хорошая. Большое значение имело самоуправление учащихся. В системе самоуправления очень большое значение имели старосты. Перед выборами старост мы, учителя, подготовляли учащихся к этим выборам. Мне вспоминается то время, как время большого творческого подъёма». Бывшая учительница школы I ступени Валдайского уезда (Новгородской губ. О. П. Фатькина) также характеризует дисциплину того времени как хорошую. Бывший учитель 109-й школы II ступени г. Москвы А. С. Бондарский пишет: «Дисциплина зависела от учителя, но в общем была расшатана. На одном из общих собраний учащихся было постановлено исключить ученика из школы за безобразное поведение на уроках. Это решение учащихся было приведено в исполнение»[1].

Наряду с этим, в ряде школ под влиянием прожектёрских извращений наблюдалась настолько неудовлетворительная дисциплина, что перед руководителями Наркомпроса встал вопрос о мерах повышения дисциплины. Замнаркома по просвещению М. Н. Покровский в тезисах об очередных задачах школьного строительства в начале 1919/20 учебного года подчеркнул, что укрепление среди подрастающего поколения трудовой дисциплины должно быть поставлено как одна из первоочередных задач[2].

Отвечая на разосланную Наркомпросом анкету о состоянии школьного дела, многие губернские и уездные отделы народного образования на вопрос о дисциплине писали, что она недостаточна, и указывали на необходимость ввести твёрдую трудовую дисциплину.

В своей речи на III съезде Комсомола в октябре 1920 г. В. И. Ленин подчеркнул громадное значение сознательной дисциплины. Эта ленинская директива сильно способствовала повышению дисциплины в школе.

Физическое воспитание, которое заняло большое место в советской школе уже в первом году её существования, продолжало развиваться. Гражданская война показала, что граждане советской республики должны быть всегда готовы к защите родины, и тем подчеркнула большое значение физкультуры, выработки выносливости, ловкости и других необходимых качеств защитников социалистического отечества.

Тяжёлое продовольственное положение страны в результате гражданской войны и интервенции, отрезавшей хлебородные районы, усилило заботу Советского правительства о питании школьников. По соглашению Наркомпроса с Наркомпродом от 19 марта 1919 г. все учащиеся неурожайных губерний до 14 лет вклю-

[1] Записи воспоминаний сделаны самими учителями в беседе с автором настоящей работы в Московском доме учителя 19 мая 1937 г.

[2] ЦГАОР, фонд 1575, опись 6, дело 4, лист 67.

чительно и все учащиеся старше 14 лет школ II ступени, где введено трудовое начало, переводились на продовольственный паёк первой категории [1].

Организация детских летних колоний для городских школьников, начатая ещё в первом году существования советской школы, получила дальнейшее развитие. Живя лето в бывших помещичьих домах и монастырских усадьбах, дети получали усиленное питание, пользовались купаньем, свежим воздухом, работали в сельском хозяйстве и устраивали подвижные игры. Из Москвы в 1918 г. было вывезено в летние колонии, как было указано в первом очерке, 10 000 детей, а в 1919 г. — 20 300 детей и в 1920 г. — 31 800 детей.

В первом учебном плане школы-девятилетки уроки физкультуры были введены по 2 часа еженедельно во всех группах, однако физическое воспитание далеко не ограничивалось уроками физкультуры. В первом очерке мы приводили обширную программу работы по физическому воспитанию, которую намечал в школах врачебно-санитарный отдел Наркомпроса и которая, по возможности, реализовалась в 1918—1920 гг.

В постановке физического воспитания в советских школах был с самого начала (а тем более в рассматриваемый период) взят курс на широкие мероприятия в этой области. Гимнастика, уроки физкультуры по 2 часа в неделю во всех классах отнюдь не рассматривались как единственное и главное средство физкультуры. Игры, спорт, естественные движения, пользование воздухом, солнцем, водой играли в постановке физкультуры большую роль.

Организованной 1 января 1919 г. в г. Богородске (ныне Ногинск Московской обл.) опытно-показательной школе им. Тимирязева было дано опытное задание изучить вопрос о физическом воспитании. Школа проводила занятия по всем предметам при благоприятной погоде на открытом воздухе, ставила экскурсии и экспедиции, широко организовала внешкольную работу, тесно связывая физическое воспитание с эстетическим и трудовым (физкультурный кружок, драматический, электротехнический, трудовые занятия на пришкольном участке и т. п.) [2].

Такое же большое внимание уделялось художественному воспитанию. В первом учебном плане школы-девятилетки искусству уделялось до V класса включительно по 3 часа в неделю и в VI—IX классах — по 2 часа. В курсах литературы, географии и др. также много места отводилось художественному воспитанию. Этому же служила широко поставленная внешкольная и внеклассная работа: экскурсии в природу, экскурсии в музеи и на выставки, драматический, хоровой, музыкальный кружки, кружки по рисованию и живописи.

[1] Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию, вып. II, стр. 26.

[2] Стенограмма доклада бывш. руководителя физического воспитания и преподавателя Богородской школы врача П. М. Ивановского на вечере воспоминаний в Институте теории и истории педагогики 12 декабря 1946 г.

В упомянутой выше опытно-показательной Богородской школе из 240 учащихся в драматическом кружке участвовало около 100. Школа ставила такие спектакли, как «Горе от ума», «Ревизор», «Плоды просвещения», причём некоторые из этих спектаклей шли для местного населения по 10—20 раз. «Был большой хор, который давал ежемесячно два концерта, сборы от которых шли на школьные завтраки. Мы даже дали, правда не полностью, постановку оперы «Снегурочка» [1].

На экскурсиях по курсу литературы с целью художественного воспитания Богородская школа применяла следующий приём: «Экскурсия направлялась в глубь парка зимой. Ученики брали тетради и мольберты. Они наблюдали художественную сторону зимней природы в тишине, делая заметки, записи и зарисовки (как учил Чехов — всё нужно записывать: тут скрипнуло, там застучал дятел и т. д.). По этим записям писали небольшие домашние сочинения. Затем уже начинали читать Тургенева, Пушкина и сравнивали своё описание природы с описаниями этих писателей...» [2].

Мы не утверждаем, что во всех школах, особенно в школах сельских, в глубине страны, приёмы художественного воспитания стояли на том же уровне, как в школах крупных городов, особенно в опытно-показательных школах. В большей части школ не было, например, возможности проводить экскурсии в художественные музеи и т. д. Но несомненно одно: школы того времени уделяли художественному воспитанию много места, старались развить у детей художественный вкус, эстетическое отношение к природе, любовь к народному искусству — песне, орнаменту, зодчеству. Большое внимание уделялось художественному оформлению письменных работ по любому предмету. Просмотр детских тетрадей того времени показывает, что очень часто орнамент и рисунки в тетрадях, даже детские, примитивные, сделаны с большим вкусом в смысле гаммы красок (цветными карандашами) и т. п.

6. Школа нерусских народов [3].

Почти все местности, населённые нерусскими народами, явились ареной боевых действий в период гражданской войны. Там, где проходили белогвардейские банды, а тем более там, где они

[1] Стенограмма доклада бывш. руководителя физического воспитания и преподавателя Богородской школы П. М. Ивановского на вечере воспоминаний в Институте теории и истории педагогики АПН 12 декабря 1946 г.

[2] Та же стенограмма.

[3] Раздел написан на основании неопубликованной докторской диссертации старшего научного сотрудника Института теории и истории педагогики АПН РСФСР А. Ф. Эфирова, собравшего и обработавшего обширный архивный и литературный материал по истории нерусской школы. Все сноски и ссылки на источники сделаны в этом разделе по указанной работе А. Ф. Эфирова.

оставались более или менее длительный срок, они уничтожали все культурные учреждения нерусских народов, которые Советское правительство успело открыть за предыдущее время.

Но как только интервенты и белогвардейцы изгонялись из того или другого района, нерусские народы спешили под руководством коммунистической партии и Советского правительства ликвидировать свою былую отсталость. В короткий срок, несмотря на все трудности (отсутствие подготовленных учителей, отсутствие учебников, школьных зданий и т. д.), создавалась густая сеть школ. Энтузиазм населения, возрождённого Октябрьской революцией к новой жизни, преодолевал все препятствия.

Насколько быстро росла сеть нерусских школ и число учащихся в них в годы гражданской войны и интервенции показывают следующие данные:

Чувашия.

	1914	1919[1]	1920[2]
Начальных школ	603	837	873
Средних	—	48	39
Всего учащихся	35 000	73 843	67 451

Татария[3].

	1914	Май 1920 г.	31/XII 1920 г.
Начальных школ	35	123	150
Учащихся	н. св.	13 279	20 201

Сеть школ в Карельской коммуне выросла по сравнению с 1917 г. на 13,6%.

В течение 1919—1920 гг. состоялся целый ряд съездов по просвещению народов Поволжья и Урала, а именно:

1) Всероссийское совещание по просвещению народов нерусского языка. Москва, июнь 1919 г.

2) Всероссийский съезд работников просвещения среди чувашей. Казань, август 1919 г.

3) Губернский съезд работников просвещения мусульман. 1919 г.

4) Всероссийский съезд работников просвещения Мари. Казань, 1920 г.

5) Всероссийский съезд-курсы деятелей просвещения-чувашей. Казань, сентябрь 1920 г.

6) Съезд по народному образованию Коми. Усть-Сысольск, сентябрь 1920 г.

7) Вотский съезд. Сарапул, сентябрь 1920 г.

На этих съездах обсуждались вопросы развития сети школ, подготовки учителей, преподавания на родном языке.

[1] Журнал «Народное просвещение», 1919, № 83.
[2] Труды Центрального статистического управления, т. XII, вып. I, «Народное образование», стр. XV.
[3] «Советское строительство Татарской АССР (1920—1921)», стр. 289.

Организационным, направляющим центром просветительной деятельности среди нерусских народов до начала 1919 г. продолжал оставаться руководимый товарищем Сталиным Народный комиссариат по делам национальностей. В конце 1918 г. за подписью товарища Сталина издаётся инструкция об организации отделов по делам национальностей на местах. По этой инструкции в число обязанностей отделов входило «принятие всех мер к поднятию культурного уровня и классового самосознания среди трудовых масс наций, населяющих данную территорию»[1].

Организуя просветительные учреждения и руководя ими, Народный комиссариат по делам национальностей не имел, однако, средств на их содержание, а получал их от Народного комиссариата по просвещению, что, по мере того как сеть этих учреждений быстро увеличивалась, стало создавать затруднения в работе. Явилась необходимость сосредоточить всё дело управления народным образованием в одном центре. В Наркомпросе была создана национальная секция, куда входили с правом решающего голоса представители от всех национальных отделов. В результате обсуждения вопроса о постановке просвещения нерусских народов появилось Постановление Наркомпроса от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств». Обучение в нерусских школах проводится на родном языке учащихся, управление школами сосредоточивается в Народном комиссариате по просвещению, где организуется отдел школ национальных меньшинств. При областных и губернских отделах народного образования создавались национальные секции или подотделы. С 1 апреля 1919 г. в отдел школ национальных меньшинств Наркомпроса вошли национальные культурно-просветительные отделы Народного комиссариата по делам национальностей в качестве национальных подотделов.

Созванное в августе 1919 г. отделом школ национальных меньшинств Наркомпроса всероссийское совещание по просвещению национальностей подвело итоги большой проделанной работе по просвещению в нерусских районах и наметило перспективы дальнейшей работы.

В 1920 г. под руководством товарища Сталина были разработаны и провозглашены основы автономии татарского, киргизского, карельского, удмуртского, чувашского, мордовского и других народов. С образованием автономных республик этих народов ближайшее руководство народным образованием в них перешло к наркомпросам этих республик.

Наиболее острым вопросом этого руководства был вопрос о подготовке национальных педагогических кадров.

В Чувашии в 1919 г. нехватало 489 учителей. В Татарской автономной республике в 1920/21 г. из 1 431 учителей татар было

[1] «Политика советской власти по национальному вопросу за три года (1917—1920)», 1920 г., стр. 145.

всего 166. Особенно сильно недостаток национальных педагогических кадров ощущался у казахов, башкир и народов Крайнего Севера.

Для подготовки учителей стали открываться в 1918—1919 гг. трёхгодичные педагогические курсы (так, были открыты курсы в Уфе и других городах). Однако ждать выпусков подготовленных только этими курсами учителей было невозможно: это значило бы на несколько лет задержать открытие новых школ. Поэтому стала широко применяться подготовка и переподготовка учителей посредством краткосрочных курсов.

В 1919 г. в Татарии и Чувашии были открыты краткосрочные учительские курсы во всех уездных городах (Чистополе, Краснококшайске, Чебоксарах, Цивильске, Свияжске, Тетюшах и т. д.). На курсах, кроме общеобразовательных и педагогических предметов, значительное место занимали родной язык, этнография, история, литература соответствующего народа.

Широко практиковались для уже работающих учителей курсы-съезды продолжительностью от одного до двух месяцев. В некоторых районах проводились «самокурсы» (так, в Глазовском уезде было 9 самокурсов, в Сарапульском—3, в Малмыжском—2 и т. д.). Эти «самокурсы» выросли из волостных собраний учителей, на которых учителя делали доклады о трудовой школе, о методах обучения, о сельском хозяйстве и т. д. Опытные учителя делились своим опытом с начинающими, устраивались выставки педагогической литературы и ученических работ.

Таким образом, формы и методы подготовки и переподготовки национальных педагогических кадров были чрезвычайно разнообразны. Они показывали горячее стремление возможно быстрее ликвидировать былую отсталость; они способствовали воспитанию в людях новых качеств советских людей. Конечно, краткосрочные курсы и самокурсы не могли дать глубокой подготовки, но они будили мысль, давали направление для дальнейшей самостоятельной работы, сколачивали крепкое ядро коммунистически настроенной, впервые создаваемой национальной интеллигенции, упорным трудом с большевистской настойчивостью повышавшей в дальнейшем своё образование и готовой отдать все свои силы просвещению своего народа на основе ленинско-сталинской национальной политики.

Таким же важным вопросом, как и подготовка педагогов, в национальной просветительной политике был вопрос о создании национальных учебников.

В 1919 г. при отделе просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР была организована редакционная коллегия по созданию национальной литературы и алфавита для народов, не имевших раньше письменности. На местах также создавались авторские коллективы и типографии для издания учебников. В результате этих усилий уже очень скоро (в 1919—

1920 гг.) стали появляться учебники для нерусских школ на родном языке учащихся.

Так, в области Коми были изданы: букварь, первая, вторая и третья книги для чтения, арифметика и учебник естествознания.

Значительное число учебников было издано в 1920 г. на чувашском языке (два букваря, три книги для чтения, арифметический задачник, курс алгебры, учебник природоведения, учебники по географии и истории для школы I и II ступени, учебники чувашского языка).

Развёртывание сети нерусских школ сильно затруднялось отсутствием школьных помещений, но горячее стремление к просвещению местного населения преодолевало и это препятствие. Новые школы, где это было возможно, открывались в реквизированных помещениях и кулацких домах, а также в наёмных помещениях. Самодеятельность населения, стремившегося к знанию, преодолевала и другие препятствия и затруднения, вызванные гражданской войной.

Там, где нехватало школьной мебели (парт), учащиеся сидели на лавках за обычными столами; не было чернил — писали разведённой сажей или сгущённым соком свёклы. Отчёты Наркомпросов автономных республик и инспекторов Наркомпроса РСФСР единодушно отмечают, что нерусские школы почти нигде не испытывали недостатка в топливе благодаря заботам самого населения о школе. Хуже обстояло дело с освещением; почти все школы испытывали острый недостаток в керосине, так как нефтяные районы были отрезаны интервентами и белогвардейцами.

В чрезвычайно трудных условиях гражданской войны и интервенции впервые созданная, при недостатке подготовленных национальных педагогических кадров и отсутствии национальных учебников, нерусская школа в 1918—1920 гг., конечно, далека была от идеала той школы нерусских народов, какой она является теперь, в эпоху сталинских пятилеток. Инспекторские отчёты указывают много недостатков нерусской школы того времени: бедное оборудование, недостаточную квалификацию учителей, несовершенство методики обучения и др.

Однако, если учесть конкретно исторические условия того времени, сравнить достижения нерусской школы с её состоянием в дореволюционное время, можно лишь удивляться, как много было сделано за такое короткое время.

Наибольшим достижением является обучение на родном языке учащихся и быстрый рост сети нерусских школ и числа учащихся.

Огромным достижением ленинско-сталинской национальной политики было также создание школы II ступени для нерусских народов, открывавшей доступ к высшему образованию. Чтобы оценить великое значение этого достижения, надо учесть, что ни

---

[1] Архив Министерства Просвещения РСФСР опись 5, Совнацмен, дело 4.

средних, ни высших школ для нерусских народов Севера и Востока России, Поволжья и Приуралья до революции не было вовсе, а в русских средних школах обучались дети этих национальных меньшинств лишь как очень редкое исключение. Понятно поэтому, с какой радостью встречало местное нерусское население открытие национальной школы II ступени. «Исполнилась долгожданная мечта народов Мари, — писали марийцы в 1919 г. в Наркомпрос РСФСР, — открылась Торьяльская школа II ступени. Нужно себе представить ту энергию, которую пришлось затратить на открытие в такое время школы» [1].

До революции девочки нерусских народов в Поволжье, Приуралье и на Востоке почти не обучались. Октябрьская революция открыла девочкам этих нерусских народов двери школы. Понадобилась большая разъяснительная работа с родителями, чтобы преодолеть консервативные традиции и предрассудки. Статистические данные убедительно показывают, каких успехов достигла Октябрьская революция в этом отношении.

В Больше-Шинской марийской школе I ступени в 1919/20 учебном году обучалось 90 учащихся, из них 50 мальчиков и 40 девочек [2].

В Синерской марийской школе из 37 учащихся — 29 девочек [3].

В чувашской Тогашевской школе II ступени из 74 учащихся — 20 девочек.

Во всех школах II ступени в 1919—1921 гг. было создано школьное самоуправление (ученические организации), во многих функционировали ученические кружки. В ряде школ I и II ступени, где позволяло помещение и имелось оборудование, было введено преподавание ручного труда. При ряде школ, помещавшихся в собственных зданиях, имелись пришкольные участки, где дети знакомились с садоводством и огородничеством. По сравнению с русскими школами РСФСР школы автономных республик несколько отставали в постановке художественного воспитания детей: слабее было поставлено (а во многих школах отсутствовало вовсе) преподавание пения и рисования.

ВЫВОДЫ.

Подводя итоги развитию советской школы в период гражданской войны и интервенции (1918—1920), следует сказать, что это был ***героический период*** *гигантской деятельности коммунистической партии (большевиков), Советского правительства, учительства и советской общественности по строительству советской школы. Быстро росла сеть школ и число учащихся. Ярко выразилось стремление трудящихся к образованию. В этот период было сформулировано в программе РКП(б) значение и задачи советской школы. и социалистические принципы её организации.*

Ленин, уделяя огромное внимание воспитанию, образованию и обучению, часто выступал на съездах по народному образованию и своими указаниями дал направление дальнейшему строительству советской школы. Он указал на необходимость систематических общеобразовательных знаний, выяснил сущность коммунистической морали и пути её воспитания у подрастающего поколения. Ленин указал на необходимость связи обучения с практической работой, сознательной дисциплины, осуществления политехнического образования. Ленин поднял значение учителя, мобилизовал советскую общественность на борьбу с безграмотностью.

В этот же период товарищ Сталин заложил основы просвещения нерусских народов СССР и развития их социалистической по содержанию, национальной по форме культуры.

Терпя лишения, которые явились результатом гнусных попыток белогвардейцев и интервентов задушить Советскую республику, педагоги-большевики и лучшая часть советского учительства работали с большим энтузиазмом, разрабатывая новое содержание учебной работы, овладевая новыми методами обучения и применяя их в практике школьной работы. Творческая педагогическая мысль в эти годы била ключом. Возникли новые типы школы, дававшие среднее образование рабочим и крестьянам — первые рабфаки. Росла сеть детских домов, где на полном содержании государства воспитывались дети, лишившиеся родителей, погибших во время империалистической и гражданской войн.

---

[1] Архив Министерства Просвещения РСФСР, оп. 4, Совнацмен, дело 3, л. 88.
[2] Там же, оп. 5, Совнацмен, 1920, дело 30, л. 13—14.
[3] Там же, оп. 44, Совнацмен, 1921, дело 10, л. 240.

Очерк III.

Советская школа в РСФСР в 1921 - 1929 годах.

1. Задачи школы в связи с экономическим и политическим состоянием СССР. Культурная революция.

По окончании гражданской войны начался период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства.

Выступая 3 ноября 1920 г. на совещании политпросветов, В. И. Ленин указал новые задачи наступающего периода: «...каждая победа на военном фронте освобождает нас для борьбы внутренней, для политики строительства государства» [1].

Задача восстановления подорванного первой мировой и гражданской войнами хозяйства страны и его реорганизации на современной научно-технической основе требовали повышения культуры народных масс и подготовки кадров для этого хозяйства. Новая экономическая политика, как указывал В. И. Ленин на II съезде политпросветов, с особенной силой выдвигала необходимость идейно-политического, партийного просвещения для борьбы с мелкобуржуазной идеологией.

Выступая накануне этого периода (2 октября 1920 г.) на III съезде Комсомола, В. И. Ленин поставил перед молодёжью задачу учиться коммунизму. Правильное усвоение коммунистической теории, развитие коммунистического мировоззрения и уменья приложить его для решения практических задач — такова главнейшая задача, которую поставил В. И. Ленин перед молодёжью.

От овладения коммунистической теорией, от уменья применять её для решения конкретных задач, для борьбы с враждебной буржуазной и мелкобуржуазной идеологией зависел, как указывал В. И. Ленин, результат борьбы — «кто кого».

Ленин призывал молодёжь овладевать систематическими знаниями, которые выработало человечество и закономерным развитием которых является социалистическая культура.

«Старая школа была школой учёбы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мёртвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм» [1].

И. В. Сталин ту же задачу выдвигает перед школой в апреле 1925 г. в обращении к первой всесоюзной конференции пролетарского студенчества.

Он указывал, что надо «добиться того, чтобы пролетарское студенчество стало сознательным строителем социалистического хозяйства и социалистической культуры, — такова первая задача партии... добиться того, чтобы пролетарское студенчество рассматривало себя как неразрывную часть трудящихся масс, добиться того, чтобы студенты чувствовали себя общественниками и вели себя как подлинные общественники, — такова вторая задача партии.

Наконец, о студентах-коммунистах специально. Говорят, что студенты-коммунисты мало успевают в науках... Верно ли всё это? Я думаю, что верно. Но если это верно, то из этого следуют, по крайней мере, два вывода. Во-первых, коммунисты-студенты рискуют стать плохими руководителями социалистического строительства, ибо нельзя руководить построением социалистического общества, не овладев науками. Во-вторых, дело выработки нового командного состава рискует стать монополией в руках старых профессоров, нуждающихся в новой смене из новых людей, ибо нельзя строить новую смену и новых научных сотрудников из людей, не желающих или не умеющих овладеть наукой. Нечего и говорить, что всё это не может не создавать прямой угрозы всему делу социалистического строительства» [2].

Несколько позже, 16 мая 1928 г., в речи на VIII съезде Комсомола товарищ Сталин снова указывает, что молодёжь должна овладеть наукой, и подчёркивает эту задачу как первоочередную:

«Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой, а чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо. Учиться у всех — и у врагов, и у друзей, особенно у врагов. Учиться, стиснув зубы, не боясь, что враги будут смеяться над нами, над нашим невежеством, над нашей отсталостью. Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с её многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должна взять молодёжь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии...

[1] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 454.

[1] Ленин, Соч., т. XXX, стр. 405—406.

[2] Ленин и Сталин о молодёжи, 1938, стр. 280—282.

Овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков-специалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом — такова теперь задача.

Поход революционной молодёжи в науку — вот что нам нужно теперь, товарищи» [1].

Выработка коммунистического мировоззрения, овладение наукой, воспитание уменья применять коммунистическое мировоззрение в практической работе, уничтожение разрыва между теорией и практикой, между школой и жизнью, между знанием и трудом, подготовка кадров для социалистического строительства — такова была главнейшая задача, поставленная Лениным и Сталиным и руководимой ими коммунистической партией для воспитания и образования, а следовательно, перед школой в 1921—1929 гг., когда наша страна сначала перешла к восстановлению народного хозяйства, а затем стала проводить социалистическую индустриализацию.

С этой задачей неразрывно было связано воспитание коммунистической морали, сущность которой В. И. Ленин определил в речи на III съезде Комсомола. Та гигантская борьба, которую вела коммунистическая партия под руководством Ленина и Сталина за социалистическое строительство, требовала воспитания большевистских черт воли и характера, уменья добиваться поставленной цели и преодолевать трудности воспитания сознательной дисциплины и социалистического отношения к труду.

Политика индустриализации, которую вела под руководством товарища Сталина коммунистическая партия, начиная с 1926 г., протекала в условиях сильного обострения классовой борьбы. Пытаясь затормозить и остановить процесс социалистического строительства, буржуазия и её агенты — троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы — стремились повернуть страну назад, на путь капитализма, защищали кулака, пытались расстроить союз пролетариата с крестьянством.

Обращая внимание партии на эту растущую ненависть классовых врагов, разоблачая контрреволюционеров и двурушников, борясь за мощное развитие социалистического строительства, товарищ Сталин и товарищ Молотов на XV съезде ВКП(б) тесно связали с этой борьбой вопросы культурной революции.

Отмечая в своей резолюции по отчёту ЦК это нарастание классовых противоречий, XV съезд ВКП(б) указал, что частнокапиталистические слои города и деревни, смыкаясь с некоторыми бюрократическими элементами советского аппарата, стремятся оказывать враждебное пролетарской диктатуре влияние на отсталые слои трудящихся. В идеологической и культурной области эти враждебные пролетариату влияния, как указывал съезд, проявлялись в проповеди сменовеховства, в лозунге «кулацкого крестьянского союза», в шовинизме, антисемитизме, в

[1] Ленин и Сталин о молодёжи, 1938, стр. 309—310.

лозунге «двух партий» и т. д. Для борьбы с этими враждебными влияниями съезд призывал к укреплению пролетарской диктатуры, к ещё большему подъёму активности, самодеятельности и культурности пролетарских масс. «Отмечая ряд несомненных успехов на этом фронте борьбы, съезд считает необходимым в дальнейшем всемерную мобилизацию пролетарских масс и особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте» [1].

Эта установка товарища Сталина и руководимой им коммунистической партии на необходимость огромного подъёма культуры трудящихся масс повторяется в целом ряде резолюций XV съезда. Так, в резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» съезд указывал: «Пятилетний план в связи с задачами социалистического строительства должен учесть необходимость решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развитие национальных культур народностей СССР и увязать план культурного строительства с индустриализацией страны как неотъемлемую часть общего плана социалистического строительства СССР. В основу плана культурного строительства должны быть положены те задачи народного образования, которые обеспечивают культурный рост широких масс трудящихся (всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профтехническое образование и т. п.), и задача подготовки квалифицированных специалистов и научных работников» [2].

В резолюции «О работе в деревне» XV съезд также отметил крайнюю необходимость решительного проведения в жизнь всеобщего обязательного первоначального обучения, усиления школьного строительства, увеличения охвата школой (всех ступеней) детей сельхозрабочих, батраков и бедноты, развития профтехнических школ и учебных мастерских, расширения сети школ крестьянской молодёжи и т. д. [3].

Индустриализация страны теснейшим образом была связана с культурной революцией. Хотя в предыдущие годы в области культурного строительства было сделано очень многое, но этот рост ни в какой степени не соответствовал намечаемым бурным темпам индустриализации. Последняя остро выдвигала вопрос о подготовке технических кадров и квалифицированных рабочих.

В политическом отчёте ЦК пятнадцатому съезду ВКП(б) (конец 1927 г.) товарищ Сталин говорил:

«...культурное развитие рабочего класса и трудящихся масс крестьянства не только в смысле развития грамотности, хотя грамотность является основой всякой культурности, но, прежде всего, в смысле приобретения навыков и уменья войти в дело управления страной, является основным рычагом государственного и всякого иного аппарата. В этом смысл и значение ленин-

[1] XV съезд ВКП(б), стенографический отчёт, изд. 2, 1928, стр. 1283.
[2] То же, стр. 1301.
[3] То же, стр. 1316.

ского лозунга о культурной революции. Вот что говорил на этот счёт Ленин в марте 1922 г., перед открытием XI съезда нашей партии, в своём письме в ЦК на имя товарища Молотова: «Главное, чего нам нехватает, — культурности, умения управлять. Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда».

Этих слов Ленина нельзя забывать, товарищи.

Отсюда задача партии: усилить борьбу за культурный подъём рабочего класса и трудящихся слоёв крестьянства»[1].

Новая экономическая политика, укрепляя союз рабочего класса с крестьянством, выдвинула задачу развития школы и подъёма культуры в деревне. Эта задача была сформулирована в резолюциях партийных съездов и конференций, особенно же XII съездом (по вопросам пропаганды, агитации и печати, об антирелигиозной пропаганде и о работе РКП(б) в деревне) и на XIII съезде РКП(б). Важнейшей задачей Наркомпроса X съезд Советов, происходивший в 1922 г., признал создание трудовой сельской школы. Решения 2-й сессии ВЦИК XI созыва по народному образованию были посвящены преимущественно вопросу о культурном строительстве в деревне.

Эта же задача поднятия культурного уровня деревни, развёртывания сети школ в сельских местностях остро стояла в последующие годы рассматриваемых здесь периодов.

Товарищ Молотов в докладе XV съезду ВКП(б) «О работе в деревне» говорил: «Чего нехватает нам в настоящее время в деревне, особенно в связи с новыми задачами?

Культуры, ещё и ещё раз культуры!

Буквально всё в настоящее время упирается в деревне в недостаток культуры. К любой отрасли подойдите: наша некультурность, отсталость, а порою прямо дикость не дают нам развернуть то новое, что имеется в деревне... Без действительного поднятия культуры мы быстро двигаться вперёд не можем, а между тем теперь мы имеем серьёзные экономические основания и действительно многочисленные предпосылки именно быстро двигаться по пути, по которому мы двигались до сих пор ещё сравнительно медленно»[2].

Социалистическая индустриализация остро поставила вопрос о подготовке кадров. Шахтинский процесс показал крайнюю необходимость подготовки новых кадров социалистического строительства, преданных делу Ленина — Сталина, вооружённых знаниями, хорошо подготовленных технически.

Этому вопросу на июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г.

[1] XV съезд ВКПБ(б), стенографический отчёт, изд. 2-е, 1928, стр. 36.
[2] Там же, стр. 1031.

(4—12 июля) и был посвящён доклад товарища Молотова «Об улучшении подготовки новых специалистов». Отметив в своей резолюции по этому докладу, что выдвинутая партией задача догнать и превзойти уровень индустриального развития капиталистических стран требует внедрения в наше производство новейших достижений науки и техники, июльский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. признал существовавшую тогда подготовку специалистов неблагополучной и дал ряд конкретных указаний по перестройке технического и вообще специального образования.

Реорганизация дела подготовки инженерно-технических кадров ставила целый ряд важнейших задач перед начальной и средней школой. Июльский пленум признал необходимым добиться, чтобы оканчивающие *школу II ступени* были подготовлены для поступления в вузы, расширить сеть *рабфаков,* привлечь в них большее число рабочих, развернуть в рабочих районах сеть школ-семилеток и девятилеток[1].

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. (10—17 ноября) по докладу товарища Кагановича снова подчеркнул, что перед партией во всей широте стоит проблема подготовки кадров. При этом надо обратить самое серьёзное внимание не только на количество, но и на качество кадров.

Ноябрьский пленум ЦК 1929 г. признал намеченную на пятилетку сеть новых втузов (47) и техникумов (172) недостаточной и обязал соответствующие наркоматы разработать новую, более обширную сеть. Ноябрьский пленум ЦК (1929 г.) отметил «слабое выполнение решений июльского пленума ЦК о повышении учебной подготовки кончающих школы II ступени» и предложил добиться в этом деле решительного перелома. «В соответствии с этим, — говорится в резолюциях ноябрьского пленума, — должны быть пересмотрены программы школ II ступени, улучшена система подготовки, социальный состав учащихся и материальное их положение...»[2].

Борьба против генеральной линии партии сильно проявилась на идеологическом фронте в философии (меньшевиствующий идеализм), в политэкономии (рубинщина), в литературоведении (переверзевщина), в статистике, естествознании и т. д.

В педагогике враждебные коммунистической партии тенденции выразились в правом оппортунизме, в левацкой, антиленинской «теории отмирания школы» и в педологических извращениях.

В области школы правые сохраняли остатки старой схоластической, чисто словесной школы, опирались на буржуазные педагогические теории, затушёвывали классовую социалистическую

[1] Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, 1940, стр. 285.
[2] Там же, стр. 371.

сущность советской школы; неправильно трактовали политехнизм, сводя его к ремесленничеству или многоремесленничеству, экскурсионному «политехнизму», ориентировались на отсталое индивидуальное крестьянское хозяйство и т. п.

Одним из проявлений реакционно-буржуазных влияний в педагогике была механистическая трактовка воспитания как «человеководства», по аналогии с животноводством, насаждение педологических извращений, попытка передать изучение ребёнка какой-то самостоятельной науке — педологии, оторванной от процесса воспитания и извращённо трактовавшей ребёнка как продукт какой-то всесильной среды и наследственности. Всестороннее изучение ребёнка педагогом, изучение его психики заменялось попытками построить воспитание ребёнка на механистической рефлексологии. Педологи, применяя буржуазные теории и буржуазные методы исследования ребёнка, давали искажённую картину развития ребёнка, клеветали на детей рабочих и крестьян, утверждая, будто большинство их обладает пониженной одарённостью.

Правый уклон в педагогике был в основном вскрыт, разоблачён в последние годы рассматриваемого периода. В это же время усиливаются левацкие извращения, имевшие место, как и правооппортунистические извращения, начиная с первых лет Великой социалистической революции.

В. Н. Шульгин, возглавляя институт методов школьной работы, этот штаб левацких извращений, энергично пропагандировал бессистемность знаний и снижение общеобразовательного уровня этих знаний в школе путём разрушающего школу «метода проектов», следуя в этом отношении американским реакционным идеологам-педагогам Джону Дьюи, Коллингсу и Килпатрику.

В конце 1927 г. Шульгин по неправильной, антиленинской теории провозгласил, что школа отмирает.

Вопреки высокой оценке школы основоположниками марксизма-ленинизма, вопреки большому значению, которое придаётся школе при диктатуре пролетариата программой ВКП(б), Шульгин писал: «всё больше школа перестаёт быть школой, умирает как школа, и вырастает что-то новое, небывалое, невиданное... Всё больше и больше дети учатся вне её; работают на поле, в мастерской, на фабрике; всё больше она становится из места учёбы местом организации детской работы. Но это же не школа. Её основная роль (учить) отпадает. Ребята начинают учиться и учатся всюду... Отмирает и учитель» [1].

Институт методов школьной работы (переименованный затем в Институт марксистско-ленинской педагогики) выпускал сборник за сборником, энергично пропагандируя антиленинскую «теорию

[1] В. Н. Шульгин, Педагогика переходной эпохи, «На путях к новой школе», 1927, № 9, стр. 11.

отмирания школы» и делая практические шаги к разрушению школы путём так называемого «метода проектов».

Правооппортунистические и левацкие извращения тормозили рост советской школы, мешали её успехам, *но не эти извращения определяли собою развитие нашей школы.*

Вопреки правым оппортунистам в школе крепло антирелигиозное и интернациональное воспитание, усиливалась связь школы с победоносным социалистическим строительством, с борьбой рабочих и крестьян против остатков буржуазной идеологии.

Вопреки левакам, выступавшим с антиленинской «теорией отмирания школы», росла сеть советских школ, и, как увидим далее, к концу рассматриваемого периода советская школа вплотную подошла к вопросу о введении всеобщего, обязательного обучения, которое было бурными темпами осуществлено в начале следующего периода.

Программами 1927 г. было усилено внимание к навыкам чтения, письма и счёта. Июльский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. и ноябрьский пленум 1929 г. подчеркнули значение общеобразовательных знаний в школе II ступени и тем самым сигнализировали о недостатках существовавших тогда комплексных программ.

2. Школьная система.

В начале Великой Октябрьской социалистической революции, как указано в очерке I, школьная система РСФСР состояла из 5-летней школы I ступени и 4-летней школы II ступени. Совокупность школ этих двух ступеней составляла школу-девятилетку.

В самом начале рассматриваемого периода, в декабре 1920 г. — январе 1921 г., было созвано первое партийное совещание по народному образованию, которое подытожило прежний опыт и должно было наметить пути дальнейшего развития народного образования и, в частности, школьной системы.

Совещание вынесло постановление о реорганизации школьной системы, а именно установило школу-семилетку с двумя концентрами (4 + 3 года), после которой следовала система профессиональной средней школы (трёх- или четырёхгодичный техникум), откуда часть учащихся поступала в высшие учебные заведения.

Таким образом, общеобразовательная школа имела бы лишь 7-летний курс обучения и охватывала детей с 8-летнего возраста до 15 лет. Это понижение продолжительности обучения в общеобразовательной школе было вызвано временными хозяйственно-материальными затруднениями и недостатком среднего технического персонала. Эта мера, таким образом, и должна была быть временной. Однако первое партийное совещание допустило ошибку, пытаясь (особенно представители Украины) обосновать

принципиальными соображениями это ограничение курса общеобразовательной школы семью годами.

В. И. Ленин в статье «О работе Наркомпроса» осудил попытки участников совещания «теоретически обосновать» вынужденное временное отступление от программы ВКП(б), предусматривающей обучение в общеобразовательной школе до 17 лет. Ленин указал, что участники совещания отошли от насущных задач строительства в область общих рассуждений и «теоретизирования».

Вследствие этих указаний В. И. Ленина 9-летняя общеобразовательная школа сохранилась, и школьная система РСФСР приняла следующий вид.

Школа I ступени имела 4-летний курс обучения и охватывала детей с 8 до 12 лет. Некоторое время 5-летняя школа I ступени просуществовала в Ленинграде и в системе транспорта.

Основной школой являлась *7-летняя школа,* состоявшая из двух концентров: 4-летнего обучения, соответствовавшего школе I ступени, и второго концентра с 3-летним курсом.

Школа-девятилетка состояла из трёх звеньев (концентров): 4+3+2, причём первые 4 года её соответствовали школе I ступени, а первые 7 лет — школе-семилетке.

Окончившие школу-семилетку могли поступать или в VIII класс (по терминологии того времени — в 8-ю группу) школы-девятилетки или же *в 3—4-годичный техникум* — среднее профессиональное учебное заведение разных специальностей (индустриальный, сельскохозяйственный, экономический, педагогический, медицинский и пр. техникумы) подготовлявшие специалистов средней квалификации.

Окончившие школу-девятилетку или же техникумы могли для завершения образования поступать *в высшие учебные заведения.*

Наряду со школой II ступени продолжали развиваться *рабочие факультеты,* дававшие среднее общее образование рабоче-крестьянской молодёжи, не имевшей возможности получить его раньше. С целью пролетаризации высшей школы окончившие рабочие факультеты (рабфаки) пользовались преимущественным правом поступления в высшую школу.

По инициативе комсомола возникла *школа фабрично-заводского ученичества* (ФЗУ).

В 1923 г. возникла также по инициативе комсомола *школа крестьянской молодёжи* (ШКМ). на V съезде Комсомола (11—19 октября 1922 г.) было принято постановление «Об образовании крестьянской молодёжи и рабочей молодёжи совхозов», на основании которого ЦК комсомола разработал тезисы «О школе крестьянской молодёжи», принятые после обсуждения их педагогической секцией Государственного учёного совета (ГУСа) в 1923 г. VI съезд Комсомола подробно сформулировал задачи ШКМ и её структуру. Этой школе ставилась задача поднятия культурного уровня трудящегося крестьянства, повышения техники сельского хозяйства, содействия кооперированию широких крестьянских масс и борьбе этих масс с кулачеством. Предполагалось создать ШКМ двух типов: с 3-летним курсом на базе школы I ступени и с 5-летним курсом (эти последние ШКМ повышенного типа должны были подготавливать работников кооперации, землеустройства и т. п.). В действительности ШКМ развивались в дальнейшем главным образом как 3-летняя школа, соответствующая школе-семилетке. Учебные планы, программы и организация учебной работы ШКМ были построены так, что наряду с учебной работой по повышению общего образования преимущественное внимание обращалось на производственное обучение (в учебном хозяйстве на школьном участке и крестьянском хозяйстве) и на общественно-практическую работу в совхозах, сельских кооперативных организациях и т. п.

ШКМ сыграли большую роль в подготовке агрономически грамотного крестьянства и колхозного актива деревни. Однако большим недостатком этих школ с самого начала их возникновения была недооценка общего образования. VI съезд ВЛКСМ, определивший задачи ШКМ, по вопросу об учебной работе принял постановление:

«Общеобразовательный материал не занимает самодовлеющего места, входит неотъемлемым составным элементом в проработку комплексной темы, которая строится вокруг определённого каждый раз практического задания». Учебная работа ШКМ была подчинена таким образом текущим задачам хозяйственного строительства.

Коллегия Наркомпроса 7 июня 1924 г. констатировала, что при поступлении в высшие учебные заведения у школы II ступени имеется «целый ряд конкурентов, начиная с рабфаков», и на долю оканчивающих школу II ступени остаётся мало вакансий [1].

Окончившие школу II ступени, не попавшие в год окончания в вузы по недостатку вакансий, не имея подготовки к практической работе по какой-либо специальности, испытывали большие затруднения в приискании работы.

7 декабря 1924 г. Коллегия Наркомпроса РСФСР вынесла решение «О реорганизации школы II ступени, в связи с основами школьного строительства в РСФСР». Наркомпрос предполагал реорганизовать второй концентр школы II ступени (восьмой и девятый год обучения), придав им профессиональный характер, с тем, чтобы окончившие школы II ступени наряду с общим образованием имели некоторую специальную подготовку по одной из следующих специальностей: кооперативно-торговой, производственно-технической, административно-хозяйственной, культурно-просветительной.

[1] «Еженедельник Наркомпроса», 1924, № 16(37).

Эта реорганизация была утверждена решением ВЦИК 9 октября 1924 г. [1].

Профессионализация второго концентра школы II ступени (превращение восьмого и девятого годов обучения в ней в «спецкурсы») усиленно проводилась в 1925—1928 гг., причём число профуклонов всё более и более увеличивалось.

К концу 1928/29 гг. фактическое состояние профуклонов школы II ступени было таково:

Уклоны	Количество школ		Число учащихся в 8 и 9 группах
	абс.	в %	
1. Индустриальный	128	13,3	10 637
2. Сельскохозяйственный	60	3,8	3 005
3. Транспортный	11	1,0	765
4. Культурно-просветительный	446	44,6	35 714
5. Административно-хозяйственный	93	8,1	6 464
6. Кооперативный	331	28,2	22 576
7. Коммунальный	8	0,7	545
8. Прочие (медицинский и др.)	3	0,3	109
	1 080	100	79 815

Всех же школ второй ступени по РСФСР было 1 457 с 138 303 учащимися 8—9 групп (в том числе 62 учащихся в 10-й группе, которая только начинала развёртываться). Таким образом не имели профуклона 377 школ II ступени (или 26%) с 57 488 учащимися 8—9 групп (или 34,3%). Дети рабочих в 8—9 группах составляли всего 21,3%, а дети батраков 0,7% [2].

Каждый уклон делился на ряд более узких специальностей (всего 58).

Кроме профессионализированных школ II ступени в Ленинграде и отчасти в других местах были школы без уклонов, общеобразовательного типа. Так, в Ленинграде в 1927 и 1928 гг. из 122 школ II ступени 53 не были профессионализированы.

Практика работы профессионализированных школ II ступени представляла довольно пёструю картину. В центрах, где состав преподавателей общеобразовательных предметов был опытным и имелись квалифицированные силы для преподавания специальных предметов, общеобразовательная и профессиональная подготовка стояли в значительной части школ на удовлетворительном уровне. Так, в Ленинграде в 1928 г. успешно работали 23-я, 35-я и 181-я школы с промышленно-экономическим уклоном, 204-я и

[1] «Бюллетень № 8 второй сессии ВЦИК», 1924.

[2] «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», 1930, № 20, стр. 29—30. Докладная записка Наркомпроса Совнаркому о реорганизации средней школы.

221-я школы с художественно-промышленным уклоном, 5-я, 27-я, 86-я, 222-я школы с индустриально-техническим уклоном, 54-я школа с горно-строительным уклоном. Но даже в таких крупных центрах, как Ленинград, в некоторых школах профессионализация не ладилась. Ряд школ, например, 54-я, 111-я, 113-я, отказались к 1928 г. от проведения уклона, в других (215-я школа с радиоуклоном) профессионализация шла неудовлетворительно. В небольших, удалённых от центра городах работа школ II ступени и особенно преподавание специальных предметов оставляли желать много лучшего [1].

Наркомпрос РСФСР уже в октябре 1928 г. констатировал ряд недостатков в профессионализации школы II ступени (пестрота уклонов, недостаточная чёткость целевых установок, несоответствие типов школ потребностям в квалифицированной силе и пр.) и, пересмотрев сеть, установил следующие уклоны:

I. Индустриальная группа.

1. Чертёжно-конструкторский.
2. Художественно-промышленный.
3. Общехимический.
4. Производственный по данной отрасли промышленности.
5. Индустриально-экономический.

II. Коммунальная группа.

6. Коммунально-технический электромонтажный.
7. Коммунально-технический транспортный.
8. Коммунального благоустройства.

III. Группа народной связи и транспорта.

9. Эксплоатационный.
10. Хозяйственно-материальный.

IV. Сельскохозяйственная группа.

11. Землеустроительный уклон.

V. Кооперативная группа.

12. Кооперативно-счетоводный.
13. Кооперативно-торговый.
14. Кооперативно-заготовительный по данному виду сырья.
15. Кооперативно-промысловый.

VI. Административно-хозяйственная группа.

16. Делопроизводственный.
17. Счётно-финансовый.
18. Статистический.
19. Иностранной корреспонденции.

[1] «Еженедельник Наркомпроса РСФСР», 1928, № 43, стр. 933.

VII. Культурно-просветительная группа.

20. Педагогический школьный.
21. Педагогический дошкольный.
22. Педагогический по внешкольной работе.
23. Политико-просветительный школьно-курсовой.

Таким образом, Наркомпрос стремился значительно уменьшить пестроту уклонов, сведя 58 существовавших в 1928 г. уклонов к 23. Однако работа по уточнению профуклонов школы II ступени, которая по требованию Наркомпроса должна была быть закончена к 1 января 1929 г., на местах затянулась.

Рост социалистического строительства предъявил большие требования к оканчивающим школу II ступени как в смысле общего образования, так и в отношении специальной подготовки. Естественно поэтому, что в педагогической прессе, на съездах и конференциях и в коллегии Наркомпроса [1], был поднят вопрос о добавлении к 9-летней школе II ступени десятого года обучения.

Совет Народных Комиссаров РСФСР 5 февраля 1929 г. признал целесообразным введение 10-летнего курса обучения в школе II ступени [2]. Президиум ГУСа выделил комиссию для разработки вопроса о введении 10-го года обучения, которая в заседании 26 марта 1929 г. признала необходимым, не сокращая общеобразовательной части программы школы II ступени, уделить 10-й год на усиление политехнизма и профессионализации [3].

Выполняя постановление Совнаркома, Коллегия Наркомпроса решила перевод девятилетних школ II ступени на десятилетний срок обучения осуществить в течение трёхлетия: 1929—30—31 гг., т. е. к концу первой пятилетки [4].

С прибавлением десятого года обучения, т. е. с удлинением старшего концентра школы II ступени (VIII, IX и X классы) до 3 лет, школа II ступени сближалась с техникумом, что отметила Н. К. Крупская в своём выступлении на первой сессии ГУСа [5]. Ряд отмеченных выше недостатков школы II ступени — остатки в ней традиций старой школы, неудовлетворительный социальный состав учащихся, недостаточная обеспеченность профессиональной подготовки вследствие неудовлетворительной постановки лабораторий, мастерских и кабинетов — и другие причины выдвинули уже в 1928—1929 гг. вопрос о нецелесообразности параллельного существования двух типов среднего образования (техникумов и школ II ступени), каждый из которых мог, с одной стороны, служить подготовкой к вузу, а с другой — давал профессиональное среднее образование. С введением

[1] Протоколы Коллегии Наркомпроса от 20 декабря 1928 г. (архив Мин. Просв. РСФСР).
[2] «Известия» ЦИК и ВЦИК от 16 марта 1929 г., № 62.
[3] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, оп. 36, дело 11.
[4] «Еженедельник Наркомпроса РСФСР», 1929, № 265, стр. 675.
[5] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, оп. 36, дело 21, л. 21—24.

X класса, когда оба эти типа сближались по числу лет обучения, вопрос этот становился всё острее и острее.

Если школы II ступени страдали отрывом от производства и наличностью неизжитых ещё черт старой схоластической школы, то техникумы, являясь удовлетворительными по социальному составу учащихся, по оборудованию, по связи с производством и т. д., имели тоже существенный недостаток — не давали достаточного общего образования.

В конце периода индустриализации по инициативе комсомола был выдвинут вопрос о реорганизации второго концентра школы II ступени (VIII—IX классов) в техникумы и профшколы с удлинением срока обучения в них и с улучшением общеобразовательной и политехнической подготовки так, чтобы были обеспечены и подготовка к профессии, и подготовка к вузу. В этом смысле и была принята резолюция на VIII съезде ВЛКСМ (5—16 мая 1928 г.) [1].

В педагогической прессе по вопросу о системе народного образования развернулась оживлённая дискуссия. Этот же вопрос был предметом обсуждения на конференции педагогов школ повышенного типа (Москва 27—30 декабря 1928 г.) и на сессии Государственного учёного совета 8—12 мая 1929 г., где с докладом «Система народного просвещения» выступил заместитель наркома по просвещению М. Н. Покровский [2].

Дискуссия о школьной системе продолжалась в течение 1928 и 1929 гг. и перешла в следующий период (1930 г.), когда этот вопрос оживлённо дебатировался на втором партийном совещании по народному образованию. Острота вопроса объяснялась многими причинами: 1) наличием разных школьных систем в различных союзных республиках СССР и необходимостью унифицировать эти системы, 2) сильным ростом к концу рассматриваемого периода средних профессиональных учебных заведений (техникумов), которые давали гораздо лучше (по сравнению с спецкурсами школы II ступени) подготовленный состав специалистов средней квалификации для растущего социалистического хозяйства, 3) неудовлетворительностью общеобразовательной подготовки окончивших школу II ступени, которые на 8 и 9 годах обучения затрачивали значительное число учебных часов на профессиональную подготовку, уменьшавшую их общеобразовательную подготовку. Двойственная установка второго концентра школы II ступени (дать общеобразовательную подготовку к вузу, с одной стороны, и профессиональные знания по разным специальностям — с другой) с ростом социалистического строительства и большим повышением культуры нашей страны уже не оправдывала себя. Народному хозяйству требовались специалисты средней квалификации с хорошей профессиональной подготовкой, которых могли дать только техникумы. Число высших

[1] VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. Стенографический отчёт, стр. 570.
[2] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, оп. 36, дело 18.

учебных заведений быстро росло и, следовательно, былой мотив, когда в 1924—1927 гг. лишь незначительная часть окончивших школу второй ступени могла в том же году поступать в вузы, отпадал. Вместе с тем высшие учебные заведения предъявляли всё большие и большие требования в отношении общеобразовательных знаний к поступающим.

Всё это подготовляло реорганизацию школы II ступени с профессионализированным вторым концентром в общеобразовательную школу без каких бы то ни было профуклонов и с 10-летним курсом обучения. Такая реорганизация произошла уже в следующем периоде и явилась показателем громадного культурного роста СССР.

3. Сеть школ. Число учащихся. Материальная база школы.

В самом начале рассматриваемого периода (1921/22 и 1922/23 учебные годы) хозяйственная разруха, как следствие первой мировой и гражданской войн, сильный неурожай 1921 г. и переход финансирования школ на неустановившийся местный бюджет привели к временному сокращению сети школ.

Десятый Всероссийский съезд Советов в декабре 1922 г. даёт директиву о недопустимости дальнейшего сокращения сети школ и о всемерной помощи школе и работникам просвещения.

Постановление съезда по этому вопросу заканчивалось словами: «...съезд обращается с призывом ко всем органам советской власти в центре и на местах, ко всем партийным, профессиональным и кооперативным организациям, ко всем рабочим и крестьянам республики отдать максимум сил и средств на дело народного образования, на укрепление позиции рабоче-крестьянского государства на этом, отныне важнейшем фронте борьбы с темнотою, невежеством, суеверием и предрассудками».

В. И. Ленин в 1923 г. в «Страничках из дневника» писал: «Надо, чтобы при ближайшем пересмотре нашего квартального бюджета мы взялись за дело и практически. Конечно, в первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобождённые суммы были обращены на нужды Наркомпроса».

В результате этих указаний уже в 1923/24 учебном году число школ и учащихся в них в РСФСР по сравнению с предыдущим годом начинает повышаться, как это видно из таблицы [1].

[1] Данные за 1928/29 и 1929/30 годы взяты по статистическому сборнику Центрального управления народнохозяйственного учёта Госплана СССР, «Культурное строительство СССР», 1940, стр. 40. За предыдущие годы, в виду отсутствия их в этом сборнике, по территориям отдельных республик, вычислены ст. научным сотрудником Академии педагогических наук И. М. Богдановым (одним из руководящих составителей того же сборника) по материалам Центрального статистического управления.

Годы	Число общеобразовательных школ	Годы	Число общеобразовательных школ
1921/22	73 323		
1922/23	61 603	1926/27	75 315
1923/24	62 554	1927/28	80 816
1924/25	64 229	1928/29	85 372
1925/26	69 824	1929/30	90 684

Особенно быстро и неуклонно росло за эти же годы число семилетних школ, причём интересно отметить, что даже в первые годы нэпа, когда число начальных школ сильно понизилось, сеть школ-семилеток росла: [1]

Годы	Число школ семилеток	Число школ II ступени
1921/22	652	2 744
1922/23	842	2 167
1923/24	1 165	2 033
1924/25	1 692	1 577
1925/26	2 226	1 407
1926/27	2 740	1 475
1927/28	3 101	1 484
1928/29	3 251	1 596
1929/30	3 466	1 654

За 9 лет рассматриваемого периода (1921—1929 гг.) число школ-семилеток выросло в 5,3 раза.

Движение числа школ II ступени (девятилеток) было более сложным. После постановления Первого партийного совещания по народному образованию старшие классы многих из существовавших ранее школ-девятилеток были преобразованы в техникумы различных специальностей, что, естественно, понизило число школ II ступени. Кроме того, с развитием ФЗУ часть учащихся, окончивших школы-семилетки, шла в систему ФЗУ. Всё это несколько понижало из года в год число школ II ступени.

Однако в последние 2 года рассматриваемого периода (в 1928/29 и 1929/30 гг.) замечается некоторое расширение сети школ II ступени.

Число учащихся в общеобразовательных школах после кратковременного понижения в начале нэпа (1921/22 и 1922/23 учебные годы) в дальнейшем ежегодно повышается. Так, в РСФСР было следующее число учащихся (в тысячах):

[1] Данные за 1928/29 и 1929/30 гг. приведены по статистическому сборнику «Культурное строительство СССР», 1940, стр. 40. Данные за предшествующие годы исчислены по материалам Центрального статистического управления И. М. Богдановым.

Год	Всего учащихся	В том числе в школах (в тысячах)				Примечание
		Начальн. (1ст.)	Семилетних	Средних (II ст.)	Прочих	
1921/22	6 088,8	5 499,8	130,5	451,8	6,7	В число прочих входят главным образом школы переростков, а также специальные школы для детей с физическими недостатками и умственно-отсталых детей
1922/23	4 974,6	4 275,8	180,1	509,6	9,1	
1923/24	5 294,2	4 352,0	272,6	655,0	14,6	
1924/25	6 159,0	5 026,1	492,9	628,2	11,2	
1925/26	6 693,0	5 352,7	685,6	618,6	36,1	
1926/27	7 047,2	5 481,0	809,2	694,1	62,9	
1927/28	7 516,4	5 766,0	926,4	741,1	82,9	
1928/29	7 859,5	5 998,0	916,9	851,1	93,5	
1929/30	8 712,9	6 707,3	929,6	976,9	99,1	

Наиболее быстро в процентном отношении повышается число учащихся семилетних школ; более чем вдвое к концу периода борьбы за индустриализацию повышается число учащихся средних школ. При этом следует отметить, что даже в начале нэпа, когда общее число учащихся временно снижается, число учащихся в семилетних и средних (II ступени) школах всё же растёт. Надо также обратить внимание на то, что при понижении числа средних школ (см. предыдущую таблицу) количество учащихся в них за 1922—1924 гг. не понижалось, а наоборот, росло. За весь рассматриваемый период незначительное и кратковременное понижение числа учащихся школы II ступени наблюдается лишь в 1925/26 учебном году, но затем оно быстро и сильно возрастает, и к концу периода *в 1929 г. в средних школах обучается уже в 2,2 раза больше учащихся, чем в 1921/22 гг.* Объясняется это несоответствие между понижением числа школ II ступени и ростом числа учащихся в них процессом консолидации школ II ступени. Оставшиеся (после преобразования многих школ II ступени в техникумы) школы являлись школами сильными; число школ уменьшилось, но в оставшихся были открыты параллельные классы (группы) и приём учащихся был расширен.

Помещённые выше статистические данные о числе учащихся по типам школ недостаточно ещё освещают вопрос о распределении учащихся *по классам*. Приведём здесь дополнительные сведения по всем школам РСФСР [1], исключая школы переростков и специальные школы:

Год	В 1—4 классах приготовительных начальных, семилетних и средних школ	В V—VII классах семилетних и средних школ	В VIII—X классах средних школ
1928/29	6 738 718	885 312	142 046
1929/30	7 487 429	964 812	161 548

[1] «Культурное строительство СССР», Статистический сборник, 1940, стр. 51.

Рост социалистического строительства настоятельно требовал повышения продолжительности всеобщего обязательного обучения (вместо 4 лет начальной школы) и на основе улучшения экономического благосостояния СССР создавал возможность перехода к 7-летнему всеобщему обязательному обучению.

Постановление СНК РСФСР от 29 сентября 1928 г. декретировало срок введения всеобщего обучения — 1933/34 гг.

Наркомпрос разработал пятилетний план введения всеобщего обязательного обучения, наметив, однако, медленные темпы.

Весной 1929 г. V Всесоюзный и XIV Всероссийский съезды Советов признали пятилетку по народному образованию, в том числе пятилетку введения всеобщего обучения, не отвечающей темпам хозяйственного развития и приняли решение об ускорении запроектированных сроков ведения всеобщего обязательного начального обучения.

В Постановлении СНК РСФСР от 29 сентября 1929 г. признавалось необходимым ввести всеобщее начальное обучение во всех городах и рабочих посёлках, а также в районах со значительным распространением совхозов и колхозов с 1 октября 1930 г.

Большое внимание вопросу о введении всеобщего обязательного обучения уделял комсомол.

ЦК ВЛКСМ ещё 19 февраля 1927 г. обратился ко всем своим организациям с письмом «О всеобщем обучении в стране и задачах комсомола», в котором указывал конкретные формы помощи делу всеобуча со стороны всех комсомольских организаций и каждого комсомольца в отдельности.

VIII съезд ВЛКСМ признал (1928 г.) необходимым «проведение всеобщего начального обучения как главнейшей задачи на ближайший период (вначале 4-летняя школа, в дальнейшем 7-летняя)». Действительно, как мы видим из приведённых таблиц, число школ-семилеток и количество учащихся в них к концу рассматриваемого периода сильно возросло.

С проблемой всеобуча теснейшим образом был связан и целый ряд других важнейших вопросов: вопрос о полном охвате школой девочек; вопрос о ликвидации отставания сельского сектора средней школы от городского; скорейшее обеспечение роста школьной сети в национальных районах.

До революции, в 1914/15 гг. девочек среди учащихся начальной школы было 32,9%, а среди учащихся повышенной школы 25,4%. В 1927/28 г. девочки составляли по отношению ко всему числу учащихся в школе (по РСФСР) 40,7%. В 1—4 классах было девочек 39,6%, в 5—7 классах 40,6% [1]. Таким образом был сделан решительный шаг по повышению процента грамотности женщин.

[1] «Культурное строительство СССР», Статистический сборник, 1940, стр. 65.

Вследствие недостатка числа школ в прошлом имелось много детей-переростков, своевременно не обучавшихся в школе. Для них были организованы школы для переростков, в которых обучалось около 90.000 учащихся.

В 1927/28 учебном году в составе принятых в первую группу школы I ступени РСФСР детей было всего 32,8% в возрасте 8 лет и меньше [1]. Остальные $^2/_3$ учащихся первой группы были в возрасте 9—10 лет, а 15,4% даже в возрасте 11—14 лет.

Но за три последних года рассматриваемого периода (1927/28, 1928/29 и 1929/30) энергичными мерами удалось охватить школой очень значительное число переростков, и в 1930/31 гг. в составе принятых в первую группу школы I ступени детей уже имелось около 75% детей 8—9-летнего возраста, а переростки составляли лишь 25%.

В результате указаний В. И. Ленина и постановлений X съезда Советов об укреплении материальной базы школ ассигнования на народное образование повышаются [2]:

Ассигнования (в тысячах рублей).

Годы	По центральному бюджету	По местному бюджету
1923/24	57 658	115 494
1924/25	81 589	171 321
1925/26	108 173	240 703

Иными словами говоря, расходы на народное образование за 3 года повышаются вдвое. Такого явления мы не встречали ни в какой иной стране.

Эти расходы на просвещение неуклонно продолжают расти и дальше, достигая (по центральному и местному бюджету):

В 1926/27 г. . . . . 449,1 млн. рублей
В 1927/28 » . . . . . 549,4 » »
В 1928/29 » . . . . . 657,7 » »
В 1929/30 » . . . . . 921,2 » »

Расходы на народное образование на душу населения росли по годам следующим образом:

1923/24 . . . . . 1 р. 88 к.
1924/25 . . . . . 2 р. 62 к.
1925/26 . . . . . 3 р. 52 к.

Как видно из приведённой выше таблички, за последний (1929/30) год рассматриваемого периода бюджет народного об-

[1] Массовое просвещение в СССР к XV-летию Октября, ч. 1, 1932, стр. 71—72.

[2] Народное просвещение в РСФСР. Таблицы и диаграммы к докладу Наркомпроса РСФСР на III Всероссийском съезде Советов, 1927.

разования делает резкий скачок вверх, даёт только за один год повышение почти в 1½ раза.

Это повышение расходов на народное образование явилось следствием того большого внимания, которое уделялось народному образованию коммунистической партией и Советским правительством.

На XV съезде ВКП(б) глава правительства В. М. Молотов в своём докладе о работе в деревне сказал: «Школа и учитель в деревне, вся культурная работа в крестьянских массах является теперь настолько боевой и неотложной задачей, что за это мы должны взяться больше чем где бы то ни было дружно и настойчиво. Об этом мы не только должны много говорить и выносить хорошие резолюции, но *приступить немедленно и в отношении государственных и в отношении местных средств к некоторому перераспределению наших средств в интересах усиления широкого культурного строительства*» [1].

Состоявшееся в конце марта 1928 г. 1-е всесоюзное совещание плановых органов по вопросам местного хозяйства и бюджета уделило вопросу о средствах на просвещение серьёзное внимание, указав на необходимость увеличения ассигнований из местного бюджета на народное образование.

Совещание признало необходимым в дополнение к этому привлечь средства хозяйственных организаций, общественной инициативы, специальные средства и прочие источники, но главным источником были государственные ассигнования (по центральному и местному бюджетам).

Вместе с расширением школьной сети партия и правительство вели большую работу по приведению в порядок школьных зданий и укреплению оборудования массовой школы, износившихся за предыдущие годы.

Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принимает по докладу Наркомпроса 9 октября 1924 г. резолюцию, в которой «ВЦИК устанавливает необходимость приступить немедленно к изысканию средств по ремонту наиболее обветшавших зданий, обеспечив расходование этих средств исключительно по прямому назначению [2].

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 22 июля 1925 г. «О порядке выселения помещиков и ликвидации их имущественных отношений» дана возможность ряду школ получить более или менее удобные помещения.

Параллельно этим мероприятиям идёт новое строительство школьных зданий, причём темпы строительства всё время увеличиваются. Если строительство школ за 1923 г. принять за 100%, то строительство новых помещений по площади пола в классных комнатах в 1924 г. составляло 160% и в 1925 г. 210%.

[1] XV съезд ВКП(б), стенографический отчёт, изд. 2-е, ГИЗ, М. 1928, стр. 1083 (курсив наш).

[2] «Бюллетень № 8 2-й сессии ВЦИК».

31 августа 1925 г. был издан декрет Совета Народных Комиссаров, по которому был создан специальный фонд школьного строительства в центральном коммунальном банке. Из этого фонда губисполкомам или — под их поручительством — учреждениям и организациям можно было получать ссуды (сроком до 15 лет из 2½% годовых) на постройку новых и ремонт старых школьных зданий.

Приток в школу огромных детских масс со всей остротой поставил вопрос об обеспечении их школьными местами. Существующие школьные здания не могли вместить огромную массу учащихся при занятиях в одну смену; значительное число школьных зданий было изношено; немало было школьных помещений, лишь приспособленных под школы из зданий другого назначения.

По данным школьной переписи 1927 г. обеспечение массовой школы помещениями к началу первой пятилетки по РСФСР (без АССР) обстояло следующим образом:

Данные о состоянии школьного фонда по переписи 1927 г.[1].

Название показателей	Города и посёлки городского типа	Сельские местности
1. Средняя строительная кубатура школьных зданий на 1 учащегося первой смены в школах I ступени	11,9 *куб. м*	7,4 *куб. м*
При норме	25,0 »	16,25 »
2. Средняя площадь пола классных комнат на 1 учащегося первой смены	1,18 *куб. м*	1,08 *куб. м*
При норме	1,25 »	1,25 »
3. Сменность школьных занятий: процент учащихся, занимающихся во второй смене	В процентах: 24,1	10,4
4. Процент отказа в приёме по тесноте помещений к общему числу отказов	45,8	37,4
5. Распределение школьных зданий по основным категориям:		
специальных зданий	47,0	55,8
приспособленных	46,5	27,1
наёмных	6,5	17,0
6. Пригодность зданий школ 1 ступени (специальных, приспособленных и наёмных вместе):		
вполне пригодных зданий	41,2	33,8
требующих капитального ремонта непригодных	45,8	46,5
пригодность неизвестна	9,7	19,0
7. Прирост числа новых зданий школ I ступени (без подразделений на город и деревню)	0,6	

В 1925 г. выстроено 1 236 зданий, или 1,8 к общему числу зданий.
В 1926 г. » 1 534 » или 2,1 » » »
В 1927 г. » 2 370 » или 3,0 » » »

[1] Григорьев, Со школьным строительством неблагополучно, «Народное просвещение», 1930, № 9, стр. 28.

Хотя новых школьных зданий строилось много (и с каждым годом всё больше и больше), но далеко не все они увеличивали прирост этих зданий: часть их шла на пополнение фонда взамен непригодных школьных помещений.

Значительно помогло упорядочению дела школьного строительства произведённое НК РКИ РСФСР в 1929 г. обследование состояния школьного строительства и школьных помещений.

Первоклассники идут в школу

Для практического разрешения всей суммы вопросов школьного строительства Наркомпросом РСФСР созывался ряд совещаний. Не раз вопрос о школьном строительстве обсуждался на совещании заведующих обл(край-) ОНО. 10—14 декабря 1929 г. было созвано специальное Всероссийское совещание по школьному строительству.

Так советский народ, коммунистическая партия во главе с товарищем Сталиным и Советское правительство заботились о создании наилучших условий для работы школы.

В результате этой работы были сформулированы задачи и выработан порядок руководства новым школьным строительством. Было принято решение при разработке проектов школьных зданий ориентироваться на более простое и дешёвое школьное здание, в проекте которого были бы уравновешены педагогические и санитарно-гигиенические требования с экономическими возможностями и с необходимостью быстрого роста сети.

В однокоплектной начальной школе предусматривались:

1) класс,
2) рекреация,
3) раздевальня,
4) кухня,
5) комната для учителя,
6) комната для сторожа,
7) уборные.

Начиная с двухкомплектной школы было признано необходимым обязательное устройство рабочей комнаты.

4. Советское учительство — опора советского строя.

Укрепление союза рабочего класса с крестьянами-середняками в результате перехода на новую экономическую политику, большая работа коммунистической партии и Советского правительства по политическому просвещению учительских масс, забота и внимание партии и правительства к школе, детям и учителям обусловили большой политический сдвиг среди учительства. Советское учительство всё больше и больше становилось опорой коммунистической партии и Советского правительства.

Эти большие сдвиги советского учительства были отмечены коммунистической партией уже в начале рассматриваемого в этом очерке периода, в 1921—1925 гг.

Партия в 1921 г. даёт указание своим местным организациям относительно учителей: «...эту высоко полезную общественную группу втянуть в интересы и творческую работу советского государства, всячески помогая ей окончательно и возможно скорее изжить то непонимание значения и смысла переживаемых событий, переживаемой исторической эпохи, которое непосредственно после Октябрьской революции бросила часть её в стан врагов рабочего класса» [1].

В. И. Ленин в «Страничках из дневника» указывал в 1923 г.: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе» [2].

Состоявшийся 21—26 ноября 1922 г. IV съезд работников просвещения уделил много внимания вопросу о коммунистическом воспитании учительства. Это воспитание осуществлялось путём семинаров, кружков, конференций, краткосрочных курсов, практикумов и т. д. [3]. Система мероприятий по повышению квалификации охватывает подавляющее большинство советских учителей. О размахе этой работы, об отношении учительства к ней можно судить по следующим кратким сообщениям печати того времени:

«В одиннадцати рабпросовских ячейках Мало-Архангельского уезда Тамбовской губернии 46 кружков. Выписывают 74 журнала, 193 газеты». В Армавире учителя на курсах работали по 12—15 часов в сутки. «Из 34 волостей, обследованных ЦК союза работников просвещения в 1923 г., 186 работников, 18% общего числа их побывало на различных курсах и в большинстве своём являлись руководителями работы на местах». В 50% обследованных волостей работало по 2—3 кружка; среди них общественно-политические, педагогические, краеведческие, общеобразовательные, сельскохозяйственные и др. Из 16 библиотечек 11 приобретены на средства самих учителей. «Интерес к политике небывалый, особенно у учителей» [1].

В 1923 г. газетой «Правда» организован конкурс на лучшего учителя. «Мы знаем случаи подлинного подвижничества учителей, знаем случаи, когда школьный работник в обстановке голода и холода и при полном отсутствии элементарных условий для работы тихо и незаметно где-то в глуши делал своё дело, как-то умудрялся не только не покидать любимого дела, но и достигать больших успехов... Надо суметь разыскать этих людей, надо записать имена их на красную доску и показать этим доселе безвестным труженикам наше искреннее уважение», — писала «Правда» при объявлении конкурса на лучшего учителя [2].

Жюри конкурса отметило премиями многих учителей, беззаветно преданных своему делу (Т. Шумиловскую, народную учительницу с 37-летним стажем, арестованного в 1918 г. белогвардейцами учителя М. А. Шебалина, поставивших широко политико-просветительную работу со взрослым населением, белорусского учителя В. О. Сечко, выдающегося, преданного революции общественно-политического работника и талантливого педагога и многих других).

В итогах конкурса говорилось: «Жюри отмечает большой процент беспартийных среди премированных учителей. Это лучший показатель того, что беспартийное учительство всё ближе и ближе подходит в своей работе к принципам коммунистического воспитания» [3].

Среди учительства росло стремление к вступлению в партию. Учитывая особые условия работы учительства в деревне и затруднительность связи сельских учителей с крупными партийными ячейками, ЦК РКП(б) устанавливает льготные условия для вступления в партию сельских учителей [4].

В марте 1924 г. ЦК РКП(б) в своём обращении к областным и губернским комитетам партии указал на происшедший среди учительства «несомненный перелом в сторону советской власти и РКП(б)» и выдвинул необходимость усиленного внимания со стороны парторганизаций к сельскому учительству в целях привлечения его к общественной культурной работе.

В 1925 г. состоялся Всесоюзный учительский съезд, которому предшествовали местные учительские конференции. На этом съезде советское учительство ярко показало свою преданность коммунистической партии и Советскому правительству. Съездом была принята декларация, в которой говорилось:

«От имени сотен тысяч беспартийного народного учительства

---

[1] Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения, стр. 302.
[2] Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 389.
[3] «Народное просвещение», 1922 г., 15 сентября.

[1] Анисимов, Деревенская работа профессионального союза работников просвещения, 2-е изд., М. 1925.
[2] «Наш конкурс», «Правда», 1923, № 63 от 22 марта.
[3] От жюри конкурса, «Еженедельник Наркомпроса», 1923, № 4—5 от 30 июля.
[4] Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения, 1930, стр. 308.

нашей Советской страны, тех тысяч волостных собраний и уездных конференций, которые послали нас на Всесоюзный съезд, перед лицом трудящихся всего мира мы заявляем, что полностью и безоговорочно принимаем над собою руководство со стороны партии. Мы знаем, что руководимая Коммунистической партией советская власть есть подлинная власть трудящихся, власть широчайших народных масс. Мы видим ту беспримерную работу, которую в труднейших условиях ведёт она для хозяйственного и культурного развития нашей страны. Мы видим, как по мере заживания ран, нанесённых стране империалистической и гражданской войнами, по мере улучшения хозяйственного положения советская власть всё больше и больше внимания уделяет задачам просвещения и культурного строительства, и мы не сомневаемся, что не так далеко то время, когда наша страна станет самой культурной страной в мире... Товарищи коммунисты! Беспартийное учительство Союза советских республик шлёт вам свой горячий братский привет. На своём Всесоюзном съезде оно заявляет перед лицом трудящихся, что отныне не отделяет своих задач от задач Коммунистической партии, от её великой борьбы за новый мир» [1].

Действительно, данные о той работе, которую вели советские учителя, убедительно говорят, как энергично они включились в социалистическое строительство. Из 1 477 учителей участников съезда — вели работу:

по ликвидации неграмотности	68,2%
в избах-читальнях	52,2%
по сельскохозяйственной пропаганде	54,3%
по антирелигиозной пропаганде	68,0%
по кооперации	95,8%
по организации пионеротрядов	41,9%
работали совместно с комсомолом	79,6%
по проведению политических и хозяйственных кампаний	71,9%
работали в сельсоветах, горсоветах, исполкомах	56,7%
состояли рабкорами и селькорами	26,5%

Повышению идейно-политического уровня учительства и сплочению учителей вокруг Коммунистической партии сильно способствовала возникшая в 1924 г. «Учительская газета», переименованная в дальнейшем в газету «За коммунистическое просвещение». Тесно связанная с учительскими массами, эта газета вооружила учителей марксистско-ленинской идеологией, знакомила широкие массы учительства с лучшим опытом школы, защищала права учителя от нарушения их и т. д.

В конце рассматриваемого в этом очерке периода, когда в стране развернулась энергичная работа по индустриализации и начиналась борьба за коллективизацию сельского хозяйства, советское учительство в лице своих лучших представителей приняло самое активное участие в этой борьбе.

[1] «Народный учитель», 1924, № 11.

Избирательная комиссия при ВЦИК отметила в 1929 г. большую активность учителей в работе по перевыборам Советов. Так, по данным 22 волостей Владимирской губернии за 1928 г. здесь работало в избирательных комиссиях 427 просвещенцев.

В Калужской губернии в том же году было проведено учителями 392 женских предвыборных собрания и 37 собраний с батраками. В избирательных комиссиях работало 464 просвещенца [1].

В трудных условиях приходилось вести эту общественную работу учителям: кулаки приходили на квартиры учителей, просили восстановить их в правах и, получая отказ, распускали сплетни про учителей, натравливали на учителей подкулачников и т. д. При отказе учителей в домогательствах кулаков последние организовывали убийства и избиения учителей. Так, по данным Цекпроса с мая по декабрь 1929 г. было учтено 215 случаев кулацкого террора по отношению к учителям. За январь — апрель 1930 г. было 22 убийства учителей и 55 нападений на них. Бывали случаи отказа кулаков и подкулачников в продаже хлеба учителям и т. д.

Были, конечно, среди учителей отдельные лица, враждебно относившиеся к Коммунистической партии и советскому строю. Однако не ничтожным меньшинством классовых врагов под личиною «советских учителей» определялось настоящее лицо действительного советского учительства.

Это лицо определялось такими учителями, как Н. М. Головин, М. В. Пронина и тысячи других замечательных учителей. Эти настоящие советские учителя своей преданностью партии и её вождю товарищу Сталину, своей беззаветной любовью к школе и детям нашей родины сами делали очень много и вели за собой учительские массы Союза.

Быстрый рост количества школ (особенно в конце рассматриваемого времени) обусловил сильное повышение числа учителей. На территории РСФСР было учителей [2]:

Год	Всего	В том числе		
		Начальных школ	Семилетних школ	Средних школ
1914/15	162 869	124 404	8 763	29 702
1928/29	238 498	154 960	38 892	39 702
1929/30	254 509	169 015	38 262	42 543

Подготовка такого большого количества новых учителей требовала больших усилий. Число педагогических техникумов, подготовлявших учителей начальных школ (I ступени) и педаго-

[1] Из доклада ЦК Рабпрос на VII Всесоюзном съезде работников просвещения (март 1929 г.).

[2] «Культурное строительство СССР», статистический сборник, 1940, стр. 40.

гических институтов, готовивших учителей школ II ступени, сильно растёт.

Выпуск учителей школ I ступени, окончивших педагогические техникумы РСФСР, составлял:

В 1923/24 г.	5 084
» 1924/25 »	5 506
» 1926/27 »	6 155

В высших педагогических учебных заведениях РСФСР на 15 сентября 1925 г. обучалось 18 486 студентов [1].

Большое количество учителей школ I ступени давала школа II ступени с педагогическим уклоном. К концу рассматриваемого периода в РСФСР было 446 школ II ступени с культурно-просветительным уклоном, имевших 35 714 учащихся.

Недостающее число учителей пополнялось за счёт усиленного развития краткосрочных курсов. Квалификация уже работающих учителей повысилась путём заочного обучения. В деле переподготовки педагогов и школьных инспекторов большую роль сыграл Центральный институт повышения квалификации кадров народного образования (ЦИПККНО), положение о котором было утверждено Наркомпросом 28 мая 1928 г.

Наконец, повышению квалификации педагогов, их политическому просвещению, обмену опытом и критике сильно способствовали педагогические и методические конференции, которые периодически устраивались как во всероссийском масштабе, так и на местах.

С 1922 г. заработная плата учителей ежегодно возрастает и в червонных рублях составляет в месяц по первому (высшему) тарифному поясу:

	Для учителей школы I ступени	Для учителей школы II ступени
В 1928 г.	52	80
» 1929 »	60	88

С 1927/28 учебного года были проведены периодические прибавки за каждые 5 лет работы в школе для учителей начальных школ в размере 60—72 рублей в год за каждую пятилетку работы (всего 4 прибавки), для учителей средней школы — в размере 100—150 рублей в год за каждую пятилетку службы [2]. Для учителей, работающих в отдалённых местностях РСФСР, с 1 октября 1929 г. периодические прибавки были установлены не за каждое пятилетие, а за каждые 3 года и притом в двойном размере.

ВЦИК и СНК РСФСР неоднократно выносят решения, уста-

[1] Народное просвещение РСФСР (к докладу Наркомпроса на XIII Всероссийском съезде Советов), 1927.

[2] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июля 1927 г.

Через несколько минут они первый раз сядут за парты

навливающие нормы заработной платы учителей по местному бюджету, запрещающие «мобилизацию» учителей для выполнения не связанных с прямыми обязанностями учителя работ, что нередко имело место в деревне. Правительство принимает решительные меры для ликвидации задолженности учителям со стороны местных органов, прибегая в ряде случаев к наказаниям лиц, виновных в такой задолженности.

XIV съезд Советов РСФСР дал директиву всем местным органам «принять решительные меры к полной ликвидации случаев нарушения прав учительства, привлекая к строгой ответственности лиц и организации, умаляющих роль учительства и мешающих его педагогической деятельности». Был издан ряд распоряжений прокуратуры республики, Наркомфина, НК РКИ относительно обеспечения прав учительства. В частности, Верховный суд РСФСР 8 декабря 1929 г. предписал местным органам милиции и суда при всех случаях притеснения учительства быстро производить исчерпывающее расследование и привлекать виновных к суду.

Приведённые выше факты говорят о большой заботе партии и Советского правительства по отношению к учительству.

5. *Школьные программы.*

После Первого партийного совещания по народному образованию, как уже упоминалось в начале этого очерка при рассмотрении вопроса о школьной системе, последняя была перестроена:

школа I ступени — 4 года, первый концентр школы II ступени — 3 года (V—VII группы) и второй концентр школы II ступени (VIII—IX группы).

Эти изменения в школьной системе, естественно, потребовали перестройки учебных программ. Школа I ступени, имевшая до 1921 г. пять лет обучения, стала теперь четырёхлетней. Требовалось поэтому так перестроить программы обучения, чтобы придать школе I ступени более или менее законченный характер.

Равным образом надо было придать законченный характер семилетней школе. Большинство учащихся в школе-семилетке или заканчивало своё образование этой школой или переходило по окончании её в средние профессиональные учебные заведения — техникумы разных специальностей.

Поэтому в сентябре 1921 г. вышли «Программы семилетней единой трудовой школы», составленные (как и предыдущие программы 1920 г.) по отдельным предметам. Они, однако, попрежнему не являлись обязательными, а были предложены только как ориентировочные.

В программах 1921 г. много сходного с предыдущими программами 1920 г. Дана лишь перегруппировка учебного материала по концентрам: школа I ступени и первый концентр школы II ступени (V—VII группы). Поэтому всё, что сказано в предыдущем очерке о достоинствах и недостатках программ 1920 г., в основном относится и к программам 1921 г.

Отметим лишь некоторые улучшения в программах семилетней школы 1921 г. В этих программах несколько больше отражена современность; ослаблена отвлечённость программ 1920 г. По естествознанию, физике, географии уменьшена перегружённость программ 1920 г. учебным материалом (однако этот материал всё ещё оставался непосильным, недостаточно учитывающим возрастные особенности учащихся, в особенности V—VII групп).

Программы 1921 г., как и предыдущие, недостаточно были выдержаны в подлинно научном отношении. В них всё ещё было сильно влияние дореволюционных методистов. Задачи, выдвигаемые перед школой Октябрьской революцией, марксистско-ленинское мировоззрение в программах 1921 г. отражены недостаточно.

Переход к новой экономической политике требовал усиления идейно-политического воспитания подрастающего поколения. Надо было уничтожить разрыв между теорией и практикой, школой и жизнью, знанием и трудом. Нужно было воспитать уменье превращать коммунистические принципы в руководство для повседневной практической работы. На эту сторону учебно-воспитательной работы, как мы знаем, особое внимание обратил В. И. Ленин в речи на III съезде Комсомола.

Программы 1921 г. этой задаче не отвечали, так как в них слаба была связь с социалистическим строительством. Потребовалась большая методическая работа по составлению новых программ.

4 июля 1921 г. было утверждено коллегией Наркомпроса РСФСР положение о научно-педагогической секции Государственного учёного совета, председателем которой была назначена Н. К. Крупская.

Уже на следующий день, 5 июля, на секции обсуждались тезисы о школьном строительстве, в принципиальной части которых говорилось:

«Основным стержнем преподавания... должно быть теоретическое и практическое изучение экономической жизни и экономического строительства своей страны. Отсюда вытекает трудовой характер школы. Это изучение должно идти по четырём направлениям: а) по направлению изучения сил и богатств природы, б) по направлению изучения способов воздействия на эти богатства и силы с целью их использования со стороны людей, в) по направлению изучения главного фактора производства — человека, члена современного общества, и, наконец, г) по направлению изучения организации этого общества» [1].

В этой декларации сформулирована основная идея комплексных программ.

В дальнейшем в целом ряде заседаний научно-педагогической секции, методической комиссии и в отдельных совещаниях ГУСа формулируется мысль о создании комплексных программ. Обсуждая вопросы методов обучения (например, «естественный метод усвоения детьми грамоты», «комплексный метод обучения»), вопрос о сельскохозяйственном уклоне деревенской начальной школы, об индустриальном уклоне в городской школе, вопросы краеведческой работы школы, отвергая варианты программ, построенных по учебным предметам, «как излишне регламентирующие» школьную работу и т. д., научно-педагогическая секция ГУСа всё время возвращалась к вопросу о комплексном построении программ [2].

В оживлённых, страстных прениях о структуре программ научно-педагогическая секция ГУСа неправильно отвергла предметное построение программ и в дальнейшем стала обсуждать лишь различные варианты комплексных программ.

Идея комплексного построения программ начальной школы в зачаточном виде была упомянута ещё в декларации о единой трудовой школе 16 октября 1918 г., где говорилось о слиянии учебных предметов в младших группах начальной школы в «детскую энциклопедию». Попытку комплексного построения про-

[1] «Социальное воспитание», 1921 г., № 3—4, август—сентябрь, стр. 18. См. также приложение к протоколу № 4 заседания научно-педагогической секции ГУСа от 4 июля 1921 г. (Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись № 7, дело 25).

[2] Протоколы и журналы научно-педагогической секции ГУСа: № 6 от 12 июля 1921 г., № 8 от 28 июля 1921 г., № 10 от 9 августа 1921 г., № 17 от 30 августа 1921 г., № 20 от 15 сентября 1921 г., № 40 от 20 января 1922 г., № 52 от 30 марта 1922 г. и др. (Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись № 7, дело № 25 за 1921—1922 гг.)

грамм начальной школы дал в 1919 г. в своей книге «Трудовая школа» П. П. Блонский, где эти комплексные программы даны уже в подробной разработке. В западноевропейской педагогике в работах целого ряда мелкобуржуазных педагогов-реформаторов, выступавших против схоластизма и формализма старой школы, идея комплексного построения программ встречалась в начале XX в. довольно часто.

В 1920—1921 гг. первые опыты разработки комплексных программ делались опытно-показательными станциями Наркомпроса РСФСР.

После того как научно-педагогическая секция ГУСа приняла за основу комплексное построение программ школы I ступени, ею был обсуждён целый ряд схем такого построения программ. Наконец, за основу была принята схема, разработанная при участии Н. К. Крупской.

К началу 1923 г. схема эта была утверждена в следующей редакции [1]:

1. Схема программы школы I ступени.

Годы	Природа и человек	Труд	Общество
1.	Времена года	Непосредственно окружающая трудовая жизнь семьи деревенской и городской.	Семья и школа.
2.	Воздух, вода, почва. Окружающие человека культурные растения и животные и уход за ними.	Трудовая жизнь деревни или городского квартала, где живёт ребёнок.	Общественные учреждения деревни и города.
3.	Элементарные наблюдения (сведения) по физике и химии. Природа местного края. Жизнь человеческого тела.	Хозяйство местного края.	Губернские (областные) общественные учреждения. Картины прошлого своей страны.
4.	География России и других стран. Жизнь человеческого тела.	Государственное хозяйство РСФСР и других стран.	Государственный строй России и других стран. Картинки прошлого человечества.

Схема программы школы II ступени построена по тем же трём «колонкам», названным так: «Природа, её богатства и силы», «использование этих богатств и сил человеком (трудовая деятельность людей)», «общественная жизнь».

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись № 3, дело 39, 1923 г. Протокол № 32 заседания президиума научно-педагогической секции ГУСа от 21 февраля 1923 г.

По мысли авторов этой схемы в первой колонке должны были найти себе место отдельные сведения по физике, химии и биологии, «поскольку они необходимы для понимания климата, жизни почвы, жизни растений» или «для понимания жизни животных и человека». В этой же колонке размещаются отдельные сведения по построению вселенной и по истории материальной культуры. Вторая колонка заполняется сведениями из различных отраслей производства, его техники, организации, истории труда. Третья колонка содержит материал обществоведческого характера и отдельные сведения по истории.

Язык, литература, математика в схеме, как мы видим, почти не были представлены. Это обстоятельство, независимо от того, как бы ни были в дальнейшем разработаны программы по этой схеме, таило уже в себе опасность снижения грамотности учащихся по русскому и родному языкам и математике.

На основании схемы ГУСа была произведена в 1922/23 г. разработка первого варианта программ школы I ступени, причём научно-педагогическая секция ГУСа к этой разработке привлекла ряд опытных школ. 15 июля 1923 г. программы для первых двух лет обучения утверждены Коллегией Наркомпроса.

Несколько позже была проведена разработка программ для 3-й и 4-й групп, и в 1924 г. эти программы были отпечатаны для всех четырёх групп школы I ступени [1].

Схема ГУСа центром школьных программ делала трудовую деятельность людей, которая должна была изучаться в связи с природой, как объектом трудовой деятельности и общественной жизнью, как следствием трудовой деятельности. Этим, по мысли составителей схемы, достигалось единство программы, изучение явлений жизни в их связи и взаимодействии.

Все сведения, расположенные в трёх колонках, объединялись той или другой комплексной темой («комплексом»), изучение которых связывалось, по возможности, с сезонными явлениями и краеведением. Каждая комплексная тема была рассчитана на известный срок (от 2 недель до $1^1/_2$ месяцев). Эта комплексная тема была иногда разной для городской и сельской школ.

Для первого года обучения первой комплексной темой была «Жизнь ребёнка до школы летом», второй — «Знакомство со школой», третьей — «Охрана здоровья детей», четвёртой — «Октябрьская революция» (по срокам она охватывала начало ноября и приурочивалась к празднованию Октябрьской революции). Некоторые темы повторялись в один и тот же срок (в соответствии с сезонными явлениями или датами революционных праздников) на всех четырёх годах обучения (таковы темы:

[1] «Новые программы единой трудовой школы первой ступени I, II, III и IV годов обучения», 1923.

«Октябрьская революция», «Первое мая — международный праздник трудящихся» или тема для первого и второго годов обучения «Начало весенних работ»).

Комплексные программы считались руководящими работниками Наркомпроса «блестящим завоеванием», подлинным выражением марксизма в школьной работе, применением диалектического материализма в программах и методах работы советской школы. Так, например, А. В. Луначарский в речи своей на съезде заведующих губсоцвосами 11 марта 1923 г. в таких восторженных выражениях характеризовал программы ГУСа:

«Это есть нечто, в полном смысле слова, замечательное. Это целый переворот в деле школьного образования. Это такая вещь, которая, если мы сумеем её развить, будет иметь всемирное значение. В этой программе лежит необычайное изящество структуры; с какой бы стороны ни подойти к ней, вы видите нечто цельное» [1].

Не менее сочувственно оценивали программы Н. К. Крупская и М. Н. Покровский.

«Вводная записка к программам I ступени» [2] отмечает два основных недостатка «до-гусовских» программ: 1) оторванность их друг от друга и 2) оторванность их всех от жизни.

Преодолеть эти недочёты и предполагалось применением «комплексного метода» и установлением тесной связи содержания программ с жизнью.

Вводная записка указывала, что изучаются не учебные предметы, а «центральные темы», дающие (по мнению авторов программ) учащимся нужные им по данной теме знания и навыки.

Более пространно «сущность комплексности» была выяснена ГУСом в 1923 г., когда его научно-методическая секция издала «тезисы о комплексном методе». В этих тезисах указывалось, что новый подход к преподаванию обеспечивает применение в школе «не только анализа, но и синтеза», что это ведёт к установлению «связи между отдельными имеющимися знаниями», а последнее, в свою очередь, является самым ценным для выработки единства миросозерцания.

Н. К. Крупская, выдвинувшая трудовую деятельность людей как стержневое содержание программ, писала [3]: «В основу программ... кладётся изучение трудовой деятельности людей. Этим создаётся та внутренняя связь между темами отдельных бесед, между различными предметами, которая так необходима, так осмысливает всё преподавание».

Темы программы, говорится далее в тезисах, должны быть вместе с тем интересными и близкими активной жизни ребёнка и окружающей школу действительности.

[1] «Новые программы для единой трудовой школы», вып. I, 1923, стр. 5.
[2] Вводная записка к программам 1 ступени («Новые программы для единой трудовой школы», 1923).
[3] «К вопросу о программах», журн. «На путях к новой школе», № 2, 1922.

Вся «школьная работа, — говорится далее в тезисах, — объединяется на основе так называемых очередных ударных заданий школы». При этом каждой школе предлагается периодически выдвигать «то или иное принципиально ценное и практически важное ударное задание, проведением которого объединяются все работники данного класса».

Относительно школы II ступени тезисы указывали, что в ней «синтетическое образование» проводится: 1) путём координирования содержания отдельных изучаемых наук друг с другом, в смысле выделения общих, связанных друг с другом тем и 2) путём максимальной согласованности преподавателей между собой, осуществляемой посредством периодических сговоров преподавателей по установлению связи между программами отдельных, одновременно изучаемых учащимися учебных предметов».

Введение к программам для 5—6 и 7 лет обучения не придаёт никакой цены «сложившейся ранее систематике школьных предметов: каждый школьный предмет теряет свою самостоятельность и самодовлеющую ценность». Заместитель Народного Комиссара по просвещению М. Н. Покровский в докладе своём на том же съезде заведующих губсоцвосами даже стал отрицать в своём увлечении комплексными программами значение математики как науки: «Что касается математики, то мнение наиболее свежих математиков из университетских профессоров таково, что это не наука с определённым конкретным содержанием, а что это определённый язык, на котором говорят». Изучение этого языка, по мнению М. Н. Покровского, должно происходить попутно при изучении проблем физики, химии, механики, астрономии. Русский язык изучается также в связи с другими дисциплинами; отсутствие в программе словесности М. Н. Покровский считал даже огромным плюсом, так как он «давно вынес впечатление, что нельзя отбить вкус к литературе лучше, чем введением её в форме преподавания», и что подростки, организовав клубы, изучат сами и Тургенева, и Толстого, и Гоголя, и Пушкина [1].

Подводя итоги основным высказываниям самих составителей о значении новых программ, мы видим, что научно-педагогическая секция ГУСа и составители программ стремились:

1) осуществить связь школы с жизнью, радикально перестроить школьное обучение, уничтожив отрыв обучения от практики, от трудовой деятельности людей;

2) привить учащимся диалектико-материалистическое мировоззрение и обеспечить материалистическое содержание школьного обучения;

3) сделать школьное обучение близким интересам ребёнка и соответствующим уровню и характеру развития различных возрастных групп;

[1] См. «Новые программы для единой трудовой школы», вып. I, стр. 20—21.

4) установить связь обучения с жизнью данного района (краеведческий принцип) и с сезонными явлениями природы.

Как видим отсюда, *субъективно составители программ ставили перед собою задачи действительно важнейшие для советской школы.*

Однако разрешены эти задачи были неправильно. Комплексные программы нарушали систематичность знаний, логику учебных предметов, развивали поверхностность, всезнайство, поскольку говорилось о многом, а ничего не закреплялось основательно. Комплексные программы неправильно, механистически противопоставляли науку и жизнь, нарушали последовательность знаний.

Авторы комплексных программ считали, что эти программы осуществляют диалектический принцип связи явлений жизни, однако диалектический материализм имеет в виду естественные связи, а в комплексных программах обычно «устанавливались» искусственные, надуманные связи. Авторы комплексных программ полагали, что они проводят идею связи жизненных явлений, принцип связи обучения с жизнью, любовались «цельностью» программ, в действительности же комплексные программы представляли собою смесь бессистемных, клочкообразных сведений, набранных из различных областей знания и приуроченных к данной теме.

В школе II ступени учебные предметы хотя и сохранялись, но расположение учебного материала в каждой теме производилось по комплексным темам, вследствие чего учебный предмет уродовался, логика его нарушалась.

Некоторые темы в комплексных программах школы I ступени, особенно связанные с сезонными явлениями и революционными праздниками («Первое мая — праздник трудящихся» и др.), из года в год повторялись во всех четырёх классах. Отсюда — излишний, нецелесообразный концентризм учебного материала, ненужная его повторяемость и большая неэкономность в расположении этого материала.

Так называемые «навыки», т. е. беглость и правильность чтения, орфографически правильное письмо, уменье быстро и правильно производить арифметические действия над числами и т. п., в программах 1923—1924 учебного года отсутствовали вовсе.

Комплексные программы *по своему построению, по своей структуре* были следствием влияния на их авторов буржуазной и мелкобуржуазной педагогики, так называемых «педагогов-реформаторов» Западной Европы и США (Gesamtunterricht Бертольда Отто, Лейпцигского союза учителей, Эртли и др., построения швейцарским педагогом Фаррьером программ по комплексам, в основу которых положен интерес детей, прагматической педагогики Дж. Дьюи и др.), хотя, конечно, *содержание комплексных программ единой трудовой школы I ступени было принципиально отличным от того, чем наполняли свои комплексные программы буржуазные и мелкобуржуазные педагоги.* Однако марксистская методология не отрывает содержание и форму, рассматривает их в единстве, и ошибки в выборе формы, структуры программ должны были неминуемо отрицательно сказаться и на содержании программ.

Первый день в школе (70-я школа Киевского р-на г. Москвы).

Необходимость коренной перестройки школы и её работы авторы программ поняли вовсе не так, как того требовал В. И. Ленин. Комплексность в программах была полным разрывом со старой школой, тогда как Владимир Ильич учил, что: «...всё-таки надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, надо уметь выбрать из неё то, что необходимо для коммунизма» [1].

Одной из таких полезных черт старой школы являлась систематичность знаний, предметное построение программ. Создатели же комплексных программ пошли по пути отрицания и самостоятельной важности знаний и системы их, видели главное, основное в обучении детей *методу* приобретения знаний.

Вводная записка к комплексным программам 1924 г. так и говорила: «Нет надобности гнаться за сообщением какой-либо определённой суммы знаний».

Уничтожая специфику каждого учебного предмета, не обращая внимания на необходимость навыков чтения, правильного письма и счёта, программы (вводная записка к программам

[1] Ленин, Соч., т. XXX, стр. 405.

1924 г.) давали совершенно неправильные установки: «Не должно быть в школе арифметики и русского языка как особых предметов», «никакого особого, изолированного курса природоведения не должно быть». В своей борьбе против систематической науки создатели комплексных систем готовы были ликвидировать, объявить несуществующими не только «учебные предметы», но и издавна сложившиеся науки.

Целый ряд местных органов Наркомпроса, ближе, нежели последний, стоявших к практике школьной работы, отнёсся к комплексным программам очень сдержанно.

Так, Петроградский губернский отдел народного образования критиковал эти программы ещё в процессе их разработки на расширенном заседании научно-педагогической секции ГУСа [1]. Когда эти программы были утверждены, Петроградский губОНО, издавая их, снабдил их предисловием, где между прочим говорится: «Предлагать программы, составленные по комплексному методу, где бы грани отдельных предметов стирались, пока такие программы не выдержали строгого испытания на практике, едва ли было бы целесообразно» [2], хотя далее не отрицается важность «комплексного метода» как очередной задачи.

В предисловии к тем же программам, изданным в Иваново-Вознесенске, говорится: «ГубОНО пришлось избрать средний путь: приблизить школу, сколько это возможно, к современности и изучению окружающей трудовой жизни населения и к изучению окружающей природы... Но в отличие от схем и программ ГУСа... нам пришлось оставить везде предметное преподавание, уделив в этих программах довольно много места техническим навыкам: счёту, чтению, письму» [3].

Вопрос об «увязке» комплексной темы с навыками после выхода программ ГУСа был одним из самых жгучих методических вопросов, оживлённо обсуждавшихся на методических совещаниях учителей и в педагогической печати того времени. Приведём для примера выдержку из статьи в журнале «Просвещение в Сибири»:

«Вопрос о так называемой увязке становится поистине «проклятым» вопросом. С одной стороны, материал программы, складывающийся из обществоведения и природоведения (иногда включают и третий комплексный гусовский *предмет* — трудоведение) и содержащийся в колонках *природа — труд — общество,* с другой — орфография, грамматика и математика. Как увязать, «скомплексировать» одно с другим? Как увязать материал по теме, скажем, *«корова»* и прохождение правописания *сомнительных гласных?* Как увяжешь *волисполком* и *склонения родовых слов с окончаниями —**ый, ой, ое, ого, его** и т. д.?* Какая увязка может быть между темой «Наш край» и спряжениями и глагольными, скажем, окончаниями ***ешь, ишь?***

Мудрено ли после этого, что работа учителя принимает двойственный характер. Часть времени он уделяет «комплексу» в чистом виде, прорабатывая материал трёх колонок программы. Часть же посвящает занятиям, ничем не отличающимся *от уроков* старой школы по русскому, арифметике, геометрии. Последние ещё кое-как увязываются, порой даже естественно, а уже родной язык без специальных к тому уроков не идёт: ведь иначе ни знаний правил, ни навыков орфографии не привьёшь, не дашь» [1].

К 1925 г. уже довольно явно стала ощущаться на местах несостоятельность комплексных программ. На недостатки программ, не обеспечивающих прочных знаний и «навыков», указывали уже не только учителя, но и передовые рабочие и крестьяне. Так, об этом говорили на XIII Всероссийском съезде Советов при обсуждении доклада А. В. Луначарского делегаты Тамбовской, Московской и других губерний [2].

Под напором этих требований с мест А. В. Луначарский на Всесоюзном учительском съезде в 1925 г., выступил с предложением устраивать в школах отдельные уроки чтения, письма и счёта. В том же 1925 г., выступая на совещаниях заведующих агитпропами губкомов ВКП(б), А. В. Луначарский говорил: «Большинство школ перешло на предметный метод, считая, однако, что они применяют комплекс, потому что он вкраплен в преподавание. Программа у них примерно такая: «овца, арифметика, письмо» и т. д. Что это за овца? Это оказывается комплекс, овцу же приносят в жертву этому методу, а потом учат по старинке. Вы, конечно, понимаете, какое это получается «комплексное» обучение. Это, пожалуй, не плохо с той точки зрения, что лучше ехать на простой крестьянской лошади, чем сидеть в сломаном автомобиле. Но лучше исправить автомобиль: к исправлению и нужно принять самые экстренные меры» [3].

Таким образом, в Наркомпросе стали уже в 1925 г. понимать необходимость переработки программ, однако, вместо отказа от комплексного построения программ всё ещё твёрдо держались «комплекса» как ведущего начала структуры программ и лишь склонялись к некоторым уступкам «навыкам».

Программы для первого концентра школ второй ступени, вышедшие в 1925 г., были построены по отдельным предметам, но

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 7, дело 25. Протокол № 40 расширенного пленума научно-педагогической секции ГУСа от 18—20 января 1922 г.

[2] «Программы-минимум для единой трудовой школы I и II ступени» Петроград, 1923, стр. 161.

[3] «Программы для школ I и II ступени», Иваново-Вознесенск, 1923.

[1] А. Грузных, Старое в новом, «Просвещение в Сибири», 1926.

[2] XIII Всероссийский съезд Советов, изд. ВЦИК, 1927, стр. 431, 452.

[3] А. В. Луначарский, Доклад на совещании заведующих агитпропами губкомов в октябре 1925 г., «Просвещение и революция», 1926, стр. 399.

сохраняли для всех дисциплин единую комплексную тематику, повторяемую в каждой отдельной программе. Программы уже с первых строк заявляли, что «комплекс» превратился в какой-то «фетиш» и «педагогический кунштюк», правда, относя это на счёт непонимания истинного духа «комплексной системы организации образовательного материала» на местах и продолжая утверждать целесообразность комплексов [1].

При обсуждении программы на Первой всероссийской конференции школ II ступени 5—10 июля 1925 г. выдвигались предложения заменить комплексную систему циклованием учебных предметов, однако конференция ограничилась констатацией перегружённости программ, а вопрос о принципах построения программ обошла молчанием [2].

В 1926 г. ещё сильнее стали ощущаться в практике школы недостатки комплексных программ 1923—1924 гг. для начальной школы и программ 1925 г. для школы II ступени. Так, в журнале «Вопросы просвещения на Северном Кавказе» мы читаем: «Родители заявляют: «Научите наших детей, прежде всего, читать, писать, считать, а потом уже комплексы» [3].

Учительство, тесно связанное с советской общественностью, стремилось дать эти «навыки». 13 декабря 1926 г. состоялась общегородская конференция преподавателей г. Орла по вопросу о программах и методах преподавания в школах II ступени. Докладчик инспектор Наркомпроса Войцеховская, ознакомившись предварительно с работой школ, резко осуждала работу учителей: «Замечается спокойствие и равнодушие педагогов в отношении этого вопроса (о комплексном обучении)... В последнее время громко прозвучал лозунг «обратно к навыкам», работники свернули в сторону и начали год с проверки навыков... В шестых группах комплексность почти не проводится...». В прениях выступил ряд учителей, не скрывавших своего отрицательного отношения к комплексности. «Школы не отказываются от комплекса, но приводимый в пользу комплекса довод, указывающий на упорство Наркомпроса по данному вопросу, не убедителен... Испытания в вузы отмечают недостаток навыков»...

В обсуждение программы включились высшие учебные заведения. Химическая комиссия опытно-показательной школы при Тверском педагогическом институте, критикуя программы ГУСа по химии, указывала на недостатки проработки многих вопросов химии, вытекающие из стремления связать её непосредственно с вопросами обществоведения, физической географии и др. предметами, на неправильную концентричность программных требований по химии, вытекающую из комплексирования, на отсутствие последовательности материала:

[1] «Программы для первого концентра школ второй ступени», 1925.

[2] Вопросы школы II ступени (Труды I Всероссийской конференции школ II ступени, 1926).

[3] «Вопросы просвещения на Северном Кавказе», 1926, № 12.

«Наибольший упрёк должен быть сделан программе с точки зрения переоценки сил учащихся... Вторым уязвимым моментом программы является распределение материала во времени. Программа производит впечатление довольно хаотического нагромождения материала с частым повторением одной и той же темы, с залезанием в область других предметов, и всё это с целью подогнать работу по химии к соответствующим комплексным темам...; почему, например, воду, растворы и сплавы нужно отнести к теме «Формы обрабатывающей промышленности», а воздух и металлы к теме «Формы сельскохозяйственной промышленности»; почему беление тканей хлором относится к «обмену между городом и деревней», получение алюминия к «организации основных отраслей промышленности», а приготовление спирта — «к развитию мирового хозяйства?» — совершенно справедливо ставила вопрос химическая комиссия [1].

Типичную картину состояния обучения в школе выявила коллегия Главсоцвоса 9 января 1926 г., когда, заслушав ряд докладов о работе школ II ступени Тверской, Тульской и Вологодской губерний, вынуждена была признать, что «одни школы удачно и полно комплексируют материал в первых группах (Вологодская школа), в других наблюдается частичное осуществление комплексности (Тверская школа) или же заметное преобладание предметности (Тульская школа) [2].

Проведённое инспекторами Наркомпроса в октябре—ноябре 1926 г. обследование ряда школ в Сибири, на Северном Кавказе и в губерниях «Астраханской, Владимирской, Смоленской, Тверской, и Ульяновской [3], установило усиление на местах лозунга «Усилим навыки».

Под напором требований рабочих и крестьян и критики комплексных программ педагогической общественностью, Наркомпрос должен был пересмотреть свои программные установки и увлечение комплексностью.

В 1927 г. были изданы новые программы. Заявляя о «верности» комплексной системе, эти программы делают уже некоторое отступление от комплекса, а именно: дают для школ I ступени перечень и содержание комплексов и наравне с ними перечень систематических знаний по грамматике, орфографии и арифметике [4]. «Комплексы» превратились в особую программу, состоящую из отдельных вопросов обществоведения, географии, естествознания и организации детской жизни. Программы для первого концентра второй ступени являются дальнейшим отступ-

[1] См. журн. «Вопросы просвещения», изд. Тверского Губоно, № 10—11, стр. 37—41.

[2] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд Главсоцвоса, опись 26, дело 11, протокол № 3 от 9 января 1926 г.

[3] Е. Зомбе, Пленум научно-педагогической секции ГУС, «На путях к новой школе», 1927, № 4.

[4] «Программы и методические записки единой трудовой школы», 1927.

лением от комплексности, начатым в 1925 г. [1]. Новой нотой в программах 1927 г. является заявление о том, что «этими программами закрепляется тот обязательный минимум знаний и навыков, которые не могут быть изменяемы без предварительного разрешения Главсоцвоса» и что «за выполнение этого обязательного минимума заведующие несут ответственность перед ОНО, а последние — перед Наркомпросом».

Вынужденные под давлением требований передовых рабочих, крестьян и учителей дать перечень знаний и навыков по чтению, письму и счёту, авторы программы 1927 г. тут же в объяснительной записке к ней сожалеют, что ещё не могут «построить все программы и всю учебную работу в виде *комплексов-дел,* в виде последовательного и непрерывного ряда трудовых заданий общественно-практического порядка». Программы для второго профессионализированного концентра II ступени делали дальнейшее отступление от комплексности в смысле систематического изучения учебных предметов.

Введение в школу программ 1927 г., которыми уделялось значительное внимание «навыкам», улучшило работу школы, повысило общеобразовательный уровень учащихся в конце рассматриваемого периода (1927/28 и 1928/29 учебные годы).

Крайняя потребность в хорошо подготовленных кадрах для социалистической промышленности выдвигала вопрос о дальнейшем повышении общеобразовательной подготовки учащихся школ I и II ступени. Июльский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. признал необходимым «добиться, чтобы оканчивающие *школу II ступени* были подготовлены для поступления в вузы». Ноябрьский пленум 1929 г. отметил «слабое выполнение решений июльского пленума ЦК о повышении учебной подготовки кончающих школы II ступени» и предложил добиться в этом деле решительного перелома, указав, что «должны быть пересмотрены программы школ II ступени, улучшена система подготовки».

Таким образом руководящий орган коммунистической партии уже в 1928 г. и 1929 г. ясно подчеркнул необходимость повышения общеобразовательных знаний, даваемых школой, и, следовательно, необходимость переработки программ 1927 г. в направлении усиления систематических общеобразовательных знаний и перестройки программ в предметные.

К началу 1929/30 г. были опубликованы [2] «Программы единой трудовой школы I ступени» в двух вариантах: 1) для городских школ и 2) для сельских школ. Программы эти получили среди педагогов название «Программы 1929 г.».

Программы 1929 г., как указывали их составители, должны

[1] «Программы и методические записки единой трудовой школы», 1927, вып. V и VI.

[2] «Народное просвещение», журн. Наркомпроса РСФСР, 1929, № 7; «Методический путеводитель», 1929, № 7—8; отдельный оттиск программы в издании «Работник просвещения», 1929.

Вид женской средней школы (г. Горький)

были усилить революционную направленность детей, в большей мере ознакомить детей с происходящей в СССР классовой борьбой, дать понимание тех грандиозных сдвигов, которые совершаются в стране.

Во вводной записке к программам 1929 г. говорилось: «Основные принципы советской трудовой школы — связь обучения и воспитания с общественно-производительным трудом, ознакомление детей с основными производствами в теории и на практике, подготовка борцов за интересы рабочего класса, строителей коммунистического общества, активное участие детей в классовой борьбе и социалистическом строительстве, изучение трудовой деятельности людей и связанное с ней изучение природы и общественных явлений, краеведческие основы программы и т. д. и т. д. — оставались и остаются незыблемыми при всех пересмотрах конкретного содержания программ. Подготовить детей для борьбы и строительства можно только вовлекая детей в борьбу и строительство. Для того, чтобы это участие было осмысленным, сознательным, воспитывающим, необходимо ознакомить детей с очередными задачами рабочего класса, партии, советской власти, с изменяющимися условиями разрешения этих задач».

В программе 1929 г. был значительно увеличен материал политического характера. Введены вопросы индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Усилен материал о классовом расслоении деревни и о борьбе с кулачеством.

Однако, делая шаг вперёд по сравнению с программами

1927 г. в смысле усиления политического элемента в программах и ознакомления детей с вопросами индустриализации и коллективизации, программы 1929 г. упускали из виду, что *глубокое изучение вопросов социалистического строительства немыслимо без углубления теоретического содержания программ, без повышения общеобразовательного уровня учащихся.*

Комплексное построение программ, нарушавшее систему знаний и приводившее к безграмотности, не только осталось, но по вине прожектёров, составлявших программы 1929 г., было усилено по сравнению с 1927 г. В программах 1927 г. имелось компромиссное разрешение вопроса: после комплексных программ, в дополнение к ним, имелись программы по математике, русскому языку, труду (так называемая «программа навыков»).

В программах 1929 г. это важное дополнение, представлявшее первый шаг к переходу на предметные программы, исключено. Более того, программы 1929 г. представляли собой первый шаг к превращению комплексных программ в комплексно-проектные, с сильным уменьшением общеобразовательного материала.

Рост социалистического строительства, борьба за коллективизацию сельского хозяйства требовали усиления связи школьного обучения с жизнью, однако, составителями программ 1929 г. это требование было понято неправильно, извращено и выразилось в комплексно-проектном построении программ со значительным снижением общеобразовательных систематических знаний. Это сокращение общеобразовательного материала было произведено по целому ряду вопросов и притом так, что нарушалась связь между историческими событиями.

Например, в программе 4-го года обучения (комплексная тема «Борьба трудящихся в царской России и Октябрьская революция») исключены все вопросы, касающиеся революции 1905 года, имевшиеся в программе 1927 г. В объяснительной записке к программе четвёртого года обучения (1929 г.) говорилось: «Особой беды не будет, если дети не усвоят исторические факты и события, которые имели место до Октябрьской революции, в их исторической последовательности». Поэтому, говорится далее в объяснительной записке, «не вводится ряд крупнейших исторических событий, как например японская война, революция 1905 года, чтобы не осложнять (?!) понимание основной сущности дооктябрьского прошлого и послеоктябрьского настоящего» [1].

Совершенно очевидно, что никакого понимания «дооктябрьского прошлого и октябрьской революции» без ознакомления с генеральной репетицией Октябрьской революции — революцией 1905 года — дать нельзя. Для характеристики бессистемности программ 1929 г. можно к тому же добавить, что в комплексе первого и второго классов (т. е. для учащихся 8—9-летнего возраста!) программа вводила клочкообразные рассказы о 9 январе, а на третьем году обучения — о революции 1905 года. Эта же лоскутность программ 1929 г. и повторяемость вопросов в ней имелись и при ознакомлении детей с природоведческим материалом. Так, на первом году обучения значится наблюдение за распусканием веток, проращиванием семян и т. д. На втором году обучения снова стоит (в той же редакции) «наблюдение за распусканием веток» и «над прорастанием семян». К вопросам о строении цветка, об опылении программа возвращалась на протяжении курса начальной школы 3 раза.

[1] «Программы единой трудовой школы I ступени», 1929, стр. 55.

За счёт общеобразовательного материала в программе выдвинута на первое место общественно-полезная работа, выполнение которой нередко требовалось программой, начиная с первых дней пребывания ребёнка в школе, в виде «проектов»; например, «Наблюдения за заболеваемостью в своих семьях» (вторая комплексная тема *первого года* обучения).

Такие же близкие к проектам вопросы мы встречаем и в других темах всех годов обучения, например: «Как мы можем облегчить труд наших матерей» (1-й год), «Участие детей в совместном проведении всей школой антирождественской пропаганды» (1-й год); «Участие детей в организации летней площадки» (1-й год). Первая тема четвёртого года обучения сельской школы уже прямо названа в программе 1929 г. *проект-темой* («1 проект-тема» — «От чего зависит урожай и как его поднять»).

Программы 1929 г. были совместной работой «правых» и «левых»; некоторые из составителей, как выяснилось позже, оказались врагами народа. Маскируясь революционной фразой, двурушничая, вредители сумели ввести в заблуждение Наркомпрос. Последний, выпустив программы 1929 г., не понял тех указаний, которые были даны июльским пленумом ЦК ВКП(б) 1928 г. и ноябрьским пленумом 1929 г. относительно школьных программ, а именно необходимости усиления систематических общеобразовательных знаний, обеспечивающих подготовку нашей молодёжи к техникуму и вузу.

В августе 1929 г. был утверждён Наркомпросом новый учебный план школы II ступени, введённый в действие с 1929/30 учебного года, построенный по учебным предметам. По этому плану еженедельно отводилось на:

обществоведение	23 часа	(V—X гр.)
русский язык и литературу	32 »	(V—X гр.)
математику	23 »	(V—X гр.)
естествознание	17 час.	(V—X гр.)
химию	10 »	(VI—X гр. по 2 часа)
физику	17 »	(VI—X гр. по 3—4 часа)
астрономию	2 часа	(IX гр.)
географию	6 час.	(V—VII гр. по 2 часа)
экономическую географию	2 часа	(VIII гр.)
иностранные языки	13 час.	(V—X гр.)
труд	9 »	(V—VII гр. по 3 часа)
изобразительные искусства	6 »	(V—VII гр.)

музыку, пение	3 часа	(V—VII гр.)
физкультуру	12 час.	(V—X гр. по 2 часа)
специальные предметы профессионального характера . . .	41 час.	(VIII—IX гр. по 13 час. и в X гр. 15 час.)

Этот учебный план по сравнению с предыдущими представлял шаг вперёд. В нём господствующее положение занимали русский язык и литература и математика. Много часов отводилось естествознанию, физике, химии.

Недостатками этого учебного плана являлись: а) отсутствие истории как самостоятельного предмета и растворение её в «обществоведении», б) большое число часов, отводимое на специальные курсы в VIII—X классах. Существование профессионализированного старшего концентра школы II ступени, введённого в 1924 г., когда он диктовался целым рядом условий (недостаток вузов, которые могли бы принять всех окончивших школу II ступени, недостаток техникумов, которые могли бы подготовить необходимое число специалистов средней квалификации, и др.), к 1930 г. уже не оправдывалось жизнью. Не давая достаточной профессиональной подготовки, старшие классы школы II ступени в то же время отнимали большое число учебных часов у общеобразовательных предметов.

Учительство встретило программы 1929 г. с недовольством. В целом потоке писем в «Учительскую газету» и педагогические журналы учителя критиковали эти программы за лоскутность и снижение общеобразовательных знаний. В своей практической работе, как увидим далее, большинство учителей вопреки программам 1929 г. уделяло большое внимание систематическим письменным упражнениям по грамматике, орфографии, решению задач и т. п.

Мы отметили целый ряд недостатков комплексных программ, действовавших в течение 1923—1929 гг. *Нельзя, однако, из-за комплексности программ не видеть общего развития советской школы в этот период, даже в области содержания учебной работы, не говоря уже о других сторонах жизни школы.*

По сравнению с дореволюционной школой дети получали большое политическое развитие, содержание обучения стало принципиально иным. Несравненно бóльшие общеобразовательные знания получали учащиеся по естествоведению как в школах I ступени, так и школах II ступени. Значительно больше знаний учащиеся II ступени (по сравнению с учащимися дореволюционной школы) получали по физике и химии. Всем явлениям природы и общественной жизни давалась материалистическая трактовка. Сведения по математике, физике, химии, естествознанию тесно связывались с жизнью, с практикой, с местным краем. Получаемые детьми знания были конкретными, жизненными.

В борьбе с формализмом обучения в старой школе комплексные программы, несмотря на ряд отмеченных выше их недостатков, сыграли большую положительную роль. Они будили творческую методическую мысль учителей, способствовали развитию активности и творчества детей, развитию у детей наблюдательности, любви к природе, связи обучения с жизнью.

Как увидим далее (в разделе «Учебно-воспитательная работа школы»), опытные учителя, умело используя положительные черты комплексных программ и смягчая их недостатки, достигали значительных успехов в своей работе.

Недостатки комплексных программ в известной мере тормозили достижения советской школы, но не останавливали её движения вперёд и выше.

6. Учебники.

Одновременно с разработкой программ научно-педагогическая секция ГУСа уделила много внимания вопросу об учебниках, который неоднократно обсуждался на заседаниях секции [1]. Особенно остро встал вопрос об учебниках после опубликования комплексных программ.

Итоги работы над проблемой учебника Н. К. Крупская изложила 30 мая 1923 г. Её основные положения сводились к следующему:

1) Учебник школе необходим, изгонять его нельзя. (Этим тезисом Н. К. Крупская возражала ряду прожектёров, которые отрицали необходимость учебника.)

2) Учебник должен быть составлен на высоком научном уровне.

3) Он должен содержать «общественно необходимый материал».

4) Учебник должен быть «созвучен» ребёнку.

5) Должен быть связан с трудом.

6) Учебник должен быть местным, «локальным» («идеально было бы для 1 года, например, если бы учебник давал печатный материал, отражающий жизнь ребят данной школы..., а для старших классов учебники могут писаться для целого района»).

7) Учебник должен писаться с участием детей.

Здесь, наряду с правильными положениями, имеется и ряд ошибочных, главные из которых идут по линии «локализации», что было обусловлено краеведческим принципом комплексных программ.

В 1921/23 г. советская школа продолжала ещё пользоваться подправленными старыми учебниками. Работу по пересмотру учебников вела так называемая редакционная комиссия ГУСа. Были просмотрены тысячи названий различных книг и пособий [2].

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 7, дело 25, протоколы научно-педагогической секции.

[2] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись № 3, дело № 49, протокол комиссии.

С 1923 г., с переходом дела издания учебников к Госиздату, начинается работа над новым учебником. 27 марта 1923 г. президиум научно-педагогической секции по вопросу об учебниках принял план издания учебников, предложенный Н. К. Крупской, и с этого момента начинается интенсивная работа над подготовкой учебников[1]. Появляются «Красная зорька» для 1 и 2 лет обучения, «Наш путь» под редакцией А. Г. Калашникова, «Смена» под редакцией Свердловой. С начала 1924 г. организуется при научно-педагогической секции специальная комиссия по учебнику. Комиссия вместо учебника приняла особый тип учебной книги, а именно — «рабочей книги». Набор этих учебных книг («рабочих книг») дополнялся «Рабочей библиотекой школьника».

Пересмотрев имеющиеся учебники и сделав указания относительно их переработки, комиссия по учебникам выработала список рекомендуемых учебников. Коллегия Наркомпроса 17 ноября 1928 г.[2] установила стандартный список учебников для школ I и II ступени на срок в 3 года (с 1929/30 по 1931/32 учебный год).

В стандартном списке учебников для школ I ступени значились существовавшие уже и раньше 1928 г. и лишь переработанные к этому году буквари: Афанасьев «Читай, пиши, считай»; Богоявленский и др. «Ручеёк»; Фортунатова и Шлегер «Школа и деревня»; Свердлова «Смена»; Фридлянд и Шалыт «За работу»; Шапошников «Живые звуки».

На вопросе о букварях нам необходимо остановиться подробнее, так как этот вопрос теснейшим образом связан с «методом целых слов» обучения чтению, послужившим одной из причин недостаточной орфографической грамотности учащихся.

Методическая записка к программам начальной школы 1927 г. указывала, что «обучение по методу целых слов... более соответствует характеру работы по комплексной программе и позволяет процесс обучения грамоте включить в общую работу по комплексу».

Из упомянутых букварей, вошедших в стандартный список, буквари Богоявленского, Афанасьева, Свердловой и др. были в известной мере близки к методу целых слов, а букварь Фридлянд и Шалыт типичен для этого метода.

Вторым недостатком этих букварей было соответствие их требованиям комплексной программы 1927 г. В этих букварях в той или иной степени отражена тематика программы осенне-зимнего периода (сентябрь — декабрь). Слова и связный текст подбирались соответственно проходимым в эти месяцы комплексам. Этим нарушались основные принципы правильного обучения чтению: 1) не соблюдалось правильное, постепенное расположение букв, 2) не была выдержана система в расположении материала по степеням трудности чтения; 3) дети не подводились к осознанию слогового и звукового состава слова; 4) дети не приобретали навыка прочитывать слова; они их или узнавали (пока было небольшое накопление слов) или угадывали. Кроме упомянутых букварей появился целый ряд краевых букварей, в основу которых был положен локальный материал.

Краевые буквари были изданы в Западной Сибири, Иваново-Вознесенском, Северном крае, Куйбышевском и др. краях. Все эти буквари ориентировались по центральным, указанным выше букварям и локального материала заключали мало. Более насыщенным этим материалом был букварь Северного Края.

Кроме букварей, в стандартном списке 1928 г. учебников для школы I ступени значились «основные книги», т. е. книги для классного чтения, составленные также применительно к комплексной программе, куда вошёл материал по русскому языку, обществоведению, естествознанию.

Стандартным списком 1928 г. для сельской школы I ступени были указаны следующие книги для чтения (приводим лишь те, которые получили наибольшее распространение): Волынская «Новая деревня», Калашников «Новый путь», Шацкий «Школа и деревня», Флеров «Ясное утро». Для городских школ I ступени: Соколов «Игра и труд», Свердлов «Советским ребятам». Некоторые из этих книг допускались лишь в переработанных изданиях (например, Флеров «Ясное утро» с 6 издания). По сравнению с прежними книгами для классного чтения новые книги и переработанные издания прежних усиливали политическое воспитание детей. Недостатком всех этих книг был комплексный принцип расположения материала (в частности, сезонность его), чем снижался общеобразовательный уровень.

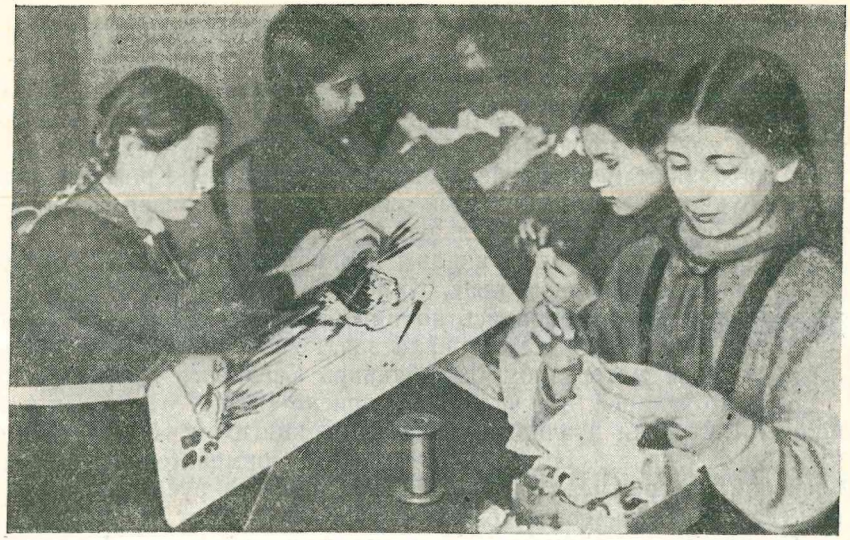
По орфографии и грамматике наиболее часто употреблялись Фридлянд и Шалыт «Первая и вторая книжка по правописанию» — тяжёлая по формулировкам, написанная малодоступным детям языком, книжка; Ушаков и др. «Рабочая книга по правописанию» и «Учебная книга по русскому языку», Пешковский «Первые уроки по русскому языку».

По математике для школы I ступени наибольшим распространением пользовались: Грацианский и Кавун «Сборник арифметических задач», Волковский «Математика для детей», Зенченко и Эменов «Жизнь и знания в числах».

В рекомендательный список учебников для школы II ступени в 1928 г. вошли 56 учебников по литературе, обществоведению, географии, естествознанию, математике, физике, астрономии, химии и иностранным языкам; из них 34 книги новых и остальные переработанные. Это обстоятельство ясно показывает, какая интенсивная работа шла к концу периода по созданию нового учебника.

[1] Протокол президиума научно-педагогической секции ГУСа от 27 марта 1923 г. Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись № 3, дело № 39 и рукописи Н. К. Крупской в этом же деле.

[2] «Еженедельник Наркомпроса РСФСР», 1928, № 51, стр. 1135.



В школьном кружке по рукоделию

В этой краткой истории советской школы мы не имеем, конечно, возможности останавливаться на характеристике учебников по всем предметам. Такая характеристика является предметом частных методик. Ограничимся поэтому лишь общей характеристикой учебника того времени.

Большим недостатком всех вообще учебников для школы II ступени была неверная установка комиссии по учебникам (где, между прочим, большую роль играли «левые», в частности Шульгин): «Книги, которыми теперь пользуется трудовая школа, в основном построены в соответствии с программами ГУСа и *являются не столько «учебными» книгами, сколько рабочими, отражающими важнейшую установку программ — установку на трудовое воспитание»* [1].

Как известно, постановлением ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы» от 12 февраля 1933 г. такая подмена учебников «рабочими книгами» была признана неправильной. Эта установка на «рабочую книгу» вместо учебника, в котором даётся в сжатом систематическом изложении система данной науки, была извращением, находилась в связи с теорией свободного воспитания, комплексной системой и методом проектов.

Неправильным было также отсутствие дифференциации некоторых родственных наук (математики, естествознания) на отдельные науки. По математике, например, давались Грациански «Рабочая книга по математике», Гурвиц и др. «Математика». Правильные попытки некоторых авторов дать учебники по каждой математической науке отдельно (алгебре, геометрии, тригонометрии), что единственно обеспечивало бы систематическое изложение математических наук, встречали со стороны комиссии по учебникам ГУСа решительный отпор. Так 22 января 1928 г. комиссия по учебникам, отклонив составленный А. И. Горюновым учебник по алгебре, сообщила ему: «Для школьного применения допускаются вновь только рабочие книги по математике, объединяющие вместе все отдельные предметы. Учебники по отдельным предметам (алгебре, геометрии и пр.) для школ больше не допускаются» [1].

Аналогичный ответ дан при отклонении курса тригонометрии Кильдюшевского: «Тригонометрия Кильдюшевского отклонена потому, что согласно принципам трудовой школы, выставленным ГУСом, изучение тригонометрии не нуждается в отдельном учебнике» [2].

В «рабочих книгах» по естествознанию, одним из авторов которых был горячий сторонник метода проектов Игнатьев («Рабочая книга по естествознанию» Всесвятского и Игнатьева) проводилось то же смешение биологических наук: отдельные естественные науки — ботаника, зоология, биология, анатомия и физиология человека — давались в этой «рабочей книге» в смеси друг с другом.

Комплексная система построения программ, нарушавшая систематичность знаний, как видим, крайне отрицательно повлияла на развитие учебника.

В 1929 г. Наркомпрос для пополнения учебных книг материалом по актуальным текущим вопросам соцстроительства рекомендовал журнал-учебник для 3-го и 4-го года школы I ступени «Юные ударники», а для 1-го и 2-го года «Дружные ребята».

Журналы-учебники, нарушая систематичность знаний и (в следующем периоде) ориентируясь на метод проектов, давали низкий по качеству учебный материал.

На местах продолжали издавать краевые учебники, и Наркомпрос поддерживал эту тенденцию, вытекающую из комплексного принципа построения программ.

Качество этих краевых учебников было невысоким. «Рабочие книги» для разных лет обучения издавались в продолжение всего периода в Сибири, Нижнем Новгороде, на Северном Кавказе, в Ленинграде и т. д., а также в союзных и автономных республиках.

Таким образом, в рассматриваемый период (1921—1929 гг.) вопрос о качестве учебника *не нашёл ещё правильного разрешения*, что и было отмечено несколько позже (в феврале 1933 г.) постановлением ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы». Объяснялось это неправильным построением —

[1] «Еженедельник Наркомпроса РСФСР», 1928, № 45, стр. 32.

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 36, дело № 41, л. 102.
[2] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 36, дело 41, л. 208.

комплексностью программ. *При всех отмеченных недостатках учебников необходимо, однако, отметить как положительную сторону в учебнике материалистическую трактовку явлений природы и общественной жизни, политическую заострённость учебников.*

С 1925 г. уделяется большое внимание организации снабжения школ учебниками. Огромная работа проводится по центральному снабжению учебниками.

Коллегия Главсоцвоса 28 сентября 1926 г. заслушала доклад по снабжению школ учебниками и учебными пособиями. К этому времени были разосланы бесплатные учебники для школ I ступени на сумму около 2 миллионов рублей. Тогда же разосланы комплекты тетрадей, бумаги, карандашей и др. — 1 200 000 комплектов на 924 000 рублей, наглядных пособий в 45 000 сельских школ на сумму 500 000 рублей, методической литературы на 200 000 рублей, книг для библиотек на 1 500 000 рублей и т. д. [1].

За два года, только из центра, не считая местных закупок, разослано учебников на 3,5 млн. рублей и на 2,5 млн. учебных пособий и принадлежностей [2].

К началу 1928/29 г. (к сентябрю 1928 г.) было отпущено Государственным издательством 13 млн. учебников, тогда как в августе 1927 г. всего лишь 7,5 млн. [3].

В комиссии по учебникам докладывались следующие показатели обеспечения учащихся учебными книгами.

На одного учащегося приходилось основных учебников [4]:

	1927 г.	1928 г.	1929 г.
По начальной школе	1,7	2,1	2,3
По средней школе	6,2	9,9	10,2

Таким образом к концу рассматриваемого периода выпуск учебников и снабжение ими школ сильно продвинулось вперёд.

7. Организация учебной работы школы.

Организация учебной работы, структура учебного года, продолжительность учебного дня, планирование учебной работы, построение урока и т. п. в начале рассматриваемого периода не были ещё регламентированы какими-либо постановлениями центральных органов, в частности Наркомпроса, и предоставлялись инициативе и усмотрению местных органов народного образования и даже отдельных школ, что было связано с принципом локальности при проведении учебной работы по комплекс-

[1] См. протокол коллегии № 41 от 28 сентября 1926 г. (Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд Главсоцвоса, опись № 26, дело № 12.

[2] Журн. «Народное просвещение», № 4 за 1928 г., Итоги центрального снабжения школ учебниками.

[3] «Еженедельник Наркомпроса РСФСР», 1928, № 37, стр. 801.

[4] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд Управления начальной и средней школы, опись 83, дело 73, л. № 73.

ным программам. Это был ещё период исканий новых организационных форм учебной работы.

В зависимости от местных климатических и хозяйственных условий начало и конец учебного года, сроки каникул значительно варьировались.

В педагогической литературе и исканиях опытно-показательных школ намечалось стремление охватить школой всю жизнь, всё время детей, в связи с чем стали пропагандироваться идеи «летней школы», «непрерывного учебного года», «непрерывной недели», «школы продлённого дня».

В 1924 г. в Петрограде вышла книга «Летняя школа». В феврале 1927 г. была созвана конференция, посвящённая вопросу о летней школе. Сторонники летней школы указывали на желательность усиления воспитывающего воздействия школы на детей, на возможность путём летней школы организовать летний досуг детей, проводить большую внеклассную работу, организовать сельскохозяйственный труд детей, привить детям любовь к природе и т. д. Коллегия Наркомпроса в 1928 г. отнеслась к идее летней школы сочувственно [1]. Опытно-показательными школами действительно были сделаны интересные попытки организации летней школы, однако, даже здесь прожектёры из института методов школьной работы пытались провести вредный «метод проектов», навязать школе отвергнутую ещё в 1918 г. идею ликвидации летних каникул. В сборнике «Летняя школа», выпущенном в 1927 г. Наркомпросом РСФСР и институтом методов школьной работы (стр. 6—7), указывалось, что путём летней школы надо «познакомиться с методом проектов и организовать проведение каждым учеником хотя бы одной проектной работы по сельскому хозяйству». Попытки распространить идею «летней школы» на массовую школу встретили отрицательное отношение со стороны местных органов народного образования и учительства, так как лишали учителей и учащихся летнего отдыха, нарушали правильную организацию учебного года, отрывали крестьянских подростков от сельскохозяйственного труда в деревне.

Такой же прожектёрской оказалась попытка заменить в самом конце рассматриваемого периода семидневную неделю с определённым для всех школ выходным днём «непрерывной неделей» с четырьмя рабочими и одним выходным днём [2].

Копируя непрерывку на производстве, школы работали без перерыва, а для каждого учителя и каждой группы учащихся устанавливался определённый выходной день. Этим предполагалось увеличить на 20% пропускную способность классов, школьных кабинетов и лабораторий. Однако опыт непрерывной недели уже скоро обнаружил много отрицательных сторон: 1) при ежедневной загруженности классов трудно было содержать школу удо-

[1] «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», 1928, № 10, стр. 190.

[2] «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», 1929, № 50.

влетворительно в санитарно-гигиеническом отношении; 2) учащиеся не имели своего класса, так как происходили передвижки из класса в класс групп учащихся; 3) выходной день детей не совпадал с выходным днём родителей в семье, что вело к усилению безнадзорности; 4) трудно было организовать общешкольные собрания как учащихся, так и учителей и 5) фактически во многих школах непрерывка привела к тому, что учителя загружались на все дни, не имея недельного дня отдыха. Ряд подобных же недостатков обнаружился от введения непрерывки и на производствах. Позже поэтому общим законодательством были зафиксированы твёрдо установленные дни отдыха (6, 12, 18, 24 и 30-е числа каждого месяца). На эту шестидневную неделю в следующем периоде перешла и городская школа. В деревенской же школе была восстановлена семидневная неделя.

Число часов ежедневных занятий в школе в течение 1921—1929 гг. продолжало оставаться повышенным (5 часов в школе I ступени и 6 часов в школе II ступени, не считая времени общественной работы учащихся). Общественная работа детей была значительной по времени и распределена между учащимися неравномерно.

В конце рассматриваемого периода организация учебной работы в смысле распорядка учебного года и (как мы видели из предыдущего) учебной недели начинает улучшаться.

В начале 1929 г. публикуются выработанные Наркомпросом РСФСР «Типовые правила внутреннего распорядка в школе» [1].

Весной того же года Наркомпрос рекомендовал с начала 1929/30 г. ввести следующее деление учебного года [2]:

Начало года между	16 августа—1 сентября
Осенний перерыв	7—15 ноября.
Зимний перерыв	21—31 января.
Краткий весенний перерыв	12—18 марта.
Весенний перерыв	10 апреля—10 мая.
Конец учебного года	15—30 июня.

Хотя эта организация учебного года не была ещё предложена как обязательная, а лишь рекомендовалась, но этим уже был сделан значительный шаг вперёд по упорядочению школьной жизни. Прежняя пестрота в организации учебного года на местах в значительной степени уменьшилась.

Планирование школьной работы в связи с комплексными программами было очень сложным. Нераспределённость учебного материала по учебным предметам, разбросанность его и повторяемость на разных годах обучения одних и тех же вопросов, отсутствие в программах хотя бы примерного распределения времени на различные части программы, необходимость насытить

[1] «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», 1929, № 1, стр. 12.
[2] «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», 1929, № 18, стр. 64.

комплексные темы краеведческим материалом — всё это крайне усложняло планирование.

На местах составлялись крайне сложные схемы производственных планов школы. Так, ДалькрайОНО составил в 1927 г. форму производственного плана сельской школы I ступени, состоящую из 13 колонок: название комплексов, тем, подтем, ход работы, перечень знаний и навыков по родному языку, математике, обществоведению, природоведению, трудоведению, трудовым процессам, общественно-полезная работа, расчёт времени на проработку комплексов, литература и т. д. Аналогичная форма с большим количеством колонок была составлена Вологодским, Пензенским и другими губОНО.

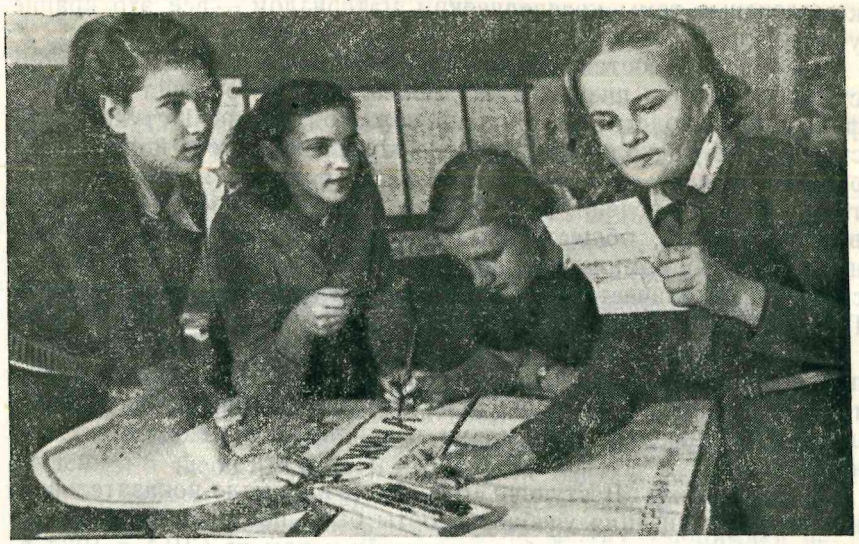
Наркомпрос, имея в виду крайнюю пестроту на местах в деле планирования школьной работы, выпустил в 1928 г. книгу — методическое письмо, посвящённое вопросу планирования работы школы [1]. Однако это письмо не ликвидировало сложности планирования.

В ряде школ II ступени (особенно в опытно-показательных школах) организация учебной работы была построена по лабораторному плану, который был перенесён к нам из США в 1924 г. и за исследуемый период успел распространиться по школам II ступени.

Дальтон-план (или лабораторный план) снижал ведущую роль учителя, делая последнего лишь организатором педагогического процесса и консультантом, внёс извращения в учёт знаний (замена учёта самоучётом, обезличка в учёте, поскольку учёт выполнения задания производился не индивидуально, а по целой бригаде-звену сразу), отменил урок, свёл на нет домашние задания учащихся. Особенно нарушались правильные школьные занятия при лабораторном плане в тех школах, которые ввели у себя так называемое «свободное расписание». В школах, где был введён «лабораторный план» (дальтон-план), например в опытно-показательной школе им. Радищева (Москва), учебный год разбивался на 8 месяцев. На каждый месяц из расчёта 24 рабочих дней давалось по каждому предмету задание (8 заданий в год). Для развития уменья коллективно работать учащиеся соединялись в рабочие звенья (по 3—5 человек).

Каждое звено учащихся выбирало на тот или иной день и час, по своему усмотрению, один из кабинетов или лабораторий. Явившись в кабинет или лабораторию, учащиеся звена предъявляли дежурному преподавателю свои учётные карточки, на которых преподаватель отмечал время занятий каждого учащегося в данном кабинете. Перед каждым заданием для звеньев, проработавших предыдущие задания, устраивалась преподавателем вводная к следующему заданию беседа. После проработки зада-

[1] И. Смирнов и М. Тимофеев, Как составлять рабочий план к программе ГУСа и Главсоцвоса. Методические письма. 1928, стр. 198.



Редколлегия школьной стенгазеты в женской школе

ния звеном преподаватель принимал задание, ставя на учётной карточке свою подпись (без характеристики качества проработки).

Месячное задание по каждому учебному предмету планировалось на то число часов, какое имел данный предмет в неделю, умноженное на 4. (Так, если предмет имел 3 часа в неделю, месячное задание рассчитывалось на 12 часов.) В задание, выдаваемое учащимся в письменной форме, входили:

1) целевая установка задания;

2) тема и подтемы задания с перечнем последовательных вопросов, которые должны быть проработаны в каждой подтеме;

3) указание литературы с точным обозначением страниц;

4) перечень практических работ, которые должен выполнять учащийся (наблюдения, опыты, зарисовки, составление схем, диаграмм и пр.);

5) контрольные вопросы, на которые должен ответить учащийся в результате проработки темы.

Получив задание, учащиеся, разбившись на звенья (по 3—4 человека), читали тут же в кабинетах и лабораториях указанную в задании литературу, делая рабочие записи.

Роль преподавателя сводилась: а) к произнесению вводного слова; б) к консультации учащихся во время их самостоятельной работы и в) к приёму зачётов по выполнении каждым звеном задания. Уроков на дом не задавалось; считали, что задание полностью должно быть выполнено в процессе лабораторных занятий.

Отрицательными чертами этой методики были: 1) отсутствие

систематического изложения учебного предмета учителем; 2) недостаточность развития речи учащихся; эти два недостатка сильно способствовали снижению культуры речи и уменья учащихся правильно письменно и устно излагать свои мысли; 3) звеньевая (бригадная) система проработки заданий; 4) отсутствие домашних заданий фактически сильно снижало число часов, уделяемых учеником в год на изучение каждого предмета; 5) в учёте, поскольку задание сдавала вся бригада, господствовала обезличка, недостаток индивидуального учёта знаний; 6) при свободном расписании эти недостатки усугублялись ещё тем, что ученик мог проработать месячное задание по какому-либо предмету, рассчитанное, например, на 16 часов (4 недели по 4 часа) в первые 3—4 дня месяца, занимаясь только этим одним предметом; затем он принимался поочерёдно за другой, третий предметы и т. д. Таким образом, закончивши задание, например, по русскому языку в 3—4 дня, учащийся на целый месяц (до следующего задания) отрывался от данного предмета, прорабатывая задания по другим предметам.

При всех отмеченных выше недостатках организации учебной работы по лабораторному плану (дальтон-плану) следует отметить, что для своего времени этой организацией были внесены и некоторые положительные черты:

1) Было обращено большое внимание на оборудование наглядными учебными пособиями и учебной литературой школьных кабинетов и лабораторий, поскольку вся учебная работа сосредоточивалась в них.

2) Поскольку весь процесс проработки каждого задания проходил под наблюдением преподавателя и в его присутствии, учителя научились лучше дозировать свои задания учащимся и имели возможность учесть индивидуальные особенности учащихся при изучении ими учебного материала, наблюдать приёмы работы каждого из них и т. п.

3) Работа по лабораторному плану там, где учителя уделяли много внимания консультациям, приучала учащихся к самостоятельной работе.

После того как были выявлены недостатки работы по дальтон-плану и урок с твёрдым расписанием и с определённой постоянной группой учащихся (классом) занял по указанию ЦК ВКП(б) с 1932 г. должное место в школе как основная организационная форма учебной работы, указанные выше положительные черты работы по лабораторному плану не исчезли, а были использованы при более правильной организационной форме учебных занятий — уроке. Надо впрочем заметить, что организация учебной работы по лабораторному плану (дальтон-плану) не нашла значительного применения в массовых школах и практиковалась в сравнительно небольшом числе преимущественно опытно-показательных школ. Подавляющее большинство

школ сохранило классно-урочную систему занятий и уделяло большое место упражнениям в так называемых «навыках», что мы подробно увидим дальше, в разделе «Учебно-воспитательная работа школы».

8. Учебно-воспитательная работа.

Программы 1923—1925 гг., при всех своих отмеченных выше недостатках, внесли много нового в работу школы. Они способствовали оживлению методической работы учительства, усиливали педагогическое творчество и искания учителей, будили их мысль. Учебников и книг для классного чтения, соответствующих новым программам, в начале рассматриваемого периода не было, разработок отдельных комплексных тем также. Учителям поэтому приходилось проявлять много творчества и изобретательности, знакомиться с большим количеством литературы, отбирая подходящий к данной теме материал.

Эта методическая работа шла коллективно. В школах, где имелось несколько учителей, над разработкой очередной комплексной темы работали все учителя. В школах сельских, одно-комплектных и двухкомплектных, разработка комплексных тем велась на методических волостных (или «кустовых», когда объединялись несколько близлежащих школ) объединениях путём коллективного обсуждения. Эта совместная работа способствовала сплочению учительства, расширяла благодаря товарищескому общению и обмену опытом педагогический кругозор каждого из участников таких объединений. Содержание каждой темы, последовательность вопросов по этой теме, материал для чтения и письма, тема экскурсий, наглядные пособия и т. п. — все эти вопросы оживлённо дискуссировались учителями.

Каждая комплексная тема включала хотя и клочкообразный, но довольно большой материал по природоведению и географии, по трудовой деятельности людей и по обществоведению (соответственно трём «гусовским колонкам»: *природа — труд — общество)*. Учебная работа по программам ГУСа усилила внимание учителей и учащихся к вопросам природоведения и общественной жизни, понизив, правда, при этом систематические занятия и упражнения по арифметике и русскому (родному) языку (особенно занятия по грамматике и орфографии).

Комплексные темы строились на местном материале по краеведческому (локальному) принципу с соблюдением во времени принципа сезонности. Поэтому в учебных занятиях большое место занимали экскурсии, наблюдения учащимися фенологического и метеорологического характера, наблюдения над осенними и весенними сельскохозяйственными работами и т. д. Детям давались соответствующие задания, причём результаты наблюдений они должны были фиксировать письменно, делать зарисовки, выражать графически посредством диаграмм и т. п.

Урок в III классе средней мужской школы № 132 г. Москвы

Некоторые комплексные темы (Октябрьская революция, Первое мая) были связаны с революционными праздниками, лозунги которых в соответствии с текущими событиями данного года варьировались.

Каждая тема включала большой материал по общественно-политическим вопросам. Например, тема IV года начальной школы «Наш Союз и перевыборы Советов» включала вопросы:

1. Из каких союзных республик состоит наш СССР?
2. Как управляется наш СССР?
3. Как проводятся перевыборы Советов?

Дети читали ряд статей из книги для классного чтения, писали сочинение на тему «Наш Союз», переписывали стихотворения: «Крепни, великий Союз», «Наш герб», знакомились с картой СССР и раскрашивали на ней территории союзных республик, вычисляли плотность населения в этих республиках путём деления количества населения на количество кв. километров территории, вычисляли и чертили диаграммы сравнительного количества населения в союзных республиках и соотношения сельского и городского населения, чертили схему управления СССР, совершали экскурсию в Музей народов СССР, рисовали цветными карандашами герб СССР и т. д.

Тема «Лесная полоса» в IV классе 14-й опытно-показательной школы Московского отдела народного образования (школа Центросоюза) имела следующие задания для самостоятельной работы:

Наблюдения.

1. Уметь показывать на карте лесную полосу.
2. Написать сочинение «В лесу» по следующему плану:
   1) Описание леса.
   2) Население леса.
   3) За что я люблю лес.
   4) Польза леса.

Чтение.

1. Прочти статью «Волки» (стр. 69) и опиши жизнь волков зимой:
   а) Почему волки зимой держатся стаей?
   б) Как они ходят в деревню за добычей?
   в) Как отыскивают пищу во время голода?
   г) Как устраивают облаву на волков?
2. Прочти статью «Самолёт на севере», перечисли письменно, какие животные водятся в Туруханском крае.
   Нарисуй одно из животных.
3. Прочти статью «В Архангельске» (стр. 85) и ответь на вопросы:
   а) Куда направляются пароходы с лесом из Архангельска?
   б) Опиши как сплавляют лес по рекам.
   в) Как обрабатывают лес на лесопильном заводе?
4. Прочти статью «Пушной промысел» (стр. 80) и ответь на вопросы:
   в) Какие мероприятия должна сделать советская власть, чтобы правильно поставить пушной промысел?
   г) Какое значение имеет пушной промысел для нашего Союза?

Письмо.

1. Спиши стишок «В бору» (стр. 67).
2. Спиши стишок «Лес» (стр. 84).

Рисование.

1. Нарисуй лес.
2. Нарисуй: «Рубка леса».
3. Нарисуй «Охота в лесу».

Учёт.

1. Выучи стихотворение о лесе.
2. Приготовь рассказывать один из рассказов на учётном утре.

Просмотр нами тетрадей учащихся 14-й школы МОНО, где работали талантливые учителя (А. В. Янковская и др.), показывает, что учащиеся писали в орфографическом и стилистическом отношении достаточно грамотно и обладали навыками производства арифметических действий. Объясняются эти результаты исключительно сильным составом учителей в этой школе и тем обстоятельством, что часть уроков уделялась упражнениям в «навыках». В своём докладе на вечере воспоминаний в Институте теории и истории педагогики 28 декабря 1946 г. А. В. Янковская говорила: «Мы на своих совещаниях заняли твёрдую позицию: часть уроков уделяли на навыки. Правда, мы всегда в каждой теме старались связать работу детей с какими-нибудь вычислениями, со словесным материалом, с сочинениями детей,

но тем не менее на грамматику, на решение задач, на счёт у нас выделялись определённые часы» [1].

В Петроградской губернии с самого начала появления комплексных программ руководство губернским отделом народного образования и учительство отнеслись к комплексным программам ГУСа очень сдержанно и в практике школьной работы уделяли значительное время урокам по грамматике, орфографическим упражнениям, счёту. Уже в начале работы по комплексным программам докладчик Петроградского губсоцвоса (подотдела социального воспитания), выступая на заседании научно-педагогической секции ГУСа 20 ноября 1923 г. критиковал комплексные программы, суммируя мнение учителей Петроградской губернии: «Программы недостаточно принимают во внимание интересы учащихся; иногда не соответствуют возрасту.... программы не учитывают ценности предметного преподавания (роль наблюдения в естественно-историческом методе, система в математике); многих классиков трудно связать с комплексом.... нет достаточных указаний на развитие навыков» [2].

Школы Петроградской губернии (позже — Ленинградской области) в течение всего рассматриваемого периода «навыкам» уделяли поэтому значительное число уроков.

Так, в Московско-Славянской школе (Детскосельского района Ленинградской области) в 1929/30 г. даже во время действия программ 1929 г., не только проводивших в сугубом виде комплексную систему, но сделавших уже шаг к комплексно-проектным программам, школьные занятия во 2-й группе строились так: [3]

3 марта 1930 г.

Первый урок. $100 + 130 = 230$
$200 + 150 = 350$
$100 + 360 = 460$
$156 + 500 = 656$

и т. д. (всего 31 пример на сложение отвлечённых трёхзначных чисел, когда одно из слагаемых оканчивается двумя нулями), т. е. урок, построенный вне каких-либо методов проектов, лабораторных планов, комплексных тем и т. д., а дающий ряд упражнений по курсу арифметики.

Второй урок. Устный счёт.

Третий урок. *Упражнения.*

---

[1] Стенограмма доклада А. В. Янковской «Работа московских школ по программам ГУСа в 1922—1930 гг.» на вечере воспоминаний 28 декабря 1946 г. в Институте теории и истории педагогики АПН, стр. 8.

[2] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 3, дело 39, протокол № 62 от 20 ноября 1923 г.

[3] Рукописный материал «Круговая тетрадь № 4 Московско-Славянской школы за 1929/30 г.»

Тучи — туча.	Стучи — стучу.
Рощи — роща.	Кричи — кричу.
Дачи — дача.	Тащи — тащу
Чащи — чаща.	

и т. д. — всего 12 примеров на правописание слогов ча, ша, ща, чи, ши, щи, чу, шу, щу.

Так как эти 12 примеров не могли занять полностью 45-минутного урока, если бы дети писали только это упражнение, можно заключить, что это был урок, в котором бóльшую часть времени заняли соответствующие объяснения учителя.

Четвёртый урок. Чтение: Артель «Дружба».

В таком же духе идут записи целого года. Так, 4 апреля:

1-й урок. Счёт дюжинами (12×2=24; 12×3=36 и т. д.).

Примеры на умножение двух- и трёхзначного числа на однозначное.

2-й урок. Заучивали стихотворение «Ольха».

3-й урок. Письмо (списывали стихотворение «Жаворонок»).

4-й урок. Устный счёт.

Просматривая всю тетрадь, видишь, что в школе шли *систематические уроки:* 2 урока в день арифметики (один уделялся устному счёту) и 2 урока русского языка, причём они разнообразились (иногда это уроки чтения и грамматики, иногда — заучивание стихотворения и письмо, редко — беседа и объяснительное чтение по вопросам естествознания и обществоведения).

В тетрадях учеников Канавинской школы № 1 (Нижегородской губернии) за 1924—1926 гг. — также упражнения по орфографии («Он ложится. Пора ложиться. Дом строится. Дом начал строиться» и т. д.) вне какой бы то ни было связи с комплексом. За тот же день в тетради по арифметике решаются примеры на сложение составных именованных чисел:

+ 15 дестей 10 листов 6 дестей 18 листов	22 дести 4 листа
21 десть 28 листов	1 стопа 2 дести 4 листа

В «дневниках наблюдений» этой же Канавинской школы — записи учащихся: «Вода чуть-чуть убыла».

«Вода убыла в сутки на 45 *см*». «Вода на уровне» (очевидно, учащимся было поручено наблюдать уровень воды при разливе Волги и Оки: Канавино расположено при впадении Оки в Волгу). В этом же дневнике — красочная диаграмма погоды за истекший месяц, в которой зафиксировано, что 20 дней было пасмурных, 9 переменных, 1 ясный.

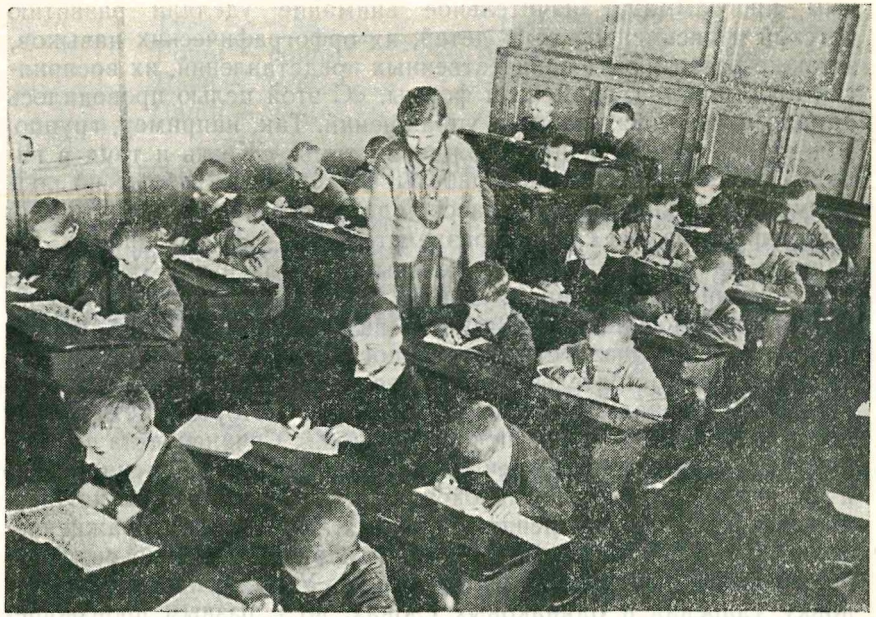
В Вятской школе им. Красина учителя, работая по комплекс-

ным программам, значительное внимание уделяли развитию детской и письменной речи детей, их орфографических навыков, а также развитию их количественных представлений, их восприятий пространства, времени и формы. «С этой целью проводилось немало письменных работ и упражнений. Так, например, групповод второй группы при прохождении темы «Жизнь и труд в городе» отмечает следующие работы. Письменные работы по родному языку: списывали с классной доски статью «Первопуток» и выписывали из неё слова с разделительным твёрдым знаком. По данным на доске словам с неясными согласными составляли предложения (например: труд, прут, пруд, плод, плот). Списывали стихотворение Пушкина «Зима» и выписывали из него слова-предметы. Списывали с классной доски статью без знаков препинания и самостоятельно расставляли их по смыслу, предварительно разобрав.... Запись вопросов, по которым дети будут проводить наблюдения за птицами зимой.... Сочинение на свободную тему.... Составление речи, в которой предлоги изменяли одно и то же слово по различным окончаниям.... Упражнялись на твёрдое и мягкое произношение согласных. Проводили упражнение: подчеркнуть в списанном тексте одинаковые слова, но различно произносимые, например, полы — пóлы. Упражнения на расстановку ударения в одинаковых словах, но с разным произношением (гóры — горы́). Списывали пословицы, дописывая последние слова. Составляли запись материалов, полученных при обследовании учреждений района и школ. Значительная часть этих работ выходила за пределы комплекса и преследовала цели грамматических упражнений. Целевая установка темы была: ввести детей в близкое соприкосновение с трудом взрослых, остановив их внимание на важности коллективного труда, ведущего к улучшению жизни, подчеркнуть перед ними черты нового общественного строя. Материалом изучения был ближайший к школе район: столовая ЦРК № 8, хлебопекарня № 1, кондитерская артели инвалидов, пожарная часть, сапожник, детский дом им. Степана Халтурина, детский сад, учебная мастерская шитья и кройки» [1].

Таким образом в 1—4 классах эта школа, как и большинство других, *сочетала работу по комплексным программам с преподаванием по отдельным предметам (русскому языку, арифметике).*

Значительно большие затруднения как эта Вятская, так и другие школы испытывали в старших классах (группах), начиная с пятого. Часто выходили из затруднений, группируя в систематическом порядке и расширяя по сравнению с программой географический и исторический материал. Недостаточный учебный

[1] Е. Н. Манохина-Чунихина, Страницы из истории русской школы (рукопись; из материалов Института теории и истории педагогики АПН, стр. 241—242).



Урок во II классе средней мужской школы № 132 г. Москвы

материал, предусмотренный программой по литературе, лучшие школы старались восполнять путём самостоятельного чтения учащихся.

Так, в приведённых выше воспоминаниях о Вятской школе Е. Н. Манохина-Чунихина пишет: «В отношении средних (5—7) групп школу смущало отсутствие в комплексных программах систематического курса географии, ограничения в отношении истории, классической литературы.... Школа под свою ответственность сохранила систематические курсы географии в IV, V, VI и VII классах, объединившие материал, который по существу был в комплексных программах, но распределялся по различным темам.... Что касается ограничения в курсе истории и слабой выраженности классической литературы в общем курсе литературы, то эти недочёты, поскольку это было возможно, восполнялись чтением учащихся» [1].

Из анализа тетрадей учащихся школ разных областей видно, что в 1927/28 и 1928/29 гг., когда появились программы 1927 г., уделявшие уже некоторое внимание «навыкам», школы стали уделять большее, чем в 1923—1926 гг., внимание последовательным письменным упражнениям орфографического характера, склонению, спряжению, решению примеров, будучи, однако, всё же связаны комплексной темой. Программы 1929 г. стремились

[1] Там же, стр. 242.

сократить эти систематические занятия, повернуть школу на комплексные занятия, но учителя продолжали эти занятия.

Учебная работа школы II ступени строилась по учебным предметам, причём материал каждого учебного предмета группировался по комплексной теме, общей для всех предметов данного класса на определённом отрезке времени (2 недели — месяц). Логика, естественная последовательность расположения материала по каждому предмету и необходимые упражнения для закрепления знаний при такой «корреляции», конечно, страдали. Особенно сильно недостатки комплексных программ школы II ступени ощущались при изучении математики и литературы.

Один из преподавателей физики и математики вспоминает свою работу 1925—1927 гг.:

«Мы получили задание от Наркомпроса построить всё преподавание на базе сельского хозяйства. Вспоминаю одну из тем — «Скотный двор». Физик должен разбирать вопросы электрификации скотного двора, математик — расчёт материалов. Но это вызывало новую задачу: физик излагал закон Ома, значит, математик должен был подготовить учеников к составлению и решению уравнений. Бывали большие затруднения: например, в теме «Сортоведение и сорторазведение» математика не имела материала для продвижения вперёд. В таких случаях делали подготовку к более «выгодной» теме, например, «С.-х. машины». Иногда получалось ничего, чаще же чувствовал, что притягиваешь материал искусственно. Жаловались больше всего словесники. С русским языком было плохо. Я по физике и математике захватывал материал больше и шире, чем нужно было для разбора и понимания «скотного двора». В лаборатории у себя давал работу, расширяющую познания учеников. В IX классе приходилось вести работу без комплекса: знал, что это для вуза понадобится. Чем старше класс, тем больше было отступлений от комплекса» [1].

Большим достижением рассматриваемого периода была *активизация методов учебной работы*.

Вопрос об активных методах обучения часто обсуждался в научно-педагогической секции ГУСа [2].

Учащиеся выполняли много письменных и графических работ. Как видно из приведённого выше примера, проработка комплексных тем («Лесная полоса») сопровождалась письменными работами. Это были преимущественно сочинения, в которых учащиеся должны были изложить результаты усвоения отдельных вопросов темы. Материал для этих сочинений черпался учащимися отчасти из рассказа учителя, большею же частью из собственных наблюдений на экскурсиях и самостоятельного чтения

[1] Запись беседы с московскими учителями от 15 апреля 1937 г.

[2] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 3, дела №№ 39, 41, 42 и др.; протоколы научно-педагогической секции и программно-методических комиссий.

8-2

указанной учителем литературы. Нередко встречаются описания проделанных опытов. Очень большое место в работе учащихся занимали рисунки (большей частью цветными карандашами и акварельными красками), цветные диаграммы, схемы и т. п.

Лабораторные работы и наблюдения широко ставились как в школе II ступени, так и в школах I ступени. Дети вели дневники погоды, наблюдали и систематически записывали фенологические явления. Так, в упомянутой уже Вятской школе велись «протоколы цветущих растений по месяцам». Школа имела сельскую базу — дом в деревне вблизи Вятки, имевший 7 комнат и хозяйственные постройки. Учащиеся сменами жили здесь в течение всего лета.

Приведём несколько «протоколов».

1) Фенология растений вико-овсяного поля базы.

Посев вики и овса	9 мая 1927 г.
Появление всходов	23 мая
Выход в трубку	8 июня
Кустистость	10 июня
Цветение	27 июня
Колошение	4 июля
Уборка	13 июля

2) Цветут 25 мая.

Фиалка трёхцветная.	Звездчатка злачная.
Манжетка обыкновенная.	Лютик золотистый.
Сурепка пахучая.	Будра плющевидная.
Одуванчик.	Звездчатка малая.
Крупка весенняя	Кисличка.
Земляника.	Геранка.
Кошачья лапка.	Живучка.

Такие «протоколы» — за каждую неделю. На большинстве их указан «маршрут» (т. е. часть окрестностей деревни, где помещалась сельская база школы) и имеются подписи учащихся, производивших наблюдения. Каждый протокол написан на листе альбомной плотной бумаги и снабжён рисунком, исполненным акварельными красками (летние пейзажи, цветы).

Приведём ещё письменный «Отчёт по влагоёмкости почвы» — результат лабораторной работы учеников VI группы той же Вятской школы Денисова и Горохова (орфография и пунктуация сохранены):

«Чтобы определить влагоёмкость супесчаной почвы, мы взяли жестянку, у которой дно было с мелкими отверстиями. Затем свесили эту жестянку, вес её 61 гр. и насыпав в неё супесчаной почвы снова свесили, весила она 536 гр. а чистый вес супесчаника 475 гр. Закрепив в штатив жестянку, так что под неё можно было поставить блюдечко, стали постепенно вливать воду. Когда просочилась 1-я капля, то землю с банкой свесили и получили вес 629 гр. из этого мы заключили, что вес удержанной воды почвой есть 629 — 475 = 154.

Значит влагоёмкость супесчаной почвы = 32,421%.

Сорт почвы	Вес банки	Вес почвы	Вес насыщенной почвы	Вес поглощённой воды	Влагоёмкость в %
Супесч.	61 *гр.*	475 *гр.*	629 *гр.*	154 *гр.*	32. 421 %

В отношении орфографии и особенно пунктуации отчёт оставляет желать лучшего. По содержанию написан толково, последовательно.

Подобных отчётов об опытах и наблюдениях в школьных материалах того времени довольно много.

Особенно увлекались школы экскурсиями. Так, Владимирская школа имени Н. К. Крупской сообщала: «Другие методы, как-то: лабораторный, экскурсионный, иллюстративный, метод драматизации также имели место в школе. Частью в классное, частью во внеклассное время совершено 27 экскурсий». Труд «связан с прорабатываемым учебным материалом и заключается в лепке, рисовании, вырезывании, изготовлении моделей, коллекций, макетов, плакатов, карт, диаграмм, графиков, устройстве выставок, в уходе за живым уголком» [1].

Широко применяли массовые экскурсии саратовские [2] и московские школы [3] и др.

Завершением экскурсий обычно являлись письменные работы, черчение схем, составление диаграмм, зарисовки и т. п. Нередко школы предпринимали дальние экскурсии (в Москву, Ленинград, и т. д.), оформляя впечатления от этих экскурсий в виде целого школьного альбома или журнала. Таков, например, альбом учащихся Убеженской школы Армавирского округа Северо-Кавказского края «Кубанский экскурсант», где в ряде статей, рисунков, стихотворений дети описывают содержание и впечатления от экскурсии в Москву в начале мая 1928 г. Дети посетили в Москве мавзолей Ленина, Политехнический музей, завод «Серп и молот», Биостанцию юных натуралистов, Третьяковскую галерею, Музей революции. Подобные экскурсии в крупные города, на большие заводы и т. п. практиковались тысячами школ.

В организации и методике наблюдений над природою и в организации сельскохозяйственных работ учащихся на пришкольных участках большую роль сыграла *Биостанция юных натуралистов*. Она способствовала возникновению многочисленных кружков юных натуралистов по всему Союзу, широко применяла экскурсии в природу и разрабатывала их методику, выпускала

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд Главсоцвоса, опись 26, дело № 67 за 1922—1924 гг.

[2] В. Девятков, Опыт деревенских экскурсий («На путях к новой школе», 1923, № 7—8.).

[3] Сергиевская, Опыт преподавания естествознания по экскурсионному и лабораторному методу. («На путях к новой школе», 1923, № 4).

«Листки Биостанции юных натуралистов» — двухнедельный периодический орган, будивший интерес к природе у детей всего СССР.

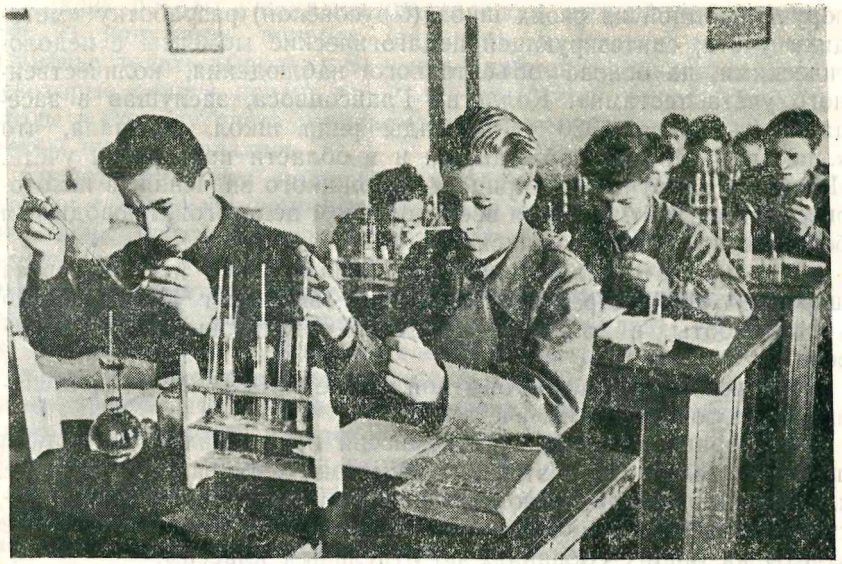
Отмечая большую положительную методическую роль Биостанции юных натуралистов, надо, однако, указать, что её руководитель Б. В. Всесвятский неправильно отрицал какие бы то ни было методы школьной работы, кроме «исследовательского метода», при котором дети своими силами, самостоятельно должны были не только разрешать вопросы, но и ставить их. Все остальные методы (изложение учителем учебного материала, беседу, работу с книгой и т. д.) Б. В. Всесвятский характеризовал как «метод готовых знаний», отрицая его.

Некоторые опытно-показательные школы и учреждения (например Гагинская станция Наркомпроса) уже с 1926 г. стали часть своих занятий строить по заимствованному из США вредному «методу проектов» (до 1929 г. пока лишь в виде опыта). Этот так называемый метод проектов, нарушая систему знаний, вёл к ликвидации урока и твёрдого расписания занятий; центром школьных занятий становилась «общественно-полезная работа»; ведущую роль при методе проектов играл вопрос «что надо сделать», а второстепенную — «что для этого надо узнать», причём необходимые для выполнения проекта знания (или, лучше сказать, сведения) имели лишь характер деловых справок. В 1929 г. этот «метод проектов» только ещё начинал вводиться в нескольких школах и притом лишь по некоторым темам программ 1929 г. Усиленная пропаганда его Институтом методов школьной работы началась лишь в 1930 г., почему более подробно о нём уместно сказать в очерке школы начала следующего периода. В рассматриваемом нами в этом очерке периоде о нём знали лишь единичные учителя.

Отрицательным явлением в области методов в рассматриваемый период был также заимствованный из США «метод целых слов» при обучении грамоте. Он был известен уже и до революции и пропагандировался кружком петроградских учительниц-методисток, однако тогда сочувствия у учителей не встречал.

12 июля 1921 г. научно-педагогическая секция ГУСа заслушала доклад М. Морозовой и Е. И. Тихеевой «О способе естественного усвоения детьми грамоты» [1]. В дальнейшем появился ряд букварей, построенных или всецело по методу целых слов, или сочетавших «метод целых слов» с элементами звукового метода. В течение всего рассматриваемого периода «метод целых слов» усиленно внедрялся в школы. Последующий анализ показал, что этот метод, игнорировавший звуковой состав слов, тормозил усвоение орфографической грамотности учащимися, почему уже в следующем периоде он был отвергнут, и советская

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 7, дело 25, протокол научно-педагогической секции ГУСа № 6 от 12 июня 1921 г.



Урок химии в X классе мужской средней школы № 135 Советского района г. Москвы

школа твёрдо перешла к аналитико-синтетическому звуковому методу обучения грамоте.

Вопрос об учёте знаний учащихся в течение всего рассматриваемого периода под влиянием комплексных программ, вмешательства педологов и неверных установок научно-педагогической секции ГУСа и Наркомпроса сводился большей частью не к индивидуальному *учёту успеваемости* каждого отдельного учащегося, а к *учёту школьной работы* — школы в целом или отдельного класса (группы, по терминологии того времени). Большое значение научно-педагогическая секция ГУСа придавала «самоучёту», участию в учёте самих учащихся.

В школьной практике в течение всего рассматриваемого периода наблюдались искания наиболее целесообразных форм учёта.

В 1923 г. Наркомпросом была проведена конференция по вопросу об учёте [1]. Научно-педагогическая секция ГУСа создала подсекцию по учёту педагогической работы [2]. Педологи и некоторые педагоги-теоретики из Института методов школьной работы стали с 1926 г. усиленно пропагандировать заимствованный из США от Э. Торндайка и его последователей метод учёта успеваемости путём тестов. Гагинская опытная станция Наркомпроса

[1] Р. К. Шнейдер, Первая конференция по учёту педагогической работы («На путях к новой школе», 1923, № 6, стр. 189).

[2] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 7, дело 28.

поручила одной из своих школ (Урусовской) разработку «методики учёта, синтезирующей педагогические моменты с педологическими, на основе объективного наблюдения, количественного учёта тестами». Коллегия Главсоцвоса, заслушав в заседании 9 января 1926 г. доклады ряда школ, признала, что «...пёстрая картина наблюдается и в области постановки учёта. Принципу самоучёта не придаётся должного значения; в некоторых школах учёт является всецело делом педагогов, проводимым без участия в нём учащихся» [1].

В школах в соответствии с указаниями ГУСа и Главсоцвоса широкое распространение получили выставки как средство учёта работы; в дальнейшем начали организовываться конференции.

В Курской губернской опытной школе в 1923—24 гг. применялись следующие формы учёта:

I. Избрание специальных комиссий из учащихся у участием преподавателей. Сбор этими комиссиями всех работ учащихся, классификация их на основе изучения с точки зрения правильности, полноты и аккуратности исполнения. Соответствующие отчёты на общих собраниях по отдельным классам.

II. Ведение учащимися средних групп (4, 5 и 6) индивидуальных дневников.

III. Коллективный учёт: доклады, декламации, пение, драматизация, по отдельным общим темам в разных классах.

IV. Организация школой выставки [2].

Пути учёта, применяемые в Курской школе, широко практиковались в других опытно-показательных школах. Так, близкие к этим формы учёта применялись в 14-й школе МОНО (Москва, школа Центросоюза) [3].

К концу рассматриваемого периода в установках Наркомпроса по вопросу об учёте замечается некоторый сдвиг. В методическом письме Наркомпроса 1925 г. говорилось об учёте школьной работы; методическое письмо Наркомпроса 1928 г. уже озаглавлено: «Учёт школьной успешности в школах повышенного типа»; делается шаг вперёд признанием необходимости *характеристики успеваемости каждого учащегося*. Однако попрежнему признаётся необходимым участие в учёте самих учащихся: ...«сами учащиеся должны принимать в нём (в учёте) активное участие». Это участие мыслилось как обсуждение и вынесение характеристик на групповых собраниях. Таким путём предполагалось развить сильнее у детей сознание ответственности, критического отношения к себе и товарищам, сознание роли общественного мнения и т. п.

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд Главсоцвоса, опись 25, дело 11, протокол коллегии Главсоцвоса от 9 января 1926 г.

[2] Иванов, Учёт школьной работы, «Педагогическая мысль», 1924, № 3.

[3] А. В. Янковская-Байдина, Два года работы, 1924.

Анализ работы учащихся предлагалось производить, учитывая: 1) понимание вопроса (задания), 2) знания и умения, 3) уменье делать выводы и 4) уменье применять знания на деле. Некоторые сдвиги против прежней суммарной оценки работы школы в сторону учёта успеваемости, таким образом, в методическом письме делались.

Средствами учёта попрежнему, однако, служили круговые тетради с записью учащихся, что делалось в группе в тот или иной день, школьные выставки, наблюдения над работой учащихся (очень часто они сводились к исправлению ошибок в тетрадях с отметкой учителя: «Смотрел»). Во многих школах, где перешли на лабораторный план (дальтон-план), учёт успеваемости сводился к учёту учителем количества затраченного на проработку задания времени и констатации проработки задания целым звеном (группой из 3—4 учащихся) без качественной оценки успеваемости каждого отдельного учащегося. О приёме задания учитель ставил на карточке только свою подпись.

В 1927—1929 гг. усилилась пропаганда педагогами учёта успеваемости путём тестов. Институт методов школьной работы разработал в своей педологической лаборатории тесты успеваемости для начальной школы и несколько книг по учёту успеваемости методом тестов. Такую же пропаганду вёл Ленинградский детский обследовательский институт, бывший одним из очагов пропаганды педологических извращений.

Надо, однако, отметить, что учёт путём тестов насаждался главным образом в «опытно-показательных» («образцовых») школах и школах Москвы и Ленинграда. Что же касается массовых школ, то здесь он сколько-нибудь заметного распространения не имел. Большинство учителей массовых школ в своей тетрадке, неофициально (как многие выражались, «для себя») оценивали знания учащихся словами «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо», широко практикуя наряду с этим школьные выставки как учёт работы в целом.

В области учебной работы, вооружения учащихся систематическими общеобразовательными знаниями и навыками школа в период 1921—1929 гг., как мы видели, имела ряд недостатков, хотя по некоторым отраслям знания (естествознание, химия, физика, обществоведение) она и давала по сравнению с дореволюционной школой значительно больший кругозор по всем предметам, принципиально иное содержание и научное материалистическое понимание явлений природы и общественной жизни.

Значительны были достижения советской школы рассматриваемого периода (1921—1929 гг.) и в области воспитательной работы.

Для коммунистического воспитания очень важно было развить у детей уменье жить и работать в коллективе. *Воспитанию коллективизма* много внимания в своих статьях и выступлениях уделяла Н. К. Крупская. «Могучая коллективная мысль, могучее

коллективное чувство придут на смену одиноким исканиям мыслителя, одинокому горю, эгоистическим чувствам собственника», — писала Н. К. Крупская в начале Октябрьской революции. «Среди навыков, которые советская школа должна дать ученику, главным является навык общественника-коллективиста», говорила она в 1925 г. В том же году она указывала, что главная задача, которую должно в нашей стране бывшего мелкого единоличного хозяйства поставить воспитание, — это преодоление мелкособственнических интересов: на первый план надо выдвинуть задачи кооперирования, коллективизации.

При освещении любого педагогического вопроса Н. К. Крупская подчёркивает воспитание коллективизма. Так, говоря об эстетическом воспитании, она указывает, что искусство должно служить «средством более тесного сближения с коллективом, средством через коллектив расти вместе с другими и идти сообща с коллективом». С этой же точки зрения она прежде всего ценит совместную трудовую деятельность детей, школьное самоуправление, внеклассную и внешкольную работу (кружки, праздники, экскурсии и пр.). Лучшим средством воспитания революционного коллективизма Н. К. Крупская признавала пионерскую организацию, успешным методам работы которой она уделила большую заботу. Из других деятелей советской школы особенно много внимания вопросу воспитания коллективизма уделили С. Т. Шацкий и П. Н. Лепешинский.

Советская школа рассматриваемого периода (1921—1929 гг.) успешно развивала у детей сознание и чувство коллективизма путём всего содержания, организации и методов учебной работы, путём пионерского движения, школьного самоуправления, общественно полезной работы детей, путём проведения революционных праздников, большого развития кружковой работы в школах и т. д.

Мощным средством коммунистического воспитания детей, начиная с 1922 г., явилось пионерское движение, оказавшее большое влияние на всю воспитательную работу школы и усилившее внимание комсомола к воспитательной работе в школе.

Пионеры в начальных школах и младших классах школы II ступени, комсомольцы в старших классах школы II ступени составляли ядро молодёжи, стремившейся посильно внести свой вклад в дело социалистического строительства. Они сыграли большую роль в повышении идейно-политического уровня учащихся, в организации общественно полезной работы школы, в борьбе за сознательную дисциплину.

На V съезде РКСМ в октябре 1922 г. было принято «Положение о работе пионерорганизации». Происходивший в марте 1923 г. II Всероссийский съезд заведующих губсоцвосами вынес резолюцию, в которой детское коммунистическое движение рассматривается как основной двигатель коммунистического воспитания.

XIII съезд и XIV конференция Коммунистической партии, происходившие весной 1924 г., XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 г. и ЦК ВКП(б) своими решениями уделяли пионерскому движению много внимания. В своём постановлении 1925 г. ЦК ВКП(б) указал, что основной задачей пионерорганизации является «повышение успеваемости пионеров в школе и налаживание их учёбы, завоевание влияния и руководства всеми видами общественной работы учащихся, путём активного участия в ней пионеров».

Пионерское движение охватило всю страну и приобрело большой размах. К 1 апреля 1923 г. в советских республиках насчитывалось 75.000 пионеров, к 1 января 1925 г. число пионеров превысило уже один миллион.

25 июня 1928 г. последовало новое постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и ближайших задачах пионердвижения», в котором, отмечая достижения и недостатки работы пионерорганизации, ЦК ВКП(б) обратил внимание на необходимость усиления интернационального воспитания, а также воспитания навыков общественности, коллективизма, на усиление общественно-полезной работы пионеров, на развитие у пионеров умения работать организованно. ЦК указал на необходимость активного участия пионеров в борьбе с неграмотностью, усиления политического воспитания, физкультурной работы, борьбы с религией.

В том же направлении усиления пионердвижения, большей связи его со школой, развития пионерской инициативы в общественных начинаниях школы, усиления общественно-полезной работы пионерорганизаций в школе вынесли постановления Первый всероссийский слёт пионеров и VI всесоюзная конференция ВЛКСМ.

ЦК ВКП(б) постановлением «Об итогах пионерского слёта» (2 сентября 1929 г.) отметил огромное значение слёта, рост пионердвижения и необходимость улучшения руководства этим движением, для чего обязал комсомол провести мобилизацию 50.000 наиболее грамотных и активных комсомольцев для направления их в качестве вожатых пионерских отрядов.

Советской школой за 1921—1929 гг. было много сделано в области *интернационального воспитания*. Оно давалось всем содержанием учебной работы (в частности, при изучении ряда комплексных тем об СССР, при работе по теме «Первое мая — праздник трудящихся всех стран» и др.).

Интернациональное воспитание давалось путём подготовки и проведения революционных праздников: 8 марта (международный женский день), 18 марта (день Парижской Коммуны), 1 Мая, дни Октябрьской революции и т. д. Эти праздники, естественно, обращались в массовой школе в памятные даты борьбы мирового пролетариата за интернациональное братство трудящихся, что и находило своё отражение в программах праздников, в материа-

лах школьных стенгазет и т. д. Ячейки МОПРа, переписка со школьниками других стран, революционные песни с поэзией и героикой международной борьбы пролетариата, беседы на темы о международном значении социалистического строительства, информации о китайской революции, читка газет в клубах (Владимирская школа имени Крупской) и т. д. — все эти мероприятия явились средством интернационального воспитания советских детей и подростков.

Большую работу по интернациональному воспитанию проводили ВЛКСМ и пионерская организация.

В течение рассматриваемого периода школы перешли от безрелигиозного к *антирелигиозному воспитанию*. Большую роль в этом отношении сыграло изучение вопросов биологии, физики и обществоведения. Ставились антирелигиозные беседы, вечера, выступления с докладами не только внутри школы, но и вне её. Так, Мстерская опытная станция поставила в 1925/26 г. доклады: «Жизнь и деятельность Бруно», «Происхождение религии», «Происхождение христианских праздников» и др. [1]. В школах работали антирелигиозные кружки. Так, в 1929/30 г. во 2-й ФЗС г. Таганрога были поставлены в кружке «Безбожник» при прохождении комплексных тем беседы: 1) при изучении темы «Октябрьская революция» — «Деятельность церкви во время мировой войны», «Церковь и Февральская революция»; 2) при изучении темы «Человек, его труд и здоровье» — «Происхождение растений, животных и человека», «История земного шара» и др.

Значительные достижения сделала советская школа в течение 1921—1929 гг. в области *политехнического образования и трудового воспитания*.

В 1923 г. Н. К. Крупская дала следующее определение политехнического обучения. «Политехнизм вовсе не есть многоремесленность. Политехнизм имеет целью изучение современной техники в целом, главных её достижений, её основ, изучение взаимоотношений между различными отраслями производства, изучение тенденций развития современной техники, выяснение того, куда идёт это развитие» [2].

Начиная работать над программами, научно-педагогическая секция Государственного учёного совета исходила из того положения, что трудовая школа предшествующего периода неправильно разрешала вопросы политехнизма и трудового воспитания. Нужно не самообслуживание и труд в мастерских для решения проблемы политехнического обучения и построения трудовой школы, а изучение труда, промышленности, техники. Непосредственный же труд учащихся должен играть роль одного из средств этого изучения — таково основное положение, из которого исходила программная работа того периода. Параллельно

[1] Годовой отчёт Мстерской станции за 1925/26 г.

[2] Н. К. Крупская, Общее и профессиональное образование («На путях к новой школе», 1923, № 7—8).

схемам ГУСа в 1923 г. обсуждаются различные варианты трудового обучения, в том числе программа по организации труда [1].

«Программы стержнем своим имеют производительный труд и его организацию» (рукопись Н. К. Крупской «О подготовке персонала») [2].

Хорошо поставленные школьные мастерские имелись в опытно-показательной школе им. Радищева (Москва), в Вятской школе имени Красина, в большинстве других опытно-показательных школ и во многих массовых школах. В других школах организовывались рабочие комнаты.

Широко практиковался сельскохозяйственный труд школьников на пришкольных участках, на сельских базах некоторых городских школ. Сельскохозяйственный труд был наиболее распространённым видом физического труда школьников, наиболее доступным подавляющему большинству сельских школ, легче обеспеченным орудиями производства, дающим эффективные результаты. Этот труд к тому же легче было связать с общеобразовательными задачами школы. И действительно, в процессе сельскохозяйственного труда приобреталось и закреплялось много ценных знаний в области ботаники, биологии, сельского хозяйства. Руководили этим трудом не ремесленники, а агрономы и педагоги — преподаватели естествознания, которые ставили для трудовой деятельности детей не только получение определённой продукции, но и большие педагогические задачи и нередко умело связывали труд детей с сообщением знаний.

Во многих школах учащиеся должны были вести дневники сельскохозяйственных работ, развивавшие уменье наблюдать, осмысливать и излагать. Так, в тетради «Наблюдений над сортовым картофелем» Вятской школы им. Красина мы находим ежедневные наблюдения над картофельным полем. Произведены и записаны измерения состава почвы, капиллярности и водоёмкости её, ежедневные измерения температуры, время и характер работ, время появления всходов, роста всходов, цветения, даны описания и зарисовки различных сортов картофеля по делянкам, измерения засорённости полей, учёт урожая и т. д.

Вопросы трудового воспитания в изучаемый период ставились в тесной связи с общественно-полезной работой школы. Авторы комплексных программ понимали связь школы с социалистическим строительством как непосредственное участие школы в разрешении практических задач социалистического строительства. В этом отношении много было сделано первой опытной станцией Наркомпроса, руководимой С. Т. Шацким и В. Н. Шацкой, где труд детей рассматривался, по определению С. Т. Шацкого, «не только, как фактор, организующий жизнь детей, но и

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 3, дело 39, протоколы заседаний президиума научно-педагогической секции ГУСа от 19 февраля 1923 г.

[2] Там же.

с точки зрения его общественной полезности...» «труд ребят как база для общественной работы».

В самом конце периода при ряде школ были организованы *детские технические станции и агростанции*. Возникают также районные и центральные станции — технические, сельскохозяйственные. Многие школы, не ограничиваясь работой в школьных мастерских и рабочих комнатах, организовали практикум учащихся седьмых, восьмых и девятых групп на фабриках и заводах. Эта связь с производством и технический практикум имели место не только в школах крупных производственных центров, но и в других городах. К концу периода значительное распространение получили экскурсии на предприятия.

Кроме ряда знаний и навыков (технологические свойства материалов и инструментов, графическая грамота, навыки работы простейшими инструментами, знакомство с простейшими механизмами) ряд школ ставил (например школа им. Радищева) себе задачей дать понимание крупного производства, выяснить разницу между капиталистическим и социалистическим крупным производством, а следовательно, и задачи индустриализации. Обращалось большое внимание на воспитание организованности в труде и на воспитание коллективного начала в труде.

Извращения в конце периода (особенно после издания программ 1929 г.) превратили труд в ряде школ в самоцель, подчинили ему учебную общеобразовательную работу. Следуя этим извращениям, целый ряд школ стал расценивать свою работу в зависимости от того, насколько школа уделяет внимание труду, что повело в конце периода к переключению внимания школы от общеобразовательных знаний на трудовые процессы. Многие школы, даже не имеющие достаточно оборудованных мастерских и рабочих комнат, при этом гипертрофированном внимании к труду непродуктивно затрачивали большое время и силы учащихся на ремесленную выучку приёмам ручного труда, главным образом по дереву.

Эти извращения были ликвидированы уже в начале следующего периода историческими постановлениями ЦК ВКП(б) о школе от 5 сентября 1931 г. и о программах и режиме в начальной и средней школе от 25 августа 1932 г.

В тесной связи с трудовым воспитанием стоял вопрос об *общественно-полезной работе* учащихся. Эта работа особенно была необходима в периоды, когда трудящиеся нашей родины с энтузиазмом строили социалистическую промышленность и социалистическое сельское хозяйство. Общественно-полезной работой учащихся, направленной на социалистическое строительство, наша школа коренным образом отличалась от школы дореволюционной и буржуазной. Проводя эту работу, *учащиеся советской школы включались в процесс социалистического строительства, воспитывались как поколение, способное окончательно установить коммунистическое общество.*

Урок в школе для глухонемых

Общественно-полезная работа учащихся советских школ в период индустриализации развёртывалась в самых различных областях: культурное обслуживание сельского района и предприятий, с которыми связана школа, участие в сборе сырья для переработки его промышленностью, охрана социалистической собственности, участие в займах индустриализации, работа в добровольных обществах (МОПР, Осоавиахим и др.), помощь Красной Армии, санитарно-гигиеническая работа, помощь коллективизации, участие в хлебозаготовках и т. д.

В письме от 22 августа 1928 г. Наркомпрос указывал: «Школа должна направить внимание и устремление учащихся на практическое использование полученных ими знаний и навыков в окружающей среде. Немало найдётся в окружении школы дела, посильного для коллективных усилий учащихся. В избе-читальне, в рабочем клубе, в библиотеке, в ближайшей воинской части, на учебном пункте допризывников, в кооперативе, по благоустройству казарм, общественных парков, садов, площадок, по борьбе с неграмотностью, с некультурностью быта, с пьянством, с драками и хулиганством, по борьбе с беспризорностью — каждая школа в любой деревне, в любом городе может найти для себя ценное, важное дело».

Школы, участвуя в культпоходах, в подготовке перевыборов Советов, в помощи хлебозаготовкам и пр. провели ценную работу. Однако на этом участке, как и на многих других, наблюда-

лись извращения, когда некоторые педагоги (особенно из Института методов школьной работы) пытались превратить общественно-полезную работу учащихся в центр школьной жизни, подчиняли ей всю образовательно-воспитательную работу школы, делали её средством проведения в школу их излюбленного «метода проектов». К концу периода, в 1929 г., нередки были случаи, когда учение приносилось в жертву общественно-полезной работе, учащиеся для выполнения последней отрывались от занятий в школе. В погоне за «показателями» общественно-полезной работы, по которым прожектёры оценивали уровень достижений школы, учащиеся нередко настолько перегружались общественно-полезной работой, что им некогда было серьёзно учиться. Работа эта нередко не имела связи с обучением, не развивала учащихся.

Школьная дисциплина в изучаемый период в результате работы советских учителей, умевших пробуждать у учащихся интерес к учению, и благодаря вниманию к школе ВЛКСМ и развитию пионерского движения значительно улучшилась по сравнению с первыми годами жизни советской школы, однако не стояла ещё на должной высоте. Причинами недостаточной дисциплинированности учащихся были: недостаточно чёткий режим школы, неразработанность мер взыскания, некоторая идеализация детей, отсутствие твёрдых форм учёта успеваемости и извращения по вопросу об учёте («самоучёт» и т. п.), снижение роли учителя при организации учебных занятий по лабораторному плану (дальтон-плану) особенно там, где было допущено так называемое свободное расписание, и т. п. Педологи, однако, пытались объяснять недостаточную дисциплинированность детей не недостатками педагогического процесса, а окружающей средой и дурной наследственностью недисциплинированных учащихся и т. п.

В 1923 г. научно-педагогической секцией ГУСа были приняты «Тезисы о школьном самоуправлении» [1], которые устанавливали, что школьное самоуправление должно охватывать всех детей без ограничения возраста. Учитель, говорилось в этих тезисах, «должен предоставить учащимся полную самостоятельность и стараться не подавлять их своим авторитетом».

На местах школьное самоуправление имело очень разнообразные формы. В некоторых школах (например Лосиноостровской) существовал старостат и ряд комиссий, кое-где в отдалённых школах имелись даже попытки копировать формы государственного управления (так, в селе Александровском Свердловской области существовал «детский совнарком»). Наиболее распространённой, однако, была следующая структура: общешкольное собрание выбирает ученический комитет (учком). Члены учкома руководят различными комиссиями (санком, культком и др.), куда входят представители от всех групп (классов). Каждый класс выбирает классный комитет (класском). Самоуправление учащихся было тесно связано с пионерской организацией и обществом «Друг детей».

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 3, дело 39, протоколы научно-педагогической секции ГУСа № 34 от 27 февраля 1923 г.

Воспитывая у детей дух коллективизма, умение нести общественные обязанности, дух самокритики, чувство ответственности, самоуправление учащихся сыграло большую роль в воспитательной работе.

Значение *физического воспитания* молодёжи неоднократно подчёркивали директивы партии (Всероссийская конференция РКП(б) в декабре 1921 г., XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 г.).

Однако в комплексных программах ГУСа физкультура не нашла достаточного места, хотя вопрос этот и обсуждался в процессе разработки программ [1].

При Государственном учёном совете была создана комиссия по физическому воспитанию. В июне 1925 г. состоялось Всероссийское совещание по физической культуре, принявшее ряд постановлений о значении гимнастики, о роли и проведении игр в школьных условиях, о значении физической подготовки молодёжи и т. п.

Установки, данные этим совещанием, значительно оживили физкультурную работу школы. Учителя стали обращать большее внимание на гигиенические навыки учащихся. Большая работа развернулась в кружках физкультуры. Отчёт Мстерской станции за 1925/26 г., например, отмечает: «К концу зимнего периода работа клуба ожила с организацией кружка физкультуры». Большую физкультурную работу стали проводить летние школы и детские дома.

Поскольку в комплексных программах отсутствовали требования по физкультуре, ряд школ выработал свои программы по физическим упражнениям. Так, Ярославская опытно-показательная школа в отчёте за 1925/26 г. приводит ею самой составленную программу: «Порядковые упражнения, упражнения для туловища, метание, балансирование, перелезание, бег и прыжки, движения, успокаивающие игры, включая спортивные игры».

Программы 1927 г. уделили физическому воспитанию и готовности защищать социалистическую родину значительное внимание. В связи с обострением классовой борьбы в период борьбы за индустриализацию, в связи с подготовкой капиталистических стран к нападению на Советский Союз физическое воспитание было классово заострено и тесно связано с задачами обороны страны.

В постановлении Коллегии Наркомпроса от 12 сентября 1929 г. основными задачами школы II ступени в связи с задачами обо-

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд ГУСа, опись 3, дело 39, протокол № 49 заседания научно-педагогической секции ГУСа от 14 августа 1923 г.

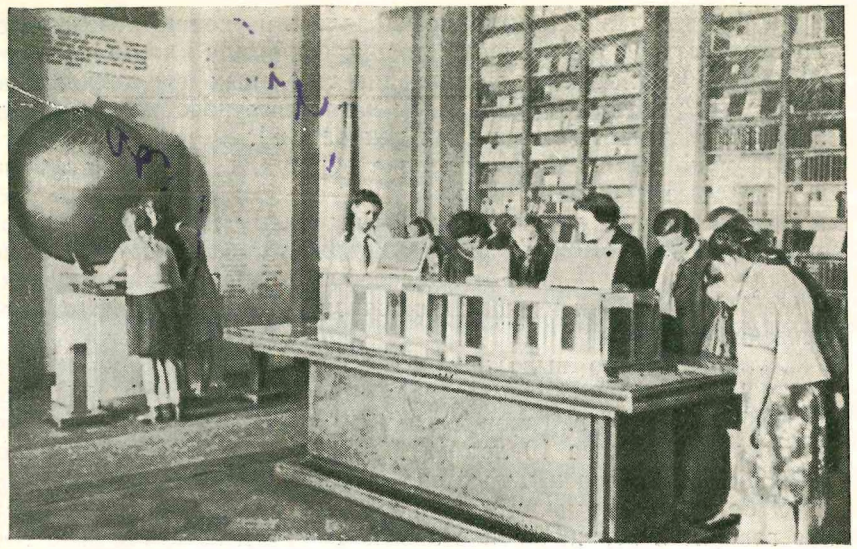
роны страны признаются: «а) общественно-политическое воспитание учащихся, направленное к подготовке революционной, сознательной молодёжи, воодушевлённой творческими устремлениями и жаждой борьбы в защиту октябрьских завоеваний; б) физическое воспитание и оздоровление подрастающего поколения в направлении подготовки физически мощных, выносливых молодых кадров, способных к труду и обороне страны; в) вооружение учащихся в процессе систематической повседневной учебно-воспитательной работы школы (как школьной, так и клубно-кружковой) знаниями и навыками военно-прикладного значения в области техники, авиации, химии, топографии, связи, санитарии и пр.; усиление трудовой подготовки учащихся; г) втягивание учащихся в посильное для них участие в социалистическом строительстве, на ярких примерах окружающей жизни, указывая, как следует устранять и преодолевать препятствия и трудности на начертанном Октябрьской революцией пути» [1].

Хотя эти требования к воспитанию в связи с обороной социалистической родины были сформулированы в конце периода, но проводились в течение всего периода, всё более заостряясь к концу его. Совместными усилиями Наркомздрава и Наркомпроса для детей и родителей были организованы беседы по физкультуре. Большое внимание уделялось играм, гимнастике, спорту (в частности, зимнему) [2], привитию санитарно-гигиенических навыков, отдыху детей в летних колониях и пионерских лагерях. С 1929/30 г. в учебные планы восьмого, девятого и десятого годов обучения трёх школ на область в виде опыта было включено по 2 часа в неделю дополнительно на военное дело.

В области *художественного воспитания* в течение 1921—1929 гг. следует отметить критическое отношение к излишнему эстетизму, какой насаждался в школе в начале Октябрьской революции декларацией 16 октября 1918 г. «Искусство не должно игнорироваться в школе.... однако, нельзя делать искусство стержнем школьной жизни; готовить надо не деятелей искусства, но строителей новой жизни во всех областях её», говорилось в тезисах научно-педагогической секции ГУСа 1921 г. [3].

До выхода комплексных программ пение, рисование занимали в программах 1921 г. значительное место. После перехода школы на работу по комплексным программам школы продолжали уделять художественному воспитанию большое место. При изучении многих комплексных тем дети составляли альбомы, художественно оформленные коллекции, помещали много иллюстраций и виньеток в тетрадях, составляли красочные таблицы и схемы. Как мы видели уже в приведённых примерах выполнения комплексных тем («Союз Советских Социалистических Республик», «Лесная полоса» и др.), по каждой теме дети читали, переписывали и иногда заучивали стихотворения. Большую роль в отношении художественного воспитания играли экскурсии в природу, украшение школы к революционным праздникам. Отсутствие пения как учебного предмета при переходе школ к работе по комплексным программам компенсировалось развитием хоровых и музыкальных кружков. Большое распространение получили также кружки изобразительных искусств.

[1] «Еженедельник Наркомпроса РСФСР», 1929, № 40.
[2] То же, № 43.
[3] Журн. «Социальное воспитание», 1921, № 3—4.



Экскурсия школьников в Музее Ленина

Особенно следует отметить прекрасную постановку художественного воспитания в Первой опытной станции Наркомпроса (Малоярославецкий уезд Калужской губ.), руководимой С. Т. и В. Н. Шацкими: здесь проводилась большая работа по художественному воспитанию детей и учителей.

На курсах учителей устраивались вечера слушания музыки, концерты, в которых выступали с высокохудожественным пением С. Т. Шацкий и прекрасной игрой на рояле В. Н. Шацкая. Они придавали искусству, которое воодушевляет на борьбу за новый общественный строй, большое значение.

Учителя на курсах разучивали народные песни и революционные песни лучших советских композиторов с тем, чтобы в дальнейшем обучать пению детей в своих школах. Под руководством С. Т. Шацкого учителя собирали и изучали детские рисунки.

В опытно-показательной школе имени Н. К. Крупской (в г. Рязани) применялось рисование с натуры, рисование по памяти, большое место уделялось обучению пению; широко практиковались постановки спектаклей. Хорошо работал литературный

кружок, где главное внимание уделялось изучению художественной литературы. Дети художественно оформили клуб и читальню. Активно участвовали в организации школьных праздников и вечеров, художественно выполняли наглядные пособия для школы и стенгазету, изготовляли сами декорации [1].

На художественное воспитание обращали большое внимание и некоторые массовые школы. Так, альбом 10-й Таганрогской трудовой школы, посвящённый семилетнему юбилею Октябрьской революции (1924 г.), работы художественного кружка Ново-Троицкой школы II ст. Котельнического уезда дают ряд художественных зарисовок из школьной жизни и иллюстраций на исторические темы.

Художественно выполнен альбом, составленный учащимися 168-й Ленинградской школы, посвящённый экскурсии этой школы в Крым в 1925 г. Таков же альбом: «Главнейшие этапы методической работы за 10 лет (1917—1927 гг.)» Вятской опытной школы им. Красина и целый ряд материалов других школ.

О большом внимании к вопросам художественного воспитания говорит и возникновение опытной школы эстетического воспитания.

В 1925 г. состоялась первая всероссийская конференция практических работников по художественному воспитанию, отметившая ряд достижений и недостатков в постановке художественного воспитания. К числу последних конференция справедливо относила отсутствие достаточной системы, отсутствие учебных предметов художественного воспитания в учебных планах и комплексных программах. Конференция считала необходимым «точно определить место и объём предметов искусства в системе социального воспитания» и дать «сетку часов-минимум для изобразительного искусства и музыки по всему Союзу».

Эти пожелания нашли отчасти себе место в программе 1927 г.

Наркомпрос, стремясь повысить постановку художественного воспитания, заострил внимание к нему тех школ, где оно не стояло на должной высоте. 19 марта 1928 г. он обратил внимание органов народного образования на местах на необходимость улучшения художественного воспитания, указав, что подготовка учителей в этой области недостаточна, оборудование многих школ для проведения художественного воспитания примитивно. «Художественное воспитание — дело всей школы в целом, а не только преподавателей художественных дисциплин», говорил приказ Наркомпроса [2]. Несколько позже, в апреле 1928 г., Наркомпрос обращает внимание отделов народного образования на необходимость улучшения постановки музыкального воспитания в школах. Рекомендуется повысить внимание школ к музыкальному радиовещанию, обеспечить школы и детские учреждения радиоаппаратами, организовать систематическое слушание детьми радиопередач [1]. В результате этих указаний в ряде школ крупных городов были организованы кино-радиокабинеты, соответствующим образом оборудованные, и налажено слушание радиопередач как один из видов внеклассной работы с детьми.

[1] Опыт Рязанской опытно-показательной школы им. Крупской за 1925/26 г. (машинопись).

[2] «Еженедельник Наркомпроса РСФСР», 1928, № 13.

9. Опытно-показательные школы [2]

«Новая школа, по самому духу своему, по своему типу могла сложиться лишь на основе коллективного опыта учительства»,— писала Н. К. Крупская в 1924 г. [3].

Ещё в самом начале Октябрьской революции педагог-энтузиаст нового воспитания П. Н. Лепешинский, выступая в июне 1918 г. на I съезде учителей-интернационалистов, в докладе «О реформе школы» говорил, что Наркомпросом организуются опытно-показательные школы, задачей которых является пропаганда новой школы не только словом, но и делом — практическая разработка вопросов коммунистического воспитания.

В «Положении об опытно-показательных школах» Наркомпрос поставил перед ними задачу: «усилиями лучших культурных работников способствовать делу изыскания путей и средств к действительному осуществлению в жизни идей трудовой школы».

Опытно-показательные учреждения (школы, станции) в первую половину рассматриваемого периода (в 1921—1927 гг.) сыграли большую роль.

Они разрабатывали на практике вопросы учебно-воспитательной работы новой школы, особенно новые методы учебной работы и проблемы трудового, художественного и физического воспитания. Они служили методическими центрами для учителей своих районов, способствовали повышению их квалификации, знакомили путём выставок родителей учащихся с достижениями советской школы.

Центральные и многие местные опытно-показательные школы имели «открытые дни», когда их занятия посещались десятками учителей. Некоторые опытно-показательные школы (например Вятская) организовали изготовление наглядных учебных пособий для себя и ряда других школ.

Опытно-показательные учреждения дали для своего времени много нового, они будили мысль учителей, их интерес к педагогической работе, повышали творческие педагогические искания учителей.

Во многих случаях опытно-показательные учреждения (ОПУ)

[1] «Еженедельник Наркомпроса РСФСР», 1928, № 18.

[2] Раздел написан по материалам, собранным старшим научным сотрудником Института теории и истории педагогики АПН РСФСР Н. И. Поповой.

[3] Н. К. Крупская, Коллективный опыт учительства («На путях к новой школе», 1924, № 1).

установили тесную связь между школой и населением окружающего её сельского района, вели среди этого населения большую культурно-просветительную работу и нередко способствовали внедрению в сельское хозяйство своего района улучшенных приёмов обработки почвы, правильного севооборота, культуры новых для данного района растений. Некоторые ОПУ явились центрами краеведческой работы в своем районе.

Наряду с этой большой положительной работой опытно-показательные учреждения в своих педагогических исканиях нередко, однако, допускали педагогическое прожектёрство, некритически применяли и даже культивировали методы и приёмы, заимствованные из буржуазной педагогики (дальтон-план, метод проектов, тестовая методика учёта успеваемости и др.), переоценивали ручной труд.

В конце рассматриваемого периода эти отрицательные стороны деятельности опытно-показательных школ значительно усилились. В рассматриваемый нами период 1921—1929 гг., который был в области воспитания и обучения своего рода периодом исканий, опытно-показательные школы сыграли большую положительную роль. В дальнейшем же, когда массовая школа в результате постановлений ЦК ВКП(б) о школе получила твёрдые установки для повышения качества учебно-воспитательной работы, опытно-показательные школы перестали уже играть былую роль и в следующем периоде были закрыты.

Опытно-показательные учреждения (ОПУ), возникшие в 1919—1925 гг., можно подразделить на 5 типов:

1) опытно-показательные школы, не имевшие определённого уклона и разрешавшие общеобразовательные и общевоспитательные задачи;

2) опытно-показательные школы с сельскохозяйственным уклоном;

3) опытно-показательные школы с индустриальным уклоном;

4) школы — трудовые коммуны;

5) опытные станции.

Общеобразовательные опытно-показательные школы работали над проблемами общественно-политического, трудового, физического и эстетического воспитания, разрабатывали программы, организацию и методы учебной работы.

Такими были школы: Вятская школа имени Красина, Малаховская (близ Москвы), Богородская имени Тимирязева, школа имени Радищева (Москва), первая, вторая и третья школы МОНО (Московского отдела народного образования), 14-я школа Центросоюза (Москва), Казанская, Нижегородская имени В. И. Ленина, 5-я Самарская, Ленинградская № 189, Астраханская и др.

Подавляющее большинство этих школ были городскими школами. Многие из них имели свои сельские базы и летом выезжали на эти базы. Выезды проводились с общеобразовательными и общевоспитательными задачами, соответствующими специфике школ: укрепление здоровья учащихся, физкультура, использование природы и сельского хозяйства для лучшего усвоения того материала, какой в городе учащиеся могли получить только из книг.

В качестве примеров таких опытно-показательных школ приведём Богородскую школу II ступени им. Тимирязева и Вятскую школу имени Красина.

Богородская школа II ступени имени К. А. Тимирязева (Московская губ.) возникла из бывшего реального училища. В ней работал хорошо подобранный, высококвалифицированный коллектив педагогов под руководством врача П. М. Ивановского. Школа обладала прекрасным оборудованием (о чём подробно мы говорили выше). Главной педагогической проблемой, над которой работала школа, было физическое воспитание и его связь с умственным, нравственным, трудовым и эстетическим воспитанием.

Результаты работы этой школы по физическому воспитанию и те теоретические выводы, к которым пришла школа в этой проблеме, были высоко оценены Наркомпросом и научными учреждениями.

Выше (в разделе «Учебно-воспитательная работа») мы говорили уже об оборудовании этой школы и постановке ею физического и художественного воспитания.

Вятская опытно-показательная школа имени Красина возникла на базе бывшего Коммерческого училища. Здесь уже до революции работал сплочённый коллектив прогрессивных учителей, среди которых было несколько политических ссыльных. Все преподаватели как старших, так (в большинстве) и младших классов были с высшим образованием. Школа имела хорошее оборудование.

Вятская школа последовательно работала над тремя опытными заданиями: 1) работа городских школ в деревне; 2) опыт организации педагогической работы по дальтон-плану; 3) опыт проведения в школе трудовых процессов.

Для проведения первого задания школа имела сельскую базу (сельский филиал школы) в д. Лангасах, в 7 километрах от Вятки, организованную в 1921 г. Путём зимних и летних выездов групп учащихся под руководством преподавателя школа проводила наблюдения природы и большую краеведческую работу, организовала сельскохозяйственный труд учащихся, причём проводила рациональные приёмы хозяйства (семипольный севооборот), вела исследования почвы, ставила опытно-агрономическую работу, организовала избу-читальню и проводила культурно-просветительную работу среди крестьян.

К чести школы следует сказать, что в противоположность тому увлечению, с каким некритически относились к дальтон-плану некоторые ответственные работники Наркомпроса, Вятская школа отнеслась к нему очень сдержанно и осторожно. По-

ставив по заданию отдела ОПУ Наркомпроса опытную работу по дальтон-плану, Вятская школа перевела учебные занятия на систему дальтон-плана только по некоторым предметам и вела эти занятия лишь 4 дня в неделю с 9 до 12 часов, а в остальное время проводила занятия по классно-урочной системе. Таким образом, лишь 33% времени еженедельно уделялось работе по дальтон-плану.

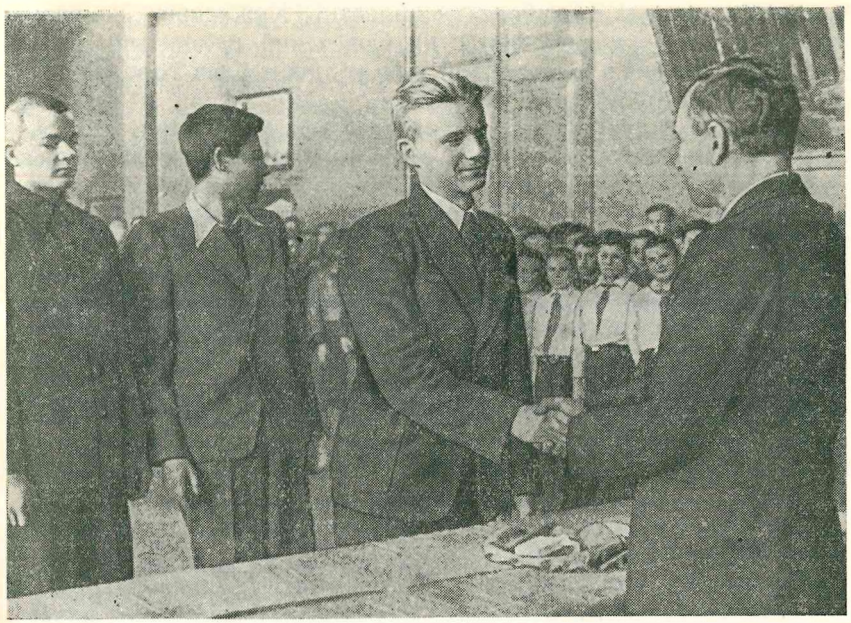
Школа сообщила Наркомпросу, что проводить работу по дальтон-плану в чистом его виде педагогический коллектив школы считает неправильным. Можно говорить лишь об элементах лабораторного плана в переработанном виде, о проведении лишь части занятий по лабораторному плану, соблюдая следующие условия: 1) применение лабораторного плана возможно лишь в старших группах, 2) лишь по некоторым предметам, причём русский язык и математика должны вестись путём общеклассных занятий, по классно-урочной системе, а не по лабораторному плану; 3) для массовой школы лабораторный план вообще неприменим, так как требует очень хорошего оборудования кабинетов и лабораторий, высококвалифицированного педагогического персонала, очень большого напряжения учителей и значительно больших расходов на оплату дополнительных часов, которые преподаватели обязаны давать, присутствуя в кабинетах и лабораториях в течение многих часов сверх нагрузки, предусмотренной учебными планами; от учащихся требуется высокая дисциплина.

При соблюдении этих условий Вятская школа отмечала некоторые положительные черты, которые были достигнуты при работе по лабораторному плану: у учащихся развивалась самостоятельность, некоторые навыки планирования работы, чувство времени, уменье согласовать свою индивидуальную работу с товарищами [1].

Выполняя третье опытное задание (трудовое воспитание и политехнизация) Вятская школа имени Красина организовала работу учащихся в мастерских, связывая эту работу с курсами математики, физики, химии, с изучением свойств обрабатываемых материалов, с письменным описанием процесса работы и т. п. В школе были организованы переплетная, столярная, слесарно-токарная мастерская и по шитью; учащиеся сами делали расчёты и чертежи. Обращалось большое внимание на художественное выполнение работ. Врач и преподаватель физкультуры вели наблюдения над влиянием работы в мастерских на физическое развитие учащихся.

Завершением работы в мастерских был курс машиноведения

[1] Данные о работе Вятской опытно-показательной школы приведены по рукописи Е. Н. Манохиной-Чунихиной «Страницы из истории русской школы» (338 стр.), из материалов Института теории и истории педагогики АПН и из доклада Е. Н. Манохиной-Чунихиной на вечере воспоминаний в этом же институте 9 января 1947 г.



Вручение золотых медалей в 330-й мужской средней школе г. Москвы, 1945 г.

в девятой группе при двух недельных часах в год. Вёл его инженер-электрик на базе уже пройденного учащимися курса физики. Преподавание машиноведения имело целью дать учащимся основы понимания работы механизмов и энергетических установок и подвести их к вопросам индустриализации и электрификации. Учащиеся совершали экскурсии на электростанцию и лесопильный (хорошо механизированный и электрифицированный) завод. Кроме теоретического и практического знакомства с вопросами индустриализации и работы в мастерских все учащиеся изучали сельское хозяйство, для чего широко использовалась сельская база школы.

Большую общественную работу в деревне проводили и другие опытно-показательные школы Наркомпроса: колония А. А. Луначарской, основанная в 1918 г. в Детском селе (ныне г. Пушкин) и затем переведённая в Москву (работала летом в с. Марфино). Школа имени Радищева (Москва) проводила летом общественную работу в с. Коломенском, 14-я школа Центросоюза — в совхозе «Молоди» и т. п.

Все опытно-показательные школы, работавшие в сельских условиях, имели ярко выраженный сельскохозяйственный уклон.

К числу таких школ относились: Хотьковская школа (Московская область), Чакинская школа (Тамбовская область), Ста-

роюрьевская школа (Тамбовская область), Куженерский школьный городок (Марийская область), Советский школьный городок, помещавшийся в монастырской усадьбе близ города Советска Вятской области, и другие.

Чакинская (или первая Тамбовская) опытная школа с сельскохозяйственным уклоном была открыта в 1921 г.; пользовалась для организации сельскохозяйственных работ обширными участками, животноводческой фермой и лабораториями Тамбовской сельскохозяйственной станции; учебная работа школы шла по программам ГУСа. Учащиеся школы под руководством агрономического персонала станции ставили агрономические опыты, участвовали в сельскохозяйственных работах, принимали активное участие в организации районных сельскохозяйственных выставок. Деятельно работал сельскохозяйственный кружок школы. Учащиеся старших классов вели пропаганду сельскохозяйственных знаний, изучали работу кооперации, вели культурно-просветительную работу среди населения. Силами сельскохозяйственной станции и школы была организована опытно-показательная изба-читальня, в которой вели работу агрономы, преподаватели и старшие учащиеся школы.

Хотьковская опытная школа II ступени организовалась в 1919 г. в бывшей помещичьей усадьбе. Здесь был устроен интернат на 95 беднейших учащихся. Школа вела обширное хозяйство: опытные поля, огороды, животноводство, птицеводство; при школе была организована электростанция, которая давала энергию не только для нужд школы, но и освещала ближайшие деревни. При школе имелись мастерские и кузница, обслуживавшие школу и крестьян ближайших деревень. Организованный на территории школы Дом крестьянина проводил силами преподавателей и учащихся большую культурно-просветительную работу среди крестьян. Была проведена также большая краеведческая работа.

Опытных школ с индустриальным уклоном было немного. Организация их была сложнее, и вопрос об индустриальном уклоне не был достаточно разработан (Шатурская школа-коммуна имени Лепешинского, Лосиноостровская школа и др.).

Школа-коммуна имени Лепешинского (в Москве) была тесно связана с ткацкой фабрикой. Старшие учащиеся работали на фабрике, вели на фабрике культурно-политическую работу. Младшие учащиеся работали в школьных мастерских и совершали на ткацкую фабрику экскурсии.

Лосиноостровская школа поставила изучение окружающих её фабрик, заводов и мастерских главным образом путём экскурсий и хорошо организовала школьные мастерские.

Опытные школы-коммуны главной своей задачей (кроме, понятно, учебных задач) ставили организацию жизни воспитанников на началах коллективизма, развитие у учащихся самостоятельности и инициативы, развитие гигиенических навыков, культуры поведения и другие воспитательные задачи. В школах коммунах большую роль играло самоуправление воспитанников (принимавшее иногда гипертрофированную форму, переходившую даже в извращение, как, например, в Костромской школе-коммуне, где учащиеся в 1919 г. сами вырабатывали учебный план, избирали себе учителей и т. д.).

Хорошо организованной школой-коммуной была Алтайская школа имени Коминтерна.

Пятым из указанных выше типов ОПУ были опытные станции, включавшие целый комплекс, систему воспитательных и просветительных учреждений (детские сады, ряд школ, курсы для учителей и т. п.).

Первая опытная станция была организована в Малоярославецком уезде Калужской губернии С. Т. Шацким, который и разработал идею опытных станций. Она выросла из колонии «Бодрая жизнь», организованной С. Т. Шацким ещё до Октябрьской революции. Станция объединяла ряд школ Угодско-Заводской и Боровской волостей и поставила своей задачей объединить учителей этих школ на постоянной общей работе с детьми и над повышением своей подготовки.

В работе с детьми была поставлена задача организации всей жизни и труда детей в школе и дома. Станцией были организованы детские сады, библиотеки-читальни, клубы, сельскохозяйственные опытные участки, кооператив; устраивались учительские съезды-курсы, конференции, семинары. О работе станции мы уже говорили во втором очерке.

По идее С. Т. Шацкого Наркомпрос организовал и другие опытные станции.

Вторая опытная станция организовалась в 1920 г. в Шатурском районе. Она объединила ряд школ, вела большую работу с учителями, разработала и проводила план летней школы, создавала первые проекты комплексных программ на краеведческой основе.

Третья опытная станция (Гагинская) была создана с целью поднять педагогическую работу в районе. В дальнейшем проводила разработку новых программ и методов работы.

Большую работу по методике естествознания, развитию у детей любви и интереса к природе и сельскому хозяйству, по выработке методики внешкольной и внеклассной работы природоведческого содержания развила Биостанция юных натуралистов. Она организовала курсы для учителей, вела на своём большом участке опытную работу, способствовала организации многочисленных кружков юных натуралистов по всей стране, издавала «Листок юных натуралистов».

Значительная часть опытно-показательных школ возникла путём естественного роста — превращения лучших школ, обладавших хорошим оборудованием и сильным коллективом учителей-энтузиастов, в опытно-показательные школы — центры ме-

стной методической работы. Другая часть создавалась Наркомпросом.

В первые годы Октябрьской революции опытно-показательные школы работали каждая по-своему, проявляя местную инициативу и самодеятельность. В 1922 г. был создан отдел ОПУ Наркомпроса РСФСР, объединивший их работу и руководивший ею. Кроме значительного числа опытно-показательных школ местного значения, состоявших на местном бюджете, имелся ряд центральных опытно-показательных учреждений.

В марте 1922 г. после передачи ряда учреждений местным органам народного образования в новообразованный отдел ОПУ были переданы 34 центральные опытно-показательные школы и другие учреждения.

К 1924 г. число их сократилось до 12, но число местных опытно-показательных школ увеличилось; их стало свыше 100.

10. Школа нерусских народов[1].

В период 1921—1929 гг. школа нерусских народов РСФСР интенсивно развилась.

Нужно было усиленными темпами изжить ту отсталость в культурном отношении, какую раньше насаждал среди этих народов царизм. Нужно было наверстать время, когда в автономных областях и республиках Поволжья и Приуралья, в Сибири и на Севере шла гражданская война. В начале рассматриваемого периода Поволжье, где расположен ряд автономных республик, испытало тяжёлые 1921—1922 годы сильного неурожая, под влиянием которого сеть школ и число учащихся временно понизились.

С 1923 г. местный бюджет по народному образованию, число школ, количество учащихся в автономных республиках и областях РСФСР быстро растут. Расход по народному образованию из средств местного бюджета на душу населения по этим республикам и областям составлял[2]:

В 1923/1924 г.	0,67	руб.
1924/1925 г.	1,10	»
1925/1926 г.	1,60	»
1926/1927 г.	2,25	»

За три года ассигнования на народное образование по местному бюджету выросли, таким образом, в 3 раза.

В самых отдалённых и глухих районах при активнейшем участии национальной общественности стали возникать новые, благоустроенные школьные здания, ярко свидетельствовавшие об успехах ленинско-сталинской национальной политики. Педагогическая пресса того времени постоянно отмечала факты нового школьного строительства. Так, в 1924 г. из Дагестана, бывшего когда-то цитаделью мусульманства, сообщалось, что здесь в самых глухих углах строятся новые школьные здания. «Одна из школ около Буйнакса, — сообщалось в корреспонденции, — двухэтажное здание с большой чёткой вывеской, очень чистое внутри, производит очень отрадное, живое, весёлое впечатление»[1].

Появлялись новые школы там, где о них понятия не имели раньше. Для кочевых народов открывались школы-интернаты. В 1927/28 г. в Астраханской степи существовало 7 казахских школ-интернатов. Вот одна из них:

Казахская школа-интернат на ст. Дассанг[2].

«Здание новое и величественное в степи. Оно в городе не бросалось бы в глаза, но в степи видно на дальнее расстояние. Здесь живут 65 казахских детей в возрасте от 8 до 15 лет.

В классных комнатах имеются новые парты, классные доски, географические карты, на стенах висят диаграммы, расписание занятий, табель посещаемости. Школа трёхкомплектная...»

Подобные же школы-интернаты открывались и для детей народов далёкого Крайнего Севера, где население очень редкое, кочующее.

Устройством школ-интернатов для ряда народов РСФСР (особенно кочевых) была наиболее успешно разрешена очень трудная проблема организации школьного дела.

Сеть школ нерусских народов росла с 1924 г. в автономных республиках и областях значительно быстрее, нежели сеть русских школ, так как нужда в школах в дореволюционное время для русского населения всё же удовлетворялась лучше, нежели для татар, марийцев, чувашей и др. нерусских народов. Нерусские народы стремились, как только наступили благоприятные условия, обеспеченные ленинско-сталинской национальной политикой, осуществить указание товарища Сталина — догнать центральную Россию в государственном, культурном и хозяйственном отношениях. Так, в Татарской республике сеть школ по сравнению с предыдущим годом росла на следующее число процентов[3]:

	1925/1926 г.	1926/1927 г.	1927/1928 г.
русских школ	49,6	32,6	37,4
татарских »	34,8	55,0	54,0

Благодаря более быстрым темпам роста нерусских школ раз-

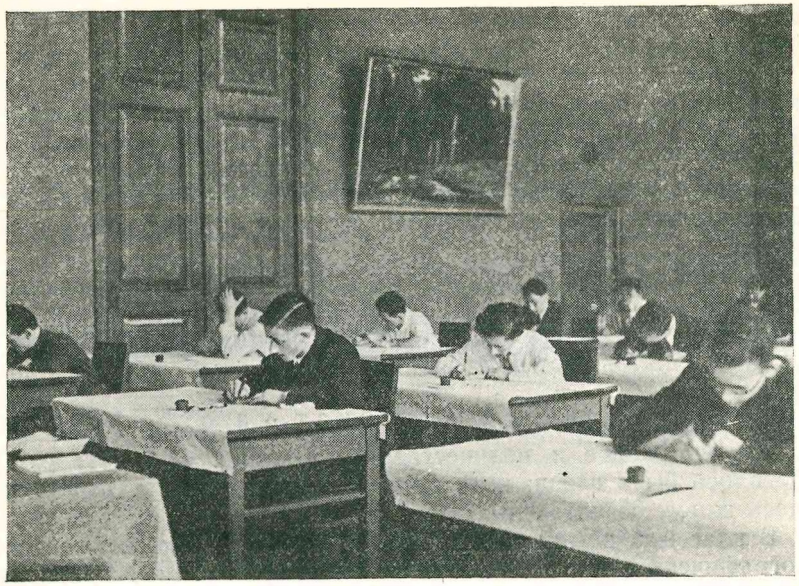
[1] Раздел написан по материалам старшего научного сотрудника Института теории и истории педагогики АПН А. Ф. Эфирова.

[2] Народное образование по местным бюджетам автономных республик и областей РСФСР, «Народное просвещение», 1928, № 2.

[1] «Народный учитель», 1924, № 10, стр. 76.

[2] Архив Мин. Просв. РСФСР, опись 100, Совнацмен, 1927/28 г., дело № 6, л. 6.

[3] Архив Мин. Просв. РСФСР, опись 97, Совнацмен, 1927, дело № 705, л. 132.



На письменном экзамене на аттестат зрелости в 330-й мужской школе г. Москвы

ница между ними и школами русскими с каждым годом сокращалась. В 1929/30 г. на 1000 жителей областей и краёв РСФСР в среднем в начальных школах приходилось 98,3 учащихся. В то же время в нерусских школах на 1000 человек училось 92,3 человека. Как видим, разница была уже небольшая. В последующие годы с введением всеобщего обязательного обучения и эта разница исчезла.

Особенно следует отметить успехи по охвату школой девочек. Даже такие национальные районы, как Дагестан, где до революции девочкам запрещалось учиться в школах, и те имели большие успехи по охвату их школой. Конечно, эти успехи дались нелегко. Партии и правительству приходилось вести упорную и напряжённую борьбу с классовыми врагами: баями, муллами и кулачеством. Пришлось вести борьбу с невежеством, темнотой, национально-бытовыми предрассудками населения. Надо было преодолеть веками привитую забитым и угнетённым национальным трудящимся массам косность и приобщить их к просвещению и культуре. Открывались отдельные школы для девочек.

О том, как рос в автономных республиках РСФСР в последние годы охват школой девочек, можно видеть из следующей таблицы (процент девочек по отношению ко всему числу учащихся) [1]:

[1] «Народное просвещение в РСФСР», 1932, стр. 78.

Годы	Классы						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
1927/1928 г. в %	38,3	33,6	32,6	33,1	40,7	43,4	45,5
1929/1930 г. в %	45,1	40,5	37,5	38,0	40,6	43,2	44,0

Наряду с начальными школами открывались и школы повышенного типа. До революции нерусские народы не имели таких школ вовсе. Рост повышенных школ (семилетних и средних) шёл более медленными темпами, нежели рост школ начальных, но эти темпы были более быстрыми по сравнению с развитием сети русских школ, о чём свидетельствуют следующие данные:

	Края, области РСФСР % роста в 1929/30 уч. году к 1928/29 уч. году	АССР % роста в 1929/30 уч. году к 1928/29 уч. году
Число школ	45,0	83,0
Количество учащихся . .	53,0	104,0

Приведём несколько примеров, указывающих на состояние национальных повышенных школ того времени.

Туармейская чувашская школа-семилетка (1928/29 учебный год) [1].

В школе 260 учащихся. Учебная работа проводится 8 преподавателями, из которых 6 чувашей. Учителя с образованием педучилищ, учительских институтов и вузов.

Родной язык является предметом изучения, и только краеведение преподаётся на этом языке. Программа по чувашскому языку составлена школой.

Мамадышская татарская школа-семилетка.

Учащихся в школе 135 человек. Педагогический персонал имеет среднее образование. Система учебной работы классная. Основной метод работы — беседа учителя. Обучение ведётся на татарском языке. Русский язык является предметом изучения. Школа в полной мере обеспечена учебниками и имеет библиотеку в 10 тысяч томов. Девочек в школе около 30%.

Жадянская мордовская школа II ступени (Ульяновская область).

В школе учится 169 человек. Из 6 преподавателей 4 мордвина. Все они имеют среднее педагогическое образование. Преподавание ведётся на русском языке.

[1] Обзор местных бюджетов, гл. IV, стр. 31—37, Наркомфин, 1930.

Вотская школа II ступени (Удмуртская АР).

Школа обеспечена квалифицированным педагогическим составом. Имеются кабинеты: физический, химический, исторический и обществоведческий. Система учебной работы классная, по сетке Наркомпроса, с некоторыми изменениями. Так, например, во всех классах введено преподавание родного языка. Обучение в школе проводится на русском языке по программе, составленной школой.

Школы повышенного типа в своём большинстве проводили учебную работу на русском языке. Родной язык являлся лишь предметом изучения.

Повышенные школы в нерусских районах — явление неслыханное в дореволюционные годы. Они пользовались особенной любовью национального населения, оказывавшего им всяческую помощь и содействие. Трудовое население помогало партии и правительству в борьбе с буржуазно-националистическими и кулацкими вылазками против этих школ. Рост и укрепление школ повышенного типа являлись ярким доказательством роста национальной культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Улучшение качества учебно-воспитательной работы и материальное благосостояние нерусских школ налаживались постепенно: быстрый количественный рост этих школ не всегда позволял при недостатке школьных зданий и подготовленных учителей сразу же вполне обеспечить высокое качество работы. Приходилось бороться со многими трудностями, каких не было в местностях, населённых русскими.

В 1927 г. Коллегия Наркомпроса отмечала, что нерусские школы страдали:

а) малокомплектностью и краткостью сроков обучения в них,
б) незначительностью % оканчивающих школу,
в) переполнением школ переростками.

Вместе с тем в школах отмечались большой отсев учащихся и второгодничество.

В большей своей части начальные национальные школы являлись однокомплектными.

Процент школ с одним преподавателем по данным школьной переписи в 1927 г. по отдельным автономным республикам был следующий [1]:

Башкирская АССР	76%
Бурят-Монгольская	72,4%
Дагестанская	51,7%

Продолжительность учебного года, особенно в сельских местностях, не была ещё достаточной. Так, например, среднее число учебных дней в году по данным школьной переписи было:

[1] Всесоюзная школьная перепись 1927 г., т. I, л. XVIII.

	Сельская местность	Городская
Башкирская АССР	145	174
Бурят-Монгольская	159	187
Дагестанская	159	178

Наличие переростков чрезвычайно затрудняло учебную работу школы. В 1925/26 учебном году в национальных школах в 34 обследованных районах Уральской области число переростков доходило до 50%.

Особенно много имелось переростков в школах народов Севера, где наряду с детьми школьного возраста детские школы посещало взрослое население.

Отсев и второгодничество в первые годы изучаемого периода в национальных школах были довольно значительными, доходя в некоторых школах до 20%.

В борьбе с отсевом и второгодничеством принимался ряд мер. В частности, оказывалась материальная помощь учащимся школ, организовывались при школах горячие завтраки, устраивались общежития, осуществлялся подвоз детей в школы. Дети бедноты получали от государства одежду и обувь. Эта помощь достигала огромных размеров. Достаточно сказать, что по далеко неполным сведениям учащиеся 10 автономных республик РСФСР в 1926 и 1927 гг. получили свыше миллиона ста тысяч пар обуви и на 6 665 тысяч рублей одежды [1].

В оказании помощи детям и школам широкое участие принимала советская общественность национальных республик и областей.

В результате напряжённой борьбы с каждым годом, хотя медленно, но неуклонно уменьшался отсев, сокращалось второгодничество и увеличивалось количество учащихся старших классов. Росло также количество оканчивающих начальные школы.

В первые годы рассматриваемого периода проводилась большая работа по изучению языков народов, не имеющих письменности, и по подготовке этой письменности.

Вместе с тем началась деятельность по переводу арабской письменности на новый алфавит и затем уже по изданию национальных учебников.

Чуваши, марийцы (горные и луговые), мордва (эрзя и мокша) и удмурты начали печатать учебники, пользуясь русской графикой. Буряты печатали их на основе монгольской графики.

В 1923 г. выпускается 13 названий учебников на чувашском языке, в числе которых были: «Грамматика чувашского языка» и «Руководство к введению первоначальных уроков русского языка в чувашских школах» и др. [2].

На татарском и башкирском языках издаётся 20 названий

[1] «Народное просвещение в РСФСР в основных показателях», 1932, стр. 162.

[2] О. Ю. Шмидт, Работа Госиздата среди национальностей, журн. «Просвещение национальностей», 1924, № 6, стр. 68.

учебников. На коми, удмуртском, марийском — по 10, мордовском — 15 и т. д.

За 1923/24 учебный год из печати вышли десятки названий учебных книг, среди которых имелись буквари на языках: татарском, марийском, чувашском, коми, удмуртском, башкирском, ойротском, латышском, польском, корейском, мордовском и др. [1]

На башкирском языке издаётся 13 названий учебных книг, в числе которых были «Букварь», «История башкир», «География башкир», «Экономическая география башкир», «Грамматика и синтаксис башкирского языка» [2].

В 1924/25 учебном году одних национальных букварей издаётся 679 тыс. экземпляров.

Всё это свидетельствует об огромном размахе по изданию национального учебника в 1923—1924 гг. и о большой работе, проведённой по изучению национальных языков.

В следующие годы эта работа расширилась ещё больше. Ряд народов получает новую письменность. В 1926/27 г. разрабатывается письменность для хакасцев и шорцев, составляются и издаются для школ этих народов буквари.

Переходят с арабского на новый алфавит татары, башкиры и др.

Национальная учебная книга издавалась как в центре (Центроиздатом), так и на местах. Местные издательства («Татгиз», «Киргиз», «Чувиздат», «Латиздат», «Башиздат» и др.) выпускали большое количество учебной литературы.

К 1929 г. Центроиздатом выпускались миллионы учебных книг на 56 языках народов СССР.

Несмотря на огромные успехи в деле издания учебников, следует отметить, что в данный период проблема национального учебника далеко не была разрешена. Выпуск новых учебников не поспевал за бурным ростом школ. Особенно это отмечалось ко времени осуществления всеобуча. Идеологически учебники далеко не всегда являлись выдержанными. Педагогическое качество их весьма часто не стояло на должной высоте. Учебники, выпускавшиеся на основе программ ГУСа, и буквари, составляемые по методу целых слов, оставили свой отрицательный след и в нерусской школе, особенно неблагоприятно отразившись на усвоении детьми орфографии.

Предстояла ещё работа по усовершенствованию национальных языков: изучение наречий, установление терминологии, создание грамматик и пр.

Все эти задачи надлежало разрешить в дальнейшем.

В связи с ростом сети национальных школ росли и педагогические кадры. За время с 1923 г. по 1927 г. количество учителей

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, опись 99, Совнацмен, 1927/28, дело № 9, л. 34.

[2] Там же, 1923, дело № 98, л. 52.

по отдельным автономным республикам и областям увеличилось следующим образом [1]:

	1923 г.	1927 г.
Начальные школы		
Область Коми	273	512
Бурят-Монголия	478	766
Чувашская АР	856	1507
Башкирская АР	2842	4061
Повышенные школы		
Область Коми	70	130
Бурят-Монголия	27	368
Чувашская АР	154	398
Башкирская АР	364	914

Общему росту учительских кадров в ряде мест недостаточно ещё соответствовал рост учителей-националов.

В 1927 г. по данным школьной переписи было следующее количество учителей (обучающих в начальных школах на родном языке) в %%:

Область Коми	90,1
Бурят-Монгольская АР	31,8
Чувашская АР	80,0
Башкирская АР	13,0

Из таблицы видно, что область Коми и Чувашия имели несомненные достижения в деле коренизации учительских кадров, но в Бурят-Монголии и особенно в Башкирии эта коренизация была ещё низкой. Последующие годы давали постоянный рост учителей-националов. Этот рост отмечался даже в таких местах, где совсем недавно учителей нерусской национальности почти не было.

О квалификации учителей АССР за 1923/24 учебный год можно судить по следующим данным (в %%):

С высшим образованием было	2,8
Со средним » »	60,0
С низшим » »	37,2

В связи с большим ростом школ педагогические техникумы не могли удовлетворять в достаточной мере возросший спрос на квалифицированные учительские силы.

Нужду в педкадрах приходилось удовлетворять в значительной степени через систему краткосрочной курсовой подготовки.

Новые учителя нерусских школ были подлинными советскими учителями, участниками социалистического строительства. Это были большей частью учителя-энтузиасты, глубоко преданные коммунистической партии и советскому правительству. Они отчётливо сознавали, что только партия Ленина — Сталина вывела народы, к которым они принадлежали, из прежней темноты.

[1] «Всесоюзная школьная перепись 1927 г.», т. I, стр. 2—37.

По социальному составу они в большинстве своём являлись детьми крестьян-бедняков и середняков и рабочих.

В 1925/26 учебном году по АССР среди учителей было членов и кандидатов ВКП(б) и комсомольцев — 14%, а по автономным областям — 19,4%.

Особенно большое значение имела общественная работа учителей нерусских школ в глухих местах национальных районов. Вот как описывалась работа учителя далекой Ойротии:

«...Затерянный в горах и тайге Улангайский аймак. Здесь учитель, как отшельник, живёт среди ойротов, входит во все мелочи их сельской жизни. Выборка билетов на лес, разъяснения по сельхозналогу, участие в кооперативной работе, чтение газет, драмкружок, изба-читальня, беседы с молодёжью и пр. и пр. — вот некоторые задания, которые втягивают учителя в общественно-политическую работу своего района». Недаром один ойрот писал: «Так что учитель у нас значит всё — и ребят, стало быть, учит, и нам толкует все вопросы, мы ему не даём отдыхать, жалко учителя, но без него жить нельзя. Он наш свет, стало быть» [1].

Но учителя-общественники не боялись трудностей и отдавали все свои силы педагогическому и общественному делу.

«С удовольствием можно отметить, — сообщалось в педагогической прессе того времени, — что с подъёмом работают молодые татарские учителя... Они стараются оживить школьную работу, они стремятся к развёртыванию общественной работы, в них чувствуется наличие энергии» [2].

Конечно, новое учительство крайне нуждалось в поднятии педагогической квалификации. Поэтому всюду, как в центре, так и на местах, проводилась курсовая переподготовка учительских кадров. Тысячи молодых педагогов проходили такую переподготовку: «Количественно эта работа настолько выросла, произведён настолько большой охват школьных работников, что редко встречается учитель, не прошедший тех или иных курсов; многие прослушали курсы по нескольку раз» [3].

Основная подготовка учителей начальных школ проводилась педагогическими училищами (по терминологии того времени, педагогическими техникумами). Сеть их быстро росла. В 1924/25 г. по АССР РСФСР имелось 36 педтехникумов с 5 469 учащимися. В 1929/1930 г. было уже 85 педтехникумов с 15292 учащимися. Кроме того, в РСФСР имелось ещё значительное число педтехникумов в автономных республиках.

До 1928/29 учебного года учительский состав для национальной средней школы подготовлялся главным образом через общую сеть педагогических вузов. В дальнейшем центр тяжести подготовки учителей-националов для повышенной школы переносится в национальные педвузы и национальные отделения общих педвузов.

[1] «Народный учитель», 1925, № 11, стр. 72.
[2] «Народное просвещение», 1928, № 3, стр. 120.
[3] «Вопросы всеобщего обучения», стр. 172.

Знатный педагог Москвы И. Зеленцов среди учащихся 110-й школы г. Москвы

В 1929/30 учебном году в РСФСР имелось 8 национальных педвузов и 24 национальных отделения. Во всех этих учебных заведениях обучалось около 4 000 студентов.

Национальные педвузы и педтехникумы не были ещё достаточно коренизированными ни по языку преподавания, ни по составу учащихся, что являлось серьёзным недостатком этих учебных заведений.

Партия и советское правительство в своём последовательном осуществлении ленинско-сталинской национальной политики в деле народного образования всегда уделяли огромное внимание вопросам коренизации нерусской школы. Без преподавания на родном языке не могло быть подлинной национальной школы. Осуществить же это можно было только при наличии учителей соответствующей национальности и учебников на родном языке. Это были два основные и решающие условия в деле коренизации школы. Поэтому, как только были достигнуты известные результаты по изданию национальных учебников и по подготовке национальных педагогических кадров, руководящие органы народного образования стали предлагать местам приступить к плановому переводу преподавания в нерусских школах на родные языки.

ВЫВОДЫ.

Развитие советской школы в 1921—1929 гг. определялось задачами социалистического строительства в периоды перехода на мирную работу по восстановлению народного хзяйства (1921—1925 гг.) и борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.).

Задачи воспитания, образования и обучения были указаны в ряде выступлений В. И. Ленина и И. В. Сталина. Они дали учение о культурной революции, указали, что овладение общеобразовательными знаниями и скорейшее введение всеобщего обязательного обучения является первоочередной задачей. Они требовали большей связи теории с практикой, школы с жизнью. Они выяснили сущность коммунистической морали и указали пути воспитания молодёжи в духе коммунистической морали.

Сеть школ к концу периода сильно выросла, страна вплотную подошла к введению всеобщего обязательного обучения, которое, по указанию товарища Сталина, было проведено в начале следующего периода (1930—1934 гг.) такими быстрыми темпами, каких не знала ни одна страна в мире. Количество учащихся, начиная с 1923 г., быстро росло, причём особенно сильно повышалось число учащихся в старших классах школы. В несколько раз выросла материальная база школ: школьное строительство, оборудование, снабжение школы учебниками; бюджет народного образования повышался из года в год такими быстрыми темпами, как ни в какой иной стране.

Советское учительство под руководством коммунистической партии превратилось в одну из важнейших опор советского строя. Сеть педагогических высших и средних учебных заведений к концу периода была наиболее густой по сравнению со всеми странами мира.

На основе ленинско-сталинской национальной политики широко развернулось строительство школ нерусских народов.

В условиях обострения классовой борьбы усилилось коммунистическое воспитание в школе. В постановке этого воспитания большую роль играли Коммунистический Союз Молодёжи и пионерская организация.

В области содержания, организации и методов учебной работы 1921—1929 гг. можно назвать периодом исканий. Начатая ещё в предыдущие годы борьба с формализмом, отвлечённостью и сухостью, педантизмом и отрывом от жизни старой школы получила в 1921—1929 гг. дальнейшее развитие. Принципиально иным стало содержание учебно-воспитательной работы, политический кругозор учащихся сильно вырос; активность, творчество, инициатива детей и подростков возросли. В своих общепедагогических и методических исканиях советские педагоги проявили большой энтузиазм, работали с большим творческим подъёмом.

В этих исканиях не всегда, однако, сразу отыскивалась правильная линия: были увлечения, перегибы, ошибки и даже извращения. Однако не эти ошибки и извращения определяли путь развития советской школы. Они лишь несколько задерживали быстрый ход развития советской школы, но не могли его остановить.

1929-й год — год великого перелома — был и в истории советской школы годом, завершающим первую фазу развития нашей школы.

Следующая фаза начинается в 1930—1931 гг., когда было приступлено к введению всеобщего обязательного обучения; советская школа стала общеобразовательной 10-летней школой; издано историческое постановление ЦК ВКП(б) о школе от 5 сентября 1931 г., и советская школа делает огромные успехи как в количественном, так и в качественном отношении.

Очерк IV.

Культурный рост советской страны и борьба за качество учебно-воспитательной работы школы (1930-1941 гг.).

1. Задачи советской школы.

Под руководством партии большевиков и вождя народов товарища Сталина Советский Союз добился значительных успехов в социалистической индустриализации страны и быстрыми темпами развивал промышленность. Успешно шла борьба и за коллективизацию. Сталинские пятилетки меняли лицо страны.

«Завершение реконструкции промышленности и сельского хозяйства привело к тому, что народное хозяйство оказалось обильно снабжённым первоклассной техникой. Промышленность и сельское хозяйство, транспорт и армия получили громадное количество новой техники, новых машин и станков, тракторов и сельскохозяйственных машин, паровозов и пароходов, артиллерии и танков, самолётов и военно-морских кораблей. Необходимо было пустить в ход десятки и сотни тысяч обученных кадров, способных оседлать всю эту технику и выжать из неё максимум того, что можно из неё выжать. Без этого, без достаточного количества людей, овладевших техникой, техника рисковала превратиться в груду мёртвого металла, остающегося без использования. Это была серьёзная опасность, возникшая вследствие того, что рост кадров, могущих оседлать технику, *не поспевал* и *далеко отставал* от роста техники. Дело усложнялось тем, что значительная часть наших работников не сознавала этой опасности и считала, что техника «сама сделает» своё дело. Если раньше недооценивали технику и пренебрежительно относились к ней, то теперь стали её переоценивать, превратили её в фетиш. Не понимали, что техника без людей, овладевших техникой, — мертва. Не понимали, что только при людях, овладевших техникой, техника может дать высшую производительность.

Вопрос о кадрах, овладевших техникой, приобретал, таким образом, первостепенное значение». (История ВКП(б). Краткий курс, 1938, стр. 321—322.)

Партия выдвинула новый лозунг, обращающий внимание в первую очередь уже не на технику, а на людей, на кадры, способные использовать технику.

Мудрая политика нашего государства, руководимого товарищем Сталиным, укрепляла нашу страну, поднимала на огромную высоту наше материальное оснащение, нашу культуру.

Оберегая нашу родину от преждевременного вовлечения в войну, Советское правительство в 1939 г. ответило согласием на предложение Германии о заключении пакта о ненападении.

«Мы обеспечили нашей стране мир, — разъяснял товарищ Сталин, — в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определённый выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии». (И. Сталин, «О Великой Отечественной войне Советского Союза», V изд., стр. 11.)

В результате прозорливой политики товарища Сталина в войне победило Советское государство, советский общественный строй. В годы мирного строительства рабочие Советского Союза создали высокоразвитую мощную промышленность; крестьяне Советского Союза преобразовали в годы мирного строительства на основе колхозного строя отсталое земледелие в передовое сельское хозяйство. В это же время была воспитана наша советская интеллигенция, которая преданно работала на пользу нашей великой родины.

Под руководством партии большевиков рабочие, крестьяне и интеллигенция нашей страны завоевали себе свободу и построили социалистическое общество. В годы Великой Отечественной войны они доказали свой горячий советский патриотизм, своё беззаветное стремление служить до конца делу Ленина — Сталина.

В тридцатых годах была разбита контрреволюционная агентура в стране: троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы и «иже с ними». Как известно, эти подонки делали отчаянные попытки сплотить все контрреволюционные элементы вокруг себя. Но все эти попытки благодаря бдительности органов пролетарской диктатуры были раскрыты и ликвидированы.

Таким образом социалистическое строительство велось в условиях обострённой классовой борьбы. Руководство товарища Сталина привело к победе. На необходимость укрепления пролетарской диктатуры в условиях ожесточённой классовой борьбы, на необходимость подъёма активности, самодеятельности и культурности масс указывал уже на XV съезде ВКП(б) товарищ Сталин. Это же было подчёркнуто в резолюции съезда.

Состоявшийся летом 1930 г. (26 июня — 13 июля) XVI съезд ВКП(б) обратил внимание на проблему культурной революции как на одну из важнейших задач. В политическом отчёте ЦК товарищ Сталин, отметив ряд достижений в области культуры, подчеркнул, однако, что эти достижения далеко недостаточны.

Товарищ Сталин привёл следующие статистические данные о числе учащихся ко времени XVI съезда:

В начальных школах учащихся	11 638	тыс.
В школах II ступени	1 945	тыс.
В индустриально-технических, транспортных, сельскохозяйственных школах и производственных курсах массовой квалификации	333,1	тыс.
В техникумах и равных им профшколах	238,7	тыс.
В вузах и втузах	190,4	тыс.

Процент грамотности населения повысился до 62,6 против 33% до Великой Октябрьской Социалистической революции.

Сообщив эти данные, товарищ Сталин сказал: «Главное теперь — перейти на обязательное первоначальное обучение. Я говорю «главное», так как такой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции. А перейти к этому делу давно пора, ибо мы имеем теперь всё необходимое для организации всеобщего первоначального образования в подавляющем большинстве районов СССР. До сего времени мы вынуждены были «экономить на всём, даже на школах» для того, чтобы «спасти, восстановить тяжёлую промышленность» (Ленин). За последнее время, однако, мы уже восстановили тяжёлую промышленность и двигаем её дальше. Следовательно, настало время, когда мы должны взяться за организацию всеобщего обязательного первоначального образования. Я думаю, что съезд поступит правильно, если он примет на этот счёт определённое и совершенно категорическое решение» [1].

В своих решениях XVI съезд ВКП(б) указал, что культурная революция является одной из первоочередных задач; он признал, что темпы развёртывания культурного строительства в стране ещё совершенно недостаточны и их необходимо усилить. «Проведение всеобщего обязательного первоначального обучения и ликвидации неграмотности должно стать боевой задачей партии в ближайший период» [2].

Таким образом, введение всеобщего обязательного обучения было признано одной из ведущих задач.

На XVI съезде развернулась острая большевистская борьба с троцкистами, зиновьевцами, правыми — со всеми теми, кто организовал подлую шайку убийц.

Доклад товарища Сталина мобилизовал партию и всех, кто шёл за её знаменем, на борьбу до полного разгрома всех врагов строительства социализма, всех, стремившихся реставрировать капитализм в СССР.

XVI съезд ВКП(б) по докладу товарища Сталина признал, что «Разбив троцкизм, партия столкнулась с новым проявлением оппортунизма в лице правого уклона (группа Бухарина). Правый

[1] XVI съезд ВКП(б), стенографический отчёт, 2-е изд., 1931, стр. 35.
[2] Там же, стр. 715.

уклон противопоставил генеральной линии партии свою откровенно-оппортунистическую линию. Линия правых уклонистов ведёт к капитуляции перед кулацко-капиталистическими элементами страны. Осуществление линии правых уклонистов, являющихся объективно агентурой кулачества, означало бы срыв строительства социализма и восстановление капитализма в нашей стране» [1].

Одним из вражеских проявлений были и уклоны в национальной политике в сторону великодержавного шовинизма и местного национализма. XVI съезд ВКП(б) по докладу товарища Сталина призвал всех членов партии и всю советскую общественность на борьбу с этими уклонами, находившими своё отражение и в вопросах культуры, и школьного строительства.

Партия, призвав на борьбу с шовинизмом и национализмом, обеспечила успешное проведение ленинско-сталинской национальной политики, развитие социалистической по содержанию и национальной по форме культуры народов СССР.

Строительство национальной школы быстро пошло вперёд.

Несмотря на значительные сдвиги в области просвещения и ряд достижений в области культуры, работа советской школы страдала всё же существенными дефектами. Попрежнему имел ещё широкое распространение «метод проектов», пропагандировалась «теория отмирания школы», лженаука педология подменяла подлинную педагогику. Общеобразовательные знания учащихся были недостаточны. Комплексно-проектные программы, выпущенные Наркомпросом, вместо систематических знаний давали учащимся клочкообразные сведения по всем предметам.

В апреле 1930 г. было созвано второе партийное совещание по народному образованию, которое подчеркнуло значение культурной революции и необходимость развёртывания всеобщего обязательного обучения. Решительной критике была подвергнута школа II ступени, в особенности её старший концентр. Совещание указало, что «будучи оторванной от производства и не давая своим ученикам определённой специальности, она (школа II ступени) не смогла стать и проводником рабочих подростков в вузы». Совещание подчеркнуло значение техникумов и профшкол, признало необходимым усилить в них общеобразовательные науки: физику, химию, биологию, технологию и организацию труда.

Весьма важно было и то, что совещание обратило особое внимание на подготовку и переподготовку учителей коммунистически воспитанных, обладающих широким общим образованием, активных борцов против враждебной идеологии.

Совещание отметило, что темпы и размеры культурного строительства в стране, отвечающие требованиям социалистического строительства, возможны лишь при условиях широчай-

[1] XVI съезд ВКП(б), стенографический отчёт, 2-е изд., 1931, стр. 716.

шей самодеятельности масс, на основе единого плана всех организаций, ведущих культурную работу, при руководящем участии органов народного образования и под общим руководством партийной организации.

По вопросу о культурном строительстве национальностей СССР второе партсовещание признало необходимыми:

1) решительное усиление борьбы со всякого рода враждебными идеологическими тенденциями и влияниями в области народного образования; 2) значительное убыстрение темпов культурного строительства; 3) твёрдое проведение партийного принципа: «школа на родном языке»; 4) улучшение социального состава учащихся в школах всех ступеней, так как в национальных республиках и районах особенно остро стоял вопрос о продвижении учащихся в среднюю и высшую школу; 5) развитие в национальных районах массового политического просвещения; 6) подготовку национальных педагогических кадров; 7) культурный подъём женщин-националок.

Таким образом, второе партсовещание выдвинуло целый ряд положений, способствовавших дальнейшему улучшению работы школы.

Однако принятых мер было недостаточно. Социалистическое строительство требовало людей, обладающих широкими и прочными общеобразовательными знаниями, без которых нельзя стать коммунистом, работником-строителем нового общества.

Школу подняло на новую ступень историческое постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г.

Со времени этого постановления начинается последовательная перестройка всей работы советской школы, особенно интенсивно развёртывается борьба за улучшение её учебно-воспитательной работы в направлении тех требований, которые предъявляют к школе партия, правительство, народ.

В своём постановлении от 5 сентября 1931 г. ЦК прежде всего указывает на большие достижения в школьном деле в процессе реализации программы коммунистической партии: «...пролетарское государство добилось огромных успехов в деле расширения школьной сети и перестройки школы. Число учащихся в начальной и средней школе возросло с 7 800 тыс. в 1914 г. до 20 млн. в 1931 г. Коренным образом изменился социальный состав школы: дети рабочих и широких масс трудящихся в деревне, не имевших ранее возможности обучать своих детей в школе, являются теперь основным контингентом школы. Обучение на родном языке охватило самые отсталые в культурном отношении народы Советского Союза и проводится на 70 языках. Принципиально иным стало содержание всей работы школы». Далее постановление указывает, что детям в советской школе с целью подготовить всесторонне развитых членов коммунистического общества даётся более широкий общественно-политический кругозор и общее развитие. Возрос уровень общего образования. Широко осуществляется всеобщее обучение. Школа значительно продвинулась вперёд по пути соединения школьного обучения с производительным трудом и общественной работой.

Отметив все эти достижения, ЦК, однако, указал, «что советская школа далеко ещё не соответствует тем огромным требованиям, какие предъявляются к ней современным этапом социалистического строительства. ЦК считает, что коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не даёт достаточного объёма общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.). В силу этого политехнизация школы приобретает в ряде случаев формальный характер и не подготовляет детей, как всесторонне развитых строителей социализма, увязывающих теорию с практикой и владеющих техникой.

Всякая попытка оторвать политехнизацию школы от систематического и прочного усвоения наук, особенно физики, химии и математики, преподавание которых должно быть поставлено на основе строго определённых и тщательно разработанных программ, учебных планов и проводиться по строго установленным расписаниям, представляет собой грубейшие извращения идей политехнической школы».

ЦК признал поэтому необходимым «развернуть решительную борьбу против легкомысленного методического прожектёрства, насаждения в массовом масштабе методов, предварительно на практике не проверенных, что особенно ярко обнаружилось в применении так называемого «метода проектов». Вытекавшие из антиленинской теории «отмирания школы» попытки положить в основу всей школьной работы так называемый «метод проектов» вели фактически к разрушению школы».

ЦК поэтому предложил переработать программы с обеспечением точно очерченного круга систематических знаний с тем, чтобы начать преподавание по этим новым программам с 1 января 1932 г. В области методов было предложено применять различные методы обучения, «могущие способствовать воспитанию инициативных и деятельных участников социалистического строительства». Общественно-производительный труд учащихся «леваки» делали самодовлеющей и главной задачей школы, они выдвинули лозунг «школа-цех предприятия», заимствовав у буржуазного американского педагога Дьюи его лозунг «Труд — центр всей школьной жизни». Осудив это извращение, ЦК предложил подчинить общественно-полезную работу учащихся учебным и воспитательным задачам школы. Подчеркнув огромное значение систематических общеобразовательных знаний, необходимость усиления правильно понятого политехни-

ческого обучения, ЦК указал на исключительно важную в условиях обострённой классовой борьбы задачу усиления воспитательной работы в школе и «борьбы против всяких попыток привить детям советской школы элементы антипролетарской идеологии».

ЦК предложил разработать план всеобщего обязательного семилетнего обучения и составить пятилетний план нового школьного строительства.

С целью улучшить работу школы ЦК обязал усилить и улучшить общее и методическое руководство работой школ, улучшить качество периодических изданий по вопросам педагогики, «поставить работу органов детского самоуправления в школе таким образом, чтобы она была главным образом направлена на повышение качества учёбы и укрепление сознательной дисциплины в школе».

Особое внимание было обращено в постановлении ЦК от 5 сентября 1931 г. на учителя. ЦК предложил разработать план подготовки учительских кадров, обязал соответствующие органы разработать мероприятия по повышению оплаты учителей с тем, чтобы была введена диференцированная оплата их в зависимости от района, квалификации и качества работы.

Большое внимание было обращено в постановлении на улучшение материальной базы школ и учебное оборудование.

ЦК призвал к борьбе со всяческими оппортунистическими, антиленинскими извращениями политики партии в области школьной работы. «Успех борьбы с главной опасностью на пути построения политехнической школы, с правооппортунистическими искажениями политики партии, ведущими к отказу от политехнизации школы, к попыткам сохранения старой, словесной школы, к разрыву между теоретическим обучением и практикой, предполагает усиление борьбы с левооппортунистическими извращениями, с теорией «отмирания школы» и снижения роли учителя». ЦК признал поэтому необходимым решительно усилить внимание к массовой школе, к работе учителя, к укреплению повседневного конкретного руководства школой.

Постановление ЦК ВКП(б) о школе вызвало горячий отклик в педагогической печати, среди руководителей народным образованием и среди педагогов.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) Наркомпросом были даны указания о максимальном повышении качества работы школы, о перестройке программ и методов обучения, об улучшении оборудования школы, создании новых учебников, о подготовке учителей и т. д.

Во всех школах было организовано обсуждение постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. и выработан план мероприятий по реализации этого постановления. Кроме собраний учителей, посвящённых этому вопросу, в школах были организованы также собрания учащихся. Была организована проверка знаний учащихся. Целый ряд партийных комитетов, профсоюзных

органов, общих собраний рабочих и колхозников, жактов и т. д. включился в дело реализации постановления ЦК ВКП(б) [1].

Особым постановлением от 21 апреля 1932 г. «О работе пионерской организации» ЦК ВКП(б) обратил внимание на необходимость сосредоточить пионерскую работу на борьбе за качество учения в школе, за овладение основами наук, за укрепление сознательной дисциплины.

В организованных Наркомпросом РСФСР комиссиях, привлёкших к участию в своей деятельности научно-исследовательские институты, развернулась разработка школьных программ. С 1 января 1932 г. школы уже перешли на новые предметные программы.

Опыт второго полугодия работы школы по новым программам был обсуждён на конференциях учителей на местах, в районных и областных отделах народного образования, в профсоюзных органах Рабпроса, в коллегии Наркомпроса.

ЦК ВКП(б) на основе изучения всего этого материала вынес 25 августа 1932 г. постановление «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». Это постановление отметило, что в области начальной и средней школы по РСФСР за последний год произошли значительные сдвиги в связи с введением всеобщего обязательного обучения, переходом к систематическому усвоению наук на основе определённых учебных планов, программ и расписаний. Однако ещё не устранён до конца коренной недостаток школы — недостаточность общеобразовательных знаний.

ЦК ВКП(б) указал ряд недостатков в новых программах, обратив внимание на необходимость исправления этих дефектов. Констатируя, что в организации учебных занятий в школе после постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. установился больший порядок, ЦК указал на наличие ещё имеющихся извращений в методике школьной работы («лабораторно-бригадный метод») и признал, что «Основной формой организации учебной работы в начальной и средней школе должен являться урок с данной группой учащихся со строго определённым расписанием занятий и твёрдым составом учащихся». ЦК ВКП(б) дал ряд конкретных указаний по методике школьной работы, по усилению руководящей роли в школе преподавательского персонала, по постановке систематического учёта знаний.

В том же постановлении от 25 августа 1932 г. ЦК ВКП(б) обратил большое внимание на постановку воспитательной работы школы и на борьбу за сознательную дисциплину.

ЦК предложил разработать план производства учебных пособий и учебного оборудования и снабжения ими школ.

В дополнение к уже сделанным указаниям в постановлении от 5 сентября 1931 г. относительно улучшения положения учи-

[1] См. «Бюллетень Наркомпроса РСФСР» 1931, № 43, 47, 50, 51.

теля и повышения его квалификации ЦК отметил всё возрастающую роль учителя, дал ряд указаний о повышении зарплаты учителя, о снабжении его продуктами и промтоварами, об улучшении квартирных условий и т. д., а также о повышении педагогической подготовки учителя.

Этим же постановлением устанавливался десятилетний срок обучения в средней школе.

Следует указать, что в это время отрицательную роль играли так называемые педологи.

Драпируясь в тогу науки, маскируясь вниманием к ребёнку, педологи, будучи в действительности агентурой буржуазных влияний на педагогическом фронте, сумели, однако, усыпить бдительность руководителей Наркомпроса и добиться от Коллегии Наркомпроса поддержки своей деятельности. 4 июня 1930 г. происходило первое заседание созданной Коллегией Наркомпроса комиссии для рассмотрения вопросов, связанных с обслуживанием детства [1].

Добившись официального признания Наркомпросом, педологи под лозунгом «обслуживание детства» уже со второго заседания комиссии (30 июня 1930 г.) наименовали себя «педологической комиссией» и перешли в наступление, заявляя на этом заседании: «Основная ошибка Наркомпроса в том, что он никогда не ставил вопроса педологии в целом». Наркомпросу участники комиссии послали на этом заседании упрёк в том, что он пренебрегает педологией; Наркомпрос, по мнению участников комиссии, плёлся в хвосте за Наркомздравом, который как раз обратил должное внимание на педологию [2].

В дальнейших заседаниях педологическая комиссия выработала широкую программу деятельности, объявив, что в сферу педологической работы входят: отбор детей в вспомогательные школы, обследование всей массы учащихся со стороны их умственного и физического развития и одарённости, рационализация комплектования групп и «учебного процесса в целом», изучение мировоззрения учащихся, изучение домашней «среды», исследование успеваемости, изучение детского коммунистического движения, изучение физического воспитания, изучение методов обучения и т. д.

Этот перечень вопросов, которые педологи объявляли сферой своей компетенции, показывает, что они стремились захватить в свои руки почти весь педагогический процесс и оттереть от него действительно центральную фигуру этого процесса — учителя. Блонский в работе «Педология в массовой школе» писал об учителе, что последнему не нужно изучать ребёнка, так как он не владеет методами исследования (они, по мнению Блонского, составляют прерогативу педологов); учителю остаётся лишь

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд учебно-методического сектора школьного управления, опись 81, дело № 10.

[2] Архив Мин. Просв. РСФСР, опись 81, дело № 10, л. 20.

пользоваться в своей работе готовыми результатами «научных» исследований педологов. Нахватывая клочки плохо понятых, нередко фальсифицированных положений из разных наук (анатомии, физиологии, психологии, психопатологии и др.) и сдабривая их механистическими ненаучными методами, заимствованными у различных буржуазных психологов (Штерна, Бинэ, Пиаже, Торндайка и других), педологи (Басов, Блонский, Выгодский, Моложавый, Залкинд и др.) импонировали некоторым деятелям в области просвещения своей чисто внешней «учёностью». И в результате, под предлогом любви и внимания к детям Наркомпросом был издан приказ, поддерживавший их антинаучную деятельность (5 мая 1931 г.), о создании краевых педологических лабораторий и разработке трёхлетнего плана внедрения педологии в школу.

Такое отстранение педагога от изучения ребёнка путём повседневного правильного наблюдения и замена этого наблюдения «педологическими методами», выдаваемыми за научные, наносило школе большой вред.

ЦК ВКП(б) в постановлении 25 августа 1932 г. указал, что «преподаватель должен в процессе учебной работы внимательно изучать каждого ученика». Этими словами ЦК ВКП(б) уже в 1932 г. сигнализировал о ненормальности такого положения в школе, когда изучение учащихся, глубоко неправильно при этом поставленное, присвоили себе педологи, отстранив от этого дела педагога, и таким образом был разорван единый процесс изучения ученика и его воспитания — обучения. Это указание ЦК ВКП(б) не было, однако, как увидим далее, понято и учтено органами народного образования и педагогами.

Педология продолжала внедряться в школу, всё более и более оттесняя учителя от изучения ученика, препятствуя нормальному развитию советского просвещения. В связи с этим ЦК ВКП(б) вынес 4 июля 1936 г. постановление о педологических извращениях в системе Наркомпроса и восстановил педагогику как науку [1].

В заботах о том, чтобы учащиеся начальной и средней школы овладели систематическими общеобразовательными знаниями, чтобы эти знания приобретались детьми не схоластически, чтобы дети приучались к работе с книгой, ЦК ВКП(б) издаёт 12 февраля 1933 г. постановление «Об учебниках для начальной и средней школы». В следующем 1934 г. (23 апреля) в постановлении «О перегрузке школьников и пионеров общественно-политическими заданиями» ЦК ВКП(б) указывает на недопустимость натаскивания детей в общественно-политических вопросах, недопустимость изучения детьми начальной школы постановлений партийных съездов, как материала для детей слишком отвлечённого и недоступного их возрасту. В постановлении ЦК ВКП(б)

[1] Подробнее см. ниже.

и Совнаркома от 15 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории и географии также выдвигается требование вести преподавание в живой, занимательной форме, образным языком, требование хорошего знания фактического материала, недопустимости схематизирования и социологизирования, которыми в школах подменялись знание фактического материала и доступный детям его анализ. Даются указания о правильном построении учебного курса по истории и географии.

В замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников по всеобщей и русской истории дано было направление, по которому на научной основе должны были быть построены новые учебники. Эти замечания сыграли огромную роль не только в преподавании истории, но они стали руководящими при разрешении ряда научных исторических проблем. Созданы были новые учебники истории.

Происходивший с 26 января до 10 февраля 1934 г. XVII съезд ВКП(б) подвёл итоги социалистического строительства предыдущих лет.

Как указал товарищ Сталин в своём отчёте XVII съезду ВКП(б), наша промышленность выросла по сравнению с довоенным временем почти вчетверо на 291,9%; «трудовое крестьянство, наше советское крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма». Капиталистические элементы были вытеснены из всех сфер народного хозяйства, труд рабочих и крестьян был освобождён от эксплоатации; высоко поднялись материальное положение, культура и быт трудящихся СССР.

Перечисляя великие достижения на культурном фронте, товарищ Сталин в отчёте XVII съезду ВКП(б) указывал, что за период 1930—1933 гг. (между двумя съездами партии) мы имеем:

а) введение по всему СССР всеобщего обязательного начального обучения и повышение процента грамотности с 67% в конце 1930 г. до 90% в конце 1933 г.

б) рост числа учащихся в школах всех ступеней с 14 358 000 в 1929 г. до 26 419 000 человек в 1933 г.; особенно выросло число учащихся средних школ — с 2 453 000 до 6 674 000 и число студентов высших учебных заведений (с 207 000 до 491 000), причём удельный вес рабочих среди них вырос до 51,4%, а трудящихся крестьян до 16,5%;

в) громадный рост числа детей, охваченных учреждениями дошкольного воспитания: с 838 000 в 1929 г. до 5 917 000 в 1933 г.;

г) рост высших учебных заведений по сравнению с довоенным временем более чем в 6 раз: с 91 в 1914 г. до 600 единиц в 1933 г.;

д) рост числа научно-исследовательских институтов с 400 в 1929 г. до 840 единиц в 1933 г.;

е) число учреждений клубного типа выросло с 32 тыс. в 1929 г. до 54 тыс. в 1933 г.;

ж) количество кинотеатров, киноустановок и кинопередвижек выросло за тот же период с 9 800 до 29 200 единиц;

з) разовый тираж газет за то же время поднялся с 12 500 000 до 36 500 000.

С этими великими достижениями страна советов подошла к завершению строительства социалистического общества. Февральский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г. постановил внести от имени ЦК на Всесоюзный съезд советов предложение об изменении Конституции СССР. Конституционная комиссия под председательством товарища Сталина выработала самый демократический в мире проект Конституции, по справедливости получившей у широких масс трудящихся нашего Союза название Сталинской Конституции. Проект этот после всенародного его обсуждения был единогласно принят VIII Чрезвычайным Съездом Советов СССР (ноябрь-декабрь 1936 г.). Полнотой и равенством политических прав всех граждан Советской Республики, подлинным, невозможным ни в одной капиталистической стране демократизмом, великим уважением к трудящемуся человеку, глубокой заботой о материальном благосостоянии и высокой культуре всех народов СССР дышит каждая статья Великой Сталинской Конституции — этого замечательного документа страны победившего социализма.

Статья 121 Конституции провозгласила право граждан СССР на образование: «Граждане СССР имеют право на образование. Это право обеспечивается всеобще-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинно-тракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся». (Позже текст этой статьи был несколько изменён.)

Забота о людях, высокая оценка трудящегося человека, социалистический гуманизм ярко были формулированы товарищем Сталиным в речи на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 г.

«...мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях «кадры решают всё».

Лучшие рабочие и колхозники нашей страны отвечали на эту заботу о человеке мощным стахановским движением, показавшим, какие величайшие достижения в области производительности труда способен давать преданный рабочему классу, воспитанный партией Ленина — Сталина, охваченный энтузиазмом социалистического строительства гражданин Советской республики.

Коммунистическая партия под руководством товарища Сталина провела успешную борьбу против подлых банд наёмников фашизма, против троцкистско-зиновьевско-бухаринских

Встреча директора школы И. К. Новикова с бывшими воспитанниками 110-й школы г. Москвы — фронтовиками. 1942 г.

террористов, шпионов, диверсантов и вредителей. Руководители и главные участники этих банд были осуждены советским судом и понесли заслуженную кару, как враги народа. Однако осталось немало их соучастников, к борьбе с которыми призывал товарищ Сталин партию и всех честных трудящихся, указав на настоятельную необходимость ликвидации ротозейства, благодушия, «идиотской болезни» — беспечности и политической близорукости. Требование овладения большевизмом и большевистской бдительности сделалось решающим для борьбы с врагами народа и проявлениями классово-враждебной идеологии.

XVII партийная конференция, подытожившая успешное досрочное выполнение первой пятилетки и провозгласившая переход к бесклассовому обществу, поставила для второй пятилетки основную политическую задачу: «...окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» [1]. Эта директива и неоднократные постановления ЦК о школе ставили перед советской школой важнейшую задачу *усиления воспитательной работы*. Не ослабляя, а

[1] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, 1940, стр. 489.

наоборот, усиливая борьбу за овладение общеобразовательными знаниями, поскольку коммунистическое мировоззрение теснейшим образом связано с коммунистическим поведением, школа в период завершения строительства социалистического общества с особой силой выдвинула задачу воспитательной работы. Эта задача приобрела тем более важное значение, что завершение строительства социалистического общества происходило в условиях бешеного сопротивления остатков разгромленных классовых врагов. Как указывал товарищ Сталин на XVII съезде ВКП(б) «...успехи и победы были получены не в порядке самотёка, а в порядке ожесточённой борьбы за проведение линии партии» [1].

Призыв товарища Сталина в 1937 г. на февральском пленуме ЦК ВКП(б) имел большое актуальное значение для школы, как и для других отраслей жизни и работы СССР. Острая бдительность, беспощадная борьба с двурушничеством, проверка людей на деле, борьба с расхлябанностью и «идиотской болезнью» — беспечностью ставили перед школой задачу усиления воспитательного воздействия на детей и подростков с целью борьбы с попытками классовых врагов «привить детям советской школы элементы антипролетарской идеологии». Особенно актуальной становилась задача школы идеологически вооружить подрастающее поколение.

Сталинский гуманизм, глубочайшее внимание к человеку, борьба с некоторыми чуждыми влияниями требовали глубокого изучения педагогами каждого из учеников. Педагог должен изучить социально-бытовые условия учащихся, их интересы, уровень знаний каждого ученика, его сильные и слабые стороны. Между тем то «изучение» учащихся, которое велось в течение ряда лет педологами, ни в какой мере не отвечало этим требованиям, совершалось антинаучными методами, заимствованными из гнилых буржуазных источников; педология подходила к характеристике различных групп учащихся с классово-враждебными пролетариату установками, заранее считавшими, что дети рабочих и крестьян являются детьми отсталыми, «менее одарёнными». Антинаучные эксперименты педологов, как сказано в постановлении ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г., имели своей целью доказать якобы с «научной» точки зрения наследственную социальную обусловленность неуспеваемости ученика или отдельных дефектов его поведения, найти максимум отрицательных влияний и патологических извращений самого школьника, его семьи, родных, предков, общественной среды и тем самым найти повод для удаления школьников из нормального школьного коллектива. Педологи оттеснили педагогов от изучения учащихся и воспитательной работы. Вмешиваясь своими безграмотными «диагнозами» и заключениями в комплектование школ и клас-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., 1936, стр. 589.

сов, в построение программ, во всю организацию и методы образовательно-воспитательной работы, оценку успеваемости и определение причин неуспеваемости, в контроль за политическими воззрениями и т. д., педологи установили своеобразный, вредно отражавшийся на педагогической работе, контроль над педагогами, снижали роль учителя.

Вместо энергичной борьбы с неуспеваемостью и недисциплинированностью отдельных учащихся, вместо того, чтобы повысить уверенность ребёнка в своих силах, помочь ему преодолеть некоторые недостатки в учении и поведении, педологи ограничивались наклейкой ярлыков о низкой одарённости, отсталости, дефективности, как правило, не соответствующих действительности, и направляли этих будто бы «отсталых» и «трудных» детей массами в «специальные» школы. Учебно-воспитательная работа в этих школах была поставлена крайне неудовлетворительно, что многократно отмечалось родительской общественностью.

Клеветой на советских детей, устранением педагогов от детей, понижением бодрости детей и их уверенности в своих силах, проведением антимарксистских положений в педологическом «законе» фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами педологи проводили контрреволюционную работу, играли на руку врагам народа. Педологи выдвигали эти «теории» обречённости значительной части детей, объясняли фаталистической обусловленностью недочёты их работы, влиянием наследственности и некоей неизменной среды. Они демобилизовали учителей и детей. Педагоги на основании антинаучных заключений педологов снимали с себя ответственность за результаты образовательно-воспитательной работы с значительной частью детей; заклеймённые педологами дети переставали стремиться к лучшим результатам. Это своеобразное самоуспокоение особенно стало нетерпимо в такой период, когда все трудящиеся страны Советов были охвачены энтузиазмом социалистического строительства и давали в своей работе показатели, которым удивлялся весь мир.

Педология была глубоко порочной лженаукой.

Её методологические основы и «методы» исследования детей, которыми пользовались педологи (порочно организованные обследования, анкеты, механистические тесты) были заимствованы, как известно, педологами из арсенала реакционных (главным образом американских) буржуазных учёных.

ЦК ВКП(б) в своём постановлении от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», вскрыв реакционный характер лженауки педологии, справедливо осудил «теорию» и практику педологии, указал на неправильность деятельности наркомпросов, поощрявших в течение ряда лет развитие педологии, и постановил: «восстановить полностью в правах

педагогику и педагогов», прекратить деятельность педологов, пересмотреть школы для трудновоспитуемых детей, переводя основную массу детей в нормальные школы; признал неправильным постановления наркомпроса и постановление СНК РСФСР от 7 марта 1931 г. об организации педологической работы; прекратил подготовку педологов и обязал раскритиковать работы педологов.

В свете этого постановления был произведён пересмотр учебников по педагогике и других теоретических работ и всей практики школы, причём оказалось, что педология въелась во многие участки образовательно-воспитательной работы школы, следы её оказались очень живучими, почему теоретическая мысль и практика школы должны были проявлять величайшую бдительность для выкорчёвывания этих остатков.

Для того чтобы выполнить отмеченные выше задачи (овладение знаниями, усиление работы по коммунистическому воспитанию, борьбы с классово-враждебными происками в школе, всестороннее изучение педагогами учащихся), советская школа нуждалась в *усилении* идеологической, общеобразовательной и педагогической подготовки учителей.

* *
*

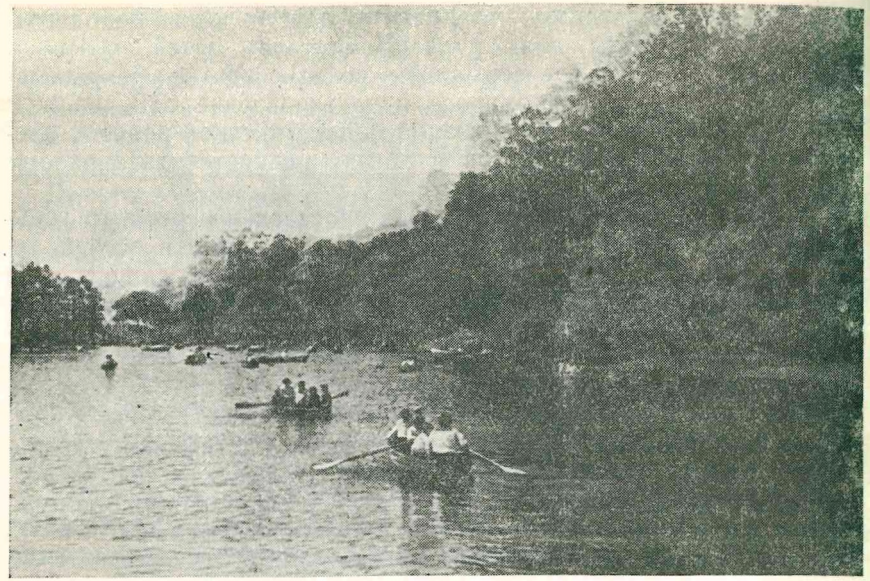
«Борьба за качество работы школы» в связи с общим подъёмом культуры в СССР — вот в основном как следует сформулировать ту ведущую задачу, которая стояла в то время перед школой, учительством, органами народного образования. И работа школы была значительно улучшена.

В отношении количественного развития советской школы, поскольку задача всеобщего обязательного начального (в объёме 4 лет) обучения была уже осуществлена, равно как (в основном) завершена и задача семилетнего обязательного обучения в городах, задачей советской школы в 1935—1941 гг. *было проведение всеобщего обязательного семилетнего обучения в сельских местностях.*

Сталинский лозунг — «Кадры решают всё» — выдвигал также перед советской школой задачу расширения сети и контингентов учащихся в VIII—X классах.

Школьная система была определена и в последующие годы оставалась в основном без изменения.

Особое внимание было обращено и на преподавание русского и родного языка в нерусских школах. Агентура врага, великорусские шовинисты и местные националисты сознательно препятствовали осуществлению ленинско-сталинской политики в области культуры. Роль и значение преподавания русского языка, языка Ленина, Сталина и прогрессивной русской культуры, всячески



Праздник окончания учебного года. Катание на лодках. ЦПКО им. Кирова. Ленинград

извращались. Вместо родного языка в некоторых республиках враги иногда пытались ввести в школьную практику преподавание какого-либо близкого зарубежного языка, тем самым стремясь оторвать народ от единого отечества, великого СССР. Эти враждебные происки скоро были разоблачены.

Родители учащихся и общественные организации требовали введения полноценного преподавания русского языка, углублённого изучения родного языка.

Совнаркомы национальных республик принимали в связи с этим особые решения.

Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) 13 марта 1938 г. вынесли особое постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В этом постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б), отметив неудовлетворительную постановку преподавания русского языка в нерусской школе, дали развёрнутую программу и указали практические пути в деле решительного улучшения постановки преподавания русского языка. Этим постановлением, вместо ранее существовавших в нерусских школах различных учебных планов, был установлен единый учебный план изучения русского языка, что должно было значительно улучшить качество обучения.

1938/39 учебный год в нерусских школах прошёл под знаком борьбы за лучшую постановку изучения русского языка и повышения успеваемости учащихся. Были подготовлены новые, полноценные учебники. Политическое и педагогическое значение этого мероприятия было весьма значительно.

Определяющую и направляющую роль в деле культурного строительства, в деле дальнейшего развития советской школы сыграл XVIII съезд ВКП(б) (10—21 марта 1939 г.).

На XVIII съезде товарищ Сталин в своём отчётном докладе о работе ЦК ВКП(б) отметил, что для Советского Союза «...эти годы были годами его роста и процветания, годами дальнейшего его экономического и культурного подъёма, годами дальнейшего роста его политической и военной мощи, годами его борьбы за сохранение мира во всем мире» [1].

«С точки зрения культурного развития народа, — подчеркнул далее товарищ Сталин, — отчётный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь всеобще-обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции, — такова общая картина культурного подъёма народа» [2].

В докладе товарища Сталина приведены следующие данные о росте культуры и просвещения в СССР:

1) Повышение культурного уровня народа

Показатели	Единица измерения	1933/34 г.	1938/39 г.	1938/39 г. в % к 1933/34 г.
Число учащихся в школах всех ступеней	тыс. чел.	23 814	33 965,4	142,6
В том числе: по начальному образованию	« «	17 873,5	21 288,4	119,1
по среднему образованию (общему и специальному)	« «	5 482,2	12 076,0	220,3
по высшему образованию	« «	458,3	601,0	131,1
Число обучающихся в СССР (включая все виды обучения)	« «	—	47 442,1	—
Число массовых библиотек	тысяч	40,3	70,0	173,7
Число книг в них	млн.	86,0	126,6	147,2
Число клубных учреждений	тысяч	61,1	95,6	156,5
Число театров	единиц	587	790	134,6
Число киноустановок (без узкоплёночных)	« «	27 467	30 461	110,9
В том числе звуковых	« «	498	15 202	в 31 раз
Число киноустановок (без узкоплёночных) на селе	« «	17 470	18 991	108,7
В том числе звуковых	« «	24	6 670	в 278 раз
Годовой тираж газет	млн.	4 984,6	7 092,4	142,3

[1] XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчёт, М. 1939, стр. 9.
[2] Там же, стр. 24.

2) Построено школ за 1933—1938 гг. по СССР.

Годы	Число школ		
	В городах и поселениях городского типа	В сельских местностях	Всего
1933	326	3 261	3 587
1934	577	3 488	4 065
1935	533	2 829	3 362
1936	1 505	4 206	5 711
1937	730	1 323	2 053
1938	583	1 246	1 829
Всего за 1933—38 гг.	4 254	16 353	20 607

3) Выпущено молодых специалистов из высших учебных заведений за 1933—1938 гг. (в тыс.)

	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Всего по СССР (не считая военных специалистов)	34,6	49,2	83,7	97,6	104,8	106,7
1. Инженеры промышленности и строительства	6,1	14,9	29,6	29,2	27,6	25,2
2. Инженеры транспорта и связи	1,8	4,0	7,6	6,6	7,0	6,1
3. Инженеры по механизации сельского хозяйства, агрономы, ветеринарные врачи и зоотехники	4,8	6,3	8,8	10,4	11,3	10,6
4. Экономисты и юристы	2,5	2,5	5,0	6,4	5,0	5,7
5. Преподаватели средней школы, рабфаков, техникумов и другие работники просвещения, в том числе работники искусства	10,5	7,9	12,5	21,6	31,7	35,7
6. Врачи, провизоры и работники физической культуры	4,6	2,5	7,5	9,2	12,3	13,6
7. Другие специальности	4,3	11,1	12,7	14,2	9,9	9,8

Подытоживая результаты гигантского культурного роста страны, товарищ Сталин сказал: «В результате всей этой громадной культурной работы народилась и сложилась у нас многочисленная новая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа, — интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой.

Я думаю, что нарождение этой новой, народной, социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране» [1].

Третий пятилетний план наметил гигантскую программу культурного строительства.

В своём докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Молотов отметил, что поставлена задача осуществить всеобщее среднее обучение в городе и завершить всеобщее семилетнее обучение в деревне и во всех национальных республиках. «Количество учащихся в начальной и средней школе в городах и рабочих посёлках, — говорил товарищ Молотов, — должно увеличиться с 8,6 до 12,4 миллиона, а в сельских местностях с 20,8 до 27,7 миллиона. Таким образом, к концу третьей пятилетки в наших начальных и средних школах будет обучаться свыше 40 миллионов учащихся против 8 миллионов учащихся в дореволюционной России. Что же касается 8—10 классов средней школы, то в них уже теперь обучается в 12 раз больше, чем в старое время, а в 1942 году будет обучаться в 34 раза больше, чем до революции *(Аплодисменты)*. Теперь уже почти нет рабочей семьи, где не было бы детей со средним образованием. И всё больше становится таких семей рабочих, служащих, а также и крестьян, у которых дети получают высшее образование.

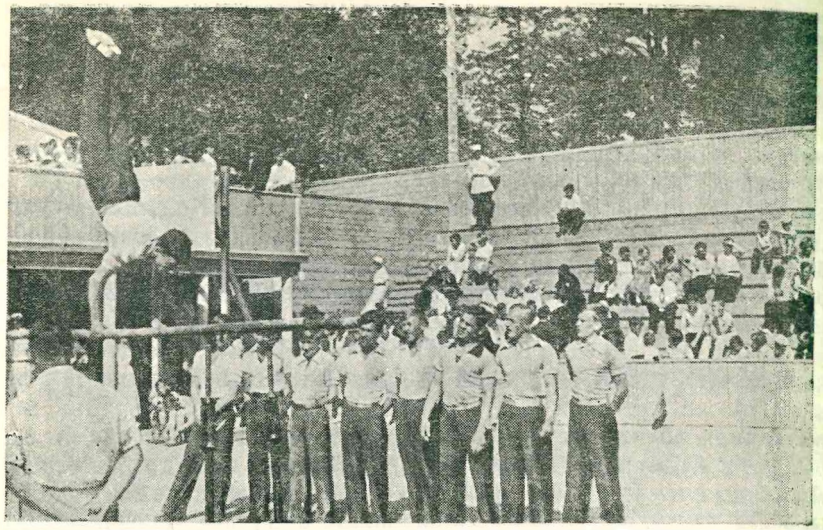
Интересно, как растёт число учащихся в начальной и средней школе по республикам. По РСФСР, Украинской и Грузинской ССР — на 25—35 процентов, по Белорусской, Киргизской и Казахской ССР — на 40—50 процентов, по Азербайджанской, Узбекской и Армянской ССР — на 55—70 процентов, по Туркменской и Таджикской ССР — на 90 процентов. И здесь мы видим, что в тех республиках, где в прошлом школа была почти недоступна для трудящихся, положение круто изменилось. При большом подъёме народного образования во всех республиках без исключения особенную помощь в подъёме школ получают наиболее отставшие национальные районы.

При громадном количестве юношей и девушек, кончающих среднюю школу и идущих в большинстве случаев на ту или иную практическую работу, встаёт вопрос о том, чтобы перед окончанием средней школы они уже получали хотя бы некоторую подготовку к будущей практической работе. Это очень важный вопрос, которым должны заняться Наркомпросы, да и не только Наркомпросы.

Контингент учащихся в вузах и втузах в третьей пятилетке дойдёт до 650 тысяч. При этом главное внимание должно быть обращено на повышение качества высшего образования и, в связи с этим, на обеспечение студенчества образцовыми учебниками.

Подготовка квалифицированных кадров рабочих по основным профессиям — в школах ФЗУ, на курсах трактористов, шофёров

[1] XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчёт, М. 1939, стр. 25.



Праздник окончания учебного года. «Упражнения на параллельных брусьях». Ц.П.К.О. им. С. М. Кирова. Ленинград, 1937 г.

и т. п., также продолжает расти. Эта подготовка должна дать за третью пятилетку свыше 8 миллионов квалифицированных рабочих разных специальностей.

Количество специалистов со средним образованием к концу пятилетки увеличивается на 90 процентов. Количество специалистов с законченным высшим образованием увеличивается с 750 тысяч до 1 290 тысяч, т. е. растёт на 72 процента» [1].

«В свете этих фактов, — разъяснял далее товарищ Молотов, — мы должны рассматривать план третьей пятилетки в области культурного строительства. Этот план имеет одну основную задачу — осуществить крупный шаг вперёд в историческом деле *поднятия культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда*» [2].

По докладу товарища Молотова XVIII съезд ВКП(б) принял резолюцию, в которой ставилась задача «...поднятия *культурно-технического уровня рабочего класса СССР* до уровня работников инженерно-технического труда». XVIII съезд ВКП(б) установил: «Осуществление всеобщего *среднего обучения* в городе и завершение в деревне и во всех национальных республиках всеобщего семилетнего среднего обучения с расширением охвата детей десятилетним обучением с тем, чтобы увеличить количество учащихся в начальных и средних школах в городах и рабочих

[1] XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчёт, стр. 308—309.
[2] Там же, стр. 311.

посёлках с 8,6 до 12,4 миллиона, а в сельских местностях с 20,8 до 27,7 миллиона» [1].

Таким образом к концу третьей пятилетки в начальных и средних школах должно было обучаться свыше 40 миллионов учащихся против 8 миллионов в дореволюционной России. В восьмых же и десятых классах средней школы в 1942 г. должно было обучаться в 34 раза больше, чем до революции.

XVIII съезд партии поставил перед школой задачи исключительной важности и актуальности. При осуществлении перехода от социализма к коммунизму решающее значение, наряду с экономическим и культурным подъёмом, приобретало дело коммунистического воспитания, преодоление пережитков капитализма в сознании людей — строителей коммунизма.

На XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин дал глубокую теоретическую разработку проблемы социалистического государства. Сталинское учение о социалистическом государстве создало крепкую теоретическую базу для разрешения важнейшей проблемы воспитания подрастающего поколения в духе советского патриотизма, в духе беззаветной преданности и любви к первому в мире социалистическому государству.

На XVIII съезде товарищ Сталин подчеркнул также со всей силой необходимость глубокого овладения марксизмом-ленинизмом советскими людьми. Он говорил: «...есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, — это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма» [2].

Товарищ Сталин учил, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее её результаты.

Эти положения, выдвинутые товарищем Сталиным, во всю ширь ставили перед учительством вопрос о всестороннем, творческом овладении марксизмом-ленинизмом.

В своём докладе на XVIII съезде партии тов. Молотов говорил, что «...нужны серьёзные меры в области укрепления дисциплины и в области воспитания. Без таких мер, без усиленной работы по воспитанию трудящихся в духе укрепления социалистической собственности и государства, нельзя отсталых людей превратить в сознательных и активных строителей коммунизма» [3].

Перед школой и учительством тем самым ставилась задача всесторонней углублённой работы в области воспитания.

[1] XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчёт, стр. 665.
[2] Там же, стр. 31.
[3] Там же, стр. 287.

Таким образом как в области учебно-воспитательной, так и организационной, органам народного образования предстояло развернуть огромную деятельность.

Для разрешения грандиозных задач, поставленных XVIII съездом партии, Народный комиссариат просвещения РСФСР, руководимый с 10 апреля 1940 г. новым наркомом В. П. Потёмкиным, наметил следующую программу действий: во-первых, осуществление плановости во всей работе по просвещению; во-вторых, соответствующее построение всего аппарата; в-третьих, надлежащая организация кадров; в-четвёртых, изучение «собственного хозяйства»; в-пятых, неуклонная и систематическая проверка исполнения решений партии и правительства, решений и указаний руководства наркомата; в-шестых, тесное сотрудничество с советской общественностью.

Основным положением, направляющим всю работу наркомата, была реализация всеобщего обучения. Необходимо было создать рационально развёрнутую, достаточную по размерам школьную сеть; подготовить надлежащее количество квалифицированных учителей; снабдить школы необходимым оборудованием, программами, учебниками, пособиями; поднять на надлежащую высоту в сознании населения мысль об особой важности всеобуча; упорядочить жизнь школы, установить чёткие взаимоотношения школьной администрации, учащихся, учащих, родителей, воспитать сознательную дисциплину учащихся, внушить им любовь и уважение к школе, укрепить их физическое здоровье, подготовить их к защите Родины; привлечь к разрешению всех этих задач советскую общественность: комсомол, профессиональные союзы, родительскую среду, — таковы те задачи, которые следовало реализовать Наркомпросу.

Нарком подчёркивал, что по своему существу Наркомпрос должен быть комиссариатом школы; он высказывался за выделение из системы Наркомпроса управления университетов с передачей его в ведение Комитета по делам высшей школы и за передачу политпросветработы специальному комитету на правах наркомата. Было намечено создание в Наркомпросе единого управления школ, при котором должны быть созданы мощный аппарат школьной инспекции на основе территориального принципа, а также единое управление кадров. Особенное внимание Наркомпрос уделил вопросу о должной организации кадров — их подбору, воспитанию, соответствующей расстановке и дальнейшему выращиванию на производственной работе. Серьёзное значение было придано вопросам всеобщей переписи школ, их паспортизации, оборудованию учебных школьных кабинетов. И, наконец, в деле успешного разрешения поставленных перед Комиссариатом задач Нарком полагал совершенно необходимым создание действительной системы контроля и проверки исполнения, а также привлечения к работе Наркомпроса советской общественности, особенно ленинского комсомола.

Одним из важнейших мероприятий, которое Наркомпрос в плане своей общей работы стал проводить в жизнь, было изучение и упорядочение школьной сети. Недостатком этой школьной сети, как известно, было то, что развивалась она без точного государственного плана, без надлежащего учёта потребностей местного населения, без учёта наличия необходимого контингента молодёжи школьного возраста, вне соответствия местным экономическим, бытовым, транспортным предпосылкам. Оказалось, что в некоторых районах имеются, например, школы карликового типа, т. е. школы с одним-двумя учениками, которые, однако, требуют учителя, затраты материальных, финансовых и прочих средств. Такова, например, Ципноволокская начальная школа Полярного района Мурманской области: в ней учащихся было всего один в I классе начальной школы, другой в III классе; в Глушицкой школе Сапожковского района Рязанской области имелось 7 учащихся: в I классе 3 человека, в III классе 4 человека (аналогичные случаи были даже в Московской области).

Когда Наркомпрос принялся за проверку школьной сети, дал соответствующие инструктивные указания местам, вызвал в Москву поочерёдно почти всех представителей местных отделов народного образования, чтобы проинформировать их, проверить их планы и материалы, — оказалось необходимым закрыть около полутора тысяч школ. Полторы тысячи школ в результате проверки и были закрыты: 14,5 тыс. классов-комплектов были ликвидированы; высвобождено было для более целесообразного использования свыше 22 тыс. учителей. Они направлены были туда, где в них ощущалась настоятельная необходимость.

В результате произведённой работы Наркомпрос получил более или менее полную картину состояния школьной сети.

На местах были составлены карты по районам; на эти карты были занесены все школьные точки с указанием перспектив развития школьной сети. Этот материал должен был быть утверждён на местах исполнительными комитетами областей и краёв или Совнаркомами автономных республик.

Народный комиссариат просвещения и его органы на местах получили материалы, значение которых трудно было преувеличивать: только по фонду заработной платы проведённая рационализация школьной сети дала государству около 97 млн. рублей экономии. Народный Комиссариат просвещения сделал доклад в Совнаркоме РСФСР 9 октября 1940 г.

В постановлении Совета Народных Комиссаров РСФСР было записано, что работа, проведённая отделами народного образования и исполкомами Советов депутатов трудящихся по упорядочению сети школ РСФСР, имеет большое значение в деле успешного выполнения плана всеобщего обучения. Указывалось, что в результате проведённой работы достигнуто более правильное размещение сети школ, по большинству районов установлены титульные списки существующих школ всех типов, уменьшена

потребность в учительских кадрах, получена значительная экономия государственных средств.

В том же постановлении Совет Народных Комиссаров отметил, что необходимо продолжать эту работу; следует проверять её на местах для того, чтобы выяснить, например, соответствуют ли данные, занесённые на упомянутые выше карты, действительному положению вещей.

Одновременно Совнарком указал на необходимость провести уже в 1940/41 учебном году инвентаризацию школьной сети.

Следует отметить, что эта проблема была самостоятельно поставлена некоторыми областями. Так, например, Сталинградская область проявила в этом направлении весьма полезную инициативу; в дело инвентаризации школ нужно было внести известное единообразие, стандартизировать это дело.

Народным комиссариатом просвещения был внесён в Совнарком РСФСР проект паспорта для школы. В паспорте должны быть указаны: профиль школы, данные о том, когда школа построена, какой район она обслуживает, в каком состоянии находятся школьные помещения, как школа оборудована, как укомплектована она учащимися в настоящее время, каков её педагогический и административный персонал и т. д.

На работу по паспортизации и инвентаризации школ были испрошены у правительства необходимые ассигнования. Во втором полугодии учебного 1940/41 г. эта задача должна была осуществляться на местах.

Но для осуществления всеобщего обучения недостаточно было только проверить и упорядочить школьную сеть; необходимо, чтобы эта школьная сеть была надлежащим образом оборудована. В июне 1940 г. Народный комиссариат просвещения разработал и внёс в Совет Народных Комиссаров РСФСР списки типового оборудования школ по всем дисциплинам. Было выяснено, что реальные возможности оборудования гигантской школьной сети вынуждают ограничиться самым необходимым его минимумом.

На первой очереди должны были стоять те школьные дисциплины, преподавание которых скорее всего может дать учащимся известные практические навыки (физика, химия, биология, география, иностранные языки). Особое место в деле оборудования школы должно занять снабжение физкультурным инвентарём и тем, что необходимо для надлежащей постановки начальной и допризывной военной подготовки. В постановлении от 13 января 1941 г., посвящённом вопросу об улучшении дела физического воспитания учащихся в нашей школе, Совет Народных Комиссаров РСФСР указал, что уже в 1940/41 учебном году во всех средних школах республики должен быть налицо известный физкультурный инвентарь. Для приобретения этого инвентаря ассигновывалось на каждую школу до 1 500 рублей. В итоге это составляло по местному бюджету 15 миллионов рублей.

Одновременно Народный комиссариат просвещения должен был организовать в течение 1940/41 учебного года физкультурные площадки при каждой школе. По предварительным расчётам устройство такой площадки требовало 1 000 — 1 200 рублей на каждую.

Для осуществления всеобуча необходимо поставить на надлежащую высоту дело снабжения школ, в первую очередь письменными и канцелярскими принадлежностями, учебными пособиями и т. д.

Снабжение школ письменными принадлежностями, тетрадями, дневниками, учебниками за первое полугодие 1940/41 г. улучшилось. Улучшению снабжения школ письменными и канцелярскими принадлежностями и пособиями содействовало особое внимание, которое было проявлено к этому делу ЦК ВКП(б). По его решению была образована специальная комиссия под председательством Народного комиссара просвещения с участием народных комиссаров и руководителей хозяйственных организаций союзного и республиканского масштаба. Комиссии было предложено принимать самостоятельно те решения, которые могут непосредственно улучшить дело снабжения школ.

25 октября 1940 г. по представлению Наркомпроса Совнарком РСФСР вынес постановление, которое обязывало исполкомы сельских, поселковых и городских советов депутатов трудящихся вести точный учёт детей, подлежащих всеобучу, и установить действительный контроль за регулярным посещением детьми школ.

Приведение в порядок школьной сети, забота о материальном оборудовании и снабжении школ — ещё не всё необходимое для осуществления задачи всеобуча во всем её объёме. В этом же плане со всей остротой встала проблема обеспечения школы необходимыми кадрами.

Управление подготовки учителей НКП РСФСР организовало в пределах республики 22 новых учительских института и три педагогических института. В порядке распределения молодых специалистов в 1940/41 учебном году направлено в качестве учителей из числа окончивших университеты, педагогические институты, учительские институты и педагогические училища более 44 тысяч молодых людей.

Наркомпрос РСФСР направил в союзные республики в 1940/41 г. 2 800 чел.

Надо отметить, что Наркомпрос принимал все меры для того, чтобы удовлетворить потребность в учителях и таких отдалённых краёв и областей, как Хабаровский, Приморский, Красноярский края и Новосибирская область.

При обсуждении плана работ Наркомпроса было признано необходимым реорганизовать структуру центрального аппарата, руководящего делом народного образования в республике.

Такая реорганизация была произведена и утверждена поста-

новлением Совнаркома РСФСР 19 мая 1940 г. Так как Народный комиссариат просвещения является преимущественно комиссариатом школы, естественным выводом из такого положения было то, что центральное место в системе аппарата заняло единое управление начальными и средними школами.

В подчинении этому управлению начальной и средней школы находился тот аппарат, который является щупальцами Наркомпроса, его руками и глазами — звеном, соединяющим Народный комиссариат с периферией. Этот аппарат — школьная инспекция, построенная на территориальной основе и насчитывавшая в своём составе до 30 чел. В смете Народного комиссариата просвещения были предусмотрены достаточные ассигнования для использования этого аппарата путём командировок на места. Благодаря этому школьная инспекция Народного комиссариата просвещения могла развить за 1940/41 г. весьма интенсивную работу.

В дополнение к школьным инспекторам, которые рассылались по определённому плану в ту или другую область или край, Народный комиссариат просвещения признал необходимым организовать бригады, которые выезжают для обстоятельного обследования на места. Таких бригад за 1940/41 учебный год было отправлено 11.

В тех же целях укрепления живой, непосредственной связи с местами в Народный комиссариат просвещения в 1940/41 учебном году для доклада коллегии и руководству были вызваны 29 заведующих областными и краевыми отделами народного образования и наркомов просвещения АССР.

Рядом с управлением начальных и средних школ виднейшее место в системе наркомата заняло управление кадров.

В аппарате наркомата был организован Учебно-методический совет, который, являясь научно-консультативным учреждением, за 1940/41 учебный год проявил весьма активную деятельность.

Особое внимание в системе Наркомпроса и в его деятельности уделялось проверке и контролю исполнения решений партии и правительства, постановлений Коллегии и распоряжений руководства.

На Коллегии был заслушан доклад главной инспекции о выполнении полугодового плана Наркомпроса. Коллегией было констатировано, что самое установление этого плана оказало организующее влияние не только на деятельность самого аппарата Наркомпроса, но и на работу периферии. Местные органы народного образования стали равняться по общему плану Наркомпроса и координировать с ним собственную свою деятельность. Таким образом начало плановости проникло из центра на периферию. Для улучшения качества обучения было приступлено к составлению новых более совершенных программ и учебников.

Таковы были важнейшие организационные мероприятия, которые Наркомпрос провёл в течение 1940/41 учебного года. Эти

мероприятия способствовали выполнению задач, стоявших перед школой.

В соответствии с решениями XVIII съезда ВКП(б) советская школа развивалась и крепла.

2. Школьная система.

Как известно, в различных советских союзных республиках, например, в РСФСР, УССР и др. существовали различные школьные системы. Этот вопрос был рассмотрен на втором партсовещании по народному образованию, которое признало, что «дальнейшее существование различных систем народного образования в союзных республиках не может быть в настоящее время оправдано» и что своеобразие национальной культуры и местных условий должно быть учтено в единой системе народного образования для всего СССР [1].

На первое место была выдвинута школа-семилетка.

К 1931/32 г. все дети рабочих должны были быть охвачены семилеткой, т. е. в городах и фабрично-заводских районах должно было быть проведено (и действительно в основном было проведено) семилетнее обязательное обучение. Затем эта мера должна распространиться на деревню. Этим семилетним всеобщим обучением не предполагалось, однако, ограничиться и в будущем. Исходя из программы партии, требующей общего и политехнического обучения для всех детей до 17-летнего возраста, второе партсовещание по народному образованию предусматривало: «Вслед за решением центральной задачи текущего момента — введения всеобщего обязательного семилетнего обучения как в городе, так и в деревне — открывается перспектива перехода к полному осуществлению программы партии и в этом вопросе, что позволит иметь 12-летнюю общеобразовательную политехническую школу» [2].

Вопрос о школе II ступени, стоявший в центре внимания уже ранее, продолжал оставаться острым вопросом, одним из важнейших.

В развернувшейся дискуссии так называемые «леваки» выступили в духе своей теории «отмирания школы». Автор этой «теории» Шульгин, извращая установки коммунистической партии, писал, что существующие типы школы должны быть заменены «школой-производством».

Шульгин предлагал подменить школу производством и уничтожить самый термин «система народного образования». Некоторые авторы, продолжая развивать «установки» Шульгина, требовали, чтобы школы были «в максимальной степени приспособлены к таким методам работы, как метод проектов, производст-

[1] Второе партсовещание по народному образованию, стр. 290.
[2] Там же, стр. 294.

венное совещание... В связи с этим большое значение, утверждали они, приобретают проектные бюро, бригадничество, ударность отдельных школ и районов, звеньевая система работы школы и т. п.».

Эта вредная позиция была разоблачена. Намечена была реорганизация вторых концентров школ II ступени в течение оставшихся лет первой пятилетки (1930—1932 гг.).

ЦК ВКП(б) подчеркнул, что эта реорганизация должна рассматриваться как усиление политехнизма в средних звеньях системы народного образования и как содействие разрешению задачи подготовки кадров. Наряду с этой реорганизацией *должен быть обеспечен во всей системе профессионального образования минимум общеобразовательных и политехнических знаний.*

В целом ряде руководящих указаний ЦК ВКП(б), начиная с ноябрьского пленума ЦК, в документах Наркомпроса, в докладах, в прениях и резолюциях второго партсовещания по народному образованию всё время настойчиво выдвигался вопрос о *повышении общеобразовательных знаний.* Быстро развивающееся социалистическое строительство с каждым годом предъявляло всё большие и большие требования к подготовке вузами специалистов высшей квалификации.

На эту сторону, на крайнюю необходимость повышения уровня общеобразовательных знаний особенно обратил внимание ЦК ВКП(б) в своём постановлении от 5 сентября 1931 г. Хотя со времени постановления о реорганизации школ II ступени в техникумы (с повышением общеобразовательного уровня в них) прошло до этого постановления 14 месяцев, но по темпам развития промышленности и сельского хозяйства эти месяцы стоили многих лет. Организуемая по последнему слову науки и техники социалистическая промышленность предъявляла всё более и более повышенные требования к общеобразовательному уровню подготовляемых инженерно-технических кадров. Росло благосостояние страны. Трудящиеся массы предъявляли повышенный спрос на образование. Быстро росло и число вузов, и число техникумов. Та острая нужда в специалистах средней квалификации, какая отмечалась на пленумах ЦК 1928 и 1929 гг. и которую при недостаточном развитии в 1928—1930 гг. техникумов мы вынуждены были удовлетворять отчасти лицами, кончившими профессионализированную школу II ступени, теперь могла быть удовлетворена кадрами с гораздо лучшей специальной подготовкой, какую давала расширившаяся сеть техникумов. Всё это вместе взятое создало к концу пятилетки наряду с техникумами, откуда промышленность и сельское хозяйство стали получать достаточное количество специалистов, возможность развития школы II ступени без профуклонов, а как общеобразовательной политехнической школы и при том уже не с 9-летним, а с 10-летним курсом.

Таким образом к 1932 г. наша школьная система сложилась так: после дошкольного воспитания (ясли до 3 лет и детский сад

от 3 до 7 лет) следовала нулевая группа (один год) и начальная школа с 4-летним (а в национальных районах с 5-летним) курсом; за этой школой следовал первый концентр школы II ступени — 3 года, составлявший вместе с школой начальной школу-семилетку; на базе семилетки строили или 2-й концентр школы II ступени (3 года), составлявший вместе с предыдущими звеньями школу-десятилетку, или трёхлетний техникум. Из техникума (после 3-летней производственной работы) и десятилетки, окончившие их могли переходить для дальнейшего образования в высшие учебные заведения. Унификация систем народного образования во всех союзных республиках, разграничение целевых установок техникума и общеобразовательной десятилетней школы II ступени, борьба за высокий уровень общеобразовательных систематических знаний, обеспечивающих хорошую подготовку кадров для техникума и вуза, подъём технического и культурного уровня деревни благодаря коллективизации — логически приводили к следующему шагу в реорганизации системы школ: былая необходимость подчеркнуть специфику сельской школы (ШКМ) и городской (ФЗС, ШКС) уже оказалась ненужной.

Программы, которые до 1932 г. строились несколько различно для городских и сельских школ, стали одинаковыми.

16 мая 1934 г. было издано постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О структуре начальной и средней школы в СССР». По этому постановлению устанавливались для всего СССР три типа общеобразовательной школы: начальная (4 класса), неполная средняя (7 классов, считая с первого) и средняя (10 классов, считая с первого). Нулевая группа переименовывалась в приготовительный класс. Окончившие неполную среднюю школу имели право преимущественного поступления в техникум или могли продолжать образование в VIII и следующих классах средней школы; окончившие среднюю школу обладали правом преимущественного поступления в высшие учебные заведения.

Все эти преобразования системы школ были направлены, таким образом, на обеспечение возможно лучшей общеобразовательной подготовки учащихся.

3. Сеть, материальная база школы и школьное строительство.

XVI съезд ВКП(б) (июнь — июль 1930 г.) уделил исключительное внимание вопросу культурной революции и всеобщему обучению.

Товарищ Сталин подчеркнул значение развёртывания всеобщего обязательного первоначального обучения.

В резолюции XVI съезда по политическому отчёту ЦК давалось прямое указание: «Проведение всеобщего обязательного

первоначального обучения и ликвидации неграмотности должно стать боевой задачей партии в ближайший период».

В развитие директив XVI съезда ВКП(б) ЦК партии 25 июля 1930 г. издал историческое постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении». Ставилась задача завершить к 1933 г. всеобщее обязательное начальное обучение и обучение переростков 11—15 лет, а также приступить к постепенному развёртыванию семилетнего всеобуча.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) о мероприятиях по введению всеобуча было принято постановление ВЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г.[1] и ВЦИК и СНК РСФСР от 10 августа 1930 г.[2].

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. указывалось:

«1. Ввести с 1930—31 г. повсеместно в Союзе ССР всеобщее обязательное обучение детей (мальчиков и девочек) в возрасте 8, 9 и 10 лет в объёме не менее четырехлетнего курса начальной школы. В соответствии с этим принять осенью 1930 г. в трудовую школу всех детей этих возрастов, которые до настоящего времени не обучаются в школе.

Установить с 1930—31 г. обязательное прохождение всего курса школы I ступени (первых четырёх групп трудовой школы) для всех детей, обучающихся в этих школах, независимо от возраста.

2. Ввести с 1930—31 г. обязательное обучение детей (мальчиков и девочек) в возрасте от 11 до 15 лет...

3. Ввести с 1930—31 г. всеобщее обязательное начальное обучение детей (мальчиков и девочек) в объёме школы-семилетки в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих посёлках, установив обязательное прохождение всего курса семилетней школы для всех детей, оканчивающих школу I ступени (первые четыре группы трудовой школы), начиная с окончивших в 1929—30 г.»...

Далее ст. 3 устанавливала обязательное прохождение всего курса школы-семилетки для всех детей, уже обучающихся в школе.

Следующие (4—6) статьи этого постановления говорили о широком развёртывании школ колхозной молодёжи, о возможности продления сроков введения всеобуча в культурно-отсталых республиках и автономных областях (но не более чем на 1—2 года) и об обязанности родителей и заменяющих их лиц посылать детей в школы.

За неисполнение этой обязанности устанавливалась ответственность в порядке законодательства союзных республик.

---

[1] «Всеобщее обучение детей и подростков», НКП РСФСР, Учпедгиз, 1932, стр. 50.

[2] Там же, стр. 53.

После этих директив партии и законодательных мероприятий правительства осуществление *всеобщего обязательного начального обучения быстро пошло вперёд.*

Призыв партии и правительства к профсоюзам, комсомольским, кооперативным и другим общественным организациям, а также ко всем рабочим и трудящимся широко всколыхнул всю советскую общественность, мобилизовал энергию и энтузиазм широчайших масс трудящихся на дело всеобуча. Этот напор общественных сил под руководством партии и правительства опрокинул все расчёты классового врага и сломил его сопротивление. Движение масс за всеобуч было возглавлено организованным согласно постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 августа 1930 г. Республиканским комитетом всеобуча.

Вскоре после постановления ЦК ВКП(б) о всеобуче от 25 июля 1930 г. ЦК ВЛКСМ принял важное постановление об участии комсомола в проведении всеобщего обязательного начального обучения и принятии комсомолом шефства над осуществлением всеобуча, наметив конкретную программу мероприятий в помощь всеобучу. В частности было реализовано постановление ЦК ВКП(б) о выделении в течение трёх лет на педагогическую работу не менее 20 000 комсомольцев в год. Эти мероприятия помогли успешной реализации всеобуча.

Были включены в борьбу за всеобуч и детские коммунистические организации («всесоюзное пионерское наступление на бескультурье, за всеобщее начальное обучение, за политехническую школу»). Были уточнены и конкретизированы задачи комсомола в борьбе за осуществление всеобуча, было созвано объединённое заседание Республиканского комитета всеобуча с ЦК ВЛКСМ и Коллегией Наркомпроса.

Мероприятия комсомола получили одобрение и дальнейшую конкретизацию со стороны IX съезда ВЛКСМ.

Из массовых мероприятий, игравших большую роль в деле успешного осуществления всеобуча, надо отметить проведённый с 15 октября 1930 г. по 15 января 1931 г. смотр хода всеобщего обучения и ударный десятидневник всеобуча.

Участие всей советской общественности в деле осуществления всеобуча оказало огромное содействие напряжённой работе Наркомпроса и придало всему процессу такой размах, что обеспечило перевыполнение плана.

21 февраля 1931 г. ЦК ВКП(б) вынес специальное постановление о ходе всеобщего обязательного начального обучения, дал оценку состоянию дела всеобуча и наметил программу дальнейших мероприятий.

В феврале того же 1931 г. собрался первый республиканский съезд по всеобучу РСФСР.

Подводя итоги, съезд отметил, что «рабочий класс и трудящиеся нашей страны, под руководством партии, советов, при активном участии профессиональных, комсомольских организа-

ций добились определённых успехов в деле всеобуча и перестройки школы на политехнической основе».

Съезд далее констатировал рост числа учащихся в начальной школе по РСФСР (без АССР) [1] — 8,5 млн. учащихся вместо 6,7 млн. учащихся в прошлом году — и рост общего количества учащихся по сравнению с предшествующим годом на 28,8%.

Съезд особо отметил «большие успехи в практике осуществления всеобщего начального обучения в национальных республиках и автономных областях».

Наряду с этими были отмечены отдельные недостатки в деле осуществления всеобуча: отсев учащихся, недостаточная работа по обучению переростков, медленный темп развёртывания школ колхозной молодёжи, отставание подготовки педкадров, недостаточное качество работы школы.

Вопросу о состоянии дела всеобуча уделил особенное внимание и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, который в декабре 1932 г. дал следующую оценку делу состояния всеобуча: «...в деле охвата детей учёбой и перестройки школы на основе указаний ЦК ВКП(б) достигнуты значительные успехи»[2].

Президиум ВЦИК особо отметил «введение повсеместно, в том числе во всех автономных республиках и областях (кроме некоторых районов Крайнего Севера), начального всеобуча для детей в возрасте 8—11 лет, введение в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих посёлках семилетнего обучения для детей в возрасте 12—15 лет и массовую коренизацию школы» [3].

Успехи всеобуча в РСФСР не представляли исключения; их мы отмечаем и в других союзных республиках. Всё это являлось прямым показателем выполнения решений XVI съезда ВКП(б) и указаний товарища Сталина о всеобуче. Таким образом между XVI и XVII партсъездами обязательный начальный всеобуч был осуществлён, и товарищ Сталин на XVII съезде ВКП(б) (январь-февраль 1934 г.) в отчётном докладе сказал: «что касается культурного развития страны, мы имеем за отчётный период:

а) Введение по всему СССР всеобщего обязательного начального образования и повышение процента грамотности с 67% в конце 1930 года до 90% в конце 1933 года» [4].

Эти слова товарища Сталина подводили исторический итог этапу славной борьбы за всеобщее обязательное начальное образование.

В решениях XVII съезда ВКП(б) о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР ставилась задача: «... е) завершение во втором пятилетии не только ликвидации неграмотности среди населения Союза, ликвидации малограмотности трудоспособного взрослого населения и проведения всеобщего обязательного начального обучения, но и осуществления *всеобщего обязательного политехнического обучения* в объёме семилетки, в первую очередь в деревне, поскольку в городе эта задача была в основном уже разрешена на протяжении первой пятилетки».

Наркомпросу предстояло развернуть широкую деятельность.

Решения XVI и XVII съездов ВКП(б) о всеобуче и связанные с этим правительственные мероприятия были тем могучим и решающим фактором, который определил развитие школьной сети в период 1930—1934 гг.

Рост числа учащихся за 1930—1935 гг. виден из следующей таблицы.

Рост числа учащихся

	СССР[1]	РСФСР[2]
1929/30	13.515.688	8.712.891
1930/31	17.614.537	11.263.925
1931/32	20.932.997	13.082.353
1932/33	21.397.185	13.342.239
1933/34	22.095.744	14.139.966
1934/35	32.538.899	14.997.751

Естественно, что приток в школу огромных детских масс со всей остротой поставил вопрос о школьном строительстве. В связи с этим ЦК ВКП(б) в своём постановлении от 25 июля 1930 г. уделил особое внимание этому вопросу, указав на необходимость наряду с увеличением бюджетных ассигнований всемерного привлечения общественных средств для финансирования всеобщего обучения, школьного строительства и оборудования школ.

В этом же постановлении ЦК обязал освободить для использования по прямому назначению школьные здания, занятые для других надобностей, а также использовать в первую очередь под школы бывшие помещичьи усадьбы, конфискуемые кулацкие дома и т. п.

Комитет по всеобучу при СНК РСФСР в целях увеличения числа школьных мест вынес решение об использовании под школы помещений кино, клубов, нардомов и т. д. Пришлось также пойти на дальнейший рост сменности занятий. Несомненно, все эти мероприятия носили временный характер.

Благодаря принятым мерам по Союзу показатель обеспеченности детей школьными местами увеличился почти вдвое: на первом концентре в полтора раза и на втором концентре с 1927/28 г. по 1931/32 г. в три раза. Имелись места для девяти десятых детей, подлежащих охвату семилетним обучением.

---

[1] Автономных советских социалистических республик (в дальнейшем сокращаем АССР).

[2] «Бюллетень НКП», 1933, № 2—3, стр. 4.

[3] Там же.

[4] XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), стенографический отчёт, Партиздат, 1934, стр. 25.

[1] «Культурное строительство СССР» (Статистический сборник), ЦУНХУ Госплана СССР, М. — Л. 1940, стр. 37.

[2] Там же, стр. 40.

Процент охвата школой детей в возрасте 8—14 лет по СССР и РСФСР в 1927/28 и 1931/32 гг.[1]

	% охвата школьным обучением детей обоего пола 8—14 лет	
	1927/28 г.	1931/32 г.
СССР	46,6	83,9
РСФСР	46,1	84,7

В отдельности по городу и селу охват в возрастах 8—11 и 12—14 лет по СССР к концу первой пятилетки в 1931/32 г. составлял:

% охвата детей школой	8—11 лет	12—14 лет
в городах	100,0	90,7
в сельских местностях .	86,1	47,0

Таким образом, приведённые данные о росте процента обеспеченности школьными местами и охвата детей школой говорят нам о таких успехах всеобуча, которые в 1932 г. позволяли уже считать всеобщее обязательное начальное обучение проблемой, в основном разрешённой.

По мере развёртывания мероприятий по введению всеобуча рос и процент охвата школой девочек.

Это можно проследить, сопоставив процент охваченных школой девочек в 1927/28 г. (предшествующий период) с процентом охваченных в 1929/30 — 1932/33 гг.

Особенно поразительны успехи втягивания в школу девочек в национальных республиках.

В постановлении от 21 февраля 1931 г. «О ходе всеобщего начального обучения» ЦК ВКП(б), подчёркивая значительные сдвиги в деле всеобуча, происшедшие в национальных республиках, отметил те особые препятствия, с которыми приходилось встречаться в национальных республиках при введении всеобуча, которые крылись тогда в неподготовленности материальной базы, в значительном недостатке педагогических кадров, в общекультурной отсталости населения и в более усиленном сопротивлении классового врага в лице кулачества, духовенства и т. д.

Культурная и бытовая отсталость национальных районов нашей страны являлась следствием колониальной политики царского правительства. В продолжении многих десятилетий царская Россия была «тюрьмой народов».

[1] «Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября», ЦУНХУ СССР, ч. I, Гос. соц.-эк. изд., 1932, стр. 29, 33.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в результате проведения ленинско-сталинской национальной политики партии, положение резко изменилось, и мы имеем здесь замечательные сдвиги.

Дореволюционное прошлое оставило нам тяжёлое наследство не только в форме культурного неравенства национальностей, но и в ужасающей диспропорции между средним образованием в городе и на селе: царская Россия, как правило, не знала среднего образования в сельских местностях. С первых же дней Великой Октябрьской революции это положение коренным образом меняется: село подтягивается к городу. Процесс насыщения средней школой в деревне шёл с отдельными колебаниями, обусловленными рядом социально-экономических и политических причин, действовавших в отдельные периоды социалистического строительства страны.

Но в общем рост был огромен. Так, число учащихся в средней школе (в 5—7 и 8—10 классах) в сельских местностях выросло с 1928/29 г. по 1932/33 г. на 493% (с 447 587 ч. до 2 208 534 ч.)[1].

Поставленная партией задача в связи с начальным всеобучем охватить школой переростков в возрасте 11—15 лет в основном была разрешена в период 1929/30—1934/35 гг. Самая высокая точка роста сети школ переростков отмечается в 1931/32 г., когда в сети было 6 617 школ с 351 397 учащимися. В 1932/33 г. происходит резкое сжатие сети школ переростков до 1 755 школ с 99 316 учащимися, что объясняется уменьшением количества необученных «переростков».

В дальнейшем этот процесс снижения продолжался, и школы переростков в системе массовой начальной школы совершенно исчезают, так как в связи с введением всеобщего обязательного начального обучения исчезает и самый источник, питавший эту школу[2].

В связи с введением всеобщего обязательного начального, а в значительной части СССР и семилетнего обучения изменился и социальный состав учащихся. Были приняты меры, облегчающие посещение школы детьми.

Так, было издано постановление СНК РСФСР от 27 сентября 1930 г. о мероприятиях по обеспечению школьников горячими

[1] «Культурное строительство СССР» (Статист. сборник), Госпланиздат, М.—Л. 1940, стр. 51.

[2] Все сетевые показатели по охвату школой переростков взяты из стат. сборника «Итоги культурного строительства в цифрах к XVII партсъезду», вып. I, Всеобщее обучение и политпросветработа в СССР, изд. ЦУНХУ Госплана СССР, М. 1934, стр. 14.

завтраками, одеждой и обувью [1] и второе постановление СНК РСФСР от 4 ноября 1931 г. о фондах материальной помощи учащимся [2].

В первом из них указывалось, что наряду с важнейшими мероприятиями «Особое значение приобретают вопросы материального обеспечения учащихся и, в первую очередь, *детей менее обеспеченных категорий рабочих, колхозников, батраков и бедняков*».

СНК установил, что не менее 60% школьников городов и совхозов должны получать завтраки, причём не менее 15% завтраков должны быть бесплатными и не менее 15% — с пониженной оплатой. Давались также указания об организации завтраков для сельских школьников. В этом же постановлении СНК обязывал Наркомпрос и Центросоюз озаботиться снабжением детей школьников детской обувью, тёплым детским платьем и пр.

Этим постановлением ставились в особо благоприятные условия дети рабочих и трудящегося крестьянства. В постановлении от 4 ноября 1931 г. *в целях предоставления детям наименее обеспеченных групп трудящихся действительной возможности аккуратного посещения начальной и повышенной школы* во всё время прохождения курса СНК требовал образования фондов материальной помощи учащимся начальных и повышенных общеобразовательных школ.

Самые фонды материальной помощи были образованы из ассигнований по государственному и местному бюджету; из денежных и натуральных поступлений от хозяйственных объединений и общественных организаций, их местных отделений, а также от отдельных предприятий и колхозов; из поступлений по добровольным сборам; из средств, собранных в порядке самообложения.

Фонды помощи беднейшим учащимся расходовались:

а) на выдачу денежных стипендий нуждающимся учащимся повышенных школ в размерах, устанавливаемых Совнаркомами АССР, краевыми (областными) исполнительными комитетами;

б) на снабжение нуждающихся учащихся начальных и повышенных школ социального воспитания одеждой, обувью, учебными пособиями и горячими завтраками бесплатно или по пониженной цене;

в) на организацию подвоза учащихся начальной и повышенной школы из отдельных селений в школы и обратно;

г) на организацию общежитий и ночлежных домов для учащихся из отдалённых селений;

д) на выплату в отдельных случаях денежных пособий отдельным учащимся отдельных школ.

[1] «Всеобщее обучение детей и подростков», НКП РСФСР, Учпедгиз, 1932, стр. 60.

[2] Там же, стр. 67.

В первую очередь согласно постановлению СНК эта помощь оказывалась:

а) детям рабочих наиболее низко оплачиваемых категорий;

б) детям беднейших крестьян-единоличников;

в) детям, которые согласно ст. 2 и 3 «Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» (С. У., 1926, № 19, ст. 143) «нуждаются в полном обеспечении и воспитании или в мерах временной или частичной помощи и воспитания».

Налицо был значительный рост рабоче-крестьянского состава учащихся. Об этом говорят сравнительные данные социального состава учащихся в 1927/28 г. и в 1930/31 г.

Социальный состав учащихся в школах всеобуча по СССР в целом в 1927/28 и 1930/31 гг. [1]

Концентры	Год	Дети рабочих	Дети крестьян-колхозн. и единоличн.	Служащих	Прочих	Итого
I концентр . . .	1927/28	10,4	72,6	7,3	9,7	100
	1930/31	11,7	79,9	5,4	3,0	100
II концентр . . .	1927/28	20,8	30,2	29,6	19,4	100
	1930/31	29,8	46,7	17,0	6,5	100

Весь ход развития начального и семилетнего всеобуча требовал широкого школьного строительства, и этому вопросу было уделено особое внимание.

В постановлении ЦК ВКП(б) о всеобщем обязательном начальном обучении давалось прямое указание:

«Установить, что в промфинпланах хозорганов по крупному капитальному строительству должны быть предусматриваемы, по решению СНК Союза и СНК союзных республик, капитальные вложения на строительство школ всеобщего обучения.

Значительно увеличить с 1930/31 г. фонды на строительство школ начального обучения со специальными дотациями в связи с введением всеобщего обязательного обучения со стороны общесоюзного бюджета. Размеры этих дотаций устанавливаются СНК СССР в соответствии с планом всеобщего обучения».

Таким образом, в связи с введением всеобуча значительно расширялся круг организаций и ведомств, занимавшихся школьным строительством: строительство было развёрнуто и по линии хозяйственных наркоматов, местных советских органов и общественности, что требовало от Наркомпроса ряда проектных материалов (которые затем и были подготовлены).

[1] «Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября», Соцэкгиз., 1932, стр. 46.

Постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. о начальной и средней школе заставило критически пересмотреть весь предыдущий опыт школьного строительства.

Ставилась задача обновить и расширить школьный фонд в такой степени, чтобы к концу первой пятилетки специальные школьные здания в деревне составляли не менее 75% и в крупных городах и промышленных центрах — 100%.

Давались директивы о качественном улучшении школьного строительства, об отражении специфики отдельных типов школ, об особенностях строительства на селе и о технике самого строительства. Кроме того предусматривались роль и место в школьном строительстве хозяйственных и кооперативных организаций, колхозов и т. д. Были даны указания о составлении финансового плана строительства.

В результате всех этих мероприятий число школ за период 1929/30—1933/34 гг. увеличилось следующим образом:

Рост числа школ в СССР и в РСФСР за 1929/30—1933/34 гг.

	СССР[1]	РСФСР[2]
1929/30	133.197	90.684
1930/31	152.813	101.972
1931/32	168.129	118.920
1932/33	166.275	109.909
1933/34	166.468	110.276

Некоторое уменьшение числа школ при одновременном росте контингентов учащихся объясняется тем, что в эксплоатацию вводились новые школьные здания такой ёмкости, что заменяли сразу несколько пришедших в негодность малоёмких старых школ.

Возрастной состав учащихся во всех группах (классах) школы первой ступени значительно улучшился; так, по СССР на 100 учащихся приходилось [3].

Годы	Моложе 8 лет	8—11 лет	12 лет и старше
1927/28	1,4	64,6	34,0
1930/31	2,3	74,2	23,5

Как по СССР, так и по РСФСР отмечается более высокий процент нормализации возрастов в городе и пониженный — на селе.

[1] «Культурное строительство СССР» (*Статистический сборник*), ЦУНХУ Госплана СССР, М.—Л., 1940, стр. 37.

[2] Там же, стр. 40.

[3] «Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября», ч. I, ЦУНХУ, Гос. соц.-эк. изд., 1932, стр. 75.

Так, процент учащихся в I ступени в возрасте 8—11 лет в 1930/31 г.

	СССР	РСФСР[1]
Город	80,2	80,8
Село	75,9	75,3

С момента полного осуществления всеобщего обязательного обучения по всему СССР разница в проценте нормализации возрастного состава в городе и на селе исчезает.

Борьба школы за высокое качество учебно-воспитательной работы из года в год усиливалась по мере того, как укреплялся строй школы, как политически и педагогически рос советский учитель и как росло и качественно улучшалось снабжение школы всем необходимым.

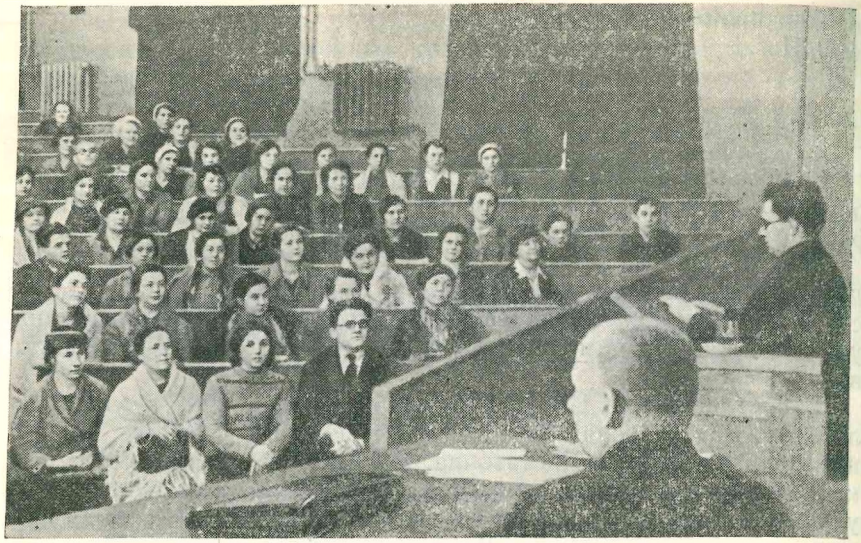
В постановлении ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. указывалось, что материальная база школ (учебное оборудование, школьное строительство) недостаточна. ЦК ВКП(б) признал необходимым «широко привлечь инициативу и средства колхозов в деле улучшения материальной базы школы». Перед ВСНХ была поставлена задача: «...создать Всесоюзное объединение промышленности, изготовляющей учебное и школьное оборудование и учебные пособия». ЦК ВКП(б) требовал, чтобы уже в 1932 г. основная масса как начальных, так и средних школ была снабжена необходимым минимумом учебного оборудования. Наркомпросам союзных республик предлагалось в месячный срок составить соответствующую заявку и представить в ВСНХ, разработав стандарты учебных пособий и политехнического оборудования.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» предлагалось «...разработать в 2-месячный срок план развёртывания производства и снабжения начальной и средней школы учебными пособиями (картами, глобусами, наглядными таблицами и т. д.), учебной аппаратурой для естественно-научных и физико-математических кабинетов, а также и план стандартного оборудования рабочих комнат и школьных мастерских соответствующими станками, инструментами и материалами в целях подведения надлежащей учебной базы для организации политехнической школы».

Эти указания и определили весь последующий ход снабжения школ оборудованием и пособиями: было реорганизовано самое производство оборудования и учебных пособий, национализировано снабжение.

Рост школьной сети, потребность больших вложений в новое школьное строительство и на оборудование школы, рост фонда заработной платы требовали крупных ассигнований на народное образование.

[1] «Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября», ч. I, ЦУНХУ, Соцэкгиз, 1932, стр. 76.



Занятие вечернего родительского Университета (Москва 1941 г.)

ЦК ВКП(б) 25 июля 1930 г. по вопросу о всеобщем обязательном начальном обучении дал следующие руководящие указания о финансировании школы: «Для обеспечения осуществления всеобщего начального обучения наряду со значительным увеличением бюджетных ассигнований всемерно привлечь к финансированию всеобщего обучения, а также к строительству, ремонту и оборудованию начальных школ хозяйственные, профсоюзные, кооперативные и другие общественные организации, а также инициативу широких масс (в порядке соцсоревнования, специальных отчислений, поступлений от культурных гектаров коллективных запашек, помощи шефов, бесплатного трудового участия и пр.).

Установить, что в промфинпланах хозорганов по крупному капитальному строительству должны быть предусматриваемы, по решениям СНК Союза и Совнаркомов союзных республик, капитальные вложения на строительство школ всеобщего обучения.

Значительно увеличить с 1930/31 г. фонды на строительство школ начального обучения со специальными дотациями в связи с введением всеобщего обязательного обучения со стороны общесоюзного бюджета. Размеры этих дотаций устанавливаются СНК СССР в соответствии с планом всеобщего обучения».

Реализация этой директивы сыграла огромную роль в укреплении бюджета школы и мобилизации всех указанных в постановлении ЦК ВКП(б) источников её финансирования.

Во всей бюджетной системе финансирования школы ведущая роль принадлежала ассигнованиям по государственному и местным бюджетам.

Понятно, что успешное развёртывание всеобуча при последовательно растущем укреплении материальной базы школы дало основание считать всеобщее начальное обучение осуществлённым. И в апреле 1935 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР вынес решение о ликвидации Комитета по всеобщему обязательному обучению, организованного в августе 1930 г.

Исторический факт осуществления всеобщего обязательного начального обучения получил незыблемое признание в основном законе социалистической страны — в 121 статье Сталинской Конституции. Успешное осуществление начального всеобуча позволило направить всю энергию на расширение всеобуча до объёма неполной средней школы (семилетнее обучение).

Перед Наркомпросом РСФСР встала задача обеспечить приём в 1937—1938 гг. всех 100% оканчивающих начальные школы в пятые классы средней школы.

Для характеристики выполнения решений об обязательном семилетнем всеобуче показателен рост числа учащихся в V—VII классах.

Рост числа учащихся V—VII классов в СССР по городу и сельским местностям в процентах к 1931/32 г., взятому за 100%[1].

Годы	Процент роста к 1931/32 гг.	
	Город	Сельские местности
1931/32	100,0	100,0
1933/34	109,4	172,2
1934/35	124,9	208,7
1935/36	150,4	251,6

XVII съезд ВКП(б) поставил очередной задачей осуществление *«всеобщего обязательного политехнического обучения* в объёме семилетки, в первую очередь в деревне, поскольку в городе эта задача была в основном уже разрешена на протяжении первой пятилетки».

Приведённые выше данные по СССР ярко показывают, какими быстрыми темпами росло число учащихся V—VII классов, в особенности сельской школы.

Ту же картину бурного роста числа учащихся V—VII классов мы отмечаем и в РСФСР.

[1] Из сборника «Культурное строительство СССР», 1935, ЦУНХУ Госплана СССР, М. 1936, стр. 16.

Так, за 4 года второй пятилетки количество учащихся по РСФСР увеличилось более чем в два раза; если в 1932 г. в V—VII классах обучалось 2 242,5 тыс. человек, то в 1936 г. в школах (в старых границах) училось 4 540 тыс. человек [1].

Здесь, как и выше, надо указать, что вследствие недостатков в работе наркомпросов союзных республик и их местных органов план семилетнего обязательного обучения в 1936 г. полностью не выполнен.

Одновременно решительно подчёркивается и факт стремительного роста числа учащихся средней школы как в городах, так и в сельских местностях.

Число школ за один только 1936 г. по РСФСР выросло на 37%; в том числе в городах на 50% и в сельских местностях на 10%; количество учащихся выросло на 50% в городах и на 100% в сельских местностях.

Если в 1914/15 г. общее число учащихся начальной и средней школы составляло (в тысячах) 7 800,6 человек, то по данным, сообщённым в докладе товарища Сталина на XVIII партийном съезде в 1938/39 г., в начальных школах обучалось 21 288,4 (в тыс.), а в средних общих и специальных школах 12 076,0 (в тысячах) человек [2]. На этом фоне бурного роста числа учащихся отмечается также высокий процент поступления во все классы девочек.

Процент девочек в составе учащихся начальной, неполной средней и средней школы по СССР в целом в 1935/36 г. составлял уже 46,9%, т. е. он вплотную подошёл к тому соотношению по полу, которое наблюдается в жизни.

Победа ленинско-сталинской национальной политики привела к небывалому культурному росту национальностей Советского Союза [3].

Количественный рост школьной сети сопровождался качественными сдвигами в её развитии.

Уже в 1935—1937 гг. исчезают занятия в 3 смены, снижается % количества школ с двухсменными занятиями, школы в крупных городах разукрупняются: устанавливается норма пополнения в 1 200 человек при двухсменных занятиях. Успехи в росте и развитии сети были самым теснейшим образом связаны с невиданными в истории человечества успехами в развитии нового школьного строительства.

Партия и правительство уделяли вопросам школьного строительства исключительное внимание. В 1935 и 1936 гг. были изданы два замечательных документа.

---

[1] «Контрольные цифры народного просвещения РСФСР», НКП РСФСР, 1937, стр. 9—10.

[2] Стенографический отчёт XVIII партийного съезда, стр. 24.

[3] Процесс роста и развития школы в национальных республиках дан в разделе национальной школы.

Первый из них — это постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве школ в городах, опубликованное в «Правде» 27 февраля 1935 г., и второй — постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), опубликованное в «Известиях» 6 марта 1936 г.

К моменту опубликования первого постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) общее число школ по СССР выросло почти на 50 тысяч, а общая сумма затрат на школьное строительство составила 1,1 млрд. рублей [1].

Несмотря на этот огромный прирост числа школ, их территориальное размещение не совпадало с приростом обучения по городам и рабочим посёлкам.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о школьном строительстве в городах (февраль 1935 г.) ставило задачу ликвидации отмеченного явления и правильного размещения школ на территории СССР. В этих целях в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) давалась директива:

«а) построить в 1935 г. в городах СССР по списку № 1 374 школы на 240 390 ученических мест, стоимостью 223 978 тыс. рублей (считая с переходящим строительством и расходами на оборудование);

б) передать к 1 июня 1935 г. в ведение Наркомпросов союзных республик под школы 72 школы ФЗУ на 28 820 ученических мест» [2].

Были даны также указания о нормализации внутреннего планирования школьных зданий и был установлен процент использования школьной площади под классы до 60—65% [3]. В результате это строительство было развёрнуто в 292 городах и рабочих посёлках. В итоге выполнения принятой программы по г. Москве и Ленинграду, % учащихся, занимающихся во 2-ю смену, снижается по г. Москве с 30 до 24% и по Ленинграду с 23 до 21% [4].

Программа сельского школьного строительства, утверждённая СНК РСФСР 20 февраля 1937 г., предусматривала строительство 424 880 ученических мест. Из этого числа проектируется строительство новых и достройка переходящих 1 463 школ и 46 интернатов на 296 880 ученических мест и по пристройкам и приспособлениям 128 000 ученических мест. Общие затраты по плану сельского школьного строительства определены были на 1937 г. в 141 743,0 тыс. рублей [5].

В условиях развёртывания небывалого по своему размаху

---

[1] «СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве школ в городах», Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 56.

[2] Там же, стр. 57—58.

[3] Там же, стр. 56.

[4] Данные о сменности взяты из контрольных цифр по народному просвещению на 1937 г., РСФСР, изд. НКП РСФСР, 1937, стр. 17.

[5] Там же, стр. 16, 17, 18.

школьного строительства шёл рост числа школ и по союзным республикам. Этот общий рост числа школ (по всем типам школ Всеобуча) характеризуется следующими данными:

	1934/35	1935/36
СССР[1]	162 904	164 149
РСФСР[1]	116 094	117 914

Постоянный рост советской школы и задача борьбы за дальнейшее повышение качества её работы требовали соответствующей организации снабжения школ учебными пособиями, оборудованием и инвентарём. Ранее достигнутое не могло удовлетворять школу. Партия и правительство проявили и здесь особую заботу к нуждам снабжения и оборудования школ всем необходимым.

В центре внимания стояла важнейшая проблема снабжения школы стабильными учебниками. В августе 1935 г.[2] было опубликовано специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы.

Этим постановлением давалась директива:

«1. В целях полного обеспечения в течение 1935/36 учебного года всех учащихся начальных, неполных средних и средних школ СССР полным комплектом учебников, издать во втором полугодии 1935 г. дополнительно, сверх уже печатающихся по плану свыше 50 миллионов экземпляров учебников, ещё 52 миллиона учебников».

При этом СНК СССР и ЦК ВКП(б) дали точные указания о нормах тиража для отдельных республик. Этим постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) разрешался также и вопрос об открытой продаже учебников.

Существовавший порядок закрытого распределения учебников среди учащихся отменялся. С 15 сентября 1935 г. вводилась открытая продажа учебников через книжные магазины и киоски государственных книгоиздательств, а на селе также через кооперацию и школы.

Была организована покупка и продажа бывших в употреблении учебников. Предлагалось продать к определённому сроку учебники, уже закупленные школами для распределения среди учащихся, отменялась сложившаяся практика сборов общественных и родительских средств и авансов на закупку учебников. Снабжение учащихся учебниками было успешно решено.

Нужен был решительный поворот и в деле снабжения школы письменными принадлежностями. Этот поворот и произошёл

[1] «Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год», Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 32.

[2] Напечатано было в «Правде» № 217 (6463) от 8 августа 1935 г.

после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1935 г. о школьных письменных принадлежностях[1].

Постановлением разрешался вопрос об организации производства письменных принадлежностей и о торговле ими. Вводилась открытая торговля всеми письменными принадлежностями. Был установлен качественный стандарт письменных принадлежностей и определены размеры выпуска этой продукции.

Была дана директива изготовить в 1936 г. 1 323 млн. ученических тетрадей, 285 млн. штук графитных карандашей, 135 млн. штук цветных мелковых карандашей, 25 млн. ученических ручек высокого качества, 50 млн. чернильных таблеток. Для производства перьев заготовлялось 400 *т* высокого качества стальной ленты и т. д. Таким образом вопросы снабжения школы организационно и производственно были разрешены.

В порядке дня стояла другая задача: повысить маневренность школ, привить уменье своевременно обеспечить необходимыми пособиями, оборудованием, инвентарём, наладить в срок финансирование школы.

Наравне со всесторонним укреплением материальной базы школы стояла ответственнейшая и сложная задача дальнейшего и решительного улучшения материального положения учителя. Для разрешения этой задачи требовались новые миллиардные вложения в народное образование.

Мероприятия партии и правительства всех предшествовавших лет, улучшавшие из года в год материальное положение учителей, создали все необходимые предпосылки для решающего сдвига, которым и явилось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 апреля 1936 г. о повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам. Этим законодательным актом материальное положение учителей было поднято до уровня инженерно-технических работников.

Ставка зарплаты учителя устанавливалась в зависимости от стажа преподавательской работы, образования и квалификации учителя. Ставка зарплаты учителям основных предметов устанавливалась несколько выше, чем учителям рисования, черчения, физкультуры и пения.

Если взять средние месячные ставки учителей в рублях по РСФСР в целом до 1 апреля 1936 г. и после 1 апреля 1936 г. % роста ставки учителя будет:

I—IV кл.	V—VII кл.	VIII—X кл.[2]
104%	99,1%	136,1%

[1] Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о школе, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 72—80.

[2] Взято из диаграмм Наркомпроса (по данным научного архива Академии педагогических наук РСФСР).

Приведённые цифры говорят, что размер заработной платы учителей увеличился с весны 1936 г. более чем в два раза. Так проявляется постоянная забота партии и правительства о материальном положении учителя [1].

Непрерывный рост школьной сети, новое школьное строительство, снабжение сети учебными пособиями, оборудованием и инвентарём покоились на крепкой мощной бюджетной основе. Бюджетные расходы на народное просвещение в конце предшествовавшего периода достигли огромных сумм.

Особенностью бюджетной системы финансирования просвещения является выросший до огромной величины удельный вес этого бюджета в общей системе финансирования, что придаёт особую устойчивость материальной базе народного образования. По данным отчётов школ в 1934 г. удельный вес бюджетных средств во всех расходах школы РСФСР составляет — 84,8%, поступления от шефов и договорных организаций равнялись лишь 4,1%, специальные средства школ — 3,7%; остальные 7,4% поступили из прочих источников [2].

Из других источников финансирования народного просвещения существенными являются средства самообложения. Их роль значительна в развёртывании нового школьного строительства на селе. СНК РСФСР в постановлении 1936 г. о школьном строительстве на селе указал, что за счёт средств трудового участия населения было построено [3] в 1933 г. 2 216 школ, в 1934 г. 3 370 школ. Это материальное участие общественности являлось значительным дополнением к бюджетным ассигнованиям на эти цели.

По данным Управления народнохозяйственного учёта Госплана РСФСР бюджетные ассигнования на школьное строительство и капитальный ремонт в 1935 г. составляли 140,9 млн. рублей, а поступления от общественных и хозяйственных организаций — 51 млн. рублей [4].

В системе источников финансирования сельского школьного строительства, утверждённой СНК РСФСР на 1937 г. [5], средства самообложения составляли 86 428 тыс. рублей из суммы 141 743 тыс. рублей по всем источникам.

Расходы по государственному бюджету РСФСР на просвещение и школьное дело непрерывно росли, что видно из приводимых ниже данных:

[1] Более подробные данные об учителе мы найдём в специальном разделе «Учитель».

[2] «Начальные и средние школы РСФСР», изд. ЦУНХУ РСФСР, М. 1936, стр. 130.

[3] «Бюллетень НКФ РСФСР», 1935, № 11, стр. 3.

[4] «Начальные и средние школы РСФСР», стр. 12.

[5] «Контрольные цифры народного просвещения в РСФСР на 1937 г.», Наркомпрос РСФСР, 1937, стр. 18.

	1928/29	1933	1938
РСФСР. Расходы на просвещение по республиканскому и местному бюджету (млн.)[1]	631,6	2.142,4	8.443,9
В том числе на школы всеобуча	295,3	1.107,9	4.268,2

На одного жителя РСФСР расходы на просвещение составляли:

1928/1929 г.	1938 г.
7 р.	77 р.[1]

Наша страна к 1941 г. справедливо гордилась небывало огромным успехом в деле роста и развития школьной сети в области нового школьного строительства и оборудования школ, в деле снабжения школы учебниками и письменными принадлежностями при гигантском росте ассигнований на народное просвещение в целом и на школу в отдельности. Эти успехи были достигнуты благодаря непрерывному вниманию и заботам о школе партии и правительства.

4. Учебно-воспитательная работа школы.

В 1930 г. вышли новые программы для городской и сельской школы I ступени, представляющие собой полностью комплексно-проектные программы.

Во вводной записке к программам 1930 г. сильно подчёркнуто влияние среды на ребёнка. «Надо иметь в виду», говорилось в первых же строках вводной записки, «что кроме школы учащийся получает ещё массу впечатлений из *окружающей жизни*. Школа не может проходить мимо влияния на ребёнка *окружающей* среды. Вот почему марксистско-ленинская педагогика, зная окружающую ребёнка среду, получает в свои руки возможность не только правильно ориентироваться в этой среде...» и т. д. и т. д.

Таким образом, в этих установках к программе 1930 г. ещё ярче сказалось влияние антиленинской «теории отмирания школы», противопоставления школе среды как более мощного фактора. Эти программы отражали и педологические установки. Об этом свидетельствует, кроме содержания этих программ, вводная записка к программам 1930 г., где говорится: «Программы должны быть продуманы гораздо больше, чем это было до сих пор с *педологической точки зрения*... В связи с этим перед

[1] «Культурное строительство СССР», Госполитиздат, М.—Л., 1940, стр. 10.

школьными работниками надо поставить категорическое требование, чтобы весь *уклад школы, весь распорядок считался с этими педологическими особенностями* различных возрастов подрастающего поколения» [1].

Программы 1930 г., будучи построены как комплексно-проектные, снижали общеобразовательные знания, подчиняли всю работу школы труду.

Вводная записка к программам 1930 г. уже прямо указывала на метод проектов. В ней говорилось: «Практикой школьной работы выдвинут метод проектов, как метод органически связывающий теорию с практикой; он вполне отвечает коммунистическим путям воспитания. Каждый проект в нашем понимании может и должен стать одним из звеньев социалистического воспитания... Поэтому, считая введение проектного метода в массовую школу в основном предрешённым, Наркомпрос призывает учительство к работе над этим методом и к переходу на него педагогических коллективов по мере получения опыта и навыков» [2]. Эти установки были глубоко порочны.

Происходивший в августе 1930 г. Первый съезд по политехническому образованию заострил внимание педагогов, хозяйственников и всей пролетарской общественности на вопросах политехнического обучения, указал на необходимость более тесной связи обучения с тем грандиозным социалистическим строительством, которое идёт в Стране Советов. По докладу Н. К. Крупской «Реконструкция народного хозяйства и политехническое образование» съезд признал, что школа должна вооружить молодое поколение «пониманием научных основ всего промышленного производства в целом, вооружить современной трудовой культурой, дать понимание связи между различными техническими процессами» [3].

Однако резолюции съезда были во многом ошибочными. Так, по докладу о роли ШКМ съезд рекомендовал настойчиво стремиться к перерастанию школ в «производственно-учебные комбинаты типа предприятий школ» [4]. Съезд в определении путей политехнизации школы на первое место поставил производственную деятельность ребят и общественно-полезную работу, отодвинув общеобразовательные знания на второй план, рекомендовал «бороться за метод проектов как метод, организующий самодеятельность учащихся» [5]; съезд считал, что «перед школой стоит задача

[1] «Программы начальной школы», сельский вариант, 1930, стр. 5.
[2] Там же.
[3] «Первый всероссийский съезд по политехническому образованию», 1931, стр. 484.
[4] Там же, стр. 512.
[5] Там же, стр. 489.

всё большего и большего «врастания» в производство», и т. д. [1] Проблема педагогических кадров трактовалась съездом в левацком духе: «педагогами должны быть специалисты, занятые в производственном процессе».

Под большим влиянием резолюций Первого съезда по политехническому образованию были изданы комплексно-проектные программы 1931 г., где переход к методу проектов сделан по сравнению с 1930 г. ещё более решительно. Если в программе 1930 г. Наркомпрос лишь призывал учительство к переходу на метод проектов, то в программе 1931 г. прямо говорится: «На одно из первых мест среди активных методов работы должен быть поставлен метод проектов, помогающий соединять теорию с практикой и предполагающий при этом в ходе самой практической работы или подготовки к ней проведение разнообразных наблюдений и опытов исследовательского характера» [2]. В соответствии с этой глубоко неправильной «установкой» темы и подтемы программы 1931 г. сформулированы как проекты. Большинство этих тем (больших проектов) разделялось далее на «малые проекты». Так, тема «Весенне-летние работы» была подразделена программой на ряд следующих проектов: а) примем участие в весеннем севе; б) организуем уход за лошадью и коровой; в) организуем летний уход за плодовыми садами; г) вырастим огородные семена; д) борьба с бескормицей; е) будем бороться за чистоту и общественное благоустройство деревни; ж) культурно-бытовая работа в колхозе летом (обследование избы-читальни деревенского клуба и т. д.).

Бессистемность, поверхностность, подчинение всего школьного обучения «общественно-полезной работе», непосильность (например, вопрос о происхождении вселенной, жизни на земле и человека), кампанейский характер, сезонность и пренебрежение к общеобразовательным знаниям и навыкам — таковы главнейшие недостатки комплексно-проектных программ 1931 г., резко снижавшие качество обучения.

Всё это обусловило, как известно, коренной недостаток школы, а именно недостаточный объём общеобразовательных знаний и неудовлетворительную подготовку школой вполне грамотных людей, владеющих основами наук (Постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г.).

Новый учебный план *школы II ступени* был утверждён Совнаркомом РСФСР 26 августа 1929 г. и в начале сентября опубликован Наркомпросом [3], причём школам-семилеткам было предложено произвести в 5—7 группах распределение учебного материала согласно этому плану.

[1] «Первый всероссийский съезд по политехническому образованию», 1931, стр. 498.
[2] «Программа сельской начальной школы», 1931, стр. 14.
[3] «Еженедельник НКП РСФСР», 1929, № 35, стр. 919.

План был таков (число часов в 7-дневную неделю):

Учебные предметы	I концентр			II концентр			Всего
	5	6	7	8	9	10	
1. Обществоведение	4	4	4	3	4	4	23
2. Русский язык и литература	5	4	4	3	3	3	22
3. Математика	6	4	4	3	3	3	23
4. Естествознание	4	3	4	2	2	2	17
5. Химия	—	2	2	2	2	2	10
6. Физика	—	3	4	4	3	3	17
7. Астрономия	—	—	—	—	2	—	2
8. География	2	2	2	—	—	—	6
9. Экономическая география	—	—	—	2	—	—	2
10. Иностранный язык	3	2	2	2	2	2	13
11. Труд	3	3	3	—	—	—	9
12. Изобразительные искусства	2	2	2	—	—	—	6
13. Музыка, пение	1	1	1	—	—	—	3
14. Физическая культура	2	2	2	2	2	2	12
15. Резерв для II концентра (специальные дисциплины, труд, изо, в зависимости от уклона)	—	—	—	13	13	15	41
Всего:	32	32	34	36	36	36	206

Таким образом, специальные предметы составляли 19,9% всего числа учебных часов. Труд по отношению к общему числу учебных часов в семилетке занимал 9,1%. Сильными недостатками учебного плана были: 1) отсутствие истории как самостоятельного предмета; 2) перегрузка учебными часами на I и II концентре (как видно из плана, ежедневное число учебных часов равнялось 6).

Учебный план строился по учебным предметам, однако предложенные методы учебной работы фактически уничтожали эти предметы, ломали план.

В связи с усилением левацких влияний уже в следующем году учебные планы 5—7 групп для ФЗС (а большинство семилеток было переведено на положение ФЗС) меняются; вместо недельного расчёта учебный план вводится из расчёта декады (десятидневки). *Сильно сокращается удельный вес в учебном плане общеобразовательных предметов* (например, естествознание с 11,2% понижается до 7,4% география с 6,1% до 4,4%, и т. д. И, наоборот, труд повышается больше чем вдвое (с 9,2% до 18,8%), в то время как на русский язык и литературу в планах ФЗС уделялось с 1930 г. всего 11,3% времени, на естествознание только 7,7%, на труд было уделено 18,8%.

Проект новых программ ФЗС (5—7 группы) был опубликован уже в 1931 г. Хотя эти программы были построены для каждого предмета отдельно, но расположение материала в пределах каждого предмета было приноровлено к проектным темам, чем нарушался принцип историзма в таких предметах, как литература и обществоведение, и логическая последовательность, система изложения ряда других наук (математики, физики, химии, естествознания и пр.).

В вводной записке к программам ФЗС 1930 г. говорилось [1]: «мы имеем основание говорить, что комплексно-проектная система работы и метод проектов есть то основное звено, за которое нужно ухватиться, чтобы в корне исправить допущенные ошибки и искривления, приведшие к омертвению комплексной системы, к превращению её в систему словесно-познавательную». «Установочной частью» каждого года обучения, т. е. «большими проектами», осуществляемыми в течение целого года, вводная записка и программа делали темы:

Для V года обучения — Хозяйственная пятилетка нашей фабрики (завода).
Для VI года » — Реконструкция народного хозяйства в пятилетнем плане.
Для VII года » — Капитализм и социализм.

К этой установочной части вводная записка давала перечень возможных проектов [2], например: «Рационализация школьной жизни и труда», «Создание уголка пятилетки в клубе фабрики (завода)», «Посылка бригады в подшефный колхоз по поручению шефских организаций» и т. д.

«Программы отдельных предметов», — говорилось далее в вводной записке, — «в значительной части ориентированы на установочную часть и на намеченный в программах перечень проектов».

Раньше, чем в других типах школ, программы и вообще школьная работа стала строиться по методу проектов именно в школах крестьянской молодежи (ШКМ).

С перестройкой школ крестьянской молодёжи в школы колхозной молодёжи [3] каждая ШКМ должна была «принять специальное направление (например полеводческое, тракторное, молочного животноводства, льноводства и т. д.)», причём Наркомпрос в указанном постановлении обязывал ШКМ обеспечить соединение всех учебных дисциплин с производственным обучением и общественно-полезной работой и создать наиболее благоприятные условия для развития метода проектов». В том же постановлении Коллегия Наркомпроса указывала, что ШКМ дол-

[1] «Программа фабрично-заводской семилетки», 1930, стр. 25.
[2] Там же, стр. 29.
[3] Постановление Коллегии Наркомпроса РСФСР от 5 февраля 1930 г.

жна «превратиться в своеобразный учебный цех «райколхозобъединения».

Соотношение теоретического обучения и практической работы, равное в учебном плане 1928 г. 2 : 1, было изменено в смысле ослабления теории и большого усиления числа часов практических, а именно: на теорию за 3 года обучения уделялось по плану 1930 г. 2 610 астрономических часов, а на практическую работу — 2 716 [1].

Программа 1930 г. была построена по методу проектов. Естествознание шло с нарушением системы последовательного развёртывания естествоведческих знаний по проектам: «Строение и жизнь сельскохозяйственных животных», (как часть проекта «Первоочередные улучшения в животноводстве»), «Сохраним и улучшим своё здоровье», «Как улучшить производство в колхозе», «Причины, влияющие на урожай». От изучения коровы, лошади и пр. переходили к сведениям о человеке (анатомия, физиология, гигиена), потом к птицам, затем к растениям, а на втором году после того, как предыдущие вопросы «изучены», начинали изучать «Понятие о клетке и тканях» и пр.

Та относительная систематичность, которая имелась в программе 1928 г. по физике (программа 1928 г. начинала изучение с вопросов: «Три состояния вещества», «Сила как источник движения» и пр.), была уничтожена, и первый год физики начинался в 1930 г. с «Отепления жилых и производственных зданий». В ШКМ широко применялся метод проектов, особенно в 1930—1931 гг. (до постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г.).

Коренной поворот в содержании школьного обучения был сделан историческим постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г.

Характеризуя достижения советской школы в смысле содержания школьного обучения, ЦК ВКП(б) в этом постановлении указывает, что «...принципиально иным стало содержание всей работы школы. Советская школа, ставящая своей задачей «подготовлять всесторонне развитых членов коммунистического общества», даёт детям несравненно более широкий общественно-политический кругозор и общее развитие, чем дореволюционная буржуазная школа. За последние годы возрос уровень общего образования детей в советской школе. ...Наряду с решающими шагами по осуществлению обязательного обучения детей школьного возраста, школа значительно продвинулась вперёд по пути соединения школьного обучения с производительным трудом и общественной работой, благодаря чему заложены основы перестройки школы на базе политехнизма».

Отмечая эти достижения, ЦК ВКП(б) вместе с тем указал на коренной недостаток школы, а именно на тот факт, «...что обучение в школе не даёт достаточного объёма общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)». ЦК поэтому предложил наркомпросам немедленно организовать научную разработку программ с тем, чтобы в этих программах был обеспечен точно очерченный круг систематизированных знаний и чтобы с 1 января 1932 г. преподавание велось по пересмотренным программам.

Согласно этим директивам Совнарком РСФСР 25 октября предложил Наркомпросу [1] в месячный срок пересмотреть программы начальной и средней школы, установив минимум систематических общеобразовательных знаний по отдельным предметам и обеспечив постановку коммунистического воспитания в школах. «Соединение обучения с производственным трудом проводить на такой основе, чтобы общественно-производительный труд учащихся был подчинён учебным и воспитательным целям школы».

Для начальной школы Коллегией Наркомпроса был установлен 29 октября 1931 г. следующий учебный план, по которому и были построены программы 1932 г. [2].

Основные виды работ	1 гр.	2 гр.	3 гр.	4 гр.	Итого
1. Естествознание с элементарной географией	100	100	—	—	200
2. Обществоведение с элементами истории	100	100	110	170	480
3. Естествознание	—	—	110	170	280
4. География	—	—	50	40	90
5. Родной язык	275	275	250	250	1050
6. Математика	200	200	200	200	800
7. Труд	105	105	105	105	420
8. Иностранный язык	—	—	50	50	100
9. Физическое воспитание	60	60	60	60	240
10. Художественное воспитание	60	60	60	60	240
а) пение, музыка	—	—	—	—	—
б) ИЗО	—	—	—	—	—
Всего за учебный год час.	900	900	995	1105	3900

Учебные планы в течение 1932 г. часто менялись. Так, после опубликования приведённого выше плана последовал 31 июля 1932 г. новый учебный план; 19 ноября 1932 г. учебный план начальной школы был изменён и дан в виде учебной сетки недельного расписания (для городской школы шестидневная и для сельской семидневная неделя).

[1] Программы школ колхозной молодёжи», 1930, вып. I, стр. 46.

[1] «Известия ЦИК и ВЦИК», 1931, № 298.

[2] «Бюллетень НКП РСФСР», 1931, № 48—49, стр. 614 (в итогах источника ошибочно напечатано в графе «4-я гр.» 1125 вместо 1105).

Не прослеживая месяц за месяцем изменения учебных планов ФЗС и ШКМ (9 февраля 1932 г., 31 июля 1932 г.) и учебных планов начальной и средней школы (19 ноября 1932 г.), приведём лишь учебные планы школы, как они сложились на 1934/35 уч. год; утверждены 31 июля 1934 г. [1]

Начальная школа (городская)

Число недельных часов при 6-дневной неделе

Предметы	Классы				
	I	II	III	IV	
Русский язык	9	8	7	7	Где имеется возможность, в IV классе может быть введено обучение иностранному языку по 3 часа в неделю сверх указанных часов.
Математика	5	5	5	6	
Естествознание	1	2	2	3	
Обществоведение	—	—	1	1	
География	—	—	2	3	
Физкультура	1	1	1	1	
Труд, рисование, лепка	3	3	3	3	
Пение и музыка	1	1	1	1	
Итого	20	20	22	25	

Учебный план городской средней школы 31 июля 1934 г. был установлен в следующем виде:

Предметы	Классы (число часов в шестидневку)									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Русский язык и литература	9	8	7	7	7	5	4	4	2	4
Математика	5	5	5	6	6 (5)	5	4 (5)	4 (5)	5	5
Естествознание	1	2	2	3	2 (3)	2	2	2	3 (2)	—
Биология и минералогия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (2)
География	—	—	2	3	2	2	2	2	2	—
История	—	—	—	—	2	2	2	4	4	—
История ВКП(б)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Иностранный язык	—	—	—	3	4	3	3	3	4	4
Физика	—	—	—	—	—	3	3	4 (3)	2 (3)	3 (2)
Астрономия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Химия	—	—	—	—	—	—	2	2	2	3
Естествоведение	—	—	1	1	1	1	1	—	—	—
Труд, лепка, рисование	3	3	3	3	—	—	—	—	—	—
Труд	—	—	—	—	3	3	3	3	3	3
Рисование	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—
Черчение	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1
Физкультура	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Военное дело	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Пение	1	1	1	1	1	1	1 (0)	—	—	—
	20	20	22	28	30	30	30	30	30	30

[1] «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», 1934, № 25, стр. 440.

В январе 1932 г. были изданы новые предметные программы, и преподавание со второго полугодия 1931/32 г. велось уже по этим программам. Они давали круг систематических общеобразовательных знаний и навыков, устанавливали связь теории с практикой и значительно содействовали повышению уровня знаний у учащихся.

В сельской начальной и средней школах, поскольку они работают по семидневной неделе, число недельных часов несколько разнится. Однако разница в общем количестве годовых часов получается незначительная. По сравнению с предыдущими планами учебный план средней школы 31 июля 1934 г. подвергся существенным изменениям в смысле большего приведения учебных предметов в соответствие с возрастом учащихся и устранения ненужного концентризма. Так, начало курса физики передвинуто с V класса на VI; начало химии, которая проходилась раньше пропедевтически в VI классе, передвинуто на VII класс, где она совершенно правильно начинает изучаться уже систематически. Сделаны изменения в построении курса истории и географии согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории и географии в школах.

По русскому языку программа обращала большое внимание на культуру устной и письменной речи учащихся, на грамматику и орфографию и знакомила учащихся, начиная с 3 группы, с художественной литературой, приучала детей пользоваться деловой и художественной речью. Программа указывала, «что язык должен войти в школы как орудие классовой борьбы и социалистического строительства». Хотя в программу начальной и средней школы было включено значительное количество произведений художественной литературы, однако печать большого социологизирования без достаточного изучения подлинников художественной литературы, недостаточная ещё систематичность и перегрузка, недоучёт возрастных особенностей детей сильно сказывались на программе по русскому языку и литературе. Пушкин, например, не был представлен в программе как величайший писатель, создатель русского литературного языка; почти исключительное внимание программа заостряла на том (с этого начинается раздел о Пушкине в программе), что «Пушкин был выразителем либерального дворянства, перерождающегося в буржуазию», и этой социологической характеристикой, лишь развивая её, программа и ограничивается. Изучение Пушкина разбросано по различным годам обучения: (V год — Дубровский, Песня о Стеньке Разине, Узник, Осень, Весна (из романа «Евгений Онегин»); VI год — Деревня, Послание в Сибирь, Капитанская дочка). Народный эпос (сказки, былины, песни, пословицы) не нашёл себе места в программе.

По математике программа ФЗС предусматривала: знание теории и приобретение навыков по определённым разделам математики; развитие математического мышления; ориентировку

в пространственных и качественных соотношениях и овладение методом математики. В первых четырёх классах давались: 4 действия с отвлечёнными и именованными числами и десятичными дробями; обыкновенные дроби, сложение, вычитание их и простейшие случаи умножения и деления их; метрическая система мер; первоначальные сведения по геометрии и элементарные навыки по черчению. В V—VII классах изучались систематический курс арифметики, алгебра (кончая квадратными уравнениями), геометрия (планиметрия и краткий курс стереометрии).

По естествознанию программа ставила задачей расширить кругозор детей знанием фактов о разнообразии объектов живой и органической природы, раскрыть учащимся простейшие диалектико-материалистические закономерности развития в природе на конкретном материале; показать овладение стихийными силами природы в процессе социалистического строительства; разбудить интерес к природе и вооружить учащихся элементарными навыками исследования природы. Темы по естествознанию в начальной школе программа 1932 г. брала такие:

Первая группа: Охрана здоровья. Осень. Зима. Весна. Лето. Работа по сельскому хозяйству.

Вторая группа: Охрана здоровья. Огород, сад, лес осенью. Домашние и дикие животные и птицы. Тепло, вода и воздух. Весна и весенние сельскохозяйственные работы. Работа по сельскому хозяйству.

Третья группа: Охрана здоровья. Полезные ископаемые — руды, металлы, минералы. Жизнь растения. Работа по сельскому хозяйству.

Четвёртая группа: Уголь, нефть, электричество. Как устроено и работает тело человека и животных. Жизнь и происхождение животных (и человека). Работа по сельскому хозяйству.

Достаточно бегло взглянуть на этот перечень тем, чтобы отметить, что следы былого комплексного построения программ, в частности, повторяемость из года в год тем не была ещё изжита при построении программы по естествознанию 1932 г. На 1—3 годах обучения 3 раза возвращаются к теме «Охрана здоровья». Излишний концентризм нарушает действительно систематическое изложение предмета. Разница в возрасте учащихся 1—2—3 групп настолько мала, что соображения против концентрации этого вопроса где-то на одном году обучения отпадают. Не учтены и возрастные особенности детей: едва ли дети 11 лет могут сознательно отнестись к сведениям о происхождении жизни на земле, животных и человека. Последнее обстоятельство — перегрузку программы и непосильность её для детей IV группы — отмечало большинство методических объединений учителей, проверявших программу на практике.

На 5—7 годах обучения курс естествознания строится систематически: 5-й год — биология растений; 6-й год — основы анатомии и физиологии животных и 7-й год — основы теории развития органического мира.

По географии в начальной школе в 3 группе изучались:

наша местность, район и область; земной шар, его изображение на глобусе и карте полушарий; как живут и чем занимаются трудящиеся нашего района и области.

В 4-й группе — СССР и другие страны мира.

В 5—7 группах изучались: физическая география, экономическая география СССР и капиталистические страны.

Некоторая повторяемость материала в 3—4 группах и 5—7 группах наблюдается и в этой программе. Кроме того, материал 3-й группы, касающийся «нашей области», прорезывается в середине года сведениями по физической географии (1. Наша область. 2. Земной шар. 3. Как живут трудящиеся в нашей области), а затем снова возвращается к вопросам, изучавшимся в начале года.

Обществоведение с элементами истории в начальной школе было построено по следующим темам.

Первый год. Первые шаги в школе. Октябрята. Наш колхоз (для сельской школы) или наша фабрика (для городской).

Второй год. Как жили рабочие и крестьяне раньше. Октябрьская революция. Красная Армия. Что дала Октябрьская революция рабочим и крестьянам.

Третий год. Революционная борьба рабочих и крестьян до революции 1905 г. Революция 1905 г. Октябрьская революция. Коммунистическая партия. Комсомол и пионерорганизация. Советы. Профсоюзы. Партия и социалистическое строительство.

Четвёртый год. План соцстроительства. Два мира — капиталистический и социалистический. Коммунистическая партия — передовая, самая сознательная часть рабочего класса.

В 5—6 группах курс обществоведения включал в себе элементы экономической политики, советского строительства.

Программа по обществоведению, давая сведения по общественным вопросам современности, способствуя политическому развитию учащихся, страдала с дидактической точки зрения теми же недостатками, что и ряд других программ, особенно же социологизированием без достаточного знания детьми конкретных фактов классовой борьбы, недостатком историзма, повторяемостью одних и тех же вопросов из года в год.

Программа по физике (5—7 группы), начинаясь с сообщения навыков необходимых измерений, давала далее изучение свойств вещества в твёрдом, жидком и газообразном состоянии, изучение простейших форм движения, механики, теплоты. 7-й год посвящался свету и электричеству.

По химии (5—7 группы) сначала в 5-й группе давался пропедевтический курс, подводивший учащихся к пониманию строения вещества и специфики химических изменений, а в 6—7 группах изучался краткий систематический курс (атомно-молекулярное учение, элементы, основания, соли и кислоты, основная химическая промышленность, знакомство с органическими веществами; родство химических элементов и строение вещества).

Построенные довольно стройно, программы по физике и химии, давая систематические знания, в то же время тесно связывали теоретические знания с практикой — промышленностью и предусматривали ряд экскурсий и опытов. Однако и эти программы не были свободны от повторений. Так, первая тема по физике для чего-то включала вопросы: измерение длины, объёма, единицы объёмов в метрической системе, единицы веса, как бы не доверяя, что все эти вопросы учащиеся знают уже из курса математики начальной школы. Вызывает сомнение и целесообразность годового пропедевтического курса химии на 5-м году обучения, если за ним сейчас же ставится двухлетний систематический курс.

Программа по труду в начальной школе предусматривала работы с бумагой и картоном, с текстильным материалом, со строительным материалом (глина, песок, камень), обработку дерева, сельскохозяйственные работы; элементарные электротехнические работы (электрический звонок, освещение и пр.).

Эта программа по труду для начальной школы и объяснительная записка к ней были составлены П. П. Блонским. Они насыщены педологическими извращениями: прожектёрской перегрузкой, педологическим схематизмом. Так, постановка трудового обучения на одном году должна, по мнению П. П. Блонского, развить какую-то одну сторону ребёнка, например, волю, на другом году развить понимание выгоды коллективизма, и т. д. В объяснительной записке указывается: «важно, чтобы основные технологические обобщения были усвоены ребёнком, хотя бы без соответствующих практических умений» и т. д.

В программу 5—7 годов включались общественно-производительный труд учащихся и изучение лесопромышленности и деревообработки, металлопромышленности и механической обработки металлов, химической промышленности и химической обработки материалов, энергетики, транспорта. На 7-м году 93 часа уделялось программой общественно-производительному труду учащихся на предприятиях и на изучение производства в целом, в зависимости от предприятия, к которому прикреплялась ФЗС: машиностроительному, текстильному или химической промышленности.

Эта прожектёрская программа на практике не осуществлялась ни в одной ФЗС, так как была совершенно непосильной и принципиально неправильной. Положение усугублялось недостатком оборудования, отсутствием квалифицированных преподавателей труда, и нередко отсутствием соответствующих предприятий для прикрепления школ.

На практике обучение часто сводилось к ремесленному труду в плохо оборудованных школьных мастерских. Такой труд, не давая расширения политехнического кругозора, отнимал лишь значительное количество времени у предметов, дающих общее образование и понимание производства в целом.

Несмотря на ряд недостатков и недоработанность программ 1932 г., они делали громадный шаг вперёд в смысле сообщения систематических общеобразовательных знаний, приобретения твёрдых навыков, расширения кругозора учащихся и коммунистического воспитания всесторонне развитых строителей коммунистического общества.

Это отметили учителя на местах. Опыт применения этих программ подвергся тщательному методическому анализу. Приведём для примера характеристику программ Тамбовским объединением словесников при пединституте[1], которое постановило «приветствовать новые программы по языку и литературе» и отметило как положительные стороны этих программ: 1) обеспечение строго очерченного круга знаний и навыков по предмету; 2) изучение языка и литературы как орудия классовой борьбы и использование его в целях социального воздействия; 3) историко-литературное построение курса; 4) целостное изучение языковых фактов, 5) широкую постановку работ по словарю; 6) общественно-деловой характер работ по развитию речи; 7) учёт фактов современного состояния языка и литературы и ознакомление с языковой политикой СССР; 8) чёткое определение места предмета в политехнической школе; 9) решительное осуждение методического прожектёрства.

Одновременно словесники г. Тамбова отмечали перегруженность программы, несоответствие некоторых литературных произведений возрасту учащихся, излишнее методологизирование, неясную постановку вопроса об упражнениях и др.

Педагоги 1-й ФЗС г. Орла отмечали, что программы 1932 г., давая строго очерченный круг знаний, устанавливают естественные связи между предметами. «Новые программы дают точные установки планирования по каждой дисциплине, помогают вести контроль, точный учёт работы и знаний, облегчают этим работу учителя», писали учителя этой школы[2]. Вместе с тем они отмечали ряд недостатков программ (перегруженность программ по обществоведению и некоторая перегрузка программы по математике и пр.)

Учителя на местах выяснили несогласованность программ по отдельным предметам. Так, по обществоведению в начале IV года обучения изучается СССР, а по географии в это же время — карта мира; наоборот, в конце года по обществоведению идут капиталистические страны, а по географии — СССР. По естествознанию металл изучался на 3-м году, а по труду в это же время — текстиль. Ряд подобных же неувязок был и по другим предметам. В программах по труду была масса повторений, взятых из курса естествознания, физики, химии и мате-

[1] Протокол 11 марта 1932 г. (Научный архив Академии педагогических наук РСФСР).

[2] Из материалов кабинета истории педагогики Центрального научно-исследовательского института педагогики. (Научный архив АПН РСФСР).

матики и расположенных довольно бессистемно: иногда эти сведения практического характера предваряли теоретическое освещение вопроса, иногда же отставали от них на год. Например, сведения о песчанике и др. строительных камнях давались программой по труду в начале первого года обучения, а в курсе естествознания — на третьем году обучения и т. д.

Мы привели несколько из тысячи примеров, как на местах были поставлены изучение и опытная проверка программ. Методические органы ОНО, профсоюз работников просвещения, исследовательские институты, учителя каждой школы, учительские конференции развернули огромную работу по анализу программ 1932 г. При этом анализе был широчайшим образом проведен *принцип демократизма* в программной работе школы. Ценность этих разносторонних данных весьма значительна.

Весь этот огромнейший материал поступил затем в ЦК ВКП(б), подвергся глубокому изучению и на основании этого изучения было сделано 25 августа 1932 г. постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». Вся эта работа по проверке программ на практике, организованная по указанию ЦК ВКП(б), служит образцом, как следует изучать опыт массовой школы.

В своём постановлении 25 августа 1932 г. ЦК ВКП(б) устанавливает, что «в области начальной и средней школы по РСФСР за последний год произошли значительные сдвиги в связи с введением всеобщего обязательного обучения, переходом к систематическому усвоению наук на основе определённых учебных планов, программ и расписаний». ЦК, отмечая, что учебные программы 1932 г. значительно улучшились, стали выше по объёму знаний и систематичнее по расположению учебного материала, указывает однако, что они всё ещё страдают существенными недостатками (особенно программы 5—7 гг. обучения).

Главнейшими недостатками программ 1932 г., как указывал ЦК на основании глубокого изучения этих программ и опыта их применения на практике в течение второго полугодия 1931/32 г., являлись: а) *перегрузка программ учебным материалом,* что приводило к прохождению ряда дисциплин наспех, без достаточного закрепления знаний; б) *недостаточность и даже отсутствие увязки* между отдельными программами; в) *наличие принципиальных ошибок* и упрощенческо-вульгаризаторский подход некоторых составителей к своей задаче (например, отсутствие понятия о клетке в курсе биологии, политические ошибки в курсе обществоведения); г) *недостаточность исторического подхода* к программам по общественным предметам.

ЦК ВКП(б) поручил переработать программы к началу 1933 г. «...таким образом, чтобы обеспечить действительно прочное и систематическое усвоение детьми основ наук, знание фактов и навыки правильной речи, письма, математических упражнений и пр.». Для выполнения этой задачи ЦК ВКП(б) дал ряд конкретных указаний, что и как именно следует изменить в отдельных программах.

На основе этих указаний ЦК программы 1932 г. были переработаны в стабильные программы 1933 г. Но и с изданием стабильных программ 1933 г. работа по улучшению программ не закончилась. Опыт преподавания выявил ещё некоторые недостатки программ. Поскольку, однако, необходимые исправления не имели характера коренных изменений, Наркомпрос, не желая нарушать принципа стабильности, издаёт в 1934 г. «Указания к программам для неполной средней школы», в которых выясняются главнейшие недостатки программ 1933 г. и даются указания к их исправлению. Общим недочётом программ являлась их перегруженность учебным материалом. Поэтому программы некоторых предметов исправляются в смысле сокращения объёма сведений и приведения его в соответствие с уровнем развития учащихся данного класса. Вместе с этим происходит и некоторая перестройка программ и учебных планов. Особенно большие изменения произошли в преподавании истории и географии.

Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) (16 мая 1934 г.) о преподавании гражданской истории и географии указали, что раньше это преподавание имело отвлечённый, схематический характер: не было живого занимательного изложения главнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, наблюдалось схематическое социологизирование. Дети, не будучи знакомы с фактами, брали со слов учителя или из учебника оценки этих фактов, в изложении преподавателя истории не выступали живые исторические деятели. После указаний Совнаркома СССР и ЦК относительно устранения этих недостатков курс истории значительно улучшился. Такие же улучшения произошли в курсе географии: преподавание сделалось более образным, насыщенным фактами, знакомящими с живыми картинами природы и жизни изучаемых стран.

В последующие годы в ещё большей мере активизировалась деятельность школы по укреплению учебно-воспитательной работы.

Учебные планы, программы и организация учебной работы, будучи в основном определены постановлениями ЦК ВКП(б), начиная с постановления 5 сентября 1931 г., на основании опыта работы школы уточнялись.

Приведём здесь лишь учебный план средней сельской школы, так как сетка недельных часов начальной и неполной средней сельской школы соответствует учебному плану I—V и V—VII классов средней школы; некоторые небольшие изменения в числе годовых часов городской школы по сравнению с сельской обусловлены тем, что городская школа работала по шестидневной, а сельская по семидневной неделе.

Учебный план сельской средней школы, утверждённый 26 ок-

тября 1935 г. (числа, поставленные в скобках, обозначают число часов во 2-м полугодии) был таков:

Предметы	Классы										Всего годовых учебных часов
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
Русский язык . .	11	11	8	7	6	4	3	2	—	—	1 826
Литература . . .	—	—	—	—	3	3	3	3	4	5	756
Математика . . .	6	6	6	7	7	6	5	5	5	6/7	2 124
Естествознание .	3	3	3(2)	3	3	3	3	3	3	—	972
История	—	—	1(2)	3	3	3	3	5	5	5	1 026
География	—	—	3	3	3	3	3	3	3	—	756
Физика	—	—	—	—	—	3	4(3)	4(3)	3	3	576
Химия	—	—	—	—	—	—	2(3)	2(3)	3	4	432
Геология и минералогия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2(1)	54
Обществоведение	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	108
Иностранный язык	—	—	—	—	2	2	2	2	2	2	432
Рисование . . .	1	1	} 1	1	1	1	—	—	—	—	180
Пение	1	1			1	—	—	—	—	—	144
Черчение	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	180
Рукоделие и труд	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	360
Физкультура . .	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	360
Военные занятия	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	108
	24	24	24	26	31	32	32	32	32	32	10 404

Общая тенденция при некотором изменении числа учебных часов по сравнению с предыдущими планами — это увеличение числа часов на русский язык и литературу (в связи с борьбой за грамотность), на географию и историю (в связи с постановлением ЦК ВКП(б) о преподавании этих предметов) и понижение числа часов на труд.

Дальнейшими распоряжениями Наркомпроса преподавание труда было оставлено лишь в младших классах с передачей освободившихся часов на русский язык.

Эти мероприятия были вызваны тем, что трудовое обучение в школе свелось на практике к так называемому преподаванию труда и организации при школах слесарных, столярных, токарных и других мастерских с кустарной, примитивной техникой.

Такое искажённое представление о технике, какое учащиеся получали в примитивных школьных мастерских, особенно стало нетерпимо в конце второй пятилетки социалистического строительства, когда наша техника мощно шагнула вперёд. К тому же преподавание ручного труда велось в большинстве школ мало квалифицированными в педагогическом отношении специалистами, что отражалось на общей постановке учебно-воспитательной работы. Эти уроки были оторваны от общеобразовательных предметов — физики, химии, естествознания, математики — и

являлись выучкой (крайне к тому же примитивной) приемам ручного труда по тому или другому ремеслу.

Оборудование подавляющего большинства мастерских было примитивным (отсутствие механических двигателей, сравнение работы которых с ручной работой могло дать детям хотя бы элементарное представлениое о выгодах машинного труда, и пр.). В постановке так называемого ручного труда более, чем какого-либо другого предмета, жили ещё остатки левацкой теории «отмирания школы».

4 марта 1937 г. преподавание труда как самостоятельного предмета во всех классах начальной, неполной средней и средней школы было отменено, а освободившиеся часы (1 час в неделю) были переданы на преподавание русского языка и математики (в VIII—X классах — на преподавание Конституции СССР).

После принятия VIII Чрезвычайным съездом Советов Сталинской Конституции в VII—X классах средней школы было введено во втором полугодии 1936/37 учебного года (весна 1937 г.) в течение одного часа в неделю преподавание Конституции с тем, что в последующие годы оно будет сосредоточено в седьмом классе. Детям надо было дать понятие о величайшем историческом документе, показать огромнейшие достижения социалистического строительства.

Изучая Сталинскую Конституцию, учащиеся советской школы должны были увидеть, что только в стране победившего социализма возможен настоящий демократизм, только трудящиеся нашей социалистической родины обладают всеми возможностями для всестороннего развития, только здесь исчезла эксплоатация человека человеком; труд становится радостным и творческим; действительно равноправны все народы СССР, действительно равноправна женщина. На уроках Конституции учащиеся должны были лучше осознать и привести в систему имеющиеся у них знания о нашей социалистической родине, о всей политике партии и правительства, о нашем народе.

Большие сдвиги произошли и в преподавании русского языка и литературы.

Принятый раньше порочный «метод целых слов» обучения грамоте приводил к многочисленным искажениям детьми слов при чтении (поскольку с самого начала не воспитывалась привычка анализировать слово, а, наоборот, дети приучались «схватывать» слово в целом). Этот метод насаждал орфографическую безграмотность, так как не фиксировалось внимание ребёнка на отдельных, входящих в состав слова, звукобуквах.

Этот «метод» развивал поверхностное отношение учащихся к работе. «Метод целых слов» был разоблачён в ряде статей педагогов в газете «За коммунистическое Просвещение». Обучение грамоте стало производиться по звуковому методу (в его аналитико-синтетической разновидности).

Усиленная борьба с недостаточной грамотностью учащихся

из года в год давала всё более и более положительные результаты. Так, характеризуя итоги учебной работы за 1935/36 учебный год, управление начальной и средней школы Наркомпроса РСФСР в своём отчёте пишет: «Истекший учебный год для начальных школ характерен усиленной работой над повышением грамотности учащихся. На этом главным образом было сосредоточено всё внимание учителя... Многие передовые школы достигли значительных успехов в разрешении этой задачи».

В борьбе за грамотность все школы имели некоторые успехи. Так, по данным выборочного обследования Наркомпроса, охватившего 225 массовых школ, наблюдалось следующее снижение числа ошибок: в 1934/35 г. на одного ученика приходилось в среднем 5,9 ошибок, а в 1935/36 г. — 5,1. К 1937 г. достижения были значительно выше. Выросло число школ и учителей, у которых совершенно нет неуспевающих учеников или число их очень незначительно. Таких учителей по г. Москве к началу 1937 г. насчитывалось 1230, по Горьковской обл. — свыше 200, по Свердловской — свыше 150 и т. д. Если в 1933/34 г. число хороших и отличных работ не поднималось выше 10—13% (от всего числа работ), то в 1935/36 г. при повысившихся требованиях процент хороших и отличных работ, например, по городским средним школам Тульской области поднялся до 40; по ряду школ Московской области — до 30 и выше. В первом же полугодии 1936/37 учебного года количество учеников, научившихся писать отлично и хорошо, достигает по начальным школам 40—50%.

При преподавании литературы дети всё более и более приучались ценить художественное слово и великих русских писателей. Социологизм и схематизм, левацкие, вульгаризаторские «оценки» великих писателей, наблюдавшиеся ранее в практике преподавания литературы, были устранены. Особенное значение для этого перелома имели статьи А. М. Горького о языке, его призыв учиться у великих писателей, а также всенародное чествование памяти нашего величайшего поэта А. С. Пушкина. Такого бережного внимания к Пушкину, такой любви к нему, как к народному поэту, какие были проявлены коммунистической партией, советским правительством и советской общественностью, не было и не могло быть по отношению к великим писателям ни в одной стране. Произведения Пушкина и его биография были выпущены на языках многочисленных народов СССР массовыми тиражами. На уроках и в литературных кружках глубоко были изучены произведения Пушкина, устроены посвящённые ему концерты, вечера и выставки, на которых были экспонированы сотни детских рисунков, иллюстрирующих произведения Пушкина.

По математике программы средних школ были значительно разгружены от повторений, более систематизированы. Это значительно улучшило преподавание и повысило успеваемость

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории и опубликование замечаний И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова по поводу конспектов учебников истории решительно улучшило преподавание истории. Увеличился объём знаний исторических фактов, сведений об исторических событиях и деятелях, более последовательным и систематичным стало изложение хода исторического процесса благодаря хронологическому расположению материала по курсам древней, средней и новой истории и истории СССР. Другое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. о преподавании географии упрочило положение этого предмета в школе и способствовало резкому повышению уровня географических знаний учащихся.

Особенно следует отметить повышение умения учащихся ориентироваться в географической карте.

Постановления ЦК ВКП(б) о школе от 5 сентября 1931 г. и 25 августа 1932 г. и «О работе пионерской организации» от 21 апреля 1932 г. по-новому поставили воспитательную работу школы. В первом из этих постановлений ЦК указал, что «в период социализма, когда пролетариат осуществляет окончательное уничтожение классов в условиях обострённой классовой борьбы, исключительно важное значение приобретает выдержанное коммунистическое воспитание в советской школе и усиление борьбы против всяких попыток привить детям советской школы элементы антипролетарской идеологии». В постановлении от 25 августа 1932 г. ЦК ВКП(б) особенное внимание обратил на укрепление сознательной дисциплины учащихся. В постановлении «О работе пионерской организации» ЦК дал директиву об усилении внимания пионерской организации к борьбе за общеобразовательные знания, за развёртывание физкультурной работы среди детей, за выработку социалистического отношения к труду, организацию детского досуга, интернационального воспитания.

Большой заботой о ребёнке и любовью к нему проникнуты конкретные указания ЦК о тех мероприятиях, которые необходимо осуществить для перестройки воспитательной работы: широкая сеть физкультурных мероприятий (лагери, лыжные станции, детские катки и т. д.), организация детских технических станций для политехнического обучения детей и развития их изобретательства, сеть экскурсионно-туристических баз, детских парков культуры и отдыха, детских кино и театров и т. д.

Выполняя эти директивы, Совнарком РСФСР издал 26 декабря 1932 г. постановление «О мероприятиях по развёртыванию внешкольной работы среди детей в 1933 г.»[1], в котором наметил организацию за счёт государственных и общественных средств большого количества указанных выше мероприятий, предписал всем театрам и кино включить в план работы обслуживание

[1] Бюллетень Наркомпроса РСФСР, 1933, № 1.

детей в соответствии с воспитательными задачами школы, обязал наркомздравы совместно с наркомпросами разработать детальные планы использования летом и зимой бульваров и скверов для работы с детьми.

Широчайшие мероприятия были намечены по развёртыванию внешкольной работы с детьми. Наркомпросом РСФСР в 1933 г. были открыты 400 новых районных детских библиотек, 300 детских технических станций, 25 образцовых детских клубов, 10 детских театров. Широкое распространение получили детские праздники и вечера самодеятельности с участием родителей. В 1932 г. было издано постановление Совнаркома РСФСР о кинофикации школы (от 1 июня 1932 г.), которым было предусмотрено снабжение в 1932 г. школ 1650 киноаппаратами, выделение для нужд школы одного миллиона метров киноплёнки, разработка пятилетнего плана кинофикации всей сети массовых школ.

В 1933/34 учебном году была проведена большая работа по радиофикации массовой школы. Огромное развитие получила кружковая работа, способствовавшая углублению знаний учащихся по литературе, биологии, физико-математическим наукам, развитию интереса детей к фото, радио и т. д. Особенное внимание, было обращено на художественное воспитание детей.

Вся работа по социалистическому строительству и эта любовная забота о воспитании молодого поколения дали детям нашей социалистической родины здоровое, жизнерадостное, счастливое детство, какого не знают дети ни одной капиталистической страны, разбудили, развили молодые таланты, что так ярко сказалось на художественных смотрах детской самодеятельности в 1934—1941 гг. и особенно на международных музыкальных конкурсах, когда наши молодые пианисты и скрипачи взяли первые премии.

Начиная с 1932 г. благодаря интенсивной борьбе за систематические общеобразовательные знания и работе школы по новым предметным программам сильно двинулось вперёд воспитание *марксистско-ленинского мировоззрения молодёжи.*

Окрепли научные знания учащихся, как основа их материалистических взглядов.

По-новому был поставлен вопрос и о физическом воспитании в советской школе. 1932/33 г. был годом завершения перестройки и закрепления новых форм физкультурной работы в школе. В основу этой перестройки был положен лозунг «Готов к труду и обороне» и подготовка школ к мировой спартакиаде 1934 г. С этими установками шла, например, физкультурная работа ленинградских школ [1], как и других школ Союза.

Уже в самом начале периода 26 ноября 1930 г. Коллегия Наркомпроса постановила произвести смотр работы по обороне

[1] Архив Министерства просвещения РСФСР, фонд Управления начальной и средней школы, опись 110, дело 230/25, порядков. № 30, ч. I, л. 159. Отчёт о работе ленинградских школ за 1932/33 г.

страны в массовой школе, мотивируя своё постановление тем, что «в условиях обострения отношений между капиталистическим миром и СССР дело укрепления обороны страны приобретает исключительное значение». В январе 1932 г. Совет физической культуры по согласованию с Центральным бюро пионеров, ВЦСПС и другими организациями обеспечил необходимые условия для зимнего спорта детей на катках, лыжных станциях и т. п. и вообще для развития детской физкультурной работы. Особенное внимание на улучшение физического воспитания детей обратил ЦК ВКП(б) в своём постановлении «О работе пионерской организации» от 21 апреля 1932 г. ЦК признал деятельность различных организаций по оздоровительным мероприятиям среди детей неудовлетворительной и обязал комсомол, наркомпросы, наркомздравы и советы физической культуры усилить физическое воспитание детей.

Выполняя эту директиву, Центральный совет физкультуры 22 июня 1932 г. предложил школам принять более энергичные меры по развёртыванию самодеятельного физкультурного движения в массовой школе. На всех стадионах, водных станциях, площадках, катках, лыжных станциях и в школах плавания был выделен один день в декаду и, кроме того, ежедневно не менее 4 часов для бесплатного обслуживания детей школьного возраста с обеспечением последних спортинвентарём и инструкторами. Летом 1932 г. в Центральной чернозёмной области было создано 100 физкультплощадок, проведена областная спартакиада школьников, сильно возросло число физкультурных кружков. Однако, так как в других областях школьно-физкультурная работа развёртывалась всё же не теми темпами, какие намечала коммунистическая партия, Совет физической культуры совместно с Наркомпросом РСФСР наметил широкий план развёртывания физического воспитания в школах, куда вошли: игры на льду, лыжные вылазки и походы, физкультурные праздники, катание с гор, карнавалы, киноутренники на физкультурные темы и т. д., с тем чтобы вся физкультурная работа была подчинена учебно-воспитательным целям школы и был обеспечен врачебный надзор.

Физическое воспитание советских школьников тесно увязывалось с воспитанием у них готовности защищать социалистическую родину от нападений врага.

Так же широко был в течение рассматриваемого периода поставлен вопрос о *художественном воспитании детей.* Большую роль в этом отношении сыграл Центральный дом художественного воспитания детей в Москве, по образцу которого согласно предписанию Наркомпроса от 18 ноября 1931 г. [1] было организовано несколько областных и краевых домов художественного воспитания детей. В 1932 г. соответствующими учреждениями и ор-

[1] Бюллетень Наркомпроса РСФСР, 1931, № 52, стр. 661.

ганизациями (Наркомпрос, Центрожилсоюз, Наркомхоз и др.) были сделаны шаги, чтобы приблизить художественную воспитательную работу с детьми «к семье, к двору, к дому, где ребята проводят значительную часть своего дня» [1]. С этой целью было предложено организовать в каждом крупном жакте, совхозе и колхозе детские комнаты с широкой постановкой в них художественного воспитания (музыкальная, изобразительная, театральная, кино- и радиоработа). Эти и другие мероприятия и всё развёртывание внешкольной работы с детьми дали уже к концу периода большие результаты: во многих школах создались хоры, оркестры, кружки рисования и живописи. В конце 1933/34 учебного года (июнь) были проведены районные и городские олимпиады художественного творчества детей—массовые выступления детских хоров, оркестров, физкультурно-ритмических коллективов, театральные игры и выступления талантливых одиночек. Эти смотры детской художественной самодеятельности были проведены при широком участии советской общественности. В результате этой олимпиады многим детям была обеспечена дальнейшая подготовка в специальных художественных учебных заведениях и кружках.

Воспитание инициативы и творческой самодеятельности учащихся осуществлялось всей суммой внешкольных мероприятий, о которых мы говорили выше (участие в школьных ячейках добровольных обществ, проведение физкультурных, художественных мероприятий и пр.) Большую роль в развитии творческой самодеятельности детей сыграли кружки, получившие широкое распространение в большинстве школ Союза. Сюда нужно отнести литературные кружки (по типам школ — для учащихся начальной школы, неполной средней и средней школы), по естествознанию, химии и пр., а также радио-кружок, технические кружки, музыкальные и хоровые, драматические, физкультурные и т. д. Так, в Лосиноостровской десятилетке в 1932/33 г. существовали кружки: изобразительных искусств, физкультурный, который выставил на демонстрацию 1 мая 1932 г. 200 физкультурников; кружок делился на ряд групп (лыжная, волейбольная и пр.); шахматный кружок организовал в конце года турнир; музыкальный кружок с подразделениями: шумовой оркестр, хор, 3 драматических кружка и кружок затейников.

Огромную роль в деле воспитания творческой самодеятельности играли в течение рассматриваемого периода *детские технические станции, агробиостанции и кружки юных натуралистов*.

Детские технические станции развивали любовь детей к технике, стимулировали детское изобретательство; агробиостанции и кружки юннатов играли ту же роль в деле развития любви детей к природе, углубляли знания по естествоведению. Принцип соединения обучения с производительным трудом, принцип

[1] Бюллетень Наркомпроса РСФСР, 1932, № 44, стр. 568.

учёта детских интересов, целесообразное проведение досуга, развитие у детей уменья добиваться раз поставленной цели и целый ряд других воспитательных моментов нашли себе в этих мероприятиях широкое применение.

О работе *детских технических станций* могут дать представление следующие данные по Лосиноостровской станции (близ Москвы). Организованная 1 января 1933 г. Лосиноостровская детская техническая станция уже к октябрю того же года развернула кружки: 1) фотокружок (12 человек), 2) радиокружок (10 человек), 3) и 4) два кружка авиамоделистов (24 школьника), 5) электротехнический кружок, 6) транспортный кружок — по изучению паровозов, электровозов, электрической железной дороги (станция была первоначально организована как районная детская техническая станция северных железных дорог); 7) столярный кружок (10 человек).

В известной по своей учебно-воспитательной работе *Ермолинской школе* (Западная обл.) уже давно был организован сельскохозяйственный кружок, превратившийся в 1933 г. в кружок мичуринцев. К этому времени в школьном саду существовало несколько сот плодовых деревьев, посаженных самими детьми, а в питомнике имелись уссурийские груши, лимонник, бархатное дерево, туи, американский орех и пр. — всего до 70 сортов. «Это самый настоящий ботанический сад в условиях сельской местности», как охарактеризовал питомник местный агроном.

Юные мичуринцы вели переписку с целым рядом сельскохозяйственных станций всего СССР, особенно же с Мичуриным. В 1930/31 г. при школе был заложен на площади в 3 *га* дубовый парк. Питомник и пришкольный участок снабжал фруктовыми саженцами и другими культурными растениями ближайшие колхозы.

Мы привели два примера работы детской технической станции и сельскохозяйственного кружка. Но примеры эти далеко не единичные. Можно было бы наполнить много страниц лишь кратким перечислением подобной же работы тысяч других школ.

Особенно большое внимание было обращено на воспитание *сознательной дисциплины*. Этому укреплению сознательной дисциплины служили с 1931/32 г. улучшение организации учебной работы, введение твёрдого, чёткого режима школы, о чём мы говорили раньше, поднятие авторитета учителя, работа классных руководителей (именовавшихся ранее групповодами), правильная организация учёта знаний учащихся, широкая постановка внешкольной работы с детьми. Особенно большое значение в деле укрепления сознательной дисциплины имели постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. и «О работе пионерской организации» (21 апреля 1932 г.). ЦК указал на необходимость «...повести настойчивую воспитательную работу, борясь с нарушающими порядок в школе проступками учащихся, привлекая к этому делу общественные организации, родителей, комсомоль-

ские и пионерские организации, а неисправных из учащихся, хулиганствующих и оскорбляющих учащий персонал, нарушающих распоряжения администрации школы и педагогов и ломающих школьный режим, портящих или расхищающих имущество школы, — исключать из школы без права поступления в школу сроком от одного до трёх лет». К последней мере, впрочем, благодаря воспитательной работе, проводимой с детьми-дезорганизаторами, в практике школы приходилось прибегать очень редко; применялась она очень осторожно, после испробования всех остальных мероприятий по исправлению учащегося и каждый раз с утверждением отдела народного образования.

Какие воспитательные меры с целью укрепления сознательной дисциплины применяли школы, можно видеть из следующего протокола собрания групповодов Краснопресненского района г. Москвы от 14 декабря 1932 г.[1].

Констатируя, что дисциплина повысилась, объединение групповодов указывает, что это было достигнуто следующими мероприятиями: 1) внешкольная работа с детьми по организации перемен, 2) индивидуальная беседа, 3) посещение на дому, 4) вызов родителей на консультацию, 5) общие беседы после уроков по 10 минут, 6) уплотнение учебного часа, 7) дополнительные работы учащихся, быстрее других выполняющих своё задание на уроке.

В результате борьбы за сознательную дисциплину раньше всего эта дисциплина установилась в классе, на уроке. Хуже обстояло дело во внеурочное время в школе (на переменах и пр.) и ещё слабее была дисциплина учащихся вне школы (на улицах, во дворах). Широко поставленной внешкольной работой с детьми (о чём мы говорили выше), беседами и консультациями с родителями удалось достигнуть значительных результатов и в отношении дисциплины учащихся вне помещения школы.

Большую роль в деле борьбы за общеобразовательные знания и сознательную дисциплину и вообще за коммунистическое воспитание сыграла *пионерская организация,* работа которой была перестроена на основе постановления ЦК ВКП(б) от 21 апреля 1932 г. Пионеры, как и следовало ожидать, служили примером коммунистического отношения к учению, общественно-полезной работе и дисциплине. Они же проявляли большую инициативу во внешкольной работе. Лучшие пионеры дали высокие образцы классовой бдительности и коммунистического отношения к общественной собственности. В условиях возрастающей классовой борьбы и сопротивления остатков кулачества успешно проводимой коллективизации классовые враги не останавливались даже перед убийством ребёнка (пионера Павлика Морозова).

Стали создаваться дворцы и дома пионеров и октябрят (в

[1] Из материалов педкабинетов Краснопресненского района (Научный архив АПН РСФСР).

Харькове, например, Дворец Пионеров, открытие которого состоялось в 1935 г.). Снабжённые прекрасными библиотеками, лабораториями (в Харькове, например, химическая, сельскохозяйственная, радиолаборатория, железнодорожного транспорта и др.), сценой, музыкальными инструментами, физкультинвентарём, площадками для спорта и игр, находясь под руководством квалифицированных педагогов, дома пионеров сильно способствовали политическому развитию пионеров, развитию в них самодеятельности, повышению знаний, выращиванию здоровой, жизнерадостной большевистской смены.

Большое значение в смысле улучшения воспитательной работы и борьбы за высокое качество образовательной работы средней школы имели ячейки ВЛКСМ. Эти ячейки явились ближайшими руководителями деятельности пионерских организаций, выделяли лучших комсомольцев в качестве вожатых пионеротрядов, давали пример соцсоревнования и ударничества, показывали пример общественной работы учащимся. Особое внимание было обращено ВЛКСМ на подбор вожатых. Уже на исходе рассматриваемого периода ЦК ВЛКСМ произвёл обследование работы вожатых и постановлением от 6 января 1935 г. потребовал, чтобы каждый вожатый своей аккуратностью, организованностью, культурностью, в частности, правильной речью, опрятностью и чистотой одежды, и вообще всем своим поведением способствовал воспитанию организационной, культурной, дисциплинированной смены.

В области взаимоотношений пионерской организации и школы имели место некоторые извращения. Они выразились в попытках ликвидации пионердвижения под предлогом его «слияния со школой», кое-где имели место попытки передачи функций школы пионердвижению, что являлось прямым отражением антиленинской теории «отмирания школы». В некоторых школах (преимущественно «образцовых») имелись попытки ликвидировать самоуправление учащихся, передав его функции пионерской организации под тем предлогом, что все учащиеся должны быть пионерами. ЦК ВКП(б) в своём постановлении от 21 апреля 1932 г. решительно осудил все эти извращения.

Улучшению воспитательной работы способствовало также установление института групповодов. Функции этого института с переименованием его в «классные руководители» были уточнены положением 28 июня 1934 г. Классный руководитель обязан был изучать каждого ученика в отношении его поведения, успеваемости, материально-бытовых условий, состояния здоровья и т. д. Этим был сделан большой шаг к уничтожению той прерогативы изучения учащихся, которую присвоили себе педологи. Осуществляя это изучение не искусственными приёмами, как это делали педологи, а путём длительного наблюдения в процессе всей школьной работы учащихся, классный руководитель, не в пример педологам, действительно содействовал повышению

уровня воспитательной и учебной работы школы. Можно указать много случаев, когда внимательным, заботливым, действительно педагогическим подходом к учащимся классные руководители умели поддержать у отдельных учащихся уверенность в их силах, пробудить энергию, нередко коренным образом исправить дезорганизаторов.

Правильное выполнение обязанностей классного руководителя предполагало обязательно и преподавательскую его работу в данном классе, и поэтому опыт (правда, кратковременный и в небольшом числе школ) выделения из среды педагогов классных руководителей нескольких классов, с освобождением этих педагогов от преподавательской работы, был неправилен, так как функции учителя-преподавателя и воспитателя неразрывны.

Большую роль сыграла в смысле улучшения воспитательной работы и, в частности, в деле борьбы за укрепление сознательной дисциплины *тесная связь школы с родителями.*

Связь эта, кроме участия родителей в комитетах содействия школе, которые усилили своё внимание к постановке воспитательной работы, осуществлялась путём посещения классным руководителем учащихся на дому и индивидуальными беседами с родителями, посредством собраний родителей, консультаций и докладов родителям по вопросам воспитательной работы. В некоторых школах такие собрания по классам устраивались ежемесячно; присутствовало от 30 до 150 и более родителей. После собраний нередко часть родителей оставалась на индивидуальную консультацию.

Нередко ставились вызывавшие большой интерес у родителей доклады с разъяснениями руководящих постановлений ЦК ВКП(б) о школе: «Как семья может помочь школе», «Как дети должны готовить уроки», «О дисциплине детей» и т. д.

Всеми мероприятиями партии и правительства вопрос о воспитательной работе был поднят на большую высоту. К этому важному вопросу было повышено внимание местных партийных и комсомольских организаций и других общественных организаций. В эту борьбу за повышение воспитательной работы были вовлечены профсоюзы, добровольные общества, жакты. Советская общественность развернула широкую деятельность.

В сталинском лозунге «Кадры решают всё», выдвинутом в речи 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной Армии, подчёркнута забота о человеке, достойном эпохи социализма, забота о выращивании людей, способных двигать вперёд дело социалистического строительства, овладевать новейшей техникой, забота о выращивании людей, преданных делу коммунизма. В этом лозунге И. В. Сталин указал на необходимость борьбы за нового человека, борьбы за большевистские кадры, за кадры, овладевшие техникой. Энтузиазм строителей страны социализма способствовал созданию стахановского движения, которое по определению И. В. Сталина «...войдёт в историю нашего социалистического строительства, как одна из самых славных её страниц» [1].

В речи на совещании стахановцев товарищ Сталин дал характеристику стахановцев, начавших движение, которое представляет будущность нашей индустрии. «Присмотритесь к товарищам стахановцам, — говорил И. В. Сталин. Что это за люди?» [2]. И далее он привёл характеристику человека эпохи социализма, показав уровень его культуры, умение овладевать техникой своего дела, сознательное отношение к труду, дисциплинированность, высокую организованность, уменье ценить время и другие качества.

Лозунг овладения большевизмом, данный партией в речи И. В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г., явился прямым продолжением директив партии, призывавших к бдительности, к большевистской настороженности, к умению распознавать врага, продолжением борьбы за подлинно большевистские кадры, за воспитание подлинно социалистических людей. Выдвинутые товарищем Сталиным положения направляли всю работу школы.

Воспитательная работа школы должна была в своей области решать те же задачи. Воспитывать патриота, человека, способного овладевать наукой и техникой, человека, умеющего учиться в школе и в дальнейшем работать на производстве, человека, овладевшего большевизмом, преданного делу социализма, человека, проникнутого духом Сталинской Конституции — таковы задачи воспитательной работы школы рассматриваемого периода.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» от 3 сентября 1935 г. имело огромное значение для улучшения воспитательной работы школы. Устанавливая чёткую организацию учебного года, учебного дня, учёта и пр. (о чём уже говорилось выше) это постановление уже тем самым укрепляло сознательную дисциплину учащихся и мобилизовало учительство на борьбу с остатками глупой антиленинской теории «отмирания школы». Кроме того, в этом постановлении подчёркивалось в числе прочих вопросов значение правил поведения учащихся, строгого и сознательного соблюдения дисциплины, вежливого отношения к преподавателям, товарищам и старшим, привития культурных навыков, бережного отношения к школьному и общественному имуществу, а также решительной борьбы с проявлениями хулиганства и антиобщественными поступками среди детей. Внимание школы фиксируется партией на той стороне школьной жизни, с расшатывания которой враги народа, вредители, фашистские шпионы начинали свою подрывную работу в школе.

Наркомпрос РСФСР в приказе от 20 декабря 1934 г. «О дис-

[1] Речь И. В. Сталина на Первом Всесоюзном совещании стахановцев. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, 1947 г., стр. 493.

[2] Там же, стр. 496.

циплине и воспитательной работе в школе» установил систему воспитательных мероприятий, основные черты которой состоят в следующем:

1. Воспитательная работа должна вестись по определённому плану, вырабатываемому каждой школой.

2. В воспитательной работе принимает участие каждый преподаватель, используя прежде всего воспитательное значение содержания преподаваемого предмета.

3. Преподавание должно проходить занимательно, живо, наглядно, с привлечением материала социалистического строительства; необходимо прививать умение соединять теорию с практикой и развивать коммунистические взгляды.

4. Подчёркнуто огромное значение правильного преподавания общественных наук, работы детских ученических организаций, работы классных руководителей.

5. Принимался ряд мероприятий по укреплению и улучшению работы комсомольских и пионерских организаций и по урегулированию взаимоотношений между детскими организациями и классными руководителями.

6. Указывалось на необходимость борьбы с имевшими место извращениями при исключении некоторых учащихся из школ, подчёркивалось значение правильного распорядка, правил поведения учащихся и т. д.

7. Устанавливалась сеть внешкольных учреждений и мероприятий, намечалось использование сети театров, кино, цирков, домов культуры для обслуживания детей, связь домов художественного воспитания, и домов культуры со школами для совместного обслуживания детей.

8. Устанавливались пути развития внешкольной работы по линии детских театров, устройства концертов, самодеятельных мероприятий; ставился вопрос о бесплатном пользовании катками, лыжными станциями; обеспечивалось развитие работы детских технических станций и кружков; принимались меры к развитию работы с детьми в жактах, на площадках, детских комнатах и т. д. Ставился вопрос о развитии детского туризма.

9. Родители привлекались к совместной со школой работе по воспитанию детей, повышалась ответственность родителей за поведение детей.

10. Широко ставился вопрос о снабжении школ необходимым инвентарём, пособиями, принадлежностями [1].

В этом приказе Наркомпрос настаивал на планомерном проведении воспитательной работы, правильно связывал вопросы сознательной дисциплины с общей постановкой воспитательного дела и боролся против отрыва её от учебной работы школы. Однако через месяц после этого, Наркомпрос (15 января 1935 г., распоряжение № 74), отдаёт воспитательную работу в руки педологов, вменяя им в обязанность «систематическое участие в организации воспитательной работы» [2], и тем самым осуществлял на деле разрыв между учебной и воспитательной работой, против которого в предыдущем документе возражал.

Методы учебной работы в период 1931—1940 гг. значительно улучшились: рассказ учителя и изложение им учебного материала по истории, литературе, географии стал в массовой школе живее, образнее, конкретнее. Большое место было уделено принципу наглядности. Улучшение оборудования школ привело к лучшей постановке лабораторных работ.

[1] «Бюллетень Наркомпроса РСФСР» от 10 января 1935 г. № 2, стр. 2—5.
[2] «Бюллетень Наркомпроса РСФСР» от 15 февраля 1935 г., № 5, стр. 2.

Очень большое внимание было уделено кинофикации школы: изготовлено значительное количество учебных фильмов, преимущественно по географии и естествознанию, школы были снабжены 4 000 безопасных киноаппаратов и т. д. Однако руководители органами народного образования уделяли вопросу кинофикации школы недостаточно внимания.

Значительно усилились по сравнению с прежними годами школьные экскурсии.

Улучшена была постановка упражнений и письменных работ учащихся.

Работа учащихся с книгой также продвинулась вперёд. В своих занятиях с отстающими многие учителя обратили внимание на то, что дети нередко не умеют правильно работать с книгой. Массовый многомиллионный выпуск стабильных учебников дал возможность снабдить каждого учащегося книгой. ЦК ВКП(б) проявил большую заботу в отношении массового издания учебников. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы» от 7 августа 1935 г. было предложено сверх уже выпущенных в 1933—1935 гг. 150 миллионов учебников и находившихся в печати 50 миллионов учебников издать дополнительно в 1935 г. 52 миллиона учебников. Выпуск учебников из года в год количественно возрастал, — достаточно указать, что с 1935 по 1941 г. по одному только предмету — географии — было издано 36 миллионов 795 тысяч экземпляров.

Общее улучшение учебной работы было неразрывно связано и с улучшением воспитательной работы как в школе, так и вне школы.

Лучшие учителя, лучшие школы, вопреки педологам, находили правильные пути проведения воспитательной работы.

Развёрнутую программу воспитательной работы наметил X съезд ВЛКСМ, который в своём постановлении «О работе комсомола в начальной, неполной средней и средней школе» указал, что комсомольцы и пионеры в школах должны бороться за отличную учёбу и высокую успеваемость, что необходимо шире развернуть работу кружков, уделить внимание организации самостоятельной работы, организовать лекции о новейших достижениях науки, техники и искусства, устраивать литературные диспуты и вечера, расширить работу школьных библиотек. Съезд подчеркнул необходимость борьбы за сознательную дисциплину и порядок в школе, борьбы с антинародными поступками. Съезд настаивал на максимальном развитии физкультуры и спорта в школе. Воспитательная работа по мнению съезда должна быть поставлена так, чтобы она способствовала подъёму культурно-политического уровня учащихся, развивала бы интерес к науке, технике, искусству. Большое значение придавалось политическому образованию в старших классах, изучению основных идей Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Лучшая часть учи-

тельства, при живой помощи комсомольцев и пионеров, повела активную воспитательную работу, связывая её с делом обучения молодёжи в школе. Преподаватели всех дисциплин стали более правильно ставить и разрешать вопросы идейно-политического воспитания.

Широко развернулась работа различных кружков в школах. Наибольшее распространение получили общеобразовательные кружки: естествоведческий, литературный, краеведческий, исторический. Много детей занималось в кружках изобразительных искусств, хоровых и драматических. Большой интерес проявляли учащиеся к техническим кружкам (авиамодельным, радиокружкам, фотокружкам). Очень многие школы имели физкультурные кружки, часто делившиеся на секции (волейбольную и др.).

Кружки по рисованию и драматические кружки имелись во многих школах. Особое значение имели очень часто встречающиеся кружки: БГТО, ПВХО, военные, авиамодельные и др. Политкружков в каждой школе было несколько.

В первой средней школе г. Калинина в 1935 г. работало 25 кружков, в том числе электротехнический, авиамодельный, фотографический, пластики, драматический, химический, рукодельный, стрелковый, киномеханики и т. д. Кружки охватывали около 500 учащихся [1].

В школе № 10 работало 23 кружка с 426 учащимися [2]. В неполной средней школе № 6 в 1935 г. работали кружки: фотографии (35 чел.), авиамодельный (25), автотранспортный (10), хоровой (35), затейников (24), литературный (25), военный (40), физкультурный (66) и др. [3] В 20-й Рыбинской, в 17-й Ленинградской, «в Елецкой и других школах систематически работали оборонные кружки... Больших результатов добиваются учителя при правильной постановке работы географических, авиамодельных, агрономических кружков...» [4].

Внеклассная кружковая работа стала мощным фактором коммунистического воспитания, воспитания советских патриотов, физически и художественно развитых людей, людей, умеющих соединять теорию с практикой.

В этот период кружки переходят к программной работе. Мы встречаем целый ряд программ, разработанных на местах и вводящих работу кружков в русло систематической работы [5].

Совершенно новым моментом, встречающимся впервые в этом периоде и дающим резкое повышение качества всей работы

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд Управления начальной и средней школы, опись 123, дело 215/1, л. 17.
[2] Там же, л. 44.
[3] Там же, л. 102.
[4] «Итоги работы начальных школ в 1936/37 учебном году», НКП РСФСР, стр. 120.
[5] См. материал Арх. Мин. Просв. РСФСР, опись 123, дело 215/1.

школы, являлось использование кружков для изучения учащихся. В отчёте о работе одного из литературных кружков мы читаем:

«...Рыжков больше пишет в лирическом роде, работает и над рассказами и много помогает умением рисовать. Абрамову удаётся юмор, Мухин, видимо, любит Пушкина, Лермонтова, стремится освоить классиков. Коганов пробует силы над пьесами, очень любит хлопотливую организационную работу.

Соболев пишет и рисует. Комаров хочет готовить художественное рассказывание» [1].

Большим распространением и вниманием начинает пользоваться внеклассное чтение учащихся. 16 ноября 1936 г. Совет Народных Комиссаров Союза ССР выносит постановление о доукомплектовании существующих при школах библиотек и организации новых. В 1937 г. на эти цели отпускается 25 млн. рублей для библиотек начальных школ и 45 млн. рублей для неполных средних и средних школ. Издаются специальные тиражи литературы для школьных библиотек. Так, в 1937 г. издаётся 14 149 000 книг для школьных библиотек начальной школы [2]. Учительство начинает использовать внеклассное чтение, как фактор огромного воспитательного значения. «В Дубровской школе учащиеся ведут дневники прочитанных книг, с ними проводятся беседы о прочитанных книгах... В школе 100% успеваемость. Алфёровская школа Старицкого района Калининской области ведёт при помощи книги большую воспитательную работу. Проводятся читки детских газет, журналов, детской художественной литературы» [3].

В Н.-Азовской школе Виксунского района в классе учительницы Гениссаревской учащиеся выписывают 15 экз. газеты «Клич пионера», 10 экз. газеты «Колхозные ребята», журнал «Мурзилка». В Ардитовской школе все учащиеся III и IV классов выписывают газеты [4].

Учительство, следуя призыву партии и правительства, начало в своей лучшей части планомерную работу в направлении руководства самостоятельным и общеклассным чтением художественной литературы, журналов, газет.

Решение коренных вопросов организации школы и учебно-воспитательной работы позволяет в этом периоде передовым школам ставить такие проблемы воспитания, как воспитание необходимых для партийных и непартийных большевиков привычек и навыков поведения.

Передовое учительство понимало, что борьба за чистую тетрадь, за аккуратность, своевременное исполнение работы, чёт-

[1] См. архив Мин. Просв. РСФСР, опись 123, дело 215/1, л. 117.
[2] «Итоги работы начальных школ», НКП РСФСР, 1937, стр. 97.
[3] Там же, стр. 95.
[4] Там же, стр. 120.

кость и т. д. есть борьба за нового человека. Учительница Плюхина, Ольховского района, Воронежской области справедливо считала, что «Ученик, который привык тщательно и чисто выполнять свою работу, так же будет работать в колхозе, на заводе или фабрике» [1]. Воспитание честности, правдивости начинает быть заботой учителя. «В Роговской школе Горьковской области организован стол находок. Не было такого случая, чтобы ученик, затерявший что-либо в школе, не находил утерянной вещи на столе находок» [2].

В рассматриваемый период усиливается связь школы с родителями. Школа ставит перед родителями наиболее актуальные вопросы воспитательной работы, проводит эту работу в жактах и т. д.

Школа № 13 БОНО в Москве организует систематические консультации в школе, в жакте № 16, где живёт много школьников, и в подшефных предприятиях (трамвайный парк, клуб строителей). Намечены конференции родителей по вопросу о воспитательной работе в школе и дома. Организуется конкурс среди родителей на лучшую семью.

Проводятся классные родительские собрания. Согласно договору с жактом, последний отво́дит место для детской площадки и даёт платного руководителя. Школа даёт физкультурника, пионервожатого и вожатого для октябрят, организует педагогические консультации. В последних числах января школа наметила провести в жакте конференцию жильцов, на которой будет поставлен доклад о воспитательной работе и об организации конкурса на лучшую организацию воспитания в семье [3].

Сталинская забота со стороны партийных и советских органов о детях, об организации их жизни, о культурном обслуживании их видна, например, из следующей выписки из протокола № 1 заседания президиума Калининского Горсовета от 7 января 1935 г.

«Постановили: В целях улучшения работы среди детей и их обслуживания провести следующие мероприятия: горОНО — организовать при всех школах зимние площадки... оборудовать площадки горками, санками, лыжами, коньками... расширить мастерские деткомиссии на 50 чел., разместить 100 детей (безнадзорных) в мастерские в системе кустарной промкооперации (следует распределение по артелям), обязать горОНО вести систематическое наблюдение над работой. Представленный план проведения массовой работы (по вопросам педагогической пропаганды) утвердить.

[1] «Итоги работы начальных школ в 1936/37 учебном году», НКП РСФСР, 1937, стр. 111.

[2] Там же, стр. 117.

[3] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд Управления начальной и средней школы, опись 123, дело 215, л. 93—94.

Организовать Детский зимний спортивный городок... Вход в городок и пользование инвентарём установить бесплатно... Просить ГСПС разрешить вопрос о передаче клуба строителей под «деткомбинат»... по «кустпромкооперации» разработать программу производства улучшенной детской игрушки и детской мебели... выделить специальные детские отделы для внеочередного выполнения заказов по ремонту детской обуви, пошивке и ремонту платья.

Предложить всем парикмахерским выделить специальных мастеров для обслуживания детей вне очереди... по горжилсоюзу. Во всех домах, имеющих 30 квартир и больше, организовать детские комнаты. По каждому жакту должны быть выработаны специальные программы работ по детским комнатам и площадкам... Поручить ГОКХ для школ № 1 и 7 к окончанию занятий подавать специальные трамвайные вагоны...» Был принят и ряд решений по торгующим организациям, по горздраву и другим организациям [1].

Серпуховские и калининские организации положили начало целому движению за организацию специальных внешкольных учреждений для детей. В Ленинградской области рост этого типа учреждений за рассматриваемый период представляется в следующем виде [2].

	1935 г.	1937 г.
1. Домов пионеров и школьников	14	37
2. Домов художественного воспитания и музыкальных школ	4	8
3. Детских технических и с.-х. станций . .	20	22
4. Районных (городских) библиотек	18	27
5. Детских парков и стадионов	—	7

В СССР на 18 октября 1936 г. имелось 750 детских технических станций, объединяющих 100 тысяч юных техников. Эти станции обучали в школах страны 500 тыс. авиамоделистов и 120 тыс. юных железнодорожников. При участии технических станций в стране выстроено 56 детских железных дорог и проектировалось 8 детских портов с морскими и речными флотилиями. В Виннице создан миниатюрный сахарный завод производительностью в 8 *кг* сахару в день и керамический завод в Харькове, производящий статуэтки и посуду [3].

Говоря о воспитательной работе в предыдущем периоде, мы упоминали об открытии в Харькове в 1935 г. дворца пионеров. При дворце, кроме прекрасной библиотеки и лаборатории, физкультурных площадок, мастерских, были созданы детские само-

[1] Архив Мин. Просв. РСФСР, фонд Управления начальной и средн. школы, опись 128, дело 15/1, л. 126—130.

[2] «Итоги работы начальных школ в 1936/37 учебном году», НКП РСФСР, стр. 121.

[3] ДТС в цифрах, «Средняя школа», 1936, № 2, стр. 82.

деятельные клубы юных исследователей Арктики и юных краеведов, детский авиаклуб, клуб юных альпинистов и т. п.

Дворец посещали тысячи детей-кружковцев. 7 тысяч детей ежедневно охвачены массовыми мероприятиями: концертами, кино, лекциями и т. д.

30 дворцов пионеров и октябрят организовали большевики Украины в других городах: Киеве, Харькове, Одессе, Сталино, Днепропетровске и т. д. [1].

В Москве и Ленинграде были организованы прекрасные дома пионеров и октябрят. Ленинградский дворец пионеров занимает здание бывшего Аничкова дворца.

В лучших парках и садах организованы по всему Советскому Союзу детские парки культуры и отдыха.

Экскурсионно-туристические станции стали широко организовывать походы школьников, экскурсии, кружки юных натуралистов, юных геологов, географов, естественников и т. д., проводя эту работу в выходные дни, в зимние, весенние и в летние каникулы.

Приведённые выше факты огромной заботы о детях со стороны Коммунистической партии и её вождя товарища Сталина показывают, что в нашей стране победившего социализма детям уделяется такое внимание, какое невозможно ни в какой иной стране. Тесно связанная с обучением, воспитательная работа действительно создаёт счастливых, жизнерадостных, смелых и сильных, всесторонне развитых молодых строителей коммунизма.

Несмотря на указанные выше сдвиги в учебно-воспитательной работе школы, перед органами Наркомпроса стояли в предвоенные годы ответственнейшие задачи.

Так, в плане качественного улучшения учебно-воспитательной работы одним из первых мероприятий в 1940/41 учебном году было принятие Наркомпросом так называемых норм оценки знаний учащихся в школах по русскому языку и по математике. Подготовлены были эти нормы в Институте школ при участии практических работников школы. Затем эти нормы подверглись обсуждению на I сессии Учебно-методического совета, после чего были утверждены Коллегией Наркомпроса.

Учителя, руководители отделов народного образования и школьные инспектора отозвались на это мероприятие Наркомпроса положительно: нормы оценок помогали объективно оценивать знания учащихся. Особенно прочно стали входить в быт школы нормы оценок по диктанту и по решению примеров и задач. Слабее сначала применялись нормы оценок при устных ответах учащихся, ещё реже — за изложения, причём при оценке изложения учитывали только качество орфографических и пунктуационных ошибок в работе. Остальные требования, касающиеся специфики этой работы (стиля, содержания, плана, логики), почти не принимались во внимание.

[1] Год работы Харьковского дворца пионеров, «Вожатый», 1936, № 12.

Вторым мероприятием к началу 1940/41 учебного года был выход в свет новых учебников по истории и улучшенных учебников по литературе.

Одной из важнейших задач в деле повышения качественного уровня учебно-воспитательной работы в школах являлась проблема повышения уровня грамотности учащихся.

28 декабря 1940 г. Народный комиссар издал приказ о мероприятиях по улучшению преподавания русского языка в начальных, неполных средних и средних школах. Этот приказ встретил поддержку и сочувствие широких масс учительства, общественности, руководящей прессы. По этому поводу в «Правде» была напечатана статья, посвящённая разъяснению значения приказа Наркомпроса. Проблема грамотности школьника поставлена была как проблема государственной важности, и эту проблему в первую очередь должна была разрешить школа. Школы должны были обеспечить установление единого фронта борьбы за грамотность всех учителей школы при ведущей роли учителей русского языка и литературы.

Школа и учителя должны были внести необходимые коррективы в преподавание русского языка, в частности, обеспечить систематическую работу по развитию устной и письменной речи детей во всех классах школы, усилить практику устных и письменных изложений, сочинений, работ по картинкам и т. д.

Это было тем более необходимо, что учащиеся испытывали затруднения всякий раз, когда им приходилось применять свои знания на практике.

Грамотность учащихся в значительной степени зависит от грамотности и общей квалификации учителя. Народный комиссариат просвещения занялся разрешением вопроса об улучшении подготовки учителей в педагогических институтах, учительских институтах и педагогических училищах, начав эту работу с пересмотра учебных планов и программ этих учебных заведений. Наряду с пересмотром программ и учебных планов педагогических высших учебных заведений и педагогических училищ Народный комиссариат просвещения начал пересмотр учебных планов и программ начальной и средней школы.

Пересмотр учебных планов и программ школы проводился в том направлении, какое было указано в известном постановлении Центрального Комитета партии от 25 августа 1932 г., где указывали на перегрузку программ излишним материалом, на недостаточную увязку между собою программ, на наличие в них известного упрощенчества, на отсутствие, по крайней мере в некоторых программах по общественным предметам, последовательно проведённого принципа историзма. Результаты пересмотра учебных планов и программ были рассмотрены и обсуждены на сессии Учебно-методического совета.

На 1940/41 учебный год Народным комиссариатом просвещения РСФСР был установлен следующий учебный план средней школы:

Наименование предметов	Классы										Всего годовых учебных час.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
Русский яз. и литературное чтение (V — VII классы)	12	12	10/8	8	10	8	6	—	—	—	2174
Литература	—	—	—	—	—	—	—	5	5	5	499
Арифметика	7	7	6	7	7	—	—	—	—	—	1140
Алгебра, геометрия, тригонометрия	—	—	—	—	—	6	6	6	6	6	1000
Биология	—	—	2	3	2/3	3/2	2/3	2/3	3/2	1	613
История	—	—	0/3	2/3	3/2	3/2	2/3	4	5	5	844
Конституция СССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33
География	—	—	3/2	3/2	3/2	2/3	2/3	3/2	2/3	—	579
Физика	—	—	—	—	—	2/3	4/3	4/3	2/3	4	533
Астрономия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	33
Химия	—	—	—	—	—	—	3/2	2	3/2	3/4	350
Иностранный язык	—	—	—	—	4/5	4	3/2	3/4	3	4/3	709
Рисование	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	198
Чистописание	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	132
Черчение	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	165
Пение	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	132
Физкультура	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	330
Начальная и допризывная военная подготовка	—	—	—	—	2	2	2	2	2	2	396
Итого	24	24	24	26	33	33	33	33	33	33	9860

Некоторое увеличение числа часов на русский язык и литературу способствовало улучшению преподавания этих важнейших предметов.

По инициативе Научно-исследовательского института школ перед Коллегией Наркомпроса была поставлена проблема внесения в работу сельской школы известных элементов, связывающих её с интересами нашего социалистического земледелия. Коллегия НКП РСФСР рассмотрела этот вопрос. Решения её были опубликованы в форме приказа от 26 августа 1940 г. Этот приказ встретил сочувственную поддержку по всей республике. Советские и партийные организации, пресса, учительство, колхозы живейшим образом отозвались на него.

Ряд совнаркомов АССР (Удмуртский, Башкирский), облисполкомов и райисполкомов Советов депутатов трудящихся (Московский, Горьковский, Ивановский, Ростовский, Кировский, Молотовский) вынесли специальные постановления об улучшении работы сельских школ применительно к особенностям местного края или области, о выделении пришкольных участков и помощи

школам в оборудовании их. Многие сельские школы (Старогородская, Волоконовская Курской области, Федякинская Рязанской области, Гришнинская Ярославской области, Сметская средняя школа Архангельской области) разработали конкретные планы перестройки преподавания биологических дисциплин, физики, химии, математики, географии, черчения и стали шире проводить практические лабораторные занятия и экскурсии на поле, на местные электростанции, МТС и т. д.

В Павлово-Посадском районе Московской области все сельские неполные средние и средние школы получили пришкольные участки, во Владимирском районе большинство школ огородило пришкольные участки, посадило деревья, кусты.

Значительно оживилась внеклассная кружковая работа с учащимися. Большинство школ и учителей поняли, что эта работа давала возможность вести борьбу со схоластикой и формализмом преподавания.

16 сентября 1940 г. СНК СССР вынес специальное постановление о преподавании в средних школах иностранного языка, В соответствии с этим постановлением НКП РСФСР разработал план введения преподавания иностранного языка в V классе во всех средних школах к 1943 г. По этому плану было намечено в значительном количестве средних школ введение преподавания английского или французского языка. В соответствии с этим же постановлением НКП РСФСР ввёл впервые преподавание иностранного языка в II классе в 50 школах Москвы и Ленинграда.

Вместе с пересмотром учебных планов и программ на сессии Учебно-методического совета в 1941 г. был поставлен и другой важный вопрос — о поднятии и укреплении сознательной дисциплины учащихся. В обсуждении вопроса о сознательной дисциплине учащихся и о роли школьного коллектива приняли активное участие научные работники — педагоги и психологи.

В 1940/41 учебном году учителя сумели улучшить дисциплину.

Так, в 16-й школе г. Мурома был тщательно продуман весь распорядок жизни и работы детского коллектива в школе. Точно предусмотрены все мелочи в организации жизни ученика: приход и уход из школы, порядок в классе, в буфете, в комнате для отдыха детей и т. д. Ещё до начала учебного года новичок побывает у директора школы, который ознакомит его с порядком и с теми требованиями, которые будут ему предъявлены школой. Педагогический коллектив и директор неуклонно наблюдают за выполнением каждым учеником этих требований как в классе на учебных занятиях, так и в перемену и во внеклассное время. Школа всей системой своей работы воспитывает у ребёнка чувство ответственности за свою работу перед коллективом, перед страной.

29-я школа Фрунзенского района г. Москвы, 49-я школа

г. Горького, 9-я школа г. Нальчика, Плешаковская начальная школа Ленинградской области, Ромодановская начальная школа Рязанской области и тысячи других обеспечили продуманными мероприятиями действительно сознательную дисциплину школьников.

Исключительное значение в расширении кругозора школьника, в развитии его индивидуальных способностей, в приобретении необходимых практических навыков к труду, к обороне родины и в организации культурного досуга имела внеклассная и внешкольная работа.

Много увлекательных туристских походов совершили в 1940/41 учебном году пионеры и школьники РСФСР. Учащиеся средней школы № 3 г. Котовска Тамбовской области под руководством учительницы Лариной совершили 17-дневный пеший поход по местам рейда кавбригады Г. И. Котовского в Тамбовской области. Школьники серьёзно готовились к походу, читали литературу о легендарном герое, провели ряд небольших тренировочных походов, сдали нормы на оборонные значки. Во время похода они встречались с участниками боёв, собирали интересные материалы о борьбе Котовского с бандами Антонова.

В походах по местам боёв Первой Конной армии, Чапаевской, Щорсовской дивизий, по местам боёв с Юденичем и в других походах по местам гражданской войны участвовало 24 000 школьников. 8 000 свердловских школьников совершили поход по Уралу; знакомились с его природными богатствами, собирали коллекции для школ и музеев.

Многочисленные походы проводились по историческим местам (на родину С. М. Кирова, на место ссылки В. И. Ленина и т. д.), по литературным местам (толстовские, некрасовские, тургеневские, радищевские места).

По данным Управления начальной и средней школы в походах участвовали 260 000 школьников (без учёта походов, проведённых пионерскими лагерями).

Школьники знакомились в походах (пеших, водных, лыжных) с природными богатствами нашей страны, её историей, социалистическим строительством.

Работая с картой и компасом, ориентируясь в незнакомой местности, находясь в условиях походной и бивуачной жизни, школьники приобретали навыки самообслуживания, закаляли своё здоровье, овладевали навыками и знаниями, необходимыми им и как будущим бойцам Советской Армии.

По данным Управления начальных и средних школ НКП РСФСР качество знаний учащихся в 1940/41 учебном году значительно улучшилось, успеваемость их повысилась. Этого добились многие школы г. Москвы, Ленинграда, Горьковской, Московской и других областей.

Так, Меловатский район Воронежской области добился 92,9% успеваемости, г. Ялта — 90,5%, Мало-Вишерский район Ленинградской области — 90,9%, школа № 16 г. Мурома — 97,7%, школа № 10 г. Свердловска — 97%, Щербаковская неполная средняя школа Воронежской области и Липногорская школа Ленинградской области и др. добились 98% успеваемости.

Работа этих школ отличалась большой культурой, исключительным порядком и организованностью, прекрасными взаимоотношениями между учащимися и педагогами, которые сложились в результате умелого руководства со стороны директоров школ.

Отличительной особенностью руководителей отделов народного образования, в системе которых были эти школы, являлось действительное знание работы школ своего района, уменье вовремя отметить имеющиеся, хотя бы и небольшие, недостатки и мобилизовать актив школ на их преодоление.

Подводя краткие итоги работы за 1940/41 учебный год, можно сказать, что в плане Наркомпроса РСФСР и его органов на ближайшие годы наметились следующие мероприятия: проверка и рационализация школьной сети, инвентаризация и паспортизация школ; обеспечение школьной сети надлежащими финансовыми и материальными ресурсами, широкое снабжение школ учебниками, учебными пособиями, канцелярскими и письменными принадлежностями; пересмотр учебных планов и программ школы; внесение в преподавание школьных дисциплин тех элементов, которые должны привить учащимся известные практические навыки; воспитание и укрепление сознательной дисциплины в школе, надлежащая постановка в системе коммунистического воспитания таких предметов, как физкультура и начальная и допризывная военная подготовка; школьное обучение иностранным языкам; организация прочной связи школы с семьёй и общественностью, наконец, подготовка кадров, которые могли бы осуществлять намечаемые мероприятия, подготовка квалифицированных учителей школы в средних и высших педагогических учебных заведениях.

Основной задачей, стоявшей перед Наркомпросом и органами народного образования, были, конечно, и оставались полное осуществление всеобщего обязательного обучения и дальнейшее улучшение качества учебно-воспитательной работы школы, хотя подъём работы школы уже был весьма значителен.

С планом развернутой своей деятельности Наркомпрос РСФСР, школа и учительство должны были вступить в 1941/42 учебный год.

5. *Учитель.*

После постановлений ЦК ВКП(б) о школе от 5 сентября 1931 г. и от 25 августа 1932 г. значение учителя как центральной фигуры в педагогической работе школы возросло.

Быстрое развёртывание сети школ в связи с введением всеобщего обучения обусловило в течение периода коллективизации сильный рост числа учителей. Это число по всем типам общеобразовательных школ СССР за 1930—1935 гг. увеличилось следующим образом [1]:

Годы	Число учителей
1930/31	481 286
1931/32	572 860
1932/33	614 922
1933/34	667 453
1934/35	709 803

За 1929—1932 гг. было подготовлено педагогов с высшим образованием 11 тыс. человек, с средним образованием—35 тыс. человек из числа комсомольцев и, кроме того, по мобилизации ЦК ВЛКСМ было направлено ещё 50 тыс. комсомольцев для работы в качестве учителей начальной школы. За три года второй пятилетки (1933—1935 гг.) из числа комсомольцев было подготовлено педагогов с высшим образованием 8 тыс. человек и с средним образованием — 38 тыс. человек [2].

Эти кадры молодых учителей-комсомольцев несомненно оживили, активизировали работу учителей в школе, помогли сплотить вокруг школы и всеобуча широкие круги общественности, активы местных организаций и культармейцев.

Значительный количественный рост учительских кадров (за 5 лет почти на 230 тыс. человек, т. е. на 49,3% по отношению к числу учителей в 1930—1931 г.) выдвинул вопрос о планомерной подготовке учителей.

Основным по своему значению каналом подготовки учителей начальной школы были педагогические техникумы (позже переименованные в педагогические училища), учителей средней школы — педагогические институты. Количество пединститутов и педтехникумов и число учащихся в них за рассматриваемые годы быстро росло. Так, по данным ЦУНХУ РСФСР число учащихся равнялось [3]:

Годы	В пединститутах	В педтехникумах
1930	18 868	50 661
1931	20 693	90 037
1932	27 984	116 645
1933	41 284	123 505

К началу 1934/35 учебного года в 772 педтехникумах обучалось 166.587 учащихся, а в 115 педагогических институтах 66.989 студентов [1].

Кроме того, значительное число учителей начальной школы подготовлялось в школах II ступени с школьно-педагогическим уклоном и без уклонов.

Чтобы обеспечить учителями начальные школы в 1930/31 г., в том году, когда в основном вводился всеобуч, все окончившие педагогические техникумы и школы II ступени с педуклоном были направлены на педагогическую работу в деревню; были даже сделаны досрочные выпуски из пединститутов и педтехникумов. В сентябре 1930 г. было вынесено постановление правительства о возвращении на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности [2].

Постановление ЦК ВКП(б) о всеобуче предлагало ЦК комсомола направлять ежегодно (в течение трёх лет) в порядке мобилизации не менее 20 000 комсомольцев для работы в школе и для комплектования педагогических учебных заведений.

В 1934 г. организуются двухгодичные учительские институты.

Постановление СНК РСФСР от 16 декабря 1933 г. (№ 1254) об организации двухгодичных педагогических институтов гласит: «имея в виду необходимость обеспечения развёртываемой сети школ-семилеток на селе педагогическими кадрами, предложить Наркомпросу РСФСР открыть с 1 января 1934 г. сеть двухгодичных педагогических институтов с учётом потребности в педагогах семилетней школы».

В 1934 г. было открыто в СССР 43 учительских института (из которых 39 по РСФСР) с числом учащихся по СССР — 5 316 человек, в том числе по РСФСР — 4 890 человек.

Таким образом, число учащихся педагогических высших учебных заведений значительно выросло, сеть учебных заведений укрепилась; были сделаны уже некоторые выводы из указаний товарища Сталина на XVII съезде ВКП(б):

«Наконец, следует отметить ещё один факт, но уже отрицательного характера. Я имею в виду то недопустимое явление, что педагогические и медицинские «факультеты» всё ещё находятся у нас в загоне. Это большой недостаток, граничащий с нарушением интересов государства. С этим недостатком надо обязательно покончить. И чем скорее будет сделано это, тем лучше» [3].

Общее число педагогических учебных заведений и учащихся

---

[1] «Культурное строительство СССР», Госпланиздат, 1940, стр. 79—83.

[2] «Молодёжь СССР» Статистический сборник, изд. ЦУНХУ Госплана СССР, 1936, стр. 202.

[3] «Начальные и средние школы РСФСР», изд. ЦУНХУ РСФСР, 1936, стр. 105.

[1] По материалам научного архива Академии педагогических наук РСФСР.

[2] «Бюллетень НКП РСФСР», 1930, № 29, ст. 737. Постановление СНК РСФСР 23 апреля 1930 г.

[3] XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчёт, Партиздат, 1934, стр. 25.

в них значительно росло в СССР по данным ЦУНХУ СССР следующим образом (данные на 15 сентября каждого года):

Год	Пединституты		Учительские институты		Педагогические училища	
	число учр.	учащихся	учрежд.	учащихся	учрежд.	учащихся
1934	115	69 989	43	5 316	772	166 587
1935	102	74 560	91	21 946	748	186 620
1936	99	73 817	89	25 565	748	210 928

Кроме того, значительно выросло число студентов 23 университетов, также большей частью идущих по окончании на преподавательскую работу, а именно: с 31 954 в 1934 г. до 37 290 в 1936 г.

Хотя сеть педагогических учебных заведений и число учащихся в них росли очень сильно, однако удовлетворить полностью нужду в педагогах эти учебные заведения не могли. Темпы роста всеобуча намного превышали рост числа выпускаемых из педагогических учебных заведений педагогов (тем более, что усиленное развитие этих учебных заведений началось лишь с начала первой пятилетки, и они не успели ещё в течение пятилетки обеспечить выпуск молодых учителей). Недостающее число педагогов подготовлялось путём организации краткосрочных курсов. Насколько широко использовался этот источник подготовки педкадров, можно видеть из следующих данных.

По РСФСР потребность в педагогах для школы I ступени на 1931/32 учебный год выражалась в 70 079 человек. Эту потребность Наркомпрос предполагал покрыть [1]:

выпусками педтехникумов	7 613 чел.
» школ с педуклонами . .	20 685 »
педпрактикантами	10 097 »
путём краткосрочных курсов	32 284 »

Основным источником покрытия потребностей в педагогах школы 1 ступени являлись краткосрочные курсы. По данным Наркомпроса РСФСР на 15 июня 1931 г., было охвачено курсами (без АССР) 31 294 человека [2]. Летом 1932 г. на таких курсах по РСФСР обучалось уже 41 000 человек. Совнарком РСФСР постановлением от 4 апреля 1932 г. обязал подготовить на краткосрочных шестимесячных курсах в 1932 г. 51 677 учителей.

[1] «Бюллетень НКП РСФСР», 1930, № 23.
[2] «Бюллетень НКП РСФСР», 1931, № 26, стр. 409.

Учебные планы педагогических техникумов с 1929/30 г. имели 2 уклона: сельскохозяйственный и индустриальный. Первые два курса были общеобразовательными. Специализация по отраслям педагогической работы начиналась с 3 курса. Школьное отделение, подготовлявшее учителей I ступени, значительную часть

Перед началом учебного года в 175-й женской школе г. Москвы.

учебных часов III и IV курса сосредоточивало на изучении методики родного языка, математики, естествознания, обществоведения, труда, изо и физкультуры (24 часа из 76) и на педагогической практике (17 часов).

В августе 1932 г. был утверждён для школьного отделения педтехникума новый учебный план. Сравнение с планом 1929 г. показывает, что внесены следующие изменения:

1) Срок обучения в педтехникуме уменьшен с 4 до 3 лет,

2) уничтожены уклоны, 3) повышен удельный вес общеобразовательных дисциплин, 4) сильно уменьшена многопредметность: в плане 1929 г. число учебных предметов (при четырёхлетнем курсе), было равно 35, тогда как в плане 1932 г. их только 25.

При этом сокращение срока обучения не только не понизило общеобразовательные дисциплины, но, наоборот, несколько их повысило; это было достигнуто за счёт большой компактности учебного плана, исключения дробных, лоскутных курсов с небольшим количеством недельных часов (например, система народного образования — 1 час на I курсе и 1 час на втором курсе; коллективизация сельского хозяйства — 1 час на III курсе, поскольку содержание этого курса было параллельным с курсом теории советского хозяйства; основы советского законодательства — 1 час и др.) и исключения курсов методики рисования, пения, физкультуры, методики комплексного преподавания. Таким образом, план этот был весьма еще не совершенен.

Большим пороком и нового плана явилось сохранение в нём преподавания лженауки «педологии» с значительным к тому же числом часов (200 часов в течение 3 лет); в то же время отсутствовала психология.

«Леваки» и педологи пытались извратить подготовку педагогов: в ряде педтехникумов и даже в некоторых пединститутах делались попытки ввести метод проектов, будущим педагогам преподавалась педология; педологические извращения имелись и в курсах педагогики.

Предпринимался ряд энергичных мер по повышению квалификации уже работающих учителей; первым средством к этому служило *заочное обучение*. Была взята ориентировка, чтобы учителя школы I ступени, не имеющие образования в объёме педтехникума, прошли заочно этот курс, а учителя школы II ступени без высшего педагогического образования заочно обучались бы в пединститутах. Несмотря на широко развернувшуюся работу в этом отношении в первую пятилетку, в период огромной работы по коллективизации, по организации большевистского сева и выполнению других боевых задач, сельское учительство, включившись в огромную общественную работу по выполнению этих задач, не имело, однако, достаточно времени для повышения в массовом масштабе своей квалификации.

Особенно усилилась работа по повышению квалификации учительства после постановления СНК РСФСР от 9 января 1934 г., которое обязывало всех учителей повышать свою квалификацию. Вопрос ставился таким образом, что органы народного образования должны снимать с работы в школе учителей, не имеющих соответствующего образования и не желающих повышать свою квалификацию, заменяя их более подготовленными учителями. Задача охвата заочным обучением всех учителей, имеющих неполноценную подготовку, была выполнена позже в связи с введением в 1936 г. персональных званий для учителей.

Для повышения квалификации уже работающих учителей, кроме заочного обучения, служили также вечерние педвузы, сеть которых росла.

Однако потребность в педагогических кадрах при бурном росте числа школ не могла быть покрыта окончившими педагогические учебные заведения. Насколько широко развернулась работа по повышению квалификации учителей, видно, например, из следующих данных за 1935 г. (по РСФСР): было обучено на курсах учителей начальной школы, за курс неполной средней школы —32 722; прошли курсы учителей начальных школ 16 162 человека, уже имевших образование в объёме неполной средней школы; прошли курсы старших учителей 5 465 человек; прошли курсы учителей неполной средней школы без высшего образования 16 006 человек. Всего, таким образом, за год было охвачено повышением квалификации 70 355 учителей [1].

С 1935 г. установилась определённая система повышения квалификации учительства: для учителей начальной школы, не имеющих образования в объёме неполной средней школы—за курс этой школы; для учителей, не имеющих среднего педагогического образования—за курс педагогического училища; для учителей неполной средней школы, не имеющих высшего образования — за курс учительского института.

Наряду с повышением квалификации за курс того или иного учебного заведения было обращено большое внимание на подготовку учителей истории и географии в связи с постановлениями ЦК о преподавании этих предметов. В 1935—1936 гг. около 10 000 преподавателей этих предметов прошли летние и зимние курсы.

Подготовка учителей неполных средних школ за курс учительского института организована в виде экстерната при педагогических и учительскх институтах. В 1936 г. этот экстернат проходили 22 189 учителей.

В результате огромной работы по подготовке и переподготовке учителей образовательный уровень учителей повысился и особенно сильно возрос процент учителей с педагогическим образованием.

Ещё большее распространение получило в 1935—1937 гг. заочное обучение учителей. На 1 января 1935 г., к началу рассматриваемого периода, было 38 900 учителей, заочно обучавшихся за курс педтехникума. В 1935/36 г. число заочников равнялось уже 45 068 [2]. Общее количество заочных секторов при педтехникумах повысилось с 217 в 1935 г. до 238 в 1936 г. Наряду с количественным ростом заочников большая работа проведена по

[1] «Итоги работы с учительством за 1934 и 1935 гг. по РСФСР», Сборник Центрального института повышения квалификации кадров народного образования, 1936, табл. 2.

[2] «Итоги работы по повышению квалификации учителей за 1935/36 г.», сборник ЦИПККНО.

борьбе с отсевом заочников, по улучшению учёта их знаний и методической помощи в процессе их занятий.

Так же развивалось и заочное обучение за курс пединститута. Заочные сектора последних в числе 49 охватили к 1 января 1936 г. 31 400 человек, а через год уже 42 533.

Требования к преподавательскому персоналу в смысле его образовательной и педагогической подготовки в связи с задачей укрепления сети школ и борьбой за качество школьной работы к концу рассматриваемого периода сильно повысились. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» (май 1934 г.) установлено, что заведующими начальными школами могут быть назначены лишь педагоги, которые успешно окончили педагогический техникум, имеют трёхлетний стаж педагогической работы и соответствующую аттестацию; директорами неполных средних и средних школ — лишь педагоги, успешно окончившие высшие педагогические учебные заведения и имеющие трёхгодичный стаж педагогической работы. Заведующие начальными школами и директора неполных средних и средних школ могут назначаться только наркомпросами союзных и автономных республик.

Предъявляя всё большие требования к преподавательскому персоналу школы, партия и правительство всегда заботились об улучшении материального положения учительства.

Заработная плана учителя начальной школы в 1930 г. поднялась на 14% против 1929 г., в 1931 г. — на 23,6% против 1930 г.

Постановлением СНК СССР от 28 октября 1931 г.[1] с января 1932 г. средняя ставка учителей школ первой ступени была увеличена до 90 рублей и учителей школ второй ступени до 130 рублей в месяц.

Совнарком РСФСР постановлением от 20 января 1932 г. установил дифференцированную оплату учителей начальной и средней школы в зависимости от образования, качества работы учителя, повышения своей квалификации и экономического значения района, в котором находится школа[2].

Одновременно с постановлением правительства о повышении зарплаты было опубликовано постановление СТО о приравнении учителей по снабжению к промышленным рабочим[3], получавшим наилучшее снабжение.

По окончании 1932/33 учебного года была проведена перетарификация, при которой учителям, повысившим свою квалификацию, была увеличена заработная плата.

Постановлением СНК СССР от 31 августа 1932 г. хозяйственным наркоматам и СНК союзных республик предложено было

[1] Собрание законов, 1931, № 64, стр. 424.
[2] «Бюллетень НКП РСФСР», 1932, № 7, § 69.
[3] Постановление Совета труда и обороны 28 октября 1931 г. № 470. «Народный учитель», 1931, № 10—11.

обеспечить строительство жилых домов для учителей начальной и средней школы.

В 1934 г. были утверждены специальные ассигнования на жилстроительство для учителей.

Сельские учителя наравне с другими специалистами, работающими в сельских местностях, обеспечивались бесплатной квартирой, отоплением и освещением. В городе учителям предоставлялись льготы при получении жилплощади[1]. Кроме того, был предоставлен целый ряд льгот учителям, работающим в отдалённых местностях.

Было предпринято строительство учительских санаториев на Кавказе и южном берегу Крыма. Кроме того, учителя получали путёвки в санатории других ведомств местного значения, всесоюзные курорты или использовывали свой отпуск во время летних каникул для экскурсий по Кавказу, Крыму, Беломорско-Балтийскому каналу и т. п.

Учительство вело активную общественную работу по коллективизации, севу, по политическому просвещению масс.

В борьбе за коллективизацию, за ликвидацию остатков кулачества и других классовых врагов пролетариата, за культурную революцию и за повышение качества работы школы советский учитель в массе своей принимал горячее участие.

Какую огромную общественную работу провели просвещенцы (в подавляющем числе сельские учителя) по коллективизации, хлебозаготовкам и вообще по социалистическому переустройству деревни, видно из следующих сводок Цекпроса по СССР (по неполным данным):

Период	Послано гор. просвещенцев на общественную работу в деревне	Организовано при помощи просвещенцев колхозов	Подготовлено агроармейцев из просвещенцев	Пропущено через агрокурсы и кружки крестьян под руководством просвещенцев	Проработано просвещенцами ч/дн. по уборке, севу хлебозаготовкам
Весна 1 мая 1930 .	10 456	1 828	3 849	562 439	47 923
Весна 15 мая 1931 .	28 088	2 073	2 869	1 480 979	Нет сведений

Сельские учителя принимали в этой работе активнейшее участие. Число сельских учителей, несших общественную работу по коллективизации, надо считать не одной сотней тысяч.

Как самоотверженно приходилось работать им в особенно ответственные месяцы, показывает следующее письмо одного учителя с Кубани[2]:

[1] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1931 г., СУ, 1931, № 15, стр. 171.
[2] Приведено в статье «Сельский учитель в боях за коллективизацию», «Народное просвещение», 1930, № 7.

«... Нас прекрасно подготовили для проведения этой работы (коллективизации), и в боевом энтузиазме мы кинулись на кубики (станица поделена на районы, на кубики; кубик — это 2—3 квартала). До 1 января мы работали ежедневно с 4 до 9 час. вечера, а с 1 января до 15 марта — и до более позднего времени. Разъяснительная работа велась хорошо. Выгоду коллективного хозяйства, его экономическую и практическую неизбежность даже казачество поняло великолепно. Ежедневно в канцелярию крупного колхоза поступало по 150 заявлений о приёме в колхоз... Наряду с коллективизацией у нас шла работа и по контрактации, и по распространению 3-го займа индустриализации, и по сбыту задатка на тракторы, и по хлебозаготовкам».

В этом же письме учитель отмечает, что, испытывая большое удовлетворение от результатов общественной работы, он должен сознаться, что учебная сторона работы школы в известной степени хромала; получалось у некоторых учителей отставание в прохождении программ, что сказывалось и на грамотности учащихся.

Встречались иногда случаи мобилизации учителей на общественную работу во время школьных занятий, использования учителей на технически-канцелярской работе сельсоветов (например, составление всякого рода списков, раскладок и пр.).

ЦК ВКП(б) обратил внимание всех партийных организаций «на необходимость решительного усиления внимания массовой школе, работе учителя и укреплению повседневного конкретного руководства школой» (постановление от 5 сентября 1931 г.).

По вопросу об устранении отмеченных выше недостатков в общественной работе учителя ЦК ВКП(б), проявляя заботливое отношение к учителю, в постановлении от 25 августа 1932 г. дал директиву: «Предложить местным органам не отрывать учителя для общественной работы во время занятий в школе и подготовки к ним (подготовка к урокам, самообразованию, участие на курсах и методических совещаниях и т. д.), категорически запретив использование учителя для выполнения различных технических поручений по работе сельсовета, рика и т. д.».

Постановлениями ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. и 25 августа 1932 г. были созданы условия, необходимые для успешного выполнения советским учителем ответственных и почётных обязанностей по обучению и воспитанию молодого поколения Союза Советских Социалистических Республик.

ЦК указал на необходимость систематической работы всех органов партии, советской власти и общественности и самого учительства по повышению идейно-политического уровня, общего образования и педагогического мастерства учителя, на необходимость выполнения всех директив партии и советской власти относительно улучшения материального положения его, на необходимость чуткого ленинского отношения к учителю.

Благодаря заботам товарища Сталина об учителе ведущая роль последнего в школе сильно возросла.

Среди учителей выделился ряд лиц, которые своей преданностью делу пролетариата, своей энергичной общественной работой и прекрасной постановкой учебно-воспитательной работы в школе явились примером подлинно советского учителя. Таков учитель Чебаковской школы Н. М. Головин (ныне член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР). Живое проведение урока, умение обогащать и развивать речь учащихся, изготовление целого ряда необходимых в работе школьных наглядных пособий по русскому языку и математике, уменье развивать математическое мышление учащихся, прекрасная постановка воспитательной работы, широкая методическая помощь товарищам-учителям, большая общественная работа, авторитет среди окружающего населения — вот черты, характеризующие Н. М. Головина.

Убитая классовыми врагами в ноябре 1936 г. делегатка VIII Всесоюзного съезда Советов учительница Мелекесской школы Мария Владимировна Пронина была замечательной народной учительницей.

Сделавшись учительницей в 1911 г., она 25 лет непрерывно работала в народной школе. Изучив мордовский язык, она с первых же лет своей работы отлично поставила Ново-Куликовскую школу. Из числа учащихся первого же выпуска её школы 2 сделались инженерами, 3 врачами, некоторые учителями. В годы гражданской войны М. В. работала медицинской сестрой, культработником Красной Армии. В рассматриваемый нами период она горячо боролась за коллективизацию.

Проявляя большое педагогическое мастерство, М. В. Пронина сумела добиться высокого уровня грамотности и общего развития своих учащихся, сознательной дисциплины и организованности их. Характерно, что среди бывших воспитанников М. В. Пронина много инженеров, врачей, лётчиков, но больше всего учителей. Личный пример её как учительницы не только давал высокие результаты воспитательной работы, но и воодушевлял значительное число её бывших учеников любовью к педагогической работе, горячим желанием быть «как Мария Владимировна». Образ М. В. Прониной был всегда примером для её учеников.

Учитель Каргалинской школы Хабибулов, как революционер, во время прихода белогвардейцев в Чистополье был выдан богачами контрразведке. За несколько часов до расстрела ему при помощи односельчан удалось бежать. В 1931 г. Хабибулов добился стопроцентной успеваемости учеников. Кроме образцово поставленной работы школы, Хабибулов вёл большую работу по ликвидации неграмотности, добившись поголовного охвата школой всех неграмотных взрослых своего района. По его инициативе Каргалинская школа подготовила к 1932 г. 20 человек сельской молодёжи к поступлению в вузы и техникумы, органи-

зовала курсы трактористов. Большое участие принимал Хабибулов в борьбе за коллективизацию [1].

Наряду с этими учителями, лучшими из лучших, исключительными по своему опыту, по педагогическому мастерству и по своей общественной работе, были, конечно, и тысячи учителей, приближающихся к ним.

Советскому учителю в борьбе за всеобщее обучение, за широкую сеть школ, за высокое качество учебно-воспитательной работы принадлежит почётное место.

Речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной Армии (4 мая 1935 г.) и выдвинутый в этой речи лозунг «Кадры решают всё» определили исключительную заботливость и внимание к людям, «малым и большим».

10 апреля 1936 г. было издано постановление ЦИК и СНК СССР «О персональных званиях для учителей начальных и средних школ». Согласно этому постановлению звание учителя начальной школы присваивается окончившим средние педагогические учебные заведения и признанным пригодными для педагогической работы; звание учителя средней школы — окончившим педагогические институты или университеты и признанным пригодными для педагогической работы. Окончившие учительские институты в случае их пригодности получают звание учителя средней школы с правом преподавания в первых семи классах средней школы. Звания эти даются пожизненно.

Тогда же СНК СССР и ЦК ВКП(б) установили, что право преподавания в школах предоставляется впредь только лицам, имеющим соответствующие звания. Назначение, перевод и увольнение учителей начальной и неполной средней школы производятся наркомами просвещения автономных республик и заведующими краевыми (областными) ОНО, а учителей VIII—X классов и директоров средней школы — наркомами просвещения союзных республик. Эта мера была принята для того, чтобы повысить значение учителя и прекратить имевшие место перемещения учителей из школы в школу распоряжениями местной власти, что приводило к текучести учительских кадров и безответственности в работе.

Присвоение персональных званий учителям, уже работающим в школах, производилось особыми аттестационными комиссиями. Учителя, не имеющие предусмотренного постановлением о персональных званиях образования, должны были, продолжая работу, сдать соответствующие испытания и получить диплом.

При аттестации, кроме проверки документов и знакомства с работой учителя в школе, в случае надобности комиссии производили проверку знаний учителей, привлекая для этого профессоров, доцентов и других специалистов.

Эти важнейшие постановления и развернувшаяся на местах

[1] Народные учителя, «Народный учитель», 1932, № 1.

аттестация учителей обеспечили устранение от преподавания непригодных преподавателей и стимулировали улучшение качества работы всего советского учительства и заботу его о повышении квалификации.

На педагогическое образование, в соответствии с указанием товарища Сталина на XVII съезде ВКП(б), в рассматриваемый период было обращено очень большое внимание.

Система педагогического образования в РСФСР в годы перед Великой Отечественной войной сложилась в следующем виде:

1) педагогические училища (ранее называвшиеся педтехникумами) с трёхгодичным курсом на базе неполной средней школы готовили учителей начальной школы и первых четырёх классов неполной средней и средней школы;

2) учительские институты с двухлетним курсом обучения на базе средней школы готовили учителей неполной средней школы и V—VII классов средней школы;

3) педагогические институты — основной тип высшего педагогического учебного заведения с четырёхгодичным курсом (принимаются окончившие среднюю школу); готовили учителей VIII—X классов средней школы и преподавателей педагогических училищ.

Педагогические и учительские институты имеют следующие основные факультеты: языка и литературы, исторический, географический, естествознания, физико-математический.

Вся эта система педагогических учебных заведений имела дневные и вечерние отделения (что даёт возможность обучаться и уже работающим учителям без отрыва от производства), а также заочные секторы;

4) университеты готовят в значительной части преподавателей VIII—X классов средней школы и педагогических училищ.

Общее количество ведущих работу в школе учителей по СССР продолжало из года в год увеличиваться, а именно их было [1]:

в 1934/35 учебном году	709 803
в 1935/36 » »	757 044
в 1936/37 » »	858 845
в 1937/38 » »	913 524
в 1938/39 » »	1 027 164

К осени 1940 г. число учителей по РСФСР достигло 657,4 человек [2]. Из этого числа учителей I—IV классов было 364,3 тыс. человек, V—VII классов — 236,0 тыс. человек, VIII—X классов — 50,4 тыс. человек, кроме того, учителей школ подростков, спецшкол и не распределённых по группам классов—6,7 тыс. человек.

В последний предвоенный 1940/41 учебный год 67,1 % учителей были женщины.

Материальное положение советского учителя в условиях роста зажиточности всех слоёв трудящегося населения заботами Коммунистической партии и Советского правительства сильно улучшилось.

[1] Культурное строительство СССР. Статистический сборник, Госпланиздат, М.—Л. 1940, стр. 37.

[2] По данным статистического отдела Министерства просвещения РСФСР.

9 апреля 1936 г. состоялось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам», по которому материальное благосостояние учительства большой прибавкой зарплаты было поднято до уровня инженерно-технических работников.

Ставки зарплаты устанавливались в зависимости от стажа педагогической работы, образования и квалификации учителя.

Десятки тысяч учителей отдыхали в домах отдыха, санаториях и на курортах. Сеть домов отдыха и санаториев для учителей из года в год увеличивалась. В 1931 г. по Союзу работников просвещения в целом было 34 дома отдыха и санатория, а в 1936 г. по одному только Союзу работников начальной и средней школы их стало 46. Кроме того, ежегодно учителя получали за счёт соцстраха, хозорганов и др. источников путёвки в санатории и на курорты всесоюзного значения, в местные дома отдыха и т. д.

На 1937 г. ЦК Союза работников начальной и средней школы предоставил учителям 69 259 путёвок в дома отдыха и 20 145 — в санатории. В этом же году в дальних и местных экскурсиях участвовали 120 тыс. членов союза; создана группа учителей-альпинистов в 450 человек, которая проводила свой отдых в лагере у подножья Эльбруса. Организовывались велосипедные пробеги и мотолодочные походы. Свыше 5 000 учителей приняли участие в поездках по каналу Москва — Волга.

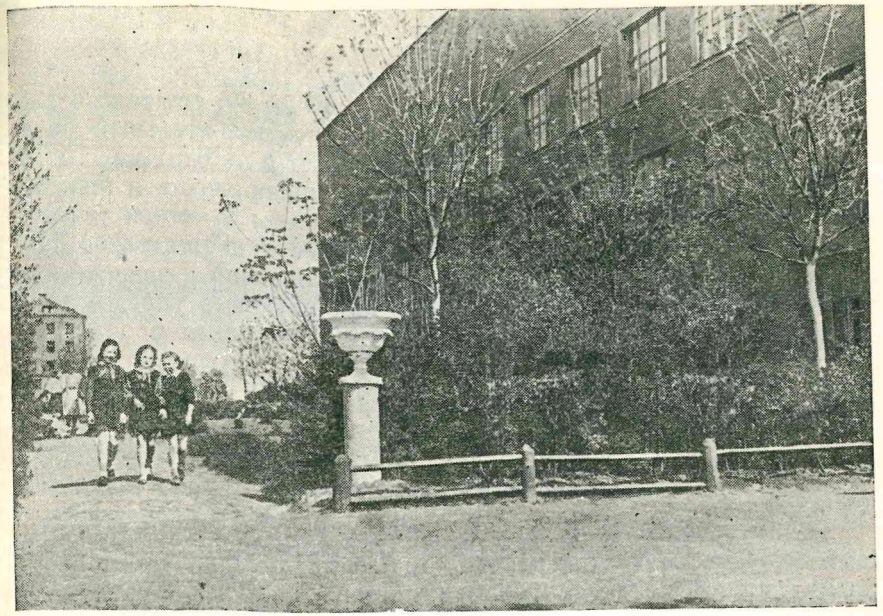
Широко развернулась культурно-просветительная работа среди учительства (политкружки, лекции и т. д.). В Москве для учительства всех районов в 1936/37 г. были организованы систематические лекции по теории и истории педагогики. Возникли городские и областные институты усовершенствования учителей, многие из которых развернули огромную работу по повышению квалификации учительства.

Учителя принимали активное участие в работе советских органов. Тысячи учителей были членами горсоветов, райисполкомов, край (обл) исполкомов; были учителя — депутаты Верховных Советов Автономных и Союзных Республик, Верховного Совета СССР.

На съездах советов учителя принимали участие в решении основных вопросов жизни страны. На VIII Чрезвычайном съезде Советов, принимавшем Сталинскую Конституцию, в числе депутатов съезда было 27 учителей (в том числе — зверски убитая классовыми врагами при возвращении со съезда М. В. Пронина).

Таким образом, все приведённые выше факты ярко говорят, что у нас, как завещал В. И. Ленин, учитель поставлен на такую высоту, на какой он не стоял, не стоит и не может стоять ни в одной буржуазной стране.

Активно участвуя в социалистическом строительстве, советский учитель основное своё внимание обращал на улучшение



У здания новой школы в Москве.

обучения и воспитания детей в советской школе. Постановление ЦК ВКП(б) о педологических извращениях ещё более подняло роль учителя в школе, оно дало директиву полностью восстановить педагогов в правах, которые были раньше узурпированы педологами. Учительство отвечало на заботы партии и советского правительства о нём и о школе ещё большим поднятием качества своей работы, ещё большим сплочением вокруг партии и её вождя товарища Сталина.

Одним из многочисленных ярких доказательств борьбы советских учителей за лучшее качество школьной работы являются результаты конкурса 1935/36 г. по преподаванию русского языка. Передовые школы, руководимые лучшими учителями, показали отличные результаты по ликвидации второгодничества. В Нижнедевицкой школе в 1934/35 г. было 4% второгодников, а в 1935/36 г. только 0,7%. В Суджинской школе процент второгодничества снизился с 4,8% до 2,1%; в Чембарской школе — с 3,8% до 2,5%, и т. д. В таких школах, как Усманская (Воронежская обл.), Плешаковская (Ленинградская обл.), Безенчукская (Куйбышевская обл.), Уранская (Горьковский край), Рязанцевская (Калининская обл.) и др., второгодничества к началу 1937 г. не было совсем [1].

[1] Архив Министерства просвещения РСФСР, фонд группы образцовых школ, опись 138, д. 241/26, л. 1—2.

Какими средствами достигли учителя таких блестящих результатов? На это даёт ответ следующая, например, характеристика учительницы Поддубняк: «Тов. Поддубняк (учительница II класса Ивановской средней школы № 30) тщательно следит за ошибками при чтении, подбирает дополнительный материал для чтения из детских журналов, газет и детских книг. Учитывается не только беглость чтения, но правильность и понимание прочитанного. Учащимся даются вопросы в устной и письменной форме... По грамматике и правописанию тщательно продумывается характер тренировочных упражнений в зависимости от изучаемого правила (зрительные или слуховые упражнения), в тексты упражнений включаются слова на ранее пройденные правила, слова, в правописании которых дети ошибаются. Каковы показатели грамотности учащихся? В диктанте за 2-ю четверть всего допущено 38 ошибок, в среднем на ученика только 0,95 ошибки; в диктанте за третью четверть допущено 30 ошибок, в среднем 0,68 ошибки на ученика; 27 работ без ошибок» [1].

Лучшие учителя, не удовлетворяясь теми указаниями, которые дают методические руководства, сами проявляли методические искания, проверяли на практике и существенным образом изменяли и дополняли то, что дают эти руководства. Так, именно со стороны учителей началась критика прожектёрского метода «целых слов» обучения грамоте, которая привела к выводу относительно ошибочности этого метода.

Лучшая часть советского учительства умелым индивидуальным подходом к каждому ученику заинтересовала всех учащихся, будила в них настойчивость, жизнерадостность, давала им высокий пример преданности пролетариату, коммунистического отношения к труду. Без окриков и не прибегая к частым взысканиям, они личным своим влиянием сумели поддерживать дисциплину, являлись образцом аккуратности и заботливого отношения к школе.

Учительские кадры, повышая свое мастерство, крепли и росли. В предвоенные годы учительство и работники педагогической науки организовали ряд научно-педагогических конференций, на которых был теоретически обобщён богатейший опыт советского учительства.

Руководимое Коммунистической партией и её вождём товарищем Сталиным, советское учительство, борясь за максимальное улучшение качества учебно-воспитательной работы школы, как указали СНК СССР и ЦК ВКП(б) в своём постановлении о порядке введения персональных званий для учительства, «...выросло в мощную культурную силу, выделив из своих рядов учителей, хорошо владеющих педагогическим мастерством и показывающих образцы в деле обучения и ленинского воспитания подрастающего поколения».

Советское учительство, руководимое партией большевиков, подготовило замечательные кадры советской молодёжи, той молодёжи, которая под водительством товарища Сталина разбила полчища фашистских варваров и принесла миру освобождение от коричневой чумы.

[1] Архив Министерства просвещения РСФСР, фонд Управления начальных и средних школ, опись 133, д. 241/218 за 1936 г. л. 55.

6. Развитие нерусской школы.[1]

Народное образование нерусских народов СССР строилось на основе ленинско-сталинской политики.

Великий Сталин писал, что «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую мы унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях» [2].

Политика индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в корне изменила экономику этих ранее отсталых территорий страны.

Опираясь на достигнутые успехи, нерусские народы СССР в соответствии с решениями XVI съезда ВКП(б) и Центрального комитета ВКП(б) от 3 июня 1930 г. повели борьбу за осуществление всеобуча и за улучшение качества учебно-воспитательной работы школ.

Реализация всеобуча ликвидировала неравенство в культурном отношении, которое существовало ещё между центральной Россией и национальными окраинами.

Товарищ Сталин на XVI съезде ВКП(б) следующим образом определил значение всеобуча для нерусских народов: «развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке» [3]. В этих замечательных словах с необычайной яркостью и силой определена роль всеобщего обязательного обучения среди нерусских народов, осуществляемого на родном языке.

Без родного языка нельзя было по-настоящему учить детей, невозможно было завершить охват всего детского населения школой.

Но осуществить обучение на родном языке представлялось возможным лишь при наличии национальных педагогических кадров и учебников. Поэтому подготовка новых учителей-нацио-

[1] По материалам ст. научного сотрудника Научно-исследовательского института теории и истории педагогики АПН РСФСР А. Ф. Эфирова.

[2] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1939, стр. 101.

[3] XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчёт, Партиздат, 1931, стр. 55.

налов и расширение изданий национальных учебников являлось важнейшей задачей.

В борьбе за повышение качества учебной работы нерусских школ огромное значение имели вопросы улучшения преподавания родного и русского языков.

Борясь за улучшение преподавания родного и русского языков, нерусская школа по существу боролась за основные условия, которые ей были необходимы для улучшения качества всей учебно-воспитательной работы школы.

Постановления ЦК ВКП(б) о школе от 5 сентября 1931 г. и от 25 августа 1932 г. и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. послужили тем основанием, опираясь на которое национальная школа стала успешно проводить работу в этом направлении.

Борьба за всеобщее обучение, его расширение и укрепление.

а) Материальная база. Для осуществления и укрепления всеобуча требовались усиленные ассигнования на народное образование. Национальные районы, нуждавшиеся в уничтожении неравенства в области просвещения, требовали бо́льших ассигнований, чем районы с русским населением. Поэтому расходы на народное образование в автономных республиках (в дальнейшем сокращаем — АР) и автономных областях (в дальнейшем сокращаем — АО) росли гораздо быстрее тех же расходов по краям и областям РСФСР. Так, если ассигнования на просвещение по краям и областям за время с 1924 по 1932 г. выросли на 195,1%, то за то же время по АР они увеличились на 339,6%. В национальных республиках из года в год росли и увеличивались школьные бюджеты. За один только 1934 г. расходы на школы по АР РСФСР выросли с 221,8 млн. руб. до 319,5 млн. руб., т. е. увеличились почти на 45% [1].

Особенно высокий % рост ассигнований был направлен на ликвидацию бескультурья так называемых отсталых национальностей, что видно из следующей таблицы:

Рост расходов на просвещение, приходящихся на 1 жителя (за 1928/29—1938 гг. в рублях) [2]

	1928/29 г.	1938 г.
РСФСР	7	77
Узбекская ССР	6	100
Таджикская »	2	133
Казахская »	3	90
Туркменская »	8	146

[1] «Начальные и средние школы РСФСР», ЦУНХУ, 1936, стр. 124.
[2] «Культурное строительство СССР», Госпланиздат, 1940, стр. 10—19.

Из таблицы видно, что если расходы на просвещение с 1928 по 1938 г. на 1 жителя по РСФСР увеличились в 11 раз, то те же расходы за это время по национальным союзным республикам увеличились во много раз больше (по Таджикской ССР более, чем в 66 раз).

Важнейшее место в расходах по всеобучу занимали ассигнования на школьное строительство. Эти расходы за время с 1932 по 1935 г. по АР увеличились на 144%. За один только 1935 г. по десяти АР РСФСР было построено 343 новых школьных здания. С 1931 по 1940 гг. появились тысячи вновь построенных школ.

Во многих районах новые школьные здания создавались по последнему слову школьно-строительной техники. Они получали достаточно полное и хорошее учебное оборудование. Всё было направлено к тому, чтобы создать учащимся здоровую, красивую, жизнерадостную обстановку в школе, обеспеченную всем необходимым учебным инвентарём и учебно-вспомогательными учреждениями. Приведём несколько примеров.

Ичалковская мордовская начальная школа (1933/34 учебный год) [1].

Школа обеспечена специальным зданием, в котором имеется 5 классных комнат, рекреационный зал, рабочая комната, учительская и столовая. Учебниками и наглядными пособиями школа снабжена полностью. Имеется пришкольный участок в размере 6,5 *га*.

Чишминская башкирская неполная средняя школа (1933/34 учебный год) [2].

Школа имеет специальное здание с девятью классными комнатами. Имеет научные кабинеты, мастерскую, физкультурный зал, комнату отдыха и столовую. При школе есть земельный участок и хозяйство с живым и мёртвым инвентарём. Учебными пособиями и учебниками школа полностью обеспечена.

Казанская татарская средняя школа (1937/38 учебный год).

В школе обучается 670 детей. Помещается она в большом красивом здании. В школе имеются 22 класса. В каждом классе светло, тепло, просторно. За удобными партами сидят по 30—35 учеников.

Проявилась огромная забота об удобстве, уюте, чистоте и красоте.

В длинных светлых коридорах висят портреты вождей революции, портреты русских и татарских писателей, красиво размещены цветы, удобно расставлена мебель.

При школе имеются соответствующим образом оборудованные кабинеты: физический, химический и биологический.

[1] Научный архив АПН РСФСР.
[2] Архив Министерства просвещения РСФСР, опись 6, 1937, д. № 68, л. 29.

Достаточное количество приборов и реактивов даёт возможность всем ученикам участвовать в лабораторных работах. Обычно каждый урок по физике, химии сопровождается демонстрацией или опытом. Часто на уроках используется киноаппарат, а также волшебный фонарь. Особенно хорошей лабораторией для проведения уроков по биологии является имеющийся при школе прекрасно оборудованный пришкольный участок.

Конечно, было бы неверным утверждать, что нерусская школа в целом достигла в изучаемые годы полного материального и организационного совершенства, что не было у ней недостатков.

Не все ещё школы имели специальные здания, достаточно учебное оборудование, нужное количество учебных книг и пр.

Но эти недостатки с каждым годом изживались всё больше и больше.

б) Сеть школ, контингенты учащихся, отсев, второгодничество. В связи с осуществлением всеобуча росли сеть школ и контингенты учащихся, что можно видеть из следующих данных.

Рост числа школ и учащихся в них по АР и АО РСФСР за 1931—1934 гг.

	1931 г.		1934 г.	
	Число школ	Число учащихся (в тыс.)	Число школ	Число учащихся (в тыс.)
Начальные школы	22 724	2049,7	25 857	2468,0

По всему СССР количество учащихся в национальных школах с 7 620 400 человек, имевшихся в 1930/31 учебном году, поднялось до 14 146 152 человек в 1938/39 учебном году.

Из последней таблицы можно видеть огромный рост количества учащихся в Среднеазиатских союзных республиках к

Показатели роста числа учащихся в школах союзных республик[2]
(в тысячах)

	1914 г.	1928/29 г.	1938/39 г.	Во сколько раз в 1938/39 г. больше, чем в 1914 г.
РСФСР	5663,0	8266,6	21 931,8	3,9
Грузинская ССР	156,6	318,4	779,0	5,0
Узбекская »	17,4	183,6	1 182,0	67,9
Таджикская »	0,4	19,0	264,2	660,5

[1] «Народное хозяйство и культурное строительство РСФСР», ЦУНХУ, 1935, стр. 270.

[2] «Культурное строительство СССР», Госпланиздат, 1940, стр. 17.

1938/39 учебном году по сравнению с 1928/29 учебным годом и особенно с 1914 годом. Таблица показывает, что, например, в Таджикской ССР количество учащихся к 1938/39 г. увеличилось по сравнению с дореволюционным временем в 660,5 раз. Эти цифры ярко свидетельствуют об успехах всеобщего обязательного обучения среди нерусских народов СССР.

Особенно следует отметить успехи в деле народного образования народов Крайнего Севера. Эти народы в силу целого ряда условий вступили на путь культурного строительства позднее других народов. И тем не менее к 1940/41 учебному году для обслуживания разбросанного на огромных пространствах малочисленного населения Крайнего Севера имелось 550 школ с охватом около 17 тысяч учащихся. Большинство из этих школ были хорошо устроенные школы-интернаты.

Наряду с начальным всеобучем в национальных районах была развёрнута работа по осуществлению директив партии о всеобуче семилетнем и за создание сети средних школ. В результате этой борьбы ряд республик и областей (Татреспублика, Чувашия, Карелия и др.) осуществил всеобщее семилетнее обучение, некоторые близко подошли к этому осуществлению.

За время с 1931 по 1934 г. по АР и АО РСФСР гигантски выросла сеть неполных средних и средних школ и количество учащихся в них, что можно видеть из следующих таблиц [1].

	1931 г.		1934 г.	
	Число школ	Количество учащихся (в тыс.)	Число школ	Количество учащихся (в тыс.)
Неполные средние школы . .	1 095	175,4	3 251	3 863

Дальнейший рост по отдельным АР и АО неполных средних и средних школ можно видеть из следующих таблиц.

Рост неполных средних школ за 1935—1941 гг.[2]

	1935 г.		1941 г.	
	Колич. школ	Количество учащихся	Колич. школ	Количество учащихся
Чувашская АССР	313	81 800	353	80 330
Удмуртская »	148	49 800	214	79 730
Татарская »	556	172 900	680	188 970
Марийская »	136	32 300	166	41 950
Ойротская »	33	7 000	67	12 410

[1] «Народнохозяйственное и культурное строительство РСФСР», ЦУНХУ, 1935, стр. 270.

[2] Данные Отдела статистики Министерства просвещения РСФСР.

Рост средних школ за 1935—1941 гг[1]

	1935 г.		1941 г.	
	Колич. школ	Количество учащихся	Колич. школ	Количество учащихся
Чувашская АССР	52	20 800	104	59 860
Удмуртская »	31	17 900	67	50 460
Татарская »	109	63 900	289	1 65 090
Марийская »	13	5 900	54	26 440
Ойротская АО	1	60	19	10 550

Особенно ярки показатели роста средних школ по союзным республикам.

Показатели роста количества учащихся средних школ по союзным республикам за 1928/29—1938/39 гг. (в тыс.) [2]

	1928/29 г.	1938/39 г.	1938/39 г. в % к 1928/29 г.
РСФСР	1 316,4	7 691,7	584,3
Украинская ССР	410,1	2 407,2	587,0
Белорусская »	90,8	437,0	481,3
Азербайджанская ССР	54,3	257,8	474,8
Грузинская ССР	73,8	311,1	421,5
Армянская »	17,5	127,0	725,7
Туркменская »	7,7	54,0	701,3
Узбекская »	26,2	264,7	1 010,3
Таджикская »	0,9	27,3	3 033,3
Казахская »	34,7	348,1	1 003,2
Киргизская »	3,3	68,6	2 078,8

И всё же, несмотря на успехи в деле роста неполных средних и средних школ, надо отметить, что этот рост по некоторым республикам не был еще достаточным (Якутская АР, Хакасская АО, Дагестанская АР и др.). Предстояла ещё дальнейшая работа по увеличению сети неполных средних и средних школ.

Вместе с тем предстояло продолжить борьбу за укрепление начального всеобуча, за постоянный состав учащихся — борьбу с отсевом и второгодничеством. Отсев и второгодничество являлись большим злом школ ряда национальностей. Так, например, в школах Башкирской АР в 1934 г. по классам начальной школы учащиеся распределялись в следующем убывающем порядке (взято три района):

[1] «Культурное строительство СССР», Госпланиздат, 1940, стр. 10—20.
[2] Там же.

В первых классах имелось . . .	8376	учащихся
Во вторых » » . . .	7444	»
В третьих » » . . .	6360	»
В четвёртых » » . . .	4194	»

Борьба с отсевом и второгодничеством шла по линии улучшения качества учебной работы и в направлении улучшения материально-хозяйственного положения школ. Отопление школ, организация горячих завтраков, снабжение менее обеспеченных детей обувью и одеждой — вот мероприятия хозяйственного порядка, которые способствовали уменьшению отсева и второгодничества.

В результате настойчивой борьбы за укрепление материально-хозяйственного и учебного положения школ постепенно изживались отсев и второгодничество.

В период завершения строительства социалистического общества эти успехи отмечались всюду.

В этом направлении чрезвычайно интересной является приведённая ниже таблица с показателями отсева учащихся по союзным республикам, относящаяся к 1937/38 учебному году [1].

Союзные республики	% % учащихся в конце учебн. года к числу учившихся в начале учебного года
РСФСР	94,7
Туркменская ССР	93,2
Узбекская »	96,2
Казахская »	92,0
Таджикская »	98,2

Так нерусская школа росла и крепла в результате борьбы за улучшение учебно-воспитательной работы и организационно-хозяйственного положения.

Национальный учебник.

Всеобщее обучение обострило трудности, связанные с изданием национальных учебников. Здесь были не только технические трудности, хотя и они при невиданном до сих пор количественном спросе на учебную книгу имели огромное значение.

Главные трудности заключались в том, что приходилось издавать учебники на десятках языков, которые не были достаточно изучены (не были разработаны орфографии, установлены диалекты и пр.). Вместе с тем у некоторых народов (народы Севера и др.) не имелось письменности и таковую ещё надо было со-

[1] «Культурное строительство СССР», Госпланиздат, 1940, стр. 79.

здавать. Работа по созданию письменности затруднялась недостатком национальных культурных сил. Специалисты-языковеды не всегда обладали достаточным знанием особенностей того или другого языка или диалектов этого языка. Отсюда — возможность ошибок при разработке письменности и в выборе диалектов при составлении учебников.

Между тем предстояло не только продолжить, но и усилить борьбу за создание политически выдержанных и качественно высоких национальных учебников.

Все указанные выше трудности по изданию национального учебника в изучаемый период под руководством партии и её великого вождя товарища Сталина были преодолены.

В 1931 г. вводится письменность у табасарн. Получают также письменность кумандинцы, шуганцы, рушанцы и другие народы. Создаётся письменность для 14 народов Крайнего Севера: саами, ненцев, манси, хантов, эвенков, ламутов, лураветланов, нанаев, намылланов, нивхов, юитов, кетов и ительменов.

В 1931 г. учебные книги печатались на 70 языках. В 1932 г. книги выходили уже на 94 языках.

В 1934 г. в СССР учебники издавались на 104 языках.

В одной Дагестанской АССР учебники издавались на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, ногайском, табасаранском и татском языках.

Могучим толчком к исправлению недостатков национального учебника, качественному его улучшению и дальнейшему усилению его изданий послужило постановление ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. об учебниках для начальной и средней школы.

На основании этого постановления осуществляется большая работа по изданию новых стабильных учебников.

К концу 1933 г. в РСФСР Учпедгизом и местными нацизда-тельствами было выпущено для 70 национальностей РСФСР 1320 названий стабильных учебников с общим тиражом, исчисляемым десятками миллионов экземпляров. Тиражи определялись из расчёта снабжения каждого ученика необходимыми стабильными учебниками.

С качественной стороны новые учебники стояли выше учебников прежних изданий. Они были лучше составлены, лучше оформлены. Но и эти учебники имели ещё серьёзные недостатки. Они далеко не всегда были методологически выдержанными. Многие учебники в методическом отношении являлись недостаточно проработанными. Буквари нередко составлялись по методу целых слов. Кроме того, некоторые из них были механически скопированы с русских букварей и, таким образом, не были приспособлены к специфике родных языков, отличных в структурном отношении от языка русского, и без должной насыщенности местным материалом.

Огромное значение для нерусской школы имел перевод национальной письменности с латинской транскрипции на русский алфавит. Русский алфавит обеспечивал более быстрый политический и культурный рост нерусских народов и тем самым ещё больше укреплял их братский союз и между собой и с великим русским народом, на языке которого писал великий Ленин и пишет великий Сталин.

Работа по переводу национальных письменностей на русский алфавит началась с 1937 г., проводилась по инициативе трудящихся национальных республик и областей и к 1940 г. была осуществлена у всех народов СССР. В это же время началась работа по пересмотру, проверке, исправлению и пересоставлению национальных учебников, которые потом стали издаваться уже на новом алфавите и огромными тиражами во всех национальных республиках и областях СССР.

Особенно остро стоял вопрос об издании учебников по русскому языку. В большинстве республик таковые долгое время отсутствовали, а существовавшие кое-где в незначительном количестве учебники находились на крайне низком идейном и научно-методическом уровне [1].

Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах нацреспублик и областей» предлагалось наркомпросам союзных республик составить и издать к началу 1938/39 учебного года букварь и книги для чтения, учебники по грамматике русского языка, учитывая особенности усвоения русского языка отдельными национальностями.

К составлению этих учебников были привлечены лучшие силы, и они были изданы к назначенному сроку.

Таким образом, в 1941 г. нерусские школы в основном изжили имевшиеся у них в течение ряда лет недостатки в учебниках и были снабжены доброкачественными национальными учебными книгами и тем самым имели возможность проводить бесперебойно учебную работу на родном языке.

Наличие учебников, изданных на родном языке, и учителей из коренных национальностей дало возможность почти полностью осуществить коренизацию нерусских начальных школ. Что касается неполных средних (V—VII кл.) и средних нерусских школ, то они в большей своей части ещё не были коренизированными. К 1940 г. в РСФСР лишь на 11 языках имелись коренизированные неполные средние школы (башкиры, коми, марийцы (горные и луговые), чуваши, мордва-мокша, мордва-эрзя, удмурты, якуты, татары, буряты) и только на 2 языках коренизированные школы средние (чуваши, татары).

Но уже самый факт, что все начальные нерусские школы РСФСР были обеспечены национальными учебниками и прово-

[1] Э. И. Моносзон, Русский язык в школах национальных республик и областей, «Советская педагогика» № 5, 1938, стр. 77.

дили обучение на родных языках, свидетельствует о большой победе ленинско-сталинской национальной политики.

Педагогические кадры, их подготовка и переподготовка.

В связи с осуществлением всеобуча и ростом сети школ требовалось большое количество новых педагогических сил. Между тем выпускаемые педучилищами контингенты учителей всё ещё далеко не удовлетворяли этих требований. Так, в 1931/32 учебном году национальные педучилища РСФСР (без АР) выпустили 1 363 учителя, требовалось же их 8320 [1]. Такая же картина наблюдалась и в автономных республиках. Недостаток в учителях покрывался системой курсовой подготовки, получившей в годы проведения всеобуча большое распространение. Всюду имели место курсы, подготовлявшие для нерусских школ нужные учительские силы.

Новый учитель по преимуществу являлся учителем соответствующей национальности, знающим родной язык учащихся, что имело огромное значение для коренизации школы.

Но новые учителя, в значительной своей части имевшие низшее образование, зачастую пришедшие от станка, нуждались в дополнительной педагогической подготовке и в поднятии общеобразовательного уровня. От их квалификации зависело качество учебной работы, качество всеобуча. В связи с этим проводится огромная по своим размерам работа по переподготовке национального учителя. Можно без преувеличения сказать, что всё национальное учительство было вовлечено в учёбу. Но эта учёба в отличие от предыдущих годов проводилась уже главным образом не через курсовую систему, а через систему стационарных учебных заведений: школ, педучилищ, учительских институтов и педвузов.

В 1937/38 учебном году в Башкирии из 6150 учителей, имевших низшее образование, 5974 охватывались заочным обучением, из них:

1) при педучилищах	3100	чел.
2) при средних школах за педучилище . . .	2042	чел.
3) » неполных средних школах	436	чел.
4) » экстернате за педучилище	396	чел.

В том же году в Дагестане все учителя (1567 чел.) начальных школ, не имевшие законченного среднего образования, охватывались заочным обучением за педучилище.

Учились не только те учителя, которые работали в школах после введения всеобуча, но зачастую даже и те, которые имели большой педагогический стаж и большой опыт в работе. Учительница Стерлитамакской школы № 4 т. Иванова, имевшая 26-летний стаж педработы, говорила о себе: «Я работаю и учусь. В настоящее время я студентка-заочница III курса пединститута. Учащиеся моего класса по письму и устной речи имеют 100% успеваемости» [1].

Большое значение в повышении квалификации молодых, мало подготовленных учителей играли старые, опытные учителя. Руководя методическими комиссиями школ, давая открытые уроки, выступая на кустовых объединениях и учительских конференциях эти учителя передавали свой опыт молодёжи. В нерусских школах было не мало таких учителей. Для примера укажем на учительницу Ичалковской мордовской школы тов. Волкову.

«Прасковья Гавриловна Волкова [2] 24 года работает в Ичалковской мордовской школе. Всё грамотное население Ичалок примерно до сорокалетнего возраста — её ученики. Кроме того, её работа выходит далеко за пределы села Ичалок. В Ичалковском районе в 1930/40 учебном году работало 327 учителей. Редкий из них не обращался за помощью и советом к Прасковье Гавриловне и каждому она сумела в своё время помочь словом или делом. Она заслуженно пользуется всеобщим уважением огромного мордовского села Ичалок, где нет более популярного имени, чем «Проско-патли» (тетя Паша), которое и стар и млад произносит с лаской и любовью.

Большому авторитету и популярности Прасковьи Гавриловны много содействует её огромный опыт, соединённый с необычайным мастерством обучать детей на их родном мордовском языке. Причина эта кроется в том, что несмотря на долголетний опыт, всё же и теперь каждый урок Прасковьи Гавриловны, как правило, бывает тщательно подготовлен, заблаговременно продумана каждая мелочь, а кроме того и урок проводится с большим искусством. Каждое занятие она умеет построить так, что у учащихся не бывает урока «неинтересного» и скучного: в классе Прасковьи Гавриловны всегда обеспечен достаточный деловой подъём и живая заинтересованность детей коллективной работой».

Подготовка педкадров через курсовую систему не была системой, а лишь временным явлением, вызванным чрезвычайным обстоятельством — необычайным ростом национальной школы в связи с осуществлением всеобуча. Нормальными типами учебных заведений, подготовлявшими учительский персонал для начальной и средней школы, являлись педучилища, учительские и педагогические институты.

В 1934 г. в автономных республиках имелось 140 национальных педучилищ с 25 037 учащимися, 21 пединститут и 5 учитель-

[1] Постановление Коллегии НКП РСФСР от 5 апреля 1931 г.

[1] Архив Министерства просвещения РСФСР, опись 56, 1937, д. № 169, л. 175.

[2] Архив Министерства просвещения РСФСР, опись 22, д. № 7, 1938, л. 8—10.

ских институтов с 8907 студентами. С каждым годом увеличивалась сеть национальных педагогических учебных заведений и увеличивались выпуски квалифицированных педагогов. В 1938/39 г. в АР и АО было выпущено [1]: а) педучилищами — 6526 учителей, б) педвузами —956 учителей.

Всего по СССР в 1939 г. имелось 411 национальных педучилищ с 116 200 учащимися, 93 пединститута с 54 000 студентов и 42 учительских института с 15 082 студентами.

Во всех указанных педагогических учебных заведениях обучалась армия будущих педагогов нерусских национальностей в количестве 185 290 человек.

Опираясь на всё увеличивающиеся выпуски подготовленных педагогических сил, национальная школа всё больше и больше улучшала свою учебно-воспитательную работу.

Учебно-воспитательная работа.

Учебно-воспитательная работа нерусских школ, начиная с 1931 г., проходит на основе исторического постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе». Это постановление вскрыло недостатки школы и указало пути, по которым должна идти школа в борьбе за «точно очерченный круг систематизированных знаний».

Историческое решение ЦК о школе мобилизовало органы народного образования на борьбу «с коренным недостатком». Оно всколыхнуло национальную общественность, приковав её внимание к вопросам школьного дела.

Из отчётов с мест можно установить, что в результате борьбы за осуществление постановления ЦК ВКП(б) о школе наступило значительное улучшение школьного дела уже с 1932/33 учебного года [2].

Так, например, из отчётов северокавказских республик и областей видно, что здесь «начата перестройка методической работы (организованы районные методбюро, школьные методические секции, развернута работа кустовых объединений) в направлении осуществления дифференцированного руководства школой, усилена инструкторская помощь школе».

В области Коми к 1934 г. успеваемость учащихся начальных школ с 89% поднялась до 93%, посещаемость — с 89% до 91,5% [3] и т. д.

В стремлении улучшить работу проводятся всероссийские методические конференции, а за ними и местные — областные и районные. Всюду обсуждаются вопросы, относящиеся к улучшению школьного дела: вопросы учебных планов, программ, учебников, методов учебной работы.

[1] Архив Министерства просвещения РСФСР, опись 22, 1937, д. № 64, л. 46.

[2] «Бюллетень НКП РСФСР», 1932, № 5, стр. 6.

[3] «К перевыборам Советов», 1934, стр. 44.

В связи с постановлением ЦК о школе учебно-методической секцией нацмен Наркомпроса РСФСР издаются инструктивные указания по составлению программ для национальных школ по родному и русскому языкам. Эти инструктивные указания оказали большую помощь местам при составлении новых программ. До этого времени в ряде национальных республик программ по родному и русскому языку или не было вовсе, или же они составлялись без учёта особенностей этих языков.

Позднее обследованием состояния народного образования в нерусских районах отмечалось наличие таких программ в самых отдалённых уголках автономных республик и областей.

Так, экспедиция Научно-исследовательского педагогического института национальностей (Москва), изучавшая школьное дело в Ойротии, установила, что «все ойротские школы в 1934 г. были снабжены программами, изданными на ойротском языке, и что программы эти были составлены с большим учётом особенностей ойротского языка».

Нерусские школы не были однотипными. Одновременно с четырёхлетними начальными школами существовали школы-пятилетки.

Введение пятилетней начальной школы мотивировалось необходимостью изучения в национальных школах, наряду с родным, второго языка — русского. Поддерживали школу-пятилетку и педагоги, утверждавшие, что нерусские дети нуждаются в бо́льшем времени для прохождения курса начальной школы в силу своей якобы меньшей одарённости.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о структуре начальной и средней школы СССР от 16 мая 1934 г. положило конец типовой пестроте начальных национальных школ. Этим постановлением твёрдо устанавливается для всех народов СССР единый тип начальной школы — школа-четырёхлетка.

В соответствии с этим вырабатываются новые учебные планы для начальных и средних нерусских школ. В дальнейшем эти учебные планы не раз пересматривались и улучшались.

Учебные планы нерусских школ соответствовали учебным планам школ русских, отличаясь лишь наличием в них (наряду с родным) русского языка и вызванного этим различия в количестве годовых учебных часов по другим дисциплинам.

Таким образом, в связи с постановлением ЦК о школе все годы проходят под знаком упорной работы над проведением в жизнь мероприятий, необходимых для улучшения качества учебной работы национальной школы.

Опираясь на эти мероприятия, нерусская школа достигает больших успехов. Улучшается управление и руководство школой. Растёт партийный состав директоров и заведующих школами.

При подборе директоров и заведующих учебной частью школ

обращается самое серьёзное внимание на их общеобразовательную и педагогическую подготовку. Создаются районные методические бюро, педкабинеты, кустовые методические объединения педагогов. Большую помощь учителям оказывает школьная инспектура.

Урок, как основная организационная форма учебной работы, входит в непременный обиход нерусских школ. Также непременным стало проведение учебной работы по определённым планам уроков. Подготовка к уроку и насыщение его дидактическим материалом вступали всё больше и больше в практику учебной работы национального учителя.

В районах устраиваются методические конференции и совещания, на которых школьными инспекторами и опытными учителями делаются доклады по вопросам методики преподавания, учитывается опыт работы лучших учителей районов и т. д.

В самих школах проводят работу поклассные методические объединения и предметные комиссии. В лучших школах устраиваются открытые уроки с последующими их разборами и т. д.

Приведём примеры, показывающие состояние учебно-воспитательной работы школ того времени.

Хаптагайская начальная школа Якутской Автономной республики за 1936/37 учебный год.

Урок стоит в центре внимания всей школьной работы. Планированию урока учителя уделяют очень много времени. Схема урока записывается примерно в следующем виде: а) содержание урока по этапам; б) время в минутах; в) методы и оборудование; г) отметки о выполнении.

Вся организационная подготовка урока проводится своевременно. Письменные принадлежности и исправленнные тетради раздаются учащимся дежурными до урока. Пособия и материалы подбираются уже накануне, а тексты пишутся на доске в перерыв или на листах бумаги при подготовке к уроку.

Большую пользу в освоении методики урока приносит коллективное обсуждение и разбор их учителями. Всё время отмечается большая организованность и высокое качество уроков, даваемых учителями Хаптагайской школы. Уровень знаний учащихся неуклонно растёт с каждым годом [1].

Казанская средняя татарская школа за 1937/38 учебный год.

В школе принимаются все меры к тому, чтобы повысить методическую подготовку преподавателей. Преподаватели родного языка организовали методический кружок.

На методических комиссиях очень часто проводится обсуждение вопросов программного и методического характера, призводственных планов, планов уроков и т. д.

По наиболее волнующим проблемам методики преподавания организуются доклады опытных педагогов.

Много внимания уделяется собиранию и обобщению опыта лучших учителей. Практикуется взаимное посещение уроков. Часто даются открытые уроки, которые обязательно завершаются критическим анализом. Директор школы и завуч посещают уроки преподавателей, особенно молодых, оказывая им нужную помощь. С этой же целью ими систематически проверяется работа учителей и выясняется, как готовятся они к уроку, какова их система проверки тетрадей, система проверки домашних заданий и пр.

Педагоги 12-й татарской школы тщательно готовятся к урокам, стараясь всячески заинтересовать ребят изучаемым предметом, дать им глубокие и основательные знания. Подготовляясь к уроку, преподаватель намечает материал для данного урока, хорошо продумывает его целевую установку, намечает план проведения урока, подготовляет вопросы и выводы, намечает задание на дом. От учащихся требуется 100-процентное выполнение домашних заданий.

В борьбе с отставанием применяются разные методы. Прежде всего, преподаватель изучает причины отставания каждого ученика в отдельности. В зависимости от причины отставания применяются соответствующие меры [1].

Дондырьевская школа Удмуртской Автономной республики за 1940/41 учебный год.

Дондырьевская школа в 1940/41 учебном году дала 100% успеваемость. Дисциплина в школе была отличная. Особое внимание уделялось посещаемости учащихся. Учителя строго следили за выполнением домашних заданий, проявляя разумную требовательность к ученикам. Старые учителя старались передать опыт своей работы молодёжи, в результате чего молодые учителя так же дали 100% успеваемость своих классов.

И так всюду, от Татарии до далёкой Якутии, в результате борьбы «с коренным недостатком» отмечались большие достижения в деле улучшения качества учебно-воспитательной работы школы нерусских народов СССР.

За десятилетие, с 1931 по 1941 г., проведена гигантская работа по укреплению национальной школы. Осуществлением всеобуча удалось уничтожить национальное неравенство в деле народного образования. Это неравенство изживалось не только количественно, но и качественно. Приведённая ниже таблица подтверждает это положение.

[1] Архив Министерства просвещения РСФСР, опись 22, 1938, д. № 7, л. 45—47.

[1] Архив Министерства просвещения, опись 6, 1937, д. № 58, л. 38.

Результаты учебной работы начальных школ союзных республик за 1937/38 учебный год
(в среднем по всем классам в %%)[1]

Союзные республики	Из числа учеников, учившихся до конца уч. года		
	Переведено в следующ. класс или окончило	Оставлено на повтор. курс	Учащиеся, вопрос о которых оставлен до осени
РСФСР	85,2	7,8	7,0
Туркменская ССР	86,2	11,1	2,7
Узбекская »	84,7	11,9	3,4
Казахская »	86,4	8,0	5,6

Таблица даёт хотя и общие, но достаточно показательные данные, свидетельствующие о качественных достижениях национальной школы самых в недавнем прошлом отсталых в культурном отношении народов.

Успеваемость учащихся нерусских школ улучшалась с каждым годом, что видно из следующей таблицы, относящейся к нескольким Автономным Республикам РСФСР (в %%).

Успеваемость[2]

	1938/39 уч. год	1939/40 уч. год	1940/41 уч. год
Чувашская АССР	88,5	88,62	89,2
Мордовская »	83,2	86,1	н. св.
Татарская »	н. св.	74,9	77,1
Бурят-Монгольская АССР	80,3	82,3	82,6
Коми АССР	н. св.	78,1	79,3

О повышении качества учебной работы нерусских школ можно также видеть из данных о количестве учащихся, выдержавших осенние испытания в 1938/39 учебном году.

Количество учащихся, выдержавших испытания, в %% к количеству учащихся, назначенных к испытаниям[3]. (См. таблицу на стр. 309.)

Таблица свидетельствует о значительном увеличении процента выдержавших осенние испытания в 1939/40 учебном году по сравнению с 1938/39 учебным годом. Особенно резкое увеличение давали школы Чувашии.

[1] «Культурное строительство СССР», Госпланиздат, 1940, стр. 79—83.
[2] Данные Отдела статистики Министерства просвещения РСФСР.
[3] Там же.

	Начальные школы		Неполные средние школы		Средние школы	
	1938/39 уч. год	1939/40 уч. год	1938/39 уч. год	1939/40 уч. год	1938/39 уч. год	1939/40 уч. год
Башкирская	49,9	40,8	50,1	51,1	61,7	64,8
Марийская	55,3	62,9	50,2	56	58,1	65,4
Мордовская	54,5	52,2	53,8	54,6	61,6	66,8
Татарская	52,9	53,5	43	37,2	59,6	65,3
Удмуртская	48	59,4	53,4	54,2	55,3	63,5
Чувашская	57,3	87,6	46,5	78,7	66	94,4
Средний %	53	61	49,5	55,3	60,4	70
Средний процент по РСФСР:	47,5	46,9	44,8	46,9	58,6	62,2

Интересно, что средние проценты выдержавших осенние испытания по нерусским школам выше средних процентов по РСФСР.

Передовые АССР по успеваемости своих школ шли наравне с передовыми областями РСФСР:

В Чувашской АССР за 1939/40 учебный год 8,6% школ не имели второгодников и 24% учеников школ являлись отличниками.

В республике имелось 45 начальных и 5 средних школ, где не было ни одного неуспевающего ученика[1].

Нерусские школы имели значительные достижения в деле преподавания родного языка. Однако, надо отметить, что состояние преподавания этого предмета в школах республик не было одинаковым. Оно было лучше в школах финно-угорских народов и слабее в школах народов Севера и в школах некоторых тюркских народов, а также народов монгольских.

Во многих школах этих народов учащиеся слабо владели техникой чтения. Последнее проводилось монотонно, с многократным повторением одних и тех же слов и без соблюдения знаков препинания. В письменных работах школьников отмечалось значительное количество ошибок. Отставание в преподавании родного языка зависело от двух главных причин: слабой квалификации учителей и недостаточной изученности языков. Однако и у этих народов немало было школ, которые благодаря наличию хороших учителей имели значительные достижения в преподавании родного языка. В общем же национальные республики имели неуклонный рост в деле улучшения преподавания этого предмета.

В школах Арского района Татарской АССР в 1934 г. учащиеся четвёртых классов делали в среднем по 27 ошибок на

[1] Отчёт Наркомпроса Чувашской АССР за 1939/40 учебный год.

105 слов; в 1935 г. количество ошибок снизилось до 15. В 1936 г. на то же количество слов дети делали 12 ошибок и в 1937 г. — 6,3 ошибки.

В неполных средних школах в 1935 г. дети того же района на 110 слов делали в среднем по 14 ошибок. В 1936 г. среднее количество ошибок упало до 10, и в 1937 г. — до 5,6.

Большое значение для улучшения качества преподавания родного языка имел перевод национальной письменности большинства нерусских народов СССР на русский алфавит.

Обследование показало, что учащиеся при наличии латинского алфавита смешивали этот последний с русским алфавитом. Русская буква «в» путалась с латинским «б», русская «с» с латинским «с» и т. д.

В 1939/40 учебном году у ряда республик имелись сравнительно высокие показатели успеваемости школ по родному языку.

Особенно высокую успеваемость имели школы Чувашской АССР, о чём свидетельствуют следующие данные [1].

Классы	1937/38 уч. год		1938/39 уч. год		1939/40 уч. год	
	устно	письменно	устно	письменно	устно	письменно
I класс	—	—	97,9	98,1	96,2	97,3
IV класс	—	—	97,7	95,3	96,1	94,4
V класс	—	—	94,1	89,1	95,3	95,8
	91,2	87,8	96,6	94,1	95,87	95,83
Средний общий % успеваемости . .	89,5		95,35		95,85	

Из таблицы виден рост успеваемости чувашских школ в 1938/39 учебном году и 1939/40 учебном году по сравнению с 1937/38 учебным годом. Разрыв в успеваемости между знанием языка и навыками письма, имевший место в первые два года, изживается полностью в 1939/40 учебном году, что свидетельствует об умении учащихся применять грамматические знания в письме.

В мордовских школах средняя успеваемость по родному языку в 1940/41 учебном году равнялась 94,1%. Было немало школ, где эта успеваемость достигала 100%. Так, Аловская средняя школа дала 100% успеваемости по родному языку. Такую же успеваемость имела Лабасковская средняя школа и другие.

Успехи в преподавании родного языка обеспечили коренизацию почти всех начальных нерусских школ (за исключением школ народов Севера) и у ряда народов — неполных средних школ.

[1] Из отчёта Наркомпроса Чувашской АССР за 1939/40 учебный год.

Достижения в преподавании родного языка способствовали повышению качества учебной работы в нерусских школах.

Преподаванию русского языка в нерусских школах всегда придавалось огромное значение. Русский язык — язык великого братского русского народа, язык русской культуры, язык трудов Ленина и Сталина. Знание русского языка является необходимой предпосылкой для возможности обучения в некоренизованных классах школ, а также в техникумах и вузах. Однако преподавание русского языка во многих нерусских школах долгое время не стояло на должной высоте, что зависело прежде всего от недостаточного знания этого языка самими учителями. Орфографическая грамотность учащихся являлась слабой. Многие из них по выходе из школы плохо владели русской разговорной речью. Успеваемость по русскому языку обыкновенно была ниже, чем по другим предметам. В ряде школ русский язык не преподавался вовсе. В соответствии с просьбой общественных, государственных и политических организаций национальных республик и областей и учитывая особую важность вопроса, СНК СССР и ЦК ВКП(б) 13 марта 1938 г. вынесли решение об обязательном изучении русского языка в школах нацреспублик и областей.

В решении точно определены те задачи, которыми диктуется необходимость преподавания русского языка в школах национальностей, полно определён также тот объём знаний по русскому языку, какой должны давать начальные и неполные средние нерусские школы.

В связи с указанным решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. Наркомпросами автономных республик осуществляется массовая подготовка преподавателей русского языка для нерусских начальных и средних школ.

Наряду с этим наркомпросами были переработаны и изданы программы по русскому языку для школ национальностей.

Основным требованием новых программ по русскому языку являлось требование научить детей русской разговорной речи. Именно поэтому программами предусматривались проведение разговорных уроков ещё в добукварный период и продолжение их в течение всех последующих годов обучения.

Далее, в связи с решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) переработаны и изданы новые учебники по русскому языку.

В 1940 г. состоялось специальное совещание наркомов просвещения АССР по вопросу о ходе выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. Совещание выработало план практических мероприятий по улучшению преподавания русского языка.

В 1941 г. Научно-исследовательским институтом школ издано методическое письмо «О преподавании русского языка в нерусских школах». В письме подытожен и научно обобщён положительный опыт этого преподавания. В письме указывается на це-

лесообразность применения при изучении русского языка комбинированного метода преподавания, включающего в себе так называемые натуральный и переводный методы. Основные черты этого метода определялись следующим образом:

1. Все занятия на уроках русского языка ведутся не на родном, а на русском языке.
2. В основу первоначального обучения кладётся устная речь.
3. Строго соблюдается постепенность введения нового материала на основе возрастающей его трудности.
4. Широко применяются наглядные пособия. Во всех нужных случаях прибегают к помощи родного языка.

Перевод национальных письменностей на новый русский алфавит значительно облегчил школьникам изучение русского языка. Устранялась путаница, имевшая место в нерусских школах в связи с существованием двух графических основ — латинской и русской, и сокращалось время учащихся при изучении одного вместо двух алфавитов.

Все указанные мероприятия оказывали большое влияние на улучшение качества преподавания русского языка в национальных школах.

Встречалось всё больше и больше нерусских школ, где преподавание русского языка было поставлено уже образцово.

Так, во многих школах Мордовской Автономной Социалистической Республики учителя весьма тщательно готовились к своим занятиям, уроки строили содержательно и интересно, с широким применением дидактических материалов. Большое внимание уделялось изучению и усвоению грамматических правил и применению их в письменной и устной речи. На уроках чистописания велась упорная работа за чистое и красивое письмо. Тетради учащихся систематически проверялись. Проводились анализ, классификация и объяснение ошибок.

Осуществлялась большая работа по развитию письменной и устной речи учащихся, что достигалось применением следующих методов преподавания:

1) пересказов прочитанных статей;
2) художественного чтения и заучивания;
3) составления характеристик;
4) бесед по картинкам;
5) сочинений и других видов работ.

Средняя успеваемость по русскому языку в мордовских школах поднялась с 83,2% в 1938/39 учебном году до 86,1% в 1939/40 учебном году.

Мордовским массовым школам ещё надлежало много поработать для повышения успеваемости учащихся по русскому языку.

В лучших школах Бурят-Монгольской АССР на преподавание русского языка обращалось большое внимание. В этих школах проводилась последовательная и систематическая проработка

программных материалов, существовал точный орфографический режим, изучались ошибки и проч. [1].

В 1940/41 учебном году средняя успеваемость учащихся Бурят-монгольских школ по русскому языку равнялась 82,7%. Процент, как видим, ещё далеко неудовлетворительный. У учителей массовых школ наблюдалось однообразие методов преподавания. Мало обращалось внимания на развитие устной речи учащихся. Имел место отрыв грамматических знаний от навыков в письме, и пр.

В школах далёкой Чукотии на уроках русского языка основное внимание обращалось на развитие устной и письменной речи учащихся, и в этом отношении в 1939/40 учебном году учащиеся достигли определённых успехов.

Ученики седьмых классов довольно свободно излагали биографии Пушкина, Некрасова и др. писателей-классиков, писали характеристики действующих лиц комедии Гоголя «Ревизор». Значительно обогатилась и развилась устная речь школьников.

У большинства учащихся при поступлении в неполную среднюю школу-интернат активный запас слов был невелик. Организация литературных утренников, вечеров и драмкружков много помогла им в смысле обогащения их словаря и развития культуры речи. Перед школами стояла задача борьбы за дальнейшее улучшение успеваемости по русскому языку.

В Чувашской АССР в деле преподавания русского языка и литературы значительное количество учителей добилось отличных успехов. Знания учащихся стали более прочными.

По проведённым в декабре 1939 г. контрольным работам ряд чувашских школ дал 90—100% успеваемости.

Об успехах чувашских школ в деле преподавания русского языка свидетельствуют нижеследующие цифры об успеваемости чувашских школьников по русскому языку за 1938/39 и 1939/40 учебные годы.

Успеваемость по русскому языку в чувашских школах в %% [2].

Классы	1938/39 уч. год			1939/40 уч. год		
	Устно			Устно		
	Отлично и хорошо	Плохо и очень плохо	% успеваемости	Отлично и хорошо	Плохо и очень плохо	% успеваемости
II	50	4	96	50	3,7	96
IV	46,5	9	91	44	6	94
VII	47	5,3	94,7	44,3	5	95
X	37,7	1,4	98,6	56,5	0,5	99,5
	Средний %		95,1	Средний %		96,1

[1] Архив Министерства просвещения, опись 6, 1937, д. № 62.
[2] Материалы Отдела статистики Министерства просвещения РСФСР.

Успеваемость по русскому языку в чувашских школах в %%.

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
		Письменно			Письменно	
II	49	3,5	96,5	49	3,7	96,3
IV	45,4	11,2	88,8	41	7,8	92,2
VII	28,8	10,3	89,7	35,8	10,9	89,1
X	37,8	4,8	95,2	36,7	2,2	97,8
	Средний %		92,5	Средний %		93,9

Приведённые цифры указывают на высокий процент успеваемости по русскому языку и на рост успеваемости. Вместе с тем из цифр видно, что у школьников нет значительного разрыва между грамматическими знаниями и умением применять эти знания в письме.

Борьба за безупречную грамотность учащихся всегда была важнейшей задачей чувашского учительства, но после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. её реализация приняла небывалый размах. Из узко методической, которую решали лишь преподаватели языка и литературы, она стала задачей общепедагогической, делом всего педагогического коллектива в каждой школе.

Изучалась работа школ по литературному чтению и русской литературе. Проводившаяся в 1940 г. республиканская научно-педагогическая конференция показала, что многие учителя чувашских школ упорно работают над обобщением своего опыта и изучением отдельных вопросов методики преподавания школьных предметов, особенно русского языка в школах [1].

Значительные успехи в преподавании русского языка имелись в 1940/41 учебном году в школах Коми АССР, что видно из следующей таблицы [2].

Типы школ	Устно	Письменно	Общий %
Начальные школы	91,5	90	90,75
Неполные средние школы	90,8	86,4	88,6
Средние школы	96,3	92,3	94,3
Средний % . .	—	—	91,22

[1] Отчёт Наркомпроса Чувашской АССР за 1940/41 учебный год.
[2] Отчёт Наркомпроса Коми АССР за 1940/41 учебный год.

Также сравнительно хорошую успеваемость по русскому языку в 1940/41 учебном году имели марийские школы (в %%) [1].

Начальные школы	94,9
Неполные средние школы	87,4
Средние школы	94,6
Средний % . . .	92,3

Зато в школах Татарской АССР успеваемость учащихся по русскому языку в 1940/41 г. составляла только 63,7%. Примерно в таком же положении находились школы северокавказских народов, а также казахов, киргизов, узбеков и других восточных народов.

Однако и у этих народов было немало школ, в которых русский язык преподавался образцово.

Так нерусская школа, опираясь на постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г., осуществляла задачу обучения каждого жителя России великому русскому языку, языку Ленина и Сталина.

В связи с улучшением учебной работы нерусских школ улучшилась и воспитательная работа в них.

Приведём для примера опыт воспитательной работы Хаптагайской якутской школы за повышение культурности учащихся.

«Задачи, которые ставила перед собой школа в области воспитания навыков культурности, были разбиты на следующие группы: 1) навыки личного поведения; 2) навыки общественности; 3) санитарно-гигиенические навыки; 4) культура труда».

Школа добилась следующих результатов: «Учащиеся привыкли каждое утро при первой встрече приветствовать не только педагогов, но и своих товарищей. К педагогам и техническим работникам школы они стали обращаться по имени и отчеству...».

«Школе удалось выработать бережное отношение учащихся к общественной собственности. Об этом свидетельствует повседневное поведение учащихся и их реакция на отдельные случаи отрицательного характера. Каждая неосторожная царапина на верстаке, надпись на парте становятся предметом общего внимания и порицания. Каждая поломка какой-либо школьной вещи, порча книги и т. д., совершённые хотя бы по неосторожности, воспринимаются, как тягчайшее нарушение...» [2].

Такие задачи в деле воспитания были поставлены и реализовались в одной из школ далёкой Якутии в 1937/38 учебном году. Все школы стремились воспитать беспредельно преданных своей родине патриотов, инициативных и стойких строителей коммунистического общества. Когда в 1937/38 учебном году спросили

[1] Отчёт Наркомпроса Марийской АССР за 1940/41 учебный год.
[2] Архив Министерства просвещения РСФСР, опись 22, 1938, д. 22, л. 7.

учащихся-отличников IV классов М. Тургинской марийской школы, кем они желают стать после окончания учения, дети дали следующие ответы: 9 мальчиков выразили желание служить социалистической родине в качестве лётчиков. Один из таких желающих писал: «Далеко полечу, как Молоков, в Арктику. Полечу сквозь туман, прорезая воздух». Другой также выразил желание изучать новые пути для полётов. Третий стремился «изучить весь земной шар». «Буду помогать республиканской Испании в её борьбе с фашистами», — писал он. 7 учащихся пожелали быть инженерами (в том числе 4 девочки), 2 — техниками. Один из мальчиков хотел быть капитаном корабля, изучать морские пути — плавать по Японскому и Охотскому морям, по Берингову проливу. 7 детей (в том числе 5 девочек) желали оставаться в своих колхозах в качестве трактористов. Три девочки стремились стать учительницами — «учить грамоте советских детей». Одна девочка хотела быть врачом и этим служить советскому государству [1].

Героический дух советской страны, необыкновенные подвиги её сынов широкой волной вливаются в школу и дают благодарнейший материал для коммунистического воспитания детей народов СССР.

После постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. о школе в национальных республиках широкое распространение получили внешкольные мероприятия: технические станции, экскурсионно-туристические базы, детские клубы, дома пионеров, кино, театры, дома художественного воспитания, детские парки культуры и отдыха.

Широко развёртываются оздоровительные мероприятия: детские санатории, дома отдыха, детские лыжные станции и пр.

Нерусские школы при участии детских организаций проводили большую общеполезную работу, в частности, работу по привитию санитарно-гигиенических навыков населению.

В осуществлении всеобуча нерусские народы догнали ушедшую вперёд в культурном отношении центральную Россию. Но это было достижение количественное.

Необходимо было поднять значительно выше и качество учебно-воспитательной работы нерусских школ.

ВЫВОДЫ

В период с 1930 по 1941 г. советская школа, под руководством большевистской партии и советского правительства, развивалась и крепла.

Были преодолены отдельные извращения в учебно-воспитательной работе, разгромлена лженаука педология;

[1] Архив Министерства просвещения, опись 6, 1937, д. № 59, л. 85.

советская школа и педагогическая наука двигались гигантскими шагами вперёд.

В 1930 году на XVI съезде ВКП(б) товарищ Сталин сказал, что: «главное теперь — перейти на обязательное первоначальное обучение. Я говорю «главное», так как такой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции» (XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчёт, 2 изд., стр. 35).

И всеобщее первоначальное обучение по указанию товарища Сталина было реализовано во всей стране.

Партия, призвав на борьбу с шовинизмом и национализмом, обеспечила успешное проведение ленинско-сталинской национальной политики, развитие социалистической по содержанию и национальной по форме культуры народов СССР. Строительство школы нерусских народов СССР быстро шло вперёд.

Школу подняло на новую ступень историческое постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. Со времени этого постановления начинается дальнейшая последовательная перестройка всей работы советской школы, последовательная борьба за улучшение её учебно-воспитательной работы в направлении тех требований, которые предъявляют к школе партия и правительство в этот период.

Перед школой стояла задача ликвидировать «коренной недостаток» в своей работе, указанный ЦК ВКП(б). Этот недостаток заключался в том, что обучение в школе не давало в это время ещё достаточного объёма общеобразовательных знаний. Школа неудовлетворительно подготавливала вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук для поступления в техникумы и высшие учебные заведения, не в достаточной мере увязывала теорию с практикой. ЦК ВКП(б) потребовал систематического и прочного усвоения наук на основе разработанных программ и учебных планов.

ЦК ВКП(б) предложил развернуть решительную борьбу против легкомысленного методического прожектёрства, осудил глупую антиленинскую теорию «отмирания школы», так называемый «метод проектов», которые вели фактически к разрушению школы.

Были созданы новые учебные планы и программы.

ЦК ВКП(б) подчеркнул особую важность усиления воспитательной работы в школе и борьбы «против всяких попыток привить детям советской школы элементы антипролетарской идеологии».

Роль учителя была поднята.

В своём последующем постановлении от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и

средней школе» ЦК ВКП(б) указал, что «основной формой организации учебной работы в начальной и средней школе должен являться урок с данной группой учащихся со строго определённым расписанием занятий и твёрдым составом учащихся».

Одновременно ЦК ВКП(б) обратил большое внимание на улучшение воспитательной работы и борьбу за сознательную дисциплину. В результате в советской школе повысилась успеваемость, выросли знания учащихся, улучшилась дисциплина.

На XVII съезде ВКП(б) (1934 г.) товарищ Сталин привёл данные о гигантских достижениях на культурном фронте в СССР: введение всеобщего обязательного начального обучения и рост грамотности населения с 67% в 1930 г., до 90% в конце 1933 года, рост числа учащихся в школах всех ступеней с 14 358 000 в 1929 г. до 26 419 000 в 1933 г. и ряд других столь же исключительных достижений.

В декабре 1936 г. была принята Сталинская Конституция, которая подвела итоги уже достигнутым успехам в области просвещения в СССР и провозгласила право граждан нашей страны на образование.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» советская школа была освобождена от реакционной лженауки педологии.

В связи с выполнением сталинских пятилеток, с общим подъёмом культуры страны социализма развернулась интенсивная борьба за дальнейшее улучшение учебно-воспитательной работы в школе.

В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин в своём отчётном докладе отметил, что для Советского Союза «...эти годы были годами его роста и процветания, годами дальнейшего его экономического и культурного подъёма, годами дальнейшего роста его политической и военной мощи, годами его борьбы за сохранение мира во всём мире». (Стенографический отчёт XVIII съезда ВКП(б), М. 1938, стр. 8).

Отчётный период, по выражению товарища Сталина, был «поистине периодом культурной революции». В основном было осуществлено всеобщее первоначальное обучение на языках национальностей СССР, число учащихся в школах всех ступеней поднялось в 1938/39 г. до 33 965 тыс. человек.

Сложилась новая советская интеллигенция.

«Я думаю, — говорил товарищ Сталин, — что нарождение этой новой, народной, социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране» (Там же, стр. 25).

Третий пятилетний план наметил гигантскую программу культурного строительства.

Перед школой были выдвинуты новые задачи, как в области учебной, так и в особенности воспитательной работы. Предположено было осуществление всеобщего среднего обучения в городе и завершение семилетнего обучения в деревне и во всех национальных республиках.

Характеризуя основную задачу пятилетнего плана в области культуры, товарищ Молотов сказал: «этот план имеет одну основную задачу — осуществить крупный шаг вперёд в историческом деле поднятия культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда» (Там же, стр. 311)

В целях осуществления решений XVIII съезда ВКП(б) Наркомпрос РСФСР приступил к огромной работе по рационализации школьной сети, по завершению всеобщего обязательного обучения, по укреплению учебно-воспитательной работы школы.

Но 22 июня 1941 года на СССР вероломно напала гитлеровская Германия.

Весь народ по призыву товарища Сталина встал на защиту своей социалистической родины.

Почётное место в борьбе за победу над обнаглевшим врагом заняла и советская школа.

Очерк V

Советская школа в годы Великой Отечественной войны

На нашу Великую Родину 22 июня 1941 г. по-бандитски напала гитлеровская Германия.

Великий вождь товарищ Сталин призвал к беспощадной борьбе с кровавыми захватчиками. Он указал нам, что «мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, всё подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага». Он призвал нас: «организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение её рядов, обеспечить её снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым»... Он говорил нам, что «мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулемётов, орудий, патронов, снарядов, самолётов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону...». Он указывал нам, что «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникёрами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всём этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам» [1].

Объятые могучим патриотическим подъёмом, по слову товарища Сталина тысячи учителей, научных работников и студентов ушли в народное ополчение, в Красную Армию, в партизанские отряды. Тысячи работников просвещения, сменив перо и книги на винтовку, стали громить полчища коварного врага.

Обстановка невиданной в истории мировой войны не могла, конечно, не сказаться на поступательном ходе развития советского народного образования и на деятельности самой школы. Ведь, как разъяснял товарищ Сталин, «война значительно сократила, а в некоторых областях прекратила вовсе нашу мирную строительную работу. Она заставила перестроить всю нашу работу на военный лад. Она превратила нашу страну в единый и всеобъемлющий тыл, обслуживающий фронт, обслуживающий нашу Красную Армию, наш Военно-Морской Флот.

Период мирного строительства кончился. Начался период освободительной войны с немецкими захватчиками» [1].

Но дело подъёма культуры и просвещения — великое дело социалистического отечества. Оно было предметом повседневной заботы товарища Сталина, партии и правительства и в наиболее трудные военные годы.

Только благодаря этим заботам наша школа не только выдержала тяжёлые испытания военных лет, но и двигалась вперёд: укреплялась её учебно-воспитательная работа, улучшалось материальное положение учительства; в военный же год был создан центр научно-педагогической мысли — Академия педагогических наук РСФСР.

Товарищ Сталин, партия, правительство и весь народ знали, что «дело наше правое — победа за нами».

Первый учебный год в военной обстановке

Общие условия работы школы в 1941/1942 учебном году

Военная обстановка в стране, естественно, отразилась на работе школы в 1941/42 учебном году. Для народов СССР, вступивших в грозную борьбу с фашистскими варварами, этот год явился годом усиленной мобилизации материальных и людских ресурсов страны, годом огромного напряжения сил и способностей народа по организации отпора обнаглевшему врагу.

Страна перестраивалась на военный лад. «В результате всей этой сложной организаторской и строительной работы, — говорил товарищ Сталин в своём докладе 6 ноября 1942 г., — преобразились не только наша страна, но и сами люди в тылу. Люди стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по-военному, стали сознавать свой долг перед Родиной и перед её защитниками на фронте — перед Красной Армией. Ротозеев и разгильдяев, лишённых чувства гражданского долга, становится в тылу всё меньше и меньше. Организованных и дисциплинированных людей, исполненных чувства гражданского долга, становится всё больше и больше.

Но истекший год является, как я уже говорил, не только годом мирного строительства. Он является вместе с тем годом

[1] И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, V изд., 1947, стр. 15.

[1] И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, V изд., 1947, стр. 18—19.

21 Заказ № 619

важнейшей проблемой научного исследования по педагогике, школа на практике реализует идейно-политическое воспитание нашей молодёжи.

Прошедшая недавно философская дискуссия ещё более заострила внимание учительства на вопросах методологии, мобилизовала его силы на ещё более глубокое и творческое овладение марксизмом-ленинизмом, на решительную борьбу с низкопоклонством и раболепием перед буржуазной лже-наукой.

Перед советской школой и советской педагогической наукой открывается в свете задач, выдвинутых философской дискуссией, широкий путь движения вперёд.

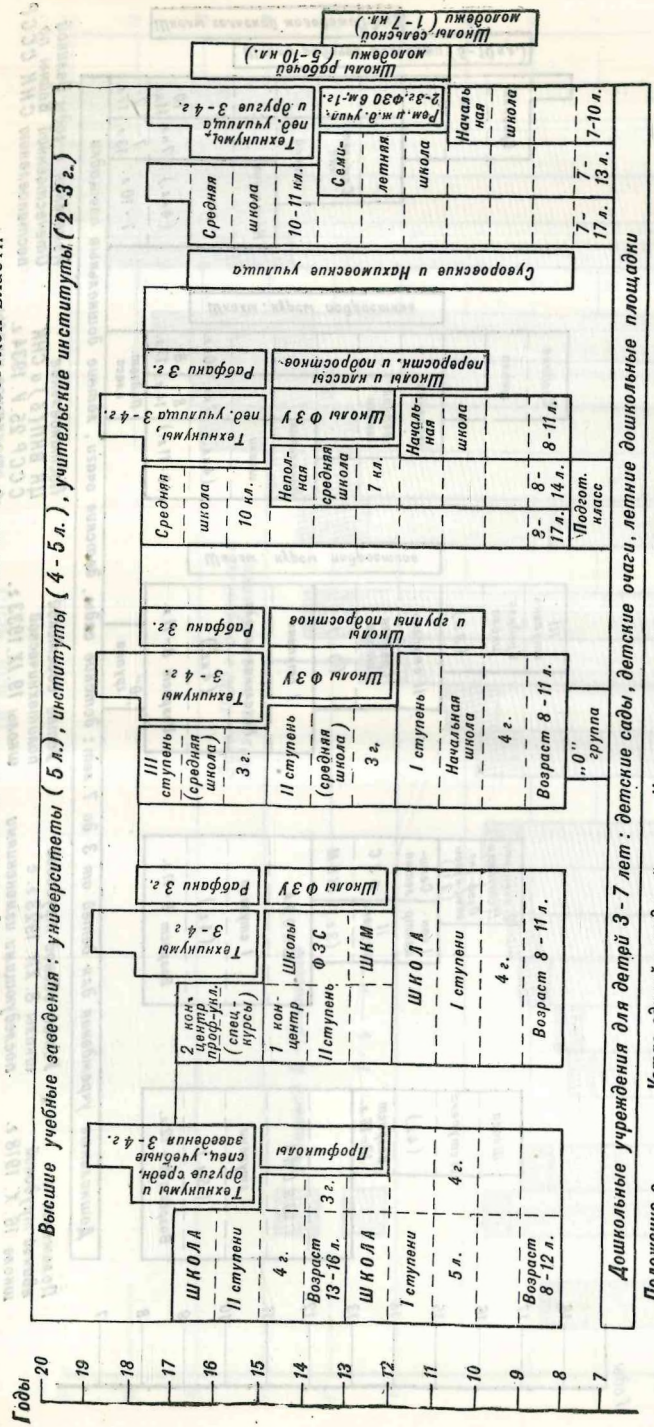
Советская школа, руководимая партией Ленина—Сталина, прошла грандиозный путь развития. В советской школе воспитан новый человек, строитель коммунистического общества.

«Следует признать, — говорил тов. Молотов на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 г. — что важнейшим завоеванием революции является новый духовный облик и идейный рост советских людей, как советских патриотов.

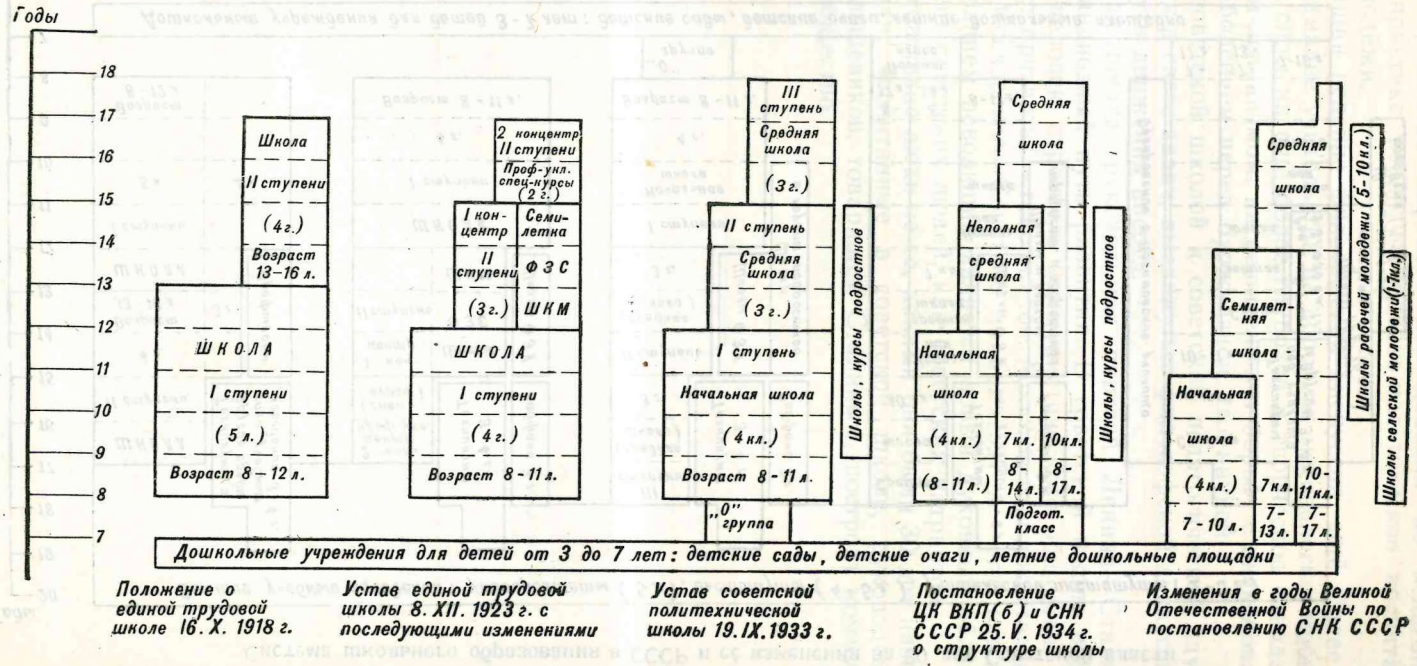
Теперь советские люди не те, какими они были 30 лет назад».

Эти люди, воспитанные в советской школе, руководимые партией большевиков, товарищем Сталиным, построят коммунистическое общество.

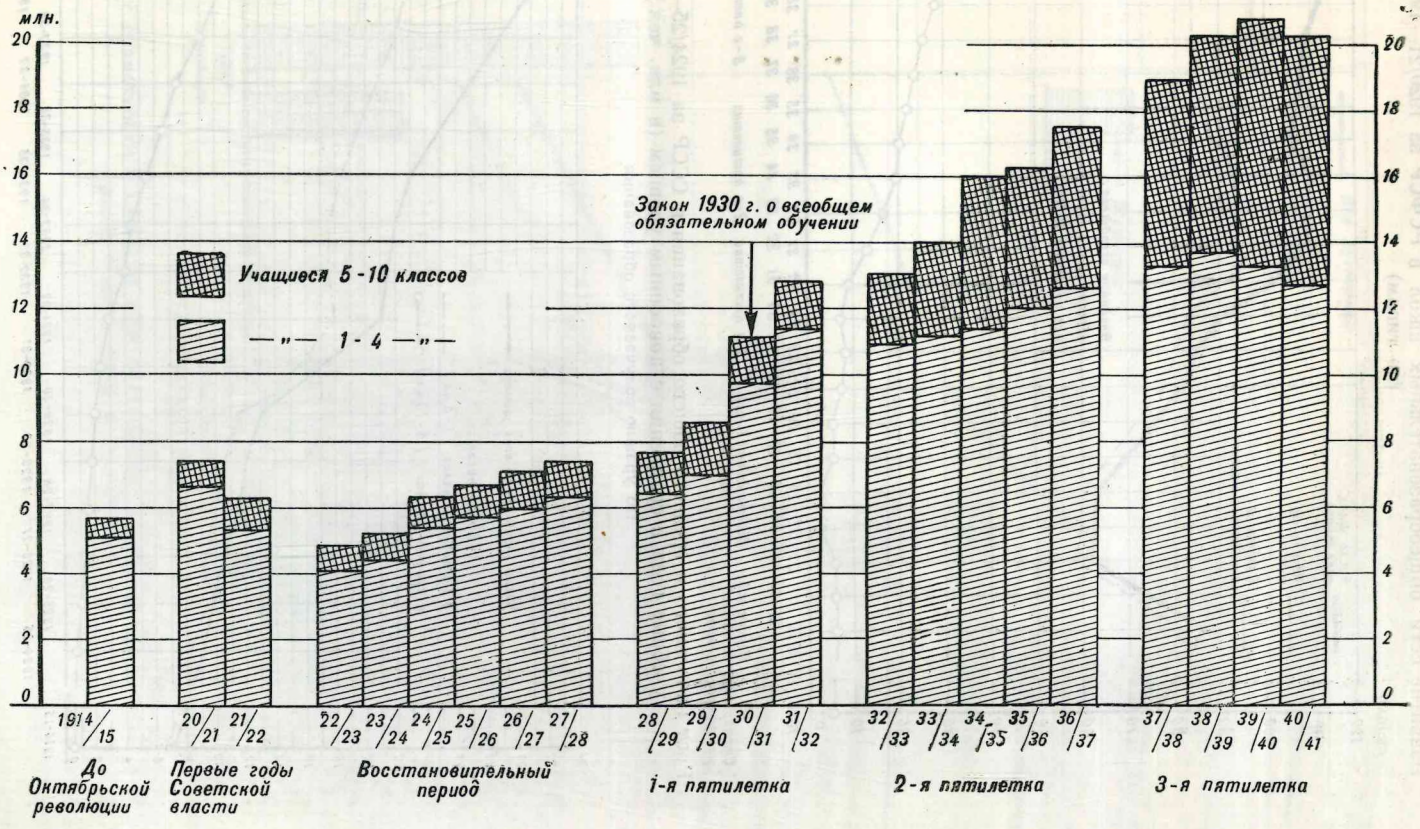
Система школьного образования в СССР и её изменения за 30 лет Советской власти



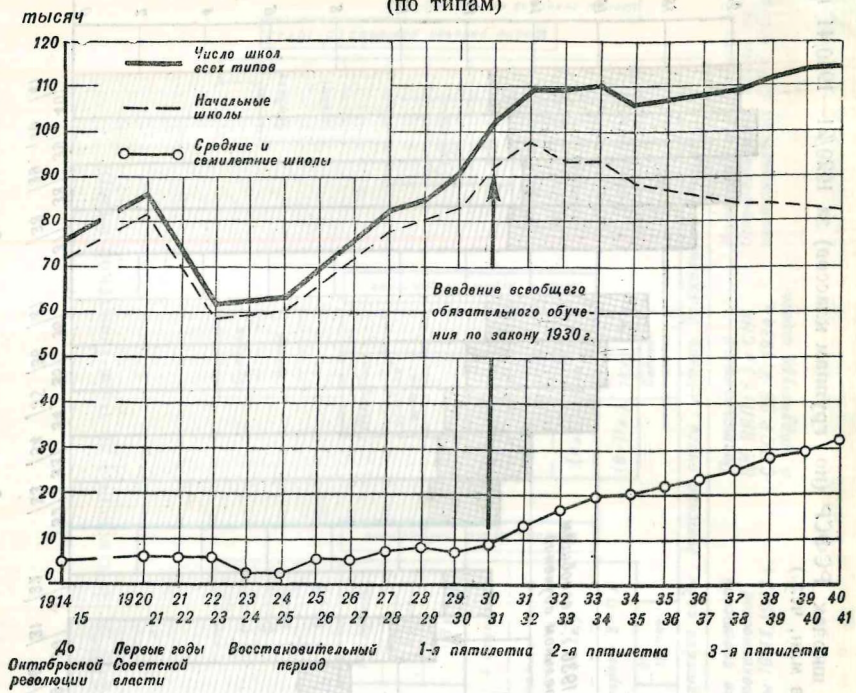
Структура общеобразовательной школы в РСФСР и её изменения за годы Советской власти



Рост числа учащихся в начальных, семилетних и средних школах РСФСР (по группам классов) за 1920/21—1940/41 гг. (в млн. чел.)

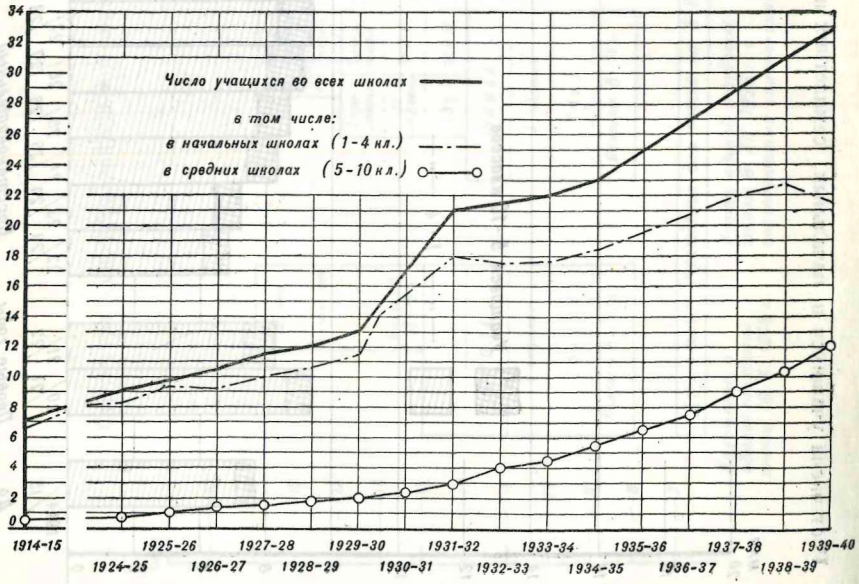


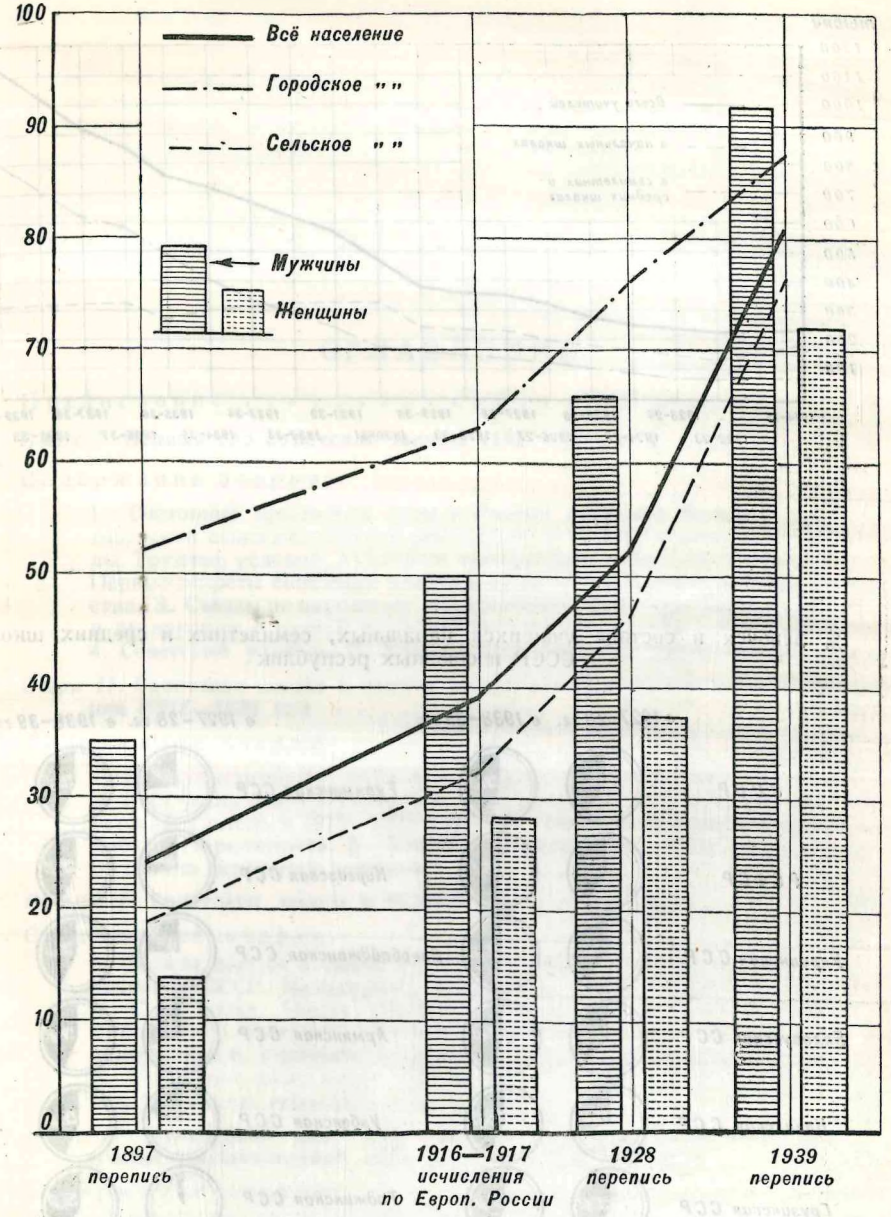
Развитие сети общеобразовательных школ в РСФСР за 1920/21—1940/41 гг. (по типам)



Рост начального и среднего общего образования в СССР за 1924/25—1939/40 учебные года в сравнении с довоенным уровнем (в млн. чел.)

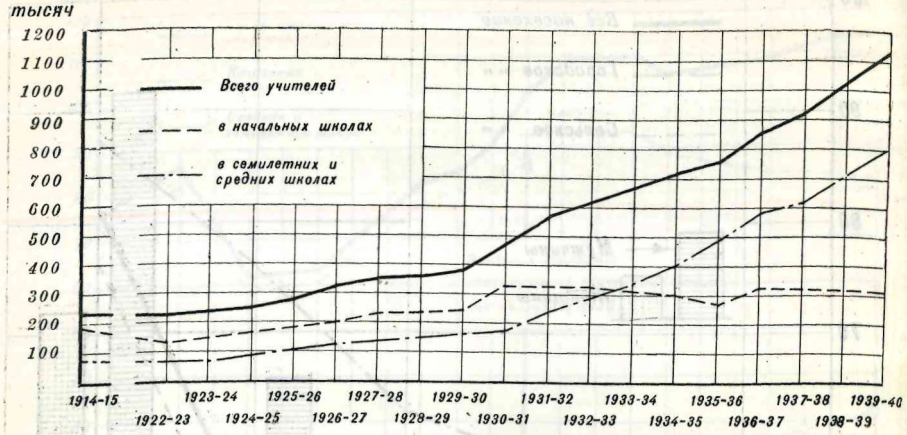
По уровню получаемого образования





Рост грамотности в СССР (к 1939 г.) и в дореволюционной России в возрасте 9 лет и старше (в процентах)

[Рост числа учителей в СССР 1922—1940 гг.



% девочек в составе учащихся начальных, семилетних и средних школ СССР и союзных республик

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Очерк 1. **Первый год советской школы (1917—1918 гг.)** 5

Содержание очерка:

1. Состояние школьного дела в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. 2. Задачи советской школы. Трудные условия, в которых происходила перестройка школы. Первые декреты советской власти в области школьного строительства. 3. Съезды по народному образованию 1918 года. Положение и декларация о единой трудовой школе от 16 октября 1918 года. 4. Советский учитель. 5. Учебно-воспитательная работа школы.

Очерк II. **Советская школа в период гражданской войны и интервенции (1918—1920 гг.)** 44

Содержание очерка:

1. Коммунистическая партия о задачах и перестройке школы. 2. Рост числа школ и учащихся. Материальная база школ. 3. Советский учитель в 1918—1920 годах. 4. Программно-методическая работа Наркомпроса. 5. Учебно-воспитательная работа школ. 6. Школа нерусских народов . . . . . .

Очерк III. **Советская школа в РСФСР в 1921—1929 годах** 92

Содержание очерка:

1. Задачи школы в связи с экономическим и политическим состоянием СССР. Культурная революция. 2. Школьная система. 3. Сеть школ. Число учащихся. Материальная база школы. 4. Советское учительство — опора советского строя. 5. Школьные программы. 6. Учебники. 7. Организация учебной работы школы. 8. Учебно-воспитательная работа. 9. Опытно-показательные школы. 10. Школа нерусских народов. . . . . .

Очерк IV. **Культурный рост советской страны и борьба за качество учебно-воспитательной работы школ (1930—1941 гг.)** 192

Содержание очерка:

1. Задачи советской школы. 2. Школьная система. 3. Сеть, материальная база школы и школьное строительство. 4. Учебно-воспитательная работа школы. 5. Учитель. 6. Развитие нерусской школы. Борьба за всеобщее обучение, его расширение и укрепление. Национальный учебник. Педагогические кадры, их подготовка и переподготовка. Учебно-воспитательная работа . . . .

Очерк V. **Советская школа в годы Великой Отечественной войны** . . . 320

Содержание очерка:

Вступление. Первый учебный год в военной обстановке. Второй учебный год в военной обстановке (1942—1943 учебный год). Советская школа в третий учебный военный год (1943—1944 учебный год). Советская школа в последний военный год (1944—1945 учебный год) . . . . . .

Очерк VI. **Первый послевоенный учебный год и пути развития советской школы** 453

Приложения 465

Примечание. Первый второй и третий очерки написаны проф. Е. Н. Медынским, четвёртый, пятый и шестой очерки написаны проф. Н. А. Константиновым.

БИБЛИОТЕКА ПРОФЕССОРА Н. Е. ЖУРАВСКОГО

Редактор *Н. И. Алпатов* и *Н. Н. Разумовский*.
Техн. редактор *Н. П. Цирульницкий*.

Подписано к печати 19/VII 1948 г. А 06822. Тираж 20 тыс. экз. Печатных листов 29½. Учётно-издат. листов 31,61. В 1 печ. листе 43 тыс. тип. знаков. Зак. 619.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
67	20—18 сн.	Следует читать: о слиянии в младших классах начальной школы всех учебных предметов в «детскую энциклопедию» отступающими от предметной системы, что несомненно...» и далее по тексту.	
161	18 св.	педагогами	педологами
275	25 св.	в II классе	в III классе
344	19 сн.	школ	школе
449	18 св.	поверхностность формализм	поверхностность, формализм

Зак. 619